

3

ADRIAN BOLLING

© HIS MASTER'S VOICE

СОБРАНИЕ ВОЛЬФА.

РУССКІЕ БЕЛЛЕТРИСТЫ.

СОЧИНЕНІЯ

А. Ѳ. ПИСЕМСКАГО.

ТОМЪ XVII.

INSTYTUT
BADAŃ LITERACKICH PAN
BIBLIOTEKA
00-330 Warszawa, ul. Nowy Świat 77
Tel. 26-68-63

СОЧИНЕНІЯ
А. ПИСЕМСКАГО.

ПОСМЕРТНОЕ ПОЛНОЕ ИЗДАНИЕ.

ТОМЪ XVII.

ЛЮДИ СОРОКОВЫХЪ ГОДОВЪ.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ И ПЯТАЯ.

INSTYTUT
DAN LITERACKICH PAN
BIBLIOTEKA
50-330 Warszawa, ul. Nowy Świat 7
Tel. 25-68-83

ИЗДАНИЕ ТОВАРИЩЕСТВА М. О. ВОЛЬФЪ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ,

МОСКВА,

Гостиный дворъ, №№ 17 и 18.

Петровка, д. Михалкова, № 5.

1884.

<http://rcin.org.pl>

24.186/17

ЛЮДИ СОРОКОВЫХЪ ГОДОВЪ.

РОМАНЪ ВЪ ПЯТИ ЧАСТЯХЪ.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

I.

Письмо Вихрова къ Мари.

«Пишу къ вамъ почти дневникъ свой: жандармъ меня прямо подвезъ къ губернаторскому дому и сдалъ сидѣвшему въ пріемной адъютанту подъ росписку: тотъ сейчасъ же донесъ обо мнѣ губернатору, и меня ввели къ нему въ кабинетъ. Здѣсь я увидѣлъ стоящаго на ногахъ довольно высокаго генерала въ очкахъ и съ подстриженными усами. Я всегда терпѣть не могъ подстриженныхъ усовъ, и почему-то мнѣ кажется, что это дѣлаютъ только люди весьма злые и необразованные.

„Генераль осмотрѣлъ меня съ ногъ до головы.

„— Гдѣ вы учились? — спросилъ онъ.

„— Въ университетъ московскомъ.

„— Имѣете состояніе?

„— Имѣю.

„— Что именно?

„— Триста слишкомъ душъ!

„При этомъ, какъ мнѣ показалось, лицо губернатора приняло нѣсколько болѣе благопріятное для меня выраженіе.

„— Мнѣ предписано опредѣлить васъ къ себѣ въ чиновники особыхъ порученій безъ жалованья.

„Я на это ничего ему не сказалъ.

„— Можете идти отдыхать! Надѣюсь, что вы не подадите мнѣ повода ссориться съ вамп!..— прибавилъ онъ, когда я совсѣмъ уходилъ.

„Тележка моя стояла уже безъ жандарма. Я съѣлъ въ нее и велѣлъ себя вести въ какую-нибудь гостиницу. Иванъ мой былъ ни живъ, ни мертвъ. Онъ все воображалъ, что насъ обоихъ съ нимъ въ тюрьму посадятъ. Въ гостиницѣ на меня тотчасъ, какъ я раздѣлся, напала страшнѣйшая скука: видѣвшаяся мнѣ въ окно часть города показалась противною; идущіе и ѣдущіе людишки, должно быть, были ужасная все дрянь; лошаденки у извозчиковъ преплохія; церкви все какія-то маленькія. «Что-же я буду дѣлать тутъ?» — спрашивалъ я съ отчаяніемъ самого себя. Читать я не могъ, да у меня и не было ни одной книжки. Служебнаго какого-нибудь дѣла мнѣ, по моей неблагонадежности, вѣроятно не довѣрятъ. «Чѣмъ-же я займу себя, несчастный!» — восклицалъ я, и скука моя была такъ велика, что, не смотря на усталость, я сейчасъ-же сталъ сбираться ѣхать къ Захаревскимъ, чтобы хоть чѣмъ-нибудь себя занять. Пришедшій меня брить цирюльникъ разсказалъ мнѣ, что старшій Захаревскій считается за очень честнаго и

неподкупнаго господина. Онъ изъ товарищей предсѣдателя сдѣланъ уже прокуроромъ.

„— Ежели вотъ кого теперь чиновники обидятъ, онъ сейчасъ заступится и отстоитъ! — объяснялъ мнѣ цирюльникъ.

„— А младшій что?

„— Младшій — форсунъ, богачъ! что за лошади, что за экипажъ у него.

„— А губернаторъ что за человекъ?

„— Строгій, — ухъ, какой!.. бѣда!

„— А взятки беретъ?

„— Про самого-то не чутъ!.. А тутъ *дама сердца* есть у него: та, слышно, побираетъ.

„— И потомъ ему передаетъ?

„— Да Богъ ихъ знаетъ!.. Нѣтъ, надо быть!.. У себя оставляетъ.

„Изъ всѣхъ этихъ свѣдѣній, я доволенъ былъ по крайней мѣрѣ тѣмъ, что старшій Захаревскій, какъ видно, былъ человекъ порядочный, и я прямо поѣхалъ къ нему. Онъ принялъ меня съ удивленіемъ — какимъ образомъ я попалъ къ нимъ въ городъ, и когда я объяснилъ ему — какимъ именно, это, кажется, очень подняло меня въ глазахъ его.

„— Очень радъ, конечно, не за васъ, а за себя, что васъ вижу здѣсь! — говорилъ онъ, вводя меня въ свой кабинетъ, по убранству котораго видно было, что Захаревскій много работалъ, и вообще за послѣднее время онъ больше чѣмъ возмужалъ: онъ какъ-то постарѣлъ, — чиновничье честолюбіе, должно быть, сильно его глодало.

„— Я прежде всего, — началъ я: — прошу у васъ совѣта: какого рода жизнь могу я повести здѣсь?

„Захаревскій не понялъ сначала моего вопроса.

„— Какъ, какого рода жизнь? — спросилъ онъ.

„— Какого? Прежде я писалъ; но теперь мнѣ это запретили; что же я буду дѣлать послѣ того?

„— Вы теперь служить предназначены, — произнесъ Захаревскій съ полуулыбкой.

„— Но, по моей неблагонамѣренности, мнѣ, конечно, ничего не довѣрятъ дѣлать!

„— Не думаю, — произнесъ Захаревскій: — губернатору, вѣроятно, предписано даже занять васъ. Если хотите, я скажу ему о томъ-же.

„— А вы съ нимъ въ хорошихъ отношеніяхъ?

„— Не то что въ хорошихъ, но онъ непременно будетъ говорить самъ объ васъ, потому что вы — *лицо политическое*; нельзя-же ему не сообщить объ васъ прокурору; кромѣ того, ему пріятно будетъ огласить это *довѣріе начальства*, которое прислало къ нему васъ на выучку и на исправленіе.

„Захаревскій на словахъ: *лицо политическое, до-вѣріе начальства*, дѣлалъ замѣтно насмѣшливо удареніе. Я просилъ его сказать губернатору, чтобы тотъ далъ мнѣ какое-нибудь дѣло, и потомъ полюбопытствовалъ узнать, какимъ образомъ губернаторъ этотъ попалъ въ губернаторы. Захаревскій сдѣлалъ на это небольшую гримасу.

„— Онъ былъ сначала взятъ, — отвѣчалъ онъ: — за высокій ростъ въ адъютанты!... Здѣсь онъ пріучился къ писарской, канцелярской службѣ; былъ потомъ, кажется, въ жандармахъ, и сдѣланъ наконецъ губернаторомъ.

„Я объяснилъ ему, что онъ мнѣ очень грубымъ словѣнкомъ показался.

„— Да, онъ не изъ низшихъ! — отвѣчалъ Захаревскій.

„— А умень?

„— Очень даже!.. природнаго ума пропасть имѣеть; но надмененъ и мстителенъ до послѣдней степени: онъ, я думаю, во всю жизнь свою никогда и никому не прощалъ не только малѣйшей обиды, но даже неповиновенія.

„— У него, говорятъ, есть еще любовница, которая за него и взятки беретъ.

„— Есть и это! — сказалъ съ улыбкою Захаревскій.

„Я объяснилъ ему, что мнѣ все это весьма неприятно слышать, потому что подобный господинъ, пожалуй, Богъ знаетъ какъ станетъ надо мной надругаться.

„— Не думаю! — возразилъ Захаревскій: — онъ слишкомъ лукавъ для того: онъ обыкновенно очень сильно давить только людей безгласныхъ; но вы, онъ это очень хорошо пойметъ, все-таки человекъ съ голосомъ!... Меня онъ, напримѣръ, я увѣренъ, весьма желалъ-бы видѣть на веревкѣ повѣшеннымъ; но при всемъ томъ, не только что на бумагѣ, но даже въ частномъ обращеніи, ни однимъ взглядомъ не позволяетъ сдѣлать мнѣ что-нибудь неприятное.

„Отъ этихъ житейскихъ разговоровъ Захаревскій съ явнымъ умысломъ перешелъ на общіе вопросы; ему, кажется, хотѣлось опредѣлить себѣ степень моей либеральности и узнать даже, какъ и что я — въ смыслѣ религіи. Съ легкой руки славянофиловъ онъ врядъ-ли не полагалъ, что всякій истинный либералъ долженъ быть непременно православный. На его вопросъ, сдѣланный имъ мнѣ по этому пред-

мету довольно ловко, я откровенно ему сказалъ, — что я пантеистъ и что ничѣмъ больше этого быть не могу. Это, какъ я очень хорошо видѣлъ, показалось Захаревскому уже немножко сильнымъ, или даже просто глуповатымъ. По своимъ понятіямъ онъ конечно самый свободномыслящій человекъ во всей губерніи; но только либерализмъ его, если можно такъ выразиться, какой-то мѣстный: онъ видимо до глубины души возмущается деспотизмомъ губернатора и вѣроятно противодѣйствуетъ ему всѣми силами; но когда тутъ-же разговоръ коснулся Наполеона III, то онъ съ удовольствіемъ объявилъ, что тотъ наконецъ восторжествовалъ и объявилъ себя императоромъ, и когда я воскликнулъ, что Наполеонъ этотъ будетъ тотъ-же губернаторъ нашъ, — что весь родъ Наполеоновъ надобно сослать на островъ Елену, чтобы никому изъ нихъ никогда не удалось царствовать, потому что всѣ они въ душѣ тираны и душиатели мысли, и наконецъ люди въ высшей степени антихудожественные, — онъ совершенно не понялъ моихъ словъ. Марьеновскій какъ-то мнѣ справедливо говорилъ, что всѣ правовѣды имѣютъ прекрасное направленіе, но всѣ они — люди весьма поверхностно образованные и стоящіе на весьма жидкомъ основаніи. Во всякомъ случаѣ, встрѣтить подобнаго человека въ такой глуши — для меня находка. Я просидѣлъ у него по крайней-мѣрѣ часа четыре и, уѣзжая, — спросилъ его о братѣ: когда я могу того застать дома.

„— Онъ очень радъ будетъ вамъ, — отвѣчалъ Захаревскій: — и чтобы не дѣлать вамъ пустыхъ визит-

товъ, прїѣзжайте къ нему вечеромъ ужю, — и я у него буду!

„Я душевно обрадовался этому приглашенію, потому что рѣшительно не зналъ, что мнѣ вечеръ дѣлать.

„Нанятый мною на вечеръ извозчикъ, когда я спросилъ его — знаетъ ли онъ, гдѣ живетъ инженеръ Захаревскій, въ удивленіи воскликнулъ:

„— Какъ не знать съ, помплуйте! И потомъ, везя меня, — прибавилъ:

„— У нихъ свой домъ-съ и отличнѣйшій!

„Домъ въ самомъ дѣлѣ оказался отличнѣйшимъ; съ снѣжъ полъ былъ мозаикъ; въ залѣ, сдѣланной подъ мраморъ, висѣли картины; мебель, рояль, драпировки — все это было новенькое, свѣженькое.

„Инженеръ встрѣтилъ меня съ распростертыми объятіями. Старшій Захаревскій былъ уже у брата и рассказалъ ему о моемъ прїѣздѣ.

„— Мы рѣшительно встрѣчаемся съ вами нечаянно, — говорилъ инженеръ, ведя меня по своимъ наряднымъ апартаментамъ: — то у какого-то шуллера въ Москвѣ, потомъ вдругъ здѣсь!...

„Мы всѣ усѣлись въ его хорошенькомъ кабинетѣ, который скорѣе походилъ на кабинетъ камеліи, чѣмъ на кабинетъ мужчины.

„Я забылъ сказать, что оба брата Захаревскіе имѣютъ довольно странныя имена: старшій называется Иларіонъ Ардаліонычъ, а младшій — Впссаріонъ Ардаліонычъ. Разговоръ, разумѣется, начался о моей ссылкѣ и о причинѣ, подавшей къ этому поводъ. Иларіонъ Захаревскій нѣсколько разъ прерывалъ меня, поясняя брату съ негодованіемъ нѣкоторыя

обстоятельства. Но тотъ выслушалъ все это весьма равнодушно.

„— Нечего дѣлать, .правительство!.. надобно ему подчиняться...— говорилъ онъ.

„— Въ томъ-то и дѣло,— возразилъ старшій Захаревскій:— что правительство у насъ хорошихъ людей наказываетъ, а негодяевъ чинами и крестами награждаетъ.

„— Ну, гдѣ-жь,— произнесъ Виссаріонъ Захаревскій: — и негодяевъ наказываютъ... конечно это странно, что человекъ за то, что онъ написалъ что-то такое, ссылаютъ! ну, обяжи его подпиской, чтобы онъ впредь не писалъ ничего подобнаго.

„На этихъ словахъ, какъ-то писецъ или солдатъ доложилъ ему, что пришелъ подрядчикъ.

„— Пожалуйте сюда! — вскрикнулъ Захаревскій на весь свой домъ.

„Въ комнату вошелъ рыжій подрядчикъ.

„— Счетъ принесъ?

„— Принесъ!—И подрядчикъ подалъ Захаревскому исписанный листъ. Тотъ просмотрѣлъ этотъ листъ, помаралъ въ немъ что-то карандашемъ, прокинулъ нѣсколько разъ на счетахъ и, написавъ вышедшую на нихъ сумму на бумагѣ, подалъ ее подрядчику.

„— Извольте получить-сь!—тысячурублей скидки.

„У подрядчика и рожа вытянулась, и глаза забѣгали.

„— Многолько, ваше высокоблагородіе, — проговорилъ онъ какимъ-то глухимъ голосомъ.

„— Не маленько-ли скорѣй?... Не маленько-ли? — возразилъ ему уже громкой фистулой Захаревскій.

„Подрядчикъ глубоко, глубоко вздохнулъ, потомъ

здругъ, какъ бы собравшись со всѣмъ своимъ духомъ, произнесъ:

„— Такъ работать нельзя-съ, я не возьму-съ — вся ваша воля.

„— Не бери,— проговорилъ ему и на это совершенно хладнокровно Захаревскій.

„— Да какъ-же браться-то такъ,— помилуйте, ваше высокоблагородіе!— почти вопилъ подрядчикъ.

„— Никто тебя не заставляетъ, на арканъ не тащатъ!— проговорилъ Захаревскій совершенно развязнымъ тономъ.

„— Ахъ, ты, Боже ты мой!— произнесъ почти со стономъ подрядчикъ, и точно съ какимъ-то остервенѣніемъ взялъ изъ рукъ Захаревскаго перо и расписался на счету.

„— Прощайте-съ, дѣлать нечего, — прибавилъ онъ и съ понуренной головой, какъ-бы все потерявъ на свѣтѣ, вышелъ изъ комнаты.

„— Фу, вотъ пытку-то выдержалъ! — произнесъ по уходѣ его Захаревскій взволнованнымъ уже голосомъ.

„Я и братъ его взглянули на него съ удивленіемъ.

„— Замѣть этотъ шельма по моей физиономіи, что у меня ни одного нѣтъ подрядчика въ виду, онъ не только-бы не снесъ тысячу, но еще накинуть-бы.

„— А у тебя развѣ нѣтъ въ виду другихъ?— спросилъ его братъ.

„— Ни одинаго!— воскликнулъ инженеръ. — Сегодня всѣ они въ комисіи нахватали работъ, и за пять рублей ни одного человѣка въ день не дадутъ.

Странныя и невеселыя мысли волновали меня, пока

я все это видѣлъ и слышалъ; понятно, что оба брата Захаревскіе были люди стоящіе у дѣла и умѣющіе его дѣлать. Чѣмъ-же я теперь посреди ихъ являюсь?.. а между тѣмъ я имъ ровесникъ, также какъ ровестникъ и моему петербургскому другу, Плавину. Грустно и стыдно мнѣ стало за самого себя: не то, чтобы я завидовалъ ихъ чинамъ и должностямъ, нѣтъ! я завидовалъ тому, что каждый изъ нихъ сѣумѣлъ найти дѣло и научился это дѣло дѣлать... Что-же я умѣю дѣлать? Все до сихъ поръ учился еще только чему-то, потомъ написалъ какую-то повѣсть — и еще, можетъ быть, очень дурную, за которую однако успѣли сослать меня? Самъ-ли я ничтожество, или воспитаніе мое было фальшивое, не знаю; но сознаю, что я до сихъ поръ былъ какимъ-то *чувствователемъ жизни* — и только пока. Возвращаюсь однако къ моему разсказу: по уходѣ подрядчика, между братьями сейчасъ-же начался споръ, характеризующій, какъ мнѣ кажется, не только ихъ личные характеры, но даже званія, кои они носятъ. Старшій Захаревскій передалъ мнѣ, что онъ видѣлся уже съ губернаторомъ, говорилъ съ нимъ обо мнѣ, и что тотъ намѣренъ былъ занять меня серьезнымъ дѣломъ; передавая все это, онъ не преминулъ слегка ругнуть губернатора. Младшій Захаревскій возмущился этимъ.

„— За что ты этого человѣка бранишь всегда?— спросилъ онъ.

„— За то, что онъ стоитъ того!— отвѣчалъ Иларіонъ Захаревскій.

„— Чѣмъ стоитъ?

„— Всѣмъ!

„— Чтоже, всёмъ? Это ужасно неопредѣленно!

„— А хоть тѣмъ, что вашимъ разнымъ инженернымъ продѣлкамъ потворствуетъ, а вы у него за это ножки цѣдуете!— проговорилъ рѣзко прокуроръ и, вставъ на ноги, началъ ходить по комнатѣ.

„Инженеръ при этомъ немного покраснѣлъ.

„— Погоди, постой, любезный, г. Вихровъ насъ рассудитъ! — воскликнулъ онъ и обратился затѣмъ ко мнѣ:— братъ мой изволитъ служить прокуроромъ; очень смѣло, энергически подаетъ противъ губернатора протесты,— все это прекрасно; но надобно знать-сь, что ихъ министр не косо смотритъ на протесты противъ губернаторовъ, а напротивъ того, считаетъ тѣхъ прокуроровъ за дѣльныхъ, которые дѣлаютъ это; наше же начальство, напротивъ, прямо даетъ намъ знать, что мы, говорить, изъ-за васъ переписываться ни съ губернаторами, ни съ другими министерствами не намѣрены. Изъ-за какого-же чорта теперь я стану ругать человѣка, который, я знаю, на каждомъ шагу можетъ принести существенный вредъ мнѣ по службѣ,— въ такомъ случаѣ ужъ лучше не служить, выйти въ отставку!.. Стало быть, что-же выходить? Онъ благородствовать можетъ съ выгодой для себя, а я только съ величайшимъ вредомъ для всей своей жизни!.. Теперь второе: онъ хватилъ тамъ: *ваши инженерныя продѣлки*. Въ чемъ эти продѣлки состоятъ, позвольте васъ спросить? Господинъ Оверъ, на примѣръ, беретъ за визитъ 50 рублей— называютъ это съ его стороны продѣлкой? Известный актеръ въ свой бенефисъ назначаетъ пѣны тройцыя — продѣлка это или нѣтъ? Живописецъ какой-нибудь беретъ за свои картины по тысячѣ, по двѣ,

по пяти. Всё они берутъ это за свое искусство; такъ точно и мы, инженеры... Вы не умѣете дѣлать того, что я умѣю, и нанимаете меня: я и назначаю цѣну десять, двадцать процентовъ, которые и беру съ подрядчика; не хотите вы давать намъ этой цѣны— не давайте, берите — кого хотите, не инженеровъ, и пусть они дѣлаютъ вамъ-то, что мы!

„— Торговаться-то съ вами некому, потому что тутъ казна — лицо совершенно абстрактное, которое всё считаютъ себя въ правѣ обирать, и никто не безпокоится заступиться за него! — говорилъ прокуроръ, продолжая ходить по комнатѣ.

„— Сдѣлай милость! — воскликнулъ инженеръ: — казна, или кто тамъ другой, очень хорошо знаетъ, что инженеры за какіе-нибудь триста рублей жалованья въ годъ служить у него не станутъ, а сейчасъ-же уйдутъ на тѣ-же иностранныя желѣзныя дороги, а потому и дозволяетъ ужь самимъ намъ имѣть извѣстныя выгоды. Дай мнѣ правительство десять, пятнадцать тысячъ въ годъ жалованья, конечно я буду лучше постройки производить и лучше, и честнѣе служить.

„По всему было замѣтно, что Иларіону Захаревскому тяжело было слышать эти слова брата и стыдно меня; онъ переимѣнилъ разговоръ и сталъ спрашивать меня о деревнѣ моей, и между прочимъ объявилъ мнѣ, что ему писала обо мнѣ сестра его, очень милая дѣвушка, съ которой дѣйствительно я встрѣчался нѣсколько разъ; а инженеръ въ это время распорядился ужиномъ и въ своей маленькой, но прелестной столовой, угостилъ насъ отличными стерлядями и шампанскимъ.

„Домой поѣхали мы вмѣстѣ съ старшимъ Захаревскимъ. Ему, повидимому, хотѣлось нѣсколько поднять въ моихъ глазахъ брата.

„— Братъ Виссаріонъ, — сказалъ онъ: — кромѣ практическихъ разныхъ свѣдѣній, по своей части и теоретикъ отличный!

„Но я, признаюсь, больше готовъ былъ повѣрить въ первое его качество.

„Дома я встрѣтилъ два событія; во-первыхъ, посреди моего номера лежалъ до безчувствія пьяный Ванька. Я велѣлъ корридорному взять его и вывести. Тутъ этотъ негодяй очнулся, разревѣлся и началъ мнѣ объяснять, что это онъ пьетъ со страху, чтобы его дальше со мной въ Сибирь не сослали. Чтобы успокоить его и главное себя, я завтра-же отправляю его въ деревню, и велю оттуда пріѣхать вмѣсто его старухъ-ключницѣ и одной комнатной дѣвушкѣ... Второе событіе — это уже присланное на мое имя предписаніе губернатора такого содержанія: «Извѣстился я, что въ селѣ Скворцовъ крестьянинъ Иванъ Кононовъ совратилъ въ расколъ крестьянскую дѣвицу Палагею Мартыянову, а потому предписываю вашему высокоблагородію прозвести на мѣстѣ дознаніе и о послѣдующемъ мнѣ донести». Отложивъ обо всемъ этомъ заботы до слѣдующаго дня, я съѣлъ письменно бесѣдовать съ вами, дорогая кузина. Извините, что все почти представляю вамъ въ лицахъ: увы! какъ романисту — мнѣ, вѣроятно, никогда уже болѣе не придется писать въ жизни, а потому я хоть въ письмахъ къ вамъ буду практиковаться въ сей любезной мнѣ манерѣ.»

II.

Сектаторъ.

Вихровъ очень недолгъ получилъ и отвѣтъ на это письмо отъ Марп. Она впрочемъ писала не много ему: «Какъ тебѣ не грѣхъ и не стыдно считать себя ничтожествомъ и видѣть въ твоихъ новыхъ знакомыхъ Богъ знаетъ что: ты говоришь, что они люди, стоящіе у дѣла и умѣющіе дѣло дѣлать. И задаешь себѣ вопросъ: на что-же ты годенъ? Но ты самъ прекрасно отвѣтилъ на это въ твоемъ письмѣ: *ты чувствователь жизни. Они — муравьи, трутни, а ты — ихъ наблюдатель и описатель*; ты срисуешь съ нихъ картину и дашь ее намъ и потомству, чтобы научить и вразумить насъ тѣмъ, — вотъ ты что такое, и, пожалуйста, пиши мнѣ письма пменно въ такой любезной тебѣ формѣ, и практикуйся въ ней для новаго твоего романа. О себѣ мнѣ тебѣ сказать много нечего: тѣхъ господъ, которыхъ ты слышалъ у насъ, я уже видѣть больше не могу и не выхожу обыкновенно, когда они у насъ бывають. Женичка мой все пристааетъ ко мнѣ и спрашиваетъ: «о чемъ это ты, тамап, когда у насъ дядя Павелъ былъ, плакала съ нимъ?» «О глупости людской»; отвѣчаю я ему. Жду отъ тебя скоро еще письма.

«Любящая тебя Марп».

Герой мой жилъ уже въ очень красивенькой квартирѣ, которую предложилъ ему Виссаріонъ Захаревскій въ собственномъ домѣ за весьма умѣренную цѣну, и вообще сей практическій человѣкъ осыпалъ Вих-

рова своими услугами. Онъ купилъ ему мебель, нашелъ повара. Иванъ былъ отправленъ въ деревню, и вмѣсто его были привезены оттуда комнатный мальчикъ, старуха-ключница и горничная Груша. Последняя цвѣла радостью и счастьемъ и, видимо, обращалась съ бариномъ гораздо смѣлѣе прежняго, и даже съ нѣкоторою нѣжностію... Въ одно утро она вошла къ нему и сказала, что какой-то господинъ его сврашиваетъ.

— Кто такой?— спросилъ Вихровъ.

— Не знаю, баринъ,— нехорошій такой,— отвѣчала Груша.

Вихровъ велѣлъ его просить къ себѣ. Вошелъ чиновникъ, въ вицъ-мундирѣ съ зеленымъ воротникомъ, въ самомъ дѣлѣ съ омерзительною фizioноміей: косою, рябой, съ родимымъ пятномъ въ ладонь величины на щекѣ и съ угрями на носу. Груша стояла за нимъ и дѣлала гримасы. Вихровъ вопросительно посмотрѣлъ на входящаго.

— Стряпчій палаты государственныхъ имуществъ, Миротворскій!— отрекомендовался тотъ.

— Это вы, по порученію моему, депутатомъ командированы ко мнѣ?— спросилъ Вихровъ.

— Точно такъ съ,— отвѣчалъ тотъ.

Вихровъ указалъ ему рукою на стулъ. Стряпчій сѣлъ и сталъ осматривать Павла своими косыми глазами, желая какъ-бы изучить, что онъ за чело-вѣкъ.

— Мы долго не ѣдемъ съ вами,— сказалъ ему Вихровъ.

— Лучше къ празднику пріѣдемъ... завтра Введеніе во храмъ, весьма чтимый имъ праздникъ... мо-

жетъ и народу-то къ нему пособерется, и мы самую совращенную, пожалуй, захватимъ тутъ.

— Стало быть, мы должны оцѣпить домъ?

— Непремѣнно-съ! Поѣдемъ ночью и оцѣпимъ домъ.

Вихрову это было ужь непонутру.

— Скажите, пожалуйста, для чего-же все это дѣлается?— спросилъ онъ стряпчаго.

— Для того, что очень много совращается въ расколъ. Особенно этотъ Иванъ Кононовъ, богатѣйшій мужикъ и страшный соврагитель... это какой-то патріархъ ихній, ересіархъ; хлѣбомъ онъ торгуетъ, и кто вотъ изъ мужиковъ или бобылокъ содержаніемъ нуждается: «дамъ, говоритъ, и хлѣба, и всю жизнь прокормлю, только перейди въ расколъ».

— Ну да намъ-то что за дѣло? Вогъ съ ними!

— Какъ, намъ что за дѣло?— произнесъ стряпчій, какъ-бы даже обидѣвшись:— этакъ, пожалуй, всѣ перейдутъ въ расколъ.

Вихровъ призадумался: предстоящее порученіе все больше и больше становилось ему не по душѣ.

— Когда-же мы поѣдемъ?— спросилъ онъ.

— Да сегодняшнюю ночь, а теперь потрудитесь написать въ полицію, чтобы вамъ трехъ полицейскихъ солдатъ и жандармовъ дали.

Вихровъ поморщился и написалъ.

Стряпчій взялъ у него бумагу и ушелъ. Вихровъ остальной день провелъ въ тоскѣ, проклиная и свою жизнь, и самого себя. Часовъ въ одиннадцать у него въ передней послышался шумъ шаговъ и бряцанье сабель и шпоръ,— это пришли къ нему жандармы и полицейскіе солдаты: хорошо, что Ивана не было, а то-бы онъ умеръ со страху; но и Груша тоже

испугалась. Войдя къ барину съ встревоженнымъ лицомъ, она сказала:

— Баринъ, солдаты васъ какіе-то спрашиваютъ!

— Знаю я,— сказалъ Вихровъ:— это они со мной поѣдутъ.

— А развѣ васъ, баринъ, опять повезутъ куда-нибудь?— спросила Груша, окончательно поблѣднѣвъ.

— Нѣтъ, это не меня повезутъ, а я самъ поѣду съ солдатами по службѣ.

Груша немного поуспокоилась.

— Это воровъ, что-ли, вы какихъ, баринъ, пойдете ловить?— любопытствовала она.

— Воровъ,— отвѣчалъ ей Вихровъ.

— Смотрите, баринъ, чтобы васъ не убили какъ,— сказала Груша опять уже встревоженнымъ голосомъ.

— Не убьютъ, ничего,— отвѣчалъ ей съ улыбкой Вихровъ и поцѣловалъ ее.

Груша осталась этимъ очень довольна.

— Я, баринъ, всю ночь не стану спать и буду дожидать васъ,— говорила она.

— Нѣтъ, спи себѣ покойно.

— Не могу, баринъ, и рада-бы заснуть,— не могу.

Вскорѣ потомъ пріѣхалъ и стряпчій, въ дубленкѣ, но въ вицъ-мундирѣ подъ ней. Онъ посовѣтовалъ также и Вихрову надѣть вицъ-мундиръ.

— Это зачѣмъ?— спросилъ тотъ.

— Нельзя-же вѣдь; все-таки мы присутствіе тамъ составимъ...— объяснилъ ему на это Миротворскій.

Вихровъ надѣлъ вицъ-мундиръ; потомъ всѣ они усѣлись въ почтовые телеги и поѣхали. Вихровъ и стряпчій впереди; полицейскіе солдаты и жандармы сзади. Стряпчій толковалъ солдатамъ: «Какъ мы въ

селенье-то въѣдемъ, вы домъ его сейчасъ-же окружите, у каждаго выхода — по человѣку; домъ-то у него крайній въ селеніи».

— Знаемъ-съ! слава тебѣ Господи, разъ шестой ѣдемъ къ нему въ гости, — отвѣчали нѣкоторые солдаты съ явнымъ смѣхомъ.

Ночь была совершенно темная, а дорога страшная — гололедица. По выѣздѣ изъ города сейчасъ-же надобно было ѣхать проселкомъ. Телега на каждомъ шагу готова была свернуться на бокъ. Вихровъ почти желалъ, чтобы она кувырнулась и сломала бы руку или ногу стряпчему, который началъ становиться невыносимъ ему своимъ усердіемъ къ службѣ. Въ селеніи, отстоящемъ отъ города верстахъ въ пяти, они наконецъ остановились. Солдаты неторопливо размѣстились у выходовъ хорошо-знакомаго имъ дома Ивана Кононова.

— Пойдемте въ домъ, — сказалъ шепотомъ и задыхающимся отъ волненія голосомъ стряпчій Вихрову, и затѣмъ они вошли въ совершенно темныя сѣни. Послышалось бѣганье и шушуканье нѣсколькихъ голосовъ. Вихровъ самъ чувствовалъ въ темнотѣ, что мимо его пробѣжали два-три человѣка. Стоявшіе на улицѣ солдаты только глазами похлопывали, когда мимо ихъ мелькали человѣческія фигуры.

— Вѣдь это все оттуда бѣгутъ! — замѣтилъ одинъ.

— А Богъ ихъ знаетъ, — отвѣчалъ другой флегматически.

— погоди, постой, постой! — кричалъ между тѣмъ стряпчій, успѣвшій схватить какую-то женщину. Та притихла у него въ рукахъ.

— Солдатъ! — крикнулъ онъ.

Вошелъ солдатъ. Онъ передалъ ему свою плѣ-
ницу.

— Держи крѣпче!

И тотчасъ-же потомъ закричалъ:—«ты еще кто,
ты еще кто?» нащупавъ какую-то другую женщину.
Та тоже притихла. Онъ и ее, передавъ солдату,
приказалъ ему не отпускать.

— Теперь пойдете въ моленную ихнюю, я до-
рогузнаю, — прибавилъ онъ опять шепотомъ Вихрову,
и, взявъ его за руку, повелъ съ собой. Пройдя двое
или трое сѣней, они вошли въ длинную комнату,
освѣщенную нѣсколькими горящими лампадами пе-
редъ цѣлымъ иконостасомъ иконъ, стоящихъ по всей
передней стѣнѣ. Людей никого не было.

— Разбѣжались всѣ, черти!—говорилъ стряпчій.

— Но, можетъ быть, тутъ никого и не было, —
сказалъ ему Вихровъ.

— Какъ никого не было? были! — возразилъ
стряпчій.

Въ это время вошелъ въ моленную и самъ Иванъ
Кононовъ, высокій, худощавый, съ длинной, полу-
сѣдой бородой, старикъ. Онъ не поклонился и не
поздоровался съ своими ночными посѣтителями, а
молча сталъ у притолка, какъ-бы ожидая, что его
или спросятъ о чемъ-нибудь, или прикажутъ ему
что-нибудь.

— Куда это прихожанъ-то своихъ спряталъ? —
спросилъ его Миротворскій.

— Никого я не спряталъ, — отвѣчалъ Иванъ Коно-
новъ, съ какой-то ненавистью взглянувъ на Миро-
творскаго: они старые были знакомые и знали другъ
друга.

— Что-же, развѣ сегодня службы не было?— продолжалъ тотъ.

— Кому служить-то?...— отвѣчалъ Иванъ Кононовъ, опять какъ-то односложно: онъ зналъ, что съ господами чиновниками разговаривать много не слѣдуетъ и проговариваться не надо.

— Ты отслуужишь за пона,— замѣтилъ Миротворскій.

— Нѣтъ, я не попъ!— отвѣчалъ уже съ усмѣшкой Иванъ Кононовъ.

— Такъ, значитъ-съ, мы въ осмотрѣ напишемъ, что нашли раскиданными по полу подлобники!..— И Миротворскій указалъ Вихрову на лежащія тутъ и тамъ небольшія, стеганныя, ситцевыя подушки. — Это вотъ сейчасъ видно, что они молились тутъ и бултыхались въ нихъ своими головами.

Вихровъ на это молчалъ, но Кононовъ отозвался:

— Извѣстно, молпмся съ семействомъ каждый день и оставляемъ тутъ подушечки эти, не собирать-же ихъ каждый часъ.

— А ладаномъ отчего пахнетъ, это отъ чего? — спросилъ плутовато Миротворскій.

— И ладаномъ когда съ семействомъ куримъ, не запираюсь въ томъ: гдѣ-же намъ молиться-то — у насъ церкви нѣтъ.

— Это что еще? — воскликнулъ вдругъ Миротворскій, взглянувъ вверхъ: — ты, любезный, починивалъ моленную-то; у тебя три новыя тесины въ потолкѣ введены!

— Ничего нѣтъ, никакихъ тесинъ новыхъ! — отвѣчалъ Кононовъ, немного сконфуженнымъ голосомъ и слегка поблѣднѣвъ.

— Какъ нѣтъ? Вы видите?— спросилъ Миротворскій Вихрова.

— Вижу,— отвѣчалъ тотъ, рѣшительно не понимая, въ чемъ тутъ дѣло и для чего объ этомъ говорятъ. Въ потолокъ въ самомъ дѣлѣ были три совершенно новыя тесины.

— Какъ-же ты говоришь, что не новыя, — сказалъ Миротворскій Конову.

— Не новыя,— повторилъ тотъ еще разъ.

— Нѣтъ, это новыя!— сказалъ ему и Вихровъ.

Кононовъ ничего не отвѣчалъ и только потупился.

— Мы моленную, значить, должны запечатать,— сказалъ Миротворскій:— дозволено только такія моленныя имѣть, которыя съ 24 года не были починяемы, а какъ которую поправятъ, сейчасъ-же ее опечатаваютъ.

Вихровъ проклялъ себя за подтвержденіе словъ Миротворскаго о томъ, что тесны новыя.

— Ну-съ, теперь станемте опрашивать захваченныхъ,— продолжалъ Миротворскій, и велѣлъ подать столъ, стульевъ, чернильницу, перо, и привести сторожимыхъ солдатами женщинъ.

— Хорошо-ли это дѣлать въ моленной? — замѣтилъ ему Вихровъ.

— По закону слѣдуетъ на мѣстѣ осмотра и опрашивать, — отвѣчалъ Миротворскій.

Все это было принесено. Слѣдователи сѣли. Ввели двухъ бабъ: одна оказалась жена хозяина старуха, — зачѣмъ ее держали и захватили — неизвѣстно!

Миротворскій велѣлъ сейчасъ же ее отпустить, и за что-то вмѣсто себя выругалъ солдата.

— Дуракъ этакой, держишь, точно не видишь кого!

Другая оказалась молодая, краснощекая дѣвушка, которая все время какъ стояла въ сѣняхъ, молила солдата.

— Отпусти, голубчикъ, пожалуйста!

— Не смѣю, дура; зачѣмъ ты сюда приходила?!

— Да я такъ, на посѣдки сюда пришла, да легла на печку и заснула.

Миротворскій началъ плутовато допрашивать ее.

— Ты православная?

— Православна.

— А въ церковь рѣдко ходишь?

— Гдѣ въ церковь-то ходить, — далеко.

— Ну, а сюда, что-ли, въ моленную ходишь?

— Ино и сюда хожу! — проболталась дѣвушка.

Миротворскій все это записывалъ. Вихрова наконецъ взорвало это: онъ хотя твердо и не зналъ, но чувствовалъ, что скорѣе онъ бы долженъ былъ налегать и выискивать всѣ средства къ обвиненію подслѣдственныхъ лицъ, а не депутатъ ихній, на обязанности котораго, напротивъ, лежало обстаивать ихъ.

— Позвольте, я самъ буду допрашивать и писать, — сказалъ онъ, почти насильно вырывая у Миротворскаго перо и садясь писать; во-первыхъ, въ осмотрѣ онъ написалъ, что подлобники хотя и были раскиданы, но домовладѣлецъ объяснилъ, что они у него всегда такъ лежатъ, потому что на нихъ молятся его домашніе, — что ладаномъ хотя и пахнуло, но дыма, который бы свидѣтельствовалъ о недавнемъ куреніи, не было, — въ потолокъ двѣ тесины, по показанію хозяина, были не новыя.

Пока онъ занимался этимъ, Миротворскій будто-бы случайно вышелъ въ сѣни. Вслѣдъ же за нимъ также вышелъ и Иванъ Кононовъ, и вскорѣ потомъ они оба опять вернулись въ моленную.

Вихровъ, рѣшившійся во что бы ни стало заставить Миротворскаго подписать составленное имъ постановленіе, сталъ ему читать довольно строгимъ голосомъ.

— Что-жь, хорошо, хорошо! — соглашался сверхъ ожиданія тотъ: — но только, извольте видѣть: зачѣмъ же все это объяснять? или написать, какъ я говорилъ, или ужъ лучше совсѣмъ не писать, а по этому неясному постановленію его хуже затаскаютъ.

— Хуже, ваше высокородіе; по этому постановленію совсѣмъ затаскаютъ, — произнесъ жалобнымъ голосомъ и Иванъ Кононовъ.

— Какъ же дѣлать? — спросилъ Вихровъ.

— Да такъ, ничего не писать! — повторилъ Миротворскій: — напишемъ, что никого и ничего подозрительнаго не нашли.

— Сдѣлайте милость, ваше высокородіе, — произнесъ Иванъ Кононовъ и повалился Вихрову въ ноги.

Старуха, жена Коконова, тоже повалилась ему въ ноги.

— Ваше высокородіе, простите и меня! — завопила и молоденькая дѣвушка, тоже кланяясь ему въ ноги.

Вихровъ страшно этимъ сконфузился.

— Да Богъ съ вами, я готовъ хоть всѣхъ васъ простить! — говорилъ онъ.

— Притѣснять ихъ много нечего; старика тоже

не мало маяли, — поддержалъ также и Миротворскій.

— Три года наѣзды все; четвертый разъ подь судъ отдають, — жаловался, со слезами на глазахъ, Иванъ Кононовъ Вихрову, видно замѣтивъ, что тотъ былъ добрый человекъ.

— Но почему же такъ? что же ты дѣлаешь такое? — спрашивалъ Вихровъ.

— Управляющаго онъ немножко поразсердилъ, ну тотъ теперь и поналегаетъ на него, — объяснилъ Миротворскій.

— Не одинъ ужъ управляющій поналегаетъ, а всѣ, кажись, чиновники, — присовокупилъ самъ Иванъ Кононовъ.

— Хочешь, я скажу объ этомъ губернатору? — спросилъ его Вихровъ.

— Ахъ, Боже мой! какъ это возможно! — воскликнулъ Кононовъ: — сдѣлайте милость, слезно васъ прошу о томъ: не говорите!

— Какъ можно говорить это губернатору! — подхватилъ и Миротворскій.

— Отчего же? — спросилъ Вихровъ.

— Оттого, что начальство мое государственное съѣстъ меня послѣ того, — объяснилъ Кононовъ.

— Съѣдятъ! — подтвердилъ и Миротворскій. — Управляющій и безъ того желаетъ, чтобы нельзя ли какъ-нибудь его безъ суда, а административно распорядиться и сослать на Кавказъ.

Вихровъ пожалъ плечами.

— Такъ ты, значитъ, ничего больше не желаешь, — доволенъ, если мы напишемъ, что ничего у тебя не нашли? — спросилъ онъ Кононова.

— Доволенъ, — отвѣчалъ тотъ.

— Теперь, я думаю, надобно совращенную допросить, — сказалъ Вихровъ, все болѣе и болѣе входя въ роль слѣдователя.

— Непремѣнно-съ, — подхватилъ Миротворскій. — Позовите ее, — сказалъ онъ солдату.

Тотъ привелъ совращенную. Оказалось, что это была старая и неопрятная крестьянская дѣвка.

— Ты православная? — спросилъ ее Вихровъ.

— Православная, — больше промычала она.

— А въ церковь ходишь?

— Хожу, — промычала опять дѣвка.

— Но, вѣдь, послѣднее время перестала?

— Перестала, — мычала дѣвка.

— Въ расколъ, что ли, поступила.

Дѣвка нѣсколько времени тупилась и молчала.

— Нѣту, — проговорила наконецъ она.

— Но къ намъ въ церковь больше не ходишь? — спросилъ ее Миротворскій.

— Нѣтъ, — отиѣвивалась и отъ этого дѣвка.

— И не желаешь ходить?

— Не желаю!

— Значить, ты раскольница?

— Ну, раскольница, — сказала наконецъ уже сердито дѣвка.

— Что ее допрашивать — она дура совсѣмъ, — сказалъ Вихровъ.

— Дура, надо быть, — согласился стряпчій.

— Для правительства все равно, я думаю, хоть въ турецкую бы вѣру она перешла.

— Да вотъ поди ты!... спрашивалъ ее, не со-

вращалъ ли ее кто-нибудь, не было ли у нее совратителя?

— А не совращалъ ли кто-нибудь тебя?

— Нѣтъ, никто! — почти окрысилась дѣвка.

Иванъ Кононовъ, стоявшій все это время въ моленной, не спускалъ съ нея глазъ, и при послѣднемъ вопросѣ какъ-то особенно сильно взглянулъ на нее.

— И все теперь, — сказалъ Миротворскій, и принялся писать показанія и отбирать въ нимъ рукоприкладства.

Когда все это было кончено, солнце уже взошло. Слѣдователи наши начали собираться ѣхать домой, Иванъ Кононовъ отнесся вдругъ къ нимъ.

— Сдѣлайте милость, не побрезгуйте, откушайте чайку!

— Выпьемте, а то обидится, — шепнулъ Миротворскій Вихрову. Тотъ согласился. Вошли уже собственно въ избу къ Ивану Кононову; оказалось, что эта была почти комната, какія обыкновенно бываютъ у небогатыхъ мѣщанъ; но что пріятно удивило Вихрова, такъ это то, что въ ней очень было все опрятно: чистая стояла въ сторонѣ постель, чистая скатерть положена была на столѣ, полъ и подоконники были чисто вымыты, самоваръ не позеленѣлый; чашки не загрязненныя.

Хозяинъ, хоть и съ грустнымъ немножко видомъ, но самъ принялся разливать чай и подносить его своимъ безвременнымъ гостямъ.

Вихрову ужасно хотѣлось чѣмъ-нибудь ободрить, утѣшить и наконецъ вразумить его.

— Зачѣмъ ты, Иванъ Кононычъ, — началъ

онъ:— при такихъ гоненіяхъ на тебя, остаешься въ расколѣ.

— И христіанъ гнали, не только что насъ, грѣшныхъ, — отвѣчалъ тотъ.

— То другое дѣло, тѣмъ не позволяли новой религіи исповѣдывать; а у васъ съ нами очень небольшая разница... Ты по поповщинѣ?

— По поповщинѣ.

— И поэтому вы только не признаете нашихъ поповъ, и отчего вы ихъ не признаете?

— А оттого, что всѣ они отъ нечестивца Нивона происходятъ — его рукоположенья.

— А ваши ни отъ кого ужь не происходятъ, ничего рукоположенья.

— Наши всѣ — патріарха Іосифа рукоположенья, — произнесъ какимъ-то протяжнымъ голосомъ Иванъ Кононовъ.

— Какъ же это такъ, я этого не понимаю, — сказалъ Вихровъ.

— А также, кого Іосифъ патріархъ благословилъ, тотъ — другаго, а другой — третьяго... Такъ до сихъ поръ и идетъ, — пояснилъ Иванъ Кононовъ.

— И ты никакъ, ни для чего и ни для какихъ благъ міра, вѣры своей этой не измѣнишь? — спросилъ его Вихровъ.

— Не измѣню-съ!... И какъ же измѣнить ее, — продолжалъ Иванъ Кононовъ съ нѣкоторою уже усмѣшкою: — коли я, извините меня на томъ, вашего духовенства видѣть не могу съ духомъ спокойнымъ; кто хошь, кажется, приди ко мнѣ въ домъ, — калмыкъ ли, татаринъ ли, — всѣхъ приму; а священниковъ ва-

шихъ не принимаю, за что самое они и шлютъ на меня доносы-то!

— Онъ самъ врядь-ли не попъ ихній раскольничій, — шепнулъ между тѣмъ Миротворскій Вихрову.

Наконецъ они опять начали ообираться домой. Иванъ Кононовъ попробовалъ было ихъ передъ дорожкой еще водочкой угостить; Вихровъ отказался, а въ подражаніе ему отказался и Миротворскій. Сѣвъ въ телегу, Вихровъ еще разъ спросилъ провожавшаго ихъ Ивана Коконова: „доволенъ ли онъ ими и не обидѣли ли они чѣмъ его.“

— Нѣтъ-съ, никакой особенной обиды мы отъ васъ не видали, — отвѣтилъ Иванъ Кононовъ, но какъ-то не совѣмъ искренно: дѣло въ томъ, что Миротворскій сорвалъ съ него десять золотыхъ, въ свою пользу, и сверхъ того еще десять золотыхъ и на имя Вихрова.

Ничего подобнаго и въ голову герою моему конечно не приходило, и его, напротивъ, въ этомъ дѣлѣ заняла совершенно другая сторона, о которой онъ, по прїѣздѣ въ городъ, и поѣхалъ сейчасъ же поговорить съ прокуроромъ.

— Ну, Иларіонъ Ардальоновичъ, — сказалъ онъ, входя къ Захаревскому: — я сейчасъ со слѣдствія; во-первыхъ, это — святѣйшее и величайшее дѣло: слѣдователь важнѣе попа для народа; уполномоченный правомъ государства, онъ входитъ въ домъ къ человѣку, дѣлаетъ у него обыскъ, требуетъ отвѣтовъ отъ его совѣсти, это чортъ знаетъ что такое!

— Значить, вамъ понравилось?

— Это не то, что понравилось, это какой-то трепетъ гражданскій произвело во мнѣ; и вы знаете

ли, что у насъ слѣдователь въ одномъ лицѣ своемъ заключаетъ и прокурора иностраннаго, и адвоката, и присяжныхъ, и все это онъ дѣлаетъ одинъ, тайно въ своей камерѣ.

Захаревскій, не совсѣмъ понявъ его мысль, смотрѣлъ на него вопросительно.

— Смотрите, что выходитъ — продолжалъ Вихровъ: — по иностраннымъ законамъ прокуроръ долженъ быть *пристрастно* строгъ, адвокатъ долженъ быть *пристрастно* человѣченъ; а слѣдователь долженъ быть то и другое, да еще носить въ себѣ убѣжденіе присяжныхъ — что виновно-ли извѣстное лицо или нѣтъ, и сообразно съ этимъ подбирать всѣ факты.

— Ну, нѣтъ! — возразилъ Захаревскій: — у насъ слѣдователь имѣетъ больше характеръ обвиняющаго прокурора; а роль адвоката играютъ депутаты словные.

— Хороши, батюшка, наши депутаты; я у моего депутата едва выцарапалъ его кліентовъ. Потомъ-съ, этотъ нашъ расколъ... смѣло можно сказать, что если гдѣ сохранилась поэзія народная, такъ это только въ расколѣ; эти ихъ моленныя, эти ихъ служенія, тайны какъ у первобытныхъ христіанъ! Многіе обыкновенно говорятъ, что расколъ есть чепуха, невѣжество! Напротивъ, въ каждой почти сектѣ я вижу мысль: у нихъ, на примѣръ, въ сектѣ *Христова Любови* явно замѣтенъ протестъ противъ брака: соберутся мужчины и женщины, и послѣ пзвѣстныхъ молитвъ — кому какая временно супружница достается, тою и владѣютъ; въ противоположность этой сектѣ, аскетизмъ у нихъ доведенъ въ хлыстовщинѣ до бичеванія себя вервьями, и наконецъ высшая его точка

проявилась въ окончательномъ искаженіи человѣческой природы — это скопцахъ. Далѣе теперь: обрядовая сторона религіи, очень, конечно, украсившая, но вмѣстѣ съ тѣмъ много и реализировавшая ее, у нихъ въ безпововщинѣ совершенно уничтожена: ничего нѣтъ кромѣ моленія по Іисусовой молитвѣ; — какъ хотите, все это не глупыя вещи!

— Еще бы! — согласился и прокуроръ: — но надобно знать, что здѣшніе чиновники съ этими раскольниками дѣлаютъ, какъ ихъ обираютъ, — повѣрить трудно! повѣрить невозможно!.. — повторилъ онъ нѣсколько разъ.

— Ну-съ, — подхватилъ Вихровъ: — вы говорили что губернаторъ хотѣлъ мнѣ всѣ дѣла эти передать, и я обстою раскольниковъ отъ вашихъ господъ чиновниковъ...

— Вы сдѣлаете великое и благородное дѣло, — подхватилъ Захаревскій: — я, откровенно говоря, и посовѣтовалъ губернатору отдать вамъ эти дѣла, именно имѣя въ виду, что вы повыметите разнаго рода грязь, которая въ нихъ существуетъ.

— Все сдѣлаю, все сдѣлаю! — говорилъ Вихровъ, рѣшительно увлекаясь своимъ новымъ дѣломъ и очень довольный, что приобрѣлъ его: — изучу весь этотъ бытъ, составлю объ немъ книгу, перешлю и напечатаю ее за-границей.

— Да благословитъ васъ Богъ на это! — ободрялъ его прокуроръ.

Вслѣдъ за тѣмъ Вихровъ объѣхалъ всѣ, какія были въ городѣ, книжныя лавчонки, вездѣ спрашивалъ: нѣтъ-ли какихъ-нибудь книгъ о раскольникахъ, — и не нашелъ ни одной.

III.

Разныя вѣсти и новости изъ родины.

Въ губернскомъ городѣ, между тѣмъ, проходила полная самыми разнообразными удовольствіями зима: дама сердца у губернатора очень любила всякія удовольствія, и попреимуществу любила она составлять благородные спектакли — не для того, чтобы играть что-нибудь на этихъ спектакляхъ, или этакъ, какъ любили другія дамы, поболтать на репетиціяхъ о чемъ-нибудь, совсѣмъ не касающемся театра; но она любила только наряжаться для театра въ костюмы театральные, и, можетъ быть, дѣлала это даже не безъ цѣли, потому что въ разнообразныхъ костюмахъ она какъ-будто бы еще сильнѣй производила впечатлѣніе на своего суроваго обожателя: онъ смотрѣлъ на нее, какъ-то болѣе обыкновеннаго выпуча глаза, черезъ очки, не громко хохоталъ и слегка подрягивалъ ногами.

Виссаріонъ Захаревскій, по окончательномъ расчетѣ съ подрядчиками, положивъ, говорятъ, тысячь двадцать въ карманъ, съ совершенно торжествующимъ видомъ каталъ въ своемъ щегольскомъ экипажѣ по городу. Разъ онъ заѣхалъ къ брату.

— Сейчасъ я отъ сестры письмо получилъ, сказалъ онъ: — она пишетъ, что будетъ такъ добра — пріѣдетъ гостить къ намъ.

Лицо прокурора при этомъ не выразило ни удовольствія, ни неудовольствія. Онъ былъ изъ самыхъ холодныхъ и равнодушныхъ родныхъ.

— Гдѣ же ей остановиться, — продолжалъ инженеръ, любившій прежде всего рѣшать самые ближайшіе и насущные вопросы: — у меня, разумѣется!

— Пожалуй, если захочетъ, и у меня можетъ.

— Гдѣ-жь тутъ у тебя — въ муръвъ твоей; но дѣло въ томъ, что меня разныя госпожи иногда посящаютъ. Не прекратить же мнѣ этого удовольствія для нея! Что ей вздумалось приѣхать? Я сильно подозреваю, что постоялецъ мой играетъ въ этомъ случаѣ большую роль. Ты писалъ ей, что онъ здѣсь?

— Писалъ, — отвѣчалъ прокуроръ.

— То-то она съ такимъ восторгомъ расписалась объ немъ, закликаетъ меня подружиться съ нимъ и говорить, что „дружба съ нимъ возвыситъ мой матеріальный взглядъ!“ Какъ и чѣмъ это онъ сдѣлаетъ, и для чего это мнѣ нужно, — неизвѣстно. Инженеръ любилъ сестру, но считалъ ее немножко душой начитанной.

— Вихровъ — человѣкъ отличный, — проговорилъ Иларіонъ Захаревскій.

— Я ничего и не говорю, пусть бы женился, я очень радъ; у него и состояніе славное, — подхватилъ инженеръ, и затѣмъ, простившись съ братомъ, снова съ своей веселой, улыбающейся физиономіей поѣхалъ по улицамъ и стогнамъ города.

Вихровъ все это время былъ занятъ своимъ расколомъ, и по поводу его именно сидѣлъ и писалъ Мари дальнѣйшее письмо.

„Во-первыхъ, моя ненаглядная кухня, изъ опытовъ жизни моей я убѣдился, что я очень живучее животное — совершенно кошка какая-то: съ какой высоты ни сбросите меня, въ какую грязь ни шлеп-

ните, всегда встану на лапки, и хоть косточки поламываетъ, однако вскорѣ же отряхнусь, побѣгу и добуду себѣ какой-нибудь клубочекъ для развлечения. Чего жесточе удара было для меня, когда я во дни оны услышалъ, что вы, немилосердая, выходите замужъ: я выдержалъ нервную горячку, чуть не умеръ, чуть въ монахи не ушелъ; но сначала поразсѣялъ меня мой незамѣнимый пріятель Невѣдомовъ, хватилъ потомъ своимъ обаяніемъ университетъ, я и поднялся на лапки. Нынѣ сослали меня почти въ ссылку, отняли у меня право предаваться самому дорогому и самому пріятному для меня занятію — еочинительству; наконецъ, что тяжеле мнѣ всего, меня снова разлучили съ вами. Какъ бы, кажется, не растянуться враспяжку совсѣмъ, а я все-таки еще бодрюсь и окунулся теперь въ російскій расколъ. Кузина, кузина! какое это большое, громадное и поэтическое дѣло русской народной жизни! Кто не знаетъ раскола въ Россіи, тотъ не знаетъ совсѣмъ народа нашего. Съ этой мыслью согласился даже нашъ начальникъ губерніи, когда я осмѣлился изъяснить ему оную. „Очень-съ радъ, говорить, что вы съ такимъ усердіемъ приступили къ вашимъ занятіямъ!“ Онъ конечно думаетъ, что въ этомъ случаѣ я ему хочу понравиться или выслужить Анну въ петлицу, и велѣлъ мнѣ передать весь комитетъ объ раскольникахъ, всѣ дѣла объ нихъ; и я теперь разослалъ циркуляръ ко всѣмъ исправникамъ и городничимъ, чтобы они доставляли мнѣ свѣдѣнія о томъ, какого рода въ ихъ вѣдомствѣ есть секты, о числѣ лицъ, въ нихъ участвующихъ, объ ихъ ремеслахъ и промыслахъ и наконецъ характеристику каждой секты

по обрядамъ ея и обычаямъ. Словомъ, когда я соберу эти свѣдѣнія, я буду имѣть полную картину раскола въ нашей губерніи, и потомъ все это, ѣздя по дѣламъ, я буду повѣрять самъ на мѣстѣ. Это сторона, такъ сказать, статистическая; но у раскола есть еще исторія, о которой изъ устъ ихнихъ врядъ-ли что можно будетъ узнать, — нужны книги; а потому, кузина, умоляю васъ, повѣжайте во всѣ книжныя лавки, и вездѣ спрашивайте — нѣтъ ли книгъ о расколѣ; съѣздите въ публичную бібліотеку, и если тамъ что найдете, велите сейчасъ мнѣ все переписать, какъ бы это сочиненіе велико ни было; если есть что-нибудь въ иностранной литературѣ о нашемъ расколѣ, попросите Исакова выписать; но только Бога ради — книгъ, книгъ о расколѣ, иначе я задохнусь безъ нихъ.“

Едва только герой мой кончилъ это письмо, какъ къ нему вошла Груша, единственная его докладчица, и сказала ему, что его просятъ на верхъ къ Виссаріону Ардальонычу.

— Зачѣмъ? — спросилъ Вихровъ.

— Тамъ барышня — сестрица ихъ пріѣхала изъ деревни; она, кажется, желаетъ васъ видѣть, — отвѣчала Груша съ не очень веселымъ выраженіемъ въ лицѣ.

— Ахъ, Боже мой, mademoiselle Юлія, схожу, — сказалъ Вихровъ и началъ одѣваться.

Груша не уходила отъ него изъ комнаты.

— Смотрите, одѣвайтесь наряднѣе; надобно понравиться вамъ барышнѣ-то — она невѣста! — сказала она не безъ колкости.

— Я желаю нравиться только вамъ, — сказалъ Вихровъ, раскланиваясь передъ ней.

Груша сама ему присѣла на это.

Вихровъ пошелъ наверхъ. Онъ засталъ Юлію въ красивенькой столовой инженера за столомъ, завтракающую; она только-что пріѣхала и была еще въ тепломъ, дорожномъ капотѣ, голова у ней была въ папильоткахъ. Нетерпѣніе ея видѣть Вихрова такъ было велико, что она пренебрегла даже довольно серьезнымъ неудобствомъ — явиться въ первый разъ на глаза мужчины растрепанною.

— Мерсі, что вы такъ скоро послушались моего приглашенія, — сказала она, кланяясь съ нимъ, но не подавая ему руки: — а я вотъ въ какомъ костюмѣ васъ принимаю и вотъ съ какими руками, — прибавила она, показывая ему свои довольно красивыя ручки, перевачыванныя въ котлетѣ, которую она сейчасъ скушала.

— Какъ здоровье вашего батюшки? — спросилъ, Богъ знаетъ зачѣмъ, Вихровъ.

— Ахъ, онъ очень, очень теперь слабъ и никуда почти не выѣзжаетъ!

Виссаріонъ Захаревскій, бывшій тутъ же и немножко прислушавшись къ этимъ переговорамъ, — обратился къ сестрѣ и Вихрову:

— Ну-съ, извините, я долженъ васъ оставить! — проговорилъ онъ: — мнѣ надо по моимъ дѣламъ и некогда слушать ваши бездѣльные разговоры. Иларіонъ вѣроятно скоро пріѣдетъ. Вихровъ, я надѣюсь, что вы у меня сегодня обѣдаете и на цѣлый день?

Юлія при этомъ бросила почти умоляющій взглядъ на Вихрова.

— Пожалуй! — проговорилъ тотъ протяжно.

Когда инженеръ ушелъ, молодые люди, оставшись вдвоемъ, замѣтно конфузились другъ друга. Герой мой и прежде еще замѣчалъ, что Юлія была благосклонна къ нему, но какъ и чѣмъ было ей отвѣчать на то — не вѣдалъ.

— Скажите, monsieur Вихровъ! — начала наконецъ Юлія съ участіемъ: — васъ прислали сюда за сочиненіе ваше?

— Да, за сочиненіе, — отвѣчалъ онъ.

— И я, вообразите, никакъ и нигдѣ не могла достать этой книжки журнала, гдѣ оно было напечатано.

— Ее довольно трудно теперь имѣть! — отвѣчалъ онъ потупляясь: ему тяжело было вести этотъ разговоръ.

— Но насъ, вѣдь, сначала, — продолжала Юлія, — пока вы не написали къ Живину, страшно напугала ваша судьба: вы человекъ вашего въ деревню послали, тотъ и рассказывалъ всѣмъ почти, что вы что-то такое въ Петербургѣ про Государя, что-ли, говорили, — что васъ схватили вмѣстѣ съ нимъ, посадили въ острогъ, — потомъ, что васъ съ кандалами на ногахъ повезли въ Сибирь и привезли потомъ къ губернатору, и что тотъ васъ на поруки уже къ себѣ взялъ.

— Это мой дуралей Иванъ отличается, — проговорилъ Вихровъ.

— И онъ ужасы рассказывалъ; что если, говорить, вы опять не возьмете его къ себѣ и не жените на какой-то дѣвушкѣ Грушѣ, что-ли, которая живетъ

у васъ, такъ онъ что-то такое еще донесетъ на васъ, и васъ тогда непременно сошлютъ.

— Экой негодяй какой! — произнесъ Вихровъ.

— Да, но меня такъ это напугало, что я все это время думала объ васъ.

Проговора это, Юлія невольно покраснѣла.

— Все это вздоръ! — произнесъ Вихровъ: — но что же, скажите, другіе мои знакомые подѣлываютъ?

— Ахъ, другіе ваши знакомые! однако я совсѣмъ было и забыла! — сказала Юлія и, вынувъ изъ кармана небольшое письмецо, подала его Вихрову.

— Отъ Катишъ Прихиной это къ вамъ, — прибавила она.

— Отъ Прихиной? — сказалъ Вихровъ и началъ читать. Письмо было не безъ значенія для него:

„Въ въ несчастіи, нашъ общій другъ!“ — писала Катишъ своимъ бойкимъ почеркомъ: „и этого довольно, чтобы всѣ мы протянули вамъ наши дружескія руки. Мужайтесь и молитесь, и мы тоже молимся за васъ, за исключеніемъ, впрочемъ, одной извѣстной вамъ особы, которая, когда ей сказали о постигшемъ васъ несчастіи, со своей знакомой, я думаю, вамъ насмѣшливой улыбкой, объявила, что она очень рада, что васъ за ваши вольнодумныя мысли и за разныя ваши пріятельскія компаніи наказываютъ! Какая же теперь ея-то компанія, интересно знать, какая ея компанія? Цалкинъ да нынче еще новый господинъ, нѣкто Хипинъ, — эти господа могутъ нравиться только ей одной! Словомъ, Вихровъ, я теперь навсегда разочаровалась въ ней; не помню, говорила ли я вамъ, что мои нравственные правила таковы: любить одинъ разъ женщинѣ даже преступной любовью

можно, потому что она неопытна, и ее могут обмануть. Когда известная особа любила сначала Постена, полюбила потомъ васъ... ну, я думала, что въ томъ ошиблась, и что вами ей не увлечься было трудно, но я все-таки всегда ей говорила: „Клеопаша, это послѣдняя любовь, которую я тебѣ прощаю!“ и положимъ, вы измѣнили ей, ну, умри тогда, умри по крайней мѣрѣ для свѣта; но мы еще, напротивъ, жить хотимъ... у насъ сейчасъ явился докторъ, и мнѣ всегда давали такой тонъ, что это будто-бы возбудить вашу ревность; но вотъ, наконецъ, вы уѣхали, возбуждать ревность стало не въ комъ, а докторъ все тутъ, и оказывается, что давно ужъ былъ такой же *amant* ея, какъ и вы. Такихъ женщинъ я ни уважать, ни любить не могу. Про себя мнѣ рѣшительно нечего вамъ сказать: я, какъ и прежде вы знали меня, давно уже умерла для всего, что слѣдовало, по моему, сдѣлать и *madame* Фатѣвой.

„Письмо это передастъ вамъ дѣвушка, у которой золотая душа и бриллиантовое сердце.

„Остаюсь вся ваша,
„Прыхина.“

— Зачѣмъ это *вся ваша*, — сказалъ Вихровъ, дочитавъ письмо: — я и частью ея не хочу воспользоваться!

— Это ужъ она такъ расписалась отъ сильной дружбы къ вамъ, — отвѣчала Юлія, все время чтенія письма внимательно смотрѣвшая на Вихрова.

— Что жъ она разсорилась, что-ли, съ Фатѣвой... — спросилъ онъ съ небольшой краской въ лицѣ и держа глаза нѣсколько потупленными.

— Нѣтъ, но Катишь возмутилась противъ ея поступковъ. Вы знаете, она, вѣдь, такая поэтическая дѣвушка.

— А что же Фатѣва все доктора любитъ? — продолжалъ спрашивать Вихровъ, держа попрежнему глаза опущенными въ землю.

— Нѣтъ, тотъ женился ужъ!.. Теперь, говорятъ, другой или третій даже; впрочемъ я не знаю этого подробно, — прибавила Юлія, какъ бы спохватившись, что дѣвушкѣ несовсѣмъ идетъ говорить о подобныхъ вещахъ.

— А что, скажите, Кергель и Живинъ? — спросилъ Вихровъ.

— Кергель продолжаетъ писать стихи, а Живинъ, какъ вы уѣхали, заперся дома, никуда не показывается и все, говорятъ, скучаетъ объ васъ.

— Какой отличный человѣкъ!

— Отличный; знаете, какъ у Жоржъ-Зандъ этотъ Жакъ — простой, честный, умный, добрый: я не знаю почему, всегда его себѣ Жакомъ воображаю.

— Удобный мужъ, значить, изъ него будетъ.

— Вѣроятно; но я, впрочемъ, никогда бы не желала имѣть удобнаго только мужа.

— А какого же бы вы желали? — какого-нибудь лучше измѣнщика, что-ли?

— Да, ужъ лучше измѣнщика, — отвѣчала Юлія, устремляя при этомъ такой нѣжный и такой масляный взглядъ на Вихрова, что онъ даже потупился.

Дальнѣйшій разговоръ ихъ, впрочемъ, былъ прерванъ прїѣздомъ прокурора. Онъ дружески, но не съ особенной нѣжностью, поздоровался съ сестрою и, пожавъ руку Вихрову, сѣлъ около нея.

— Это хорошо, что ты къ намъ пріѣхала, — сказалъ ей онъ, и потомъ обратился къ Вихрову: — вы старые знакомые съ ней?

— Да, — отвѣчалъ тотъ.

— Я даже всѣ тайны monsieur Вихрова знаю, — подхватила Юлія.

— Всѣ тайны мои знаетъ, — подхватилъ и Вихровъ.

— Зато здѣсь у него нѣтъ ни одной, за это тебѣ ручаюсь, — проговорилъ прокуроръ.

— Это очень пріятно слышать! — сказала Юлія, опять устремляя на Вихрова почти нѣжный взоръ.

— А я сейчасъ отъ губернатора, — началъ Иларіонъ Ардадьоничъ, обращаясь снова къ Вихрову: — онъ поручилъ мнѣ передать вамъ, какъ это назвать... приказаніе его, предложеніе, просьбу: здѣсь затѣвается благородный спектакль, и братъ Виссаріонъ почему-то сказалъ ему, что вы — актеръ отличный, и губернаторъ проситъ васъ непременно принять участіе въ составѣ его спектакля, и такъ какъ это дѣло спѣшное, то не медля же ѣхать къ madame Пиколовой, которая всѣмъ этимъ дѣломъ орудуетъ.

— О, Богъ съ ней, къ этой госпожѣ ѣхать!

— А кто такая эта Пиколова? — спросила Юлія.

— Она здѣсь еще извѣстна подъ именемъ дамы сердца губернаторскаго, — объяснилъ ей братъ.

— А! — произнесла Юлія.

— Нѣтъ, вы поѣзжайте, — обратился прокуроръ къ Вихрову: — потому что, во-первыхъ, пзъ этихъ пустяковъ вамъ придется ссориться съ этимъ господиномъ, а во-вторыхъ, вы и сами любите театръ,

я вижу это сейчасъ по лицу вашему, которое приняло какое-то особенное выраженіе.

— Но мнѣ некогда, у меня другаго дѣла много, — говорилъ Вихровъ, не такимъ ужъ рѣшительнымъ голосомъ: актерская жилка въ немъ, въ самомъ дѣлѣ, заговорила; при одномъ словѣ «театръ», у него какъ будто бы что-то ударило въ голову и екнуло въ сердцѣ.

— Тебя тоже просили, — прибавилъ прокуроръ сестрѣ.

— Я готова, если только monsieur Вихровъ будетъ участвовать, — отвѣчала она: — а то, пожалуй, будутъ все незнакомые мужчины! — поспѣшила она прибавить.

— Да, я буду, пожалуй, — проговорилъ Вихровъ: у него уже все лицо горѣло.

— Но только сейчасъ же и поѣзжайте къ madame Пиколовой, чтобы условиться съ ней о пьесахъ.

— Хорошо, — проговорилъ Вихровъ и пошелъ.

— Обѣдать только возвращайтесь къ намъ, — сказала ему вслѣдъ Юлія.

— Приѣду, — отвѣчалъ ей Вихровъ уже болѣе механически и, придя къ себѣ въ комнату, съ замѣтнымъ волненіемъ сѣлъ и дописалъ къ Мари:

«У меня появилось еще новое занятіе: здѣсь затѣвается театръ, и я буду участвовать въ немъ; ну, не живучій ли я и не рѣзвый ли вотенокъ послѣ того: всякій вздоръ меня увлекаетъ!»

Покуда онъ потомъ сѣлъ на извозчика и ѣхалъ къ madame Пиколовой, мысль о театрѣ все больше и больше въ немъ росла. «Играть будутъ, вѣроятно, въ настоящемъ театрѣ, думалъ онъ, и слѣдовательно

можно будетъ сыграть большую піесу: предложу имъ «Гамлета»! Возрастъ Ромео для него уже прошелъ, настала болѣе рефлексивная пора — пора Гамлетовъ.

Madame Пиколову, очень миленькую и граціозную даму, въ щегольскомъ, домашнемъ костюмѣ, онъ засталъ сидящею около стола, на которомъ разложены были разныя піесы, и она рѣшительно, кажется, недоумѣвала, что съ нимъ ей дѣлать: она была весьма недалняго ума.

— Здравствуйте, monsieur Вихровъ, — сказала она: — научите, пожалуйста, что намъ взять играть: вы, говорятъ, сами пишете!

Вихровъ, рѣшившійся не откладывать объясненія, началъ прямо:

— Все это, что лежитъ передъ вами, совершенная глупость! — сказалъ онъ.

— Глупость? — спросила Пиколова, немного съ удивленіемъ уставляя на него свои глаза: она никакъ не полагала, чтобы что-нибудь печатное могло быть глупостью.

— Мы сыиграемъ очень умную и великолѣпную вещь — «Гамлета»! — проговорилъ Вихровъ.

— «Гамлета»? Ахъ, позвольте, я видѣла что-то такое въ Москвѣ, — проговорила Пиколова, прищуривъ немного свои хорошенькіе глазки.

— Да, вѣроятно!

— Тутъ, кажется, представляется все дворъ.

— Да, дворъ съ разными негодяями, между которыми страдаетъ честный Гамлетъ.

— Кого же я тутъ буду играть? — спросила Пиколова.

— Вы будете, если пожелаете, играть Офелію.

— А какой костюмъ ей надо?

— Костюмъ въ первыхъ актахъ у ней: обыкновенное, шелковое платье фрейлины со шлейфомъ.

— Со шлейфомъ же однако!... И все одинъ костюмъ!...

— Нѣтъ, въ послѣднемъ актѣ она является сумасшедшей: въ вѣнчалномъ, сколько я помню, вуалѣ, съ бѣлыми цвѣтами на головѣ и съ распущенными волосами.

— Это, должно быть, очень недурно...—И madame Пиколова, вообразивъ самое себя въ этомъ костюмѣ, нашла, что она будетъ очень хороша; а главное, она никогда не бывала въ такомъ костюмѣ. — Платье должно быть бѣлое?

— Бѣлое!

— Это очень будетъ красиво!— проговорила Пиколова, и такимъ образомъ судьба «Гамлета» была рѣшена: его положено было сыграть во что бы то ни стало.

— Я буду играть Гамлета, — сказалъ Вихровъ: — и вы будете въ меня влюблены, — прибавилъ онъ, видя, что его собесѣдницѣ надобно было растолковать самое содержаніе пьесы.

— Но я однако не очень буду въ васъ влюблена?— спросила она.

Madame Пиколова побавивалась въ этомъ случаѣ своего обожателя, который былъ сильно ревнивъ.

— Нѣтъ, не очень! — успокоилъ ее Вихровъ: — такъ вы, значить, и скажете Ивану Алексѣевичу (имя губернатора), что мы выбрали «Гамлета»?

— Непремѣнно скажу; но только вы навѣрное ли знаете, что въ послѣднемъ актѣ я должна буду быть

въ вуаль и въ цвѣтахъ? — переспросила она еще разъ его.

— Навѣрное знаю, — отвѣчалъ онъ ей, и поспѣшилъ уѣхать, потому что наступалъ уже часъ обѣда Захаревскихъ.

— Довольны ли вы, что я впуталъ васъ въ театр? — спросилъ его Виссаріонъ Захаревскій.

— Ни то, ни се, — отвѣчалъ Вихровъ, садясь около Юліи.

— Что же вы рѣшили: что будете играть? — спросилъ Иларіонъ Захаревскій.

— «Гамлета», — отвѣчалъ Вихровъ и покраснѣлъ немного. Онъ заранѣе предчувствовалъ, что ему посыплются возраженія.

— Какъ «Гамлета»?... — воскликнули всѣ въ одинъ голосъ.

— «Гамлета-съ», — повторилъ Вихровъ.

— Но это очень трудно, — замѣтилъ Иларіонъ Захаревскій. Кто самого Гамлета будетъ играть?

— Вашъ покорный слуга, — отвѣчалъ Вихровъ.

Прокуроръ и при этомъ отвѣтѣ недоумѣвалъ.

— Вы отлично съиграете Гамлета, — подхватила Юлія.

— Но Офелію — кто же? — продолжалъ прокуроръ.

— Офелію — madame Пиколова, — отвѣчалъ Вихровъ.

Опять оба брата придали нѣсколько удивленное выраженіе своимъ лицамъ.

— Но развѣ вы не замѣтили, что она очень глупа, — проговорилъ прокуроръ.

— И Офелія въ самой пьесѣ не очень умна, — отвѣчалъ Вихровъ.

— Миѣ, значитъ, въ вашемъ спектаклѣ и нѣтъ никакой роли — бѣдная я, бѣдная! — проговорила, какъ бы шутя, но въ глубинѣ души съ грустью, Юлія.

— Вамъ Гертруду можно играть, — сказалъ ей Вихровъ.

— Хорошо, я хоть Гертруду буду играть, — сказала Юлія съ просіявшимъ взоромъ.

Слушая всѣ эти переговоры съ усмѣшкой, инженеръ вмѣшался наконецъ въ разговоръ.

— Я не знаю, прилично ли дѣвушкамъ играть Гертруду: она немножко дурнаго поведенія.

— О, вздоръ какой, — проговорила Юлія.

— Ну, это что же! — поддержалъ ее и Иларіонъ Захаревскій.

IV.

Герой мой въ роли Гамлета.

Выборъ такой большой пьесы, какъ «Гамлетъ», произвелъ удивленіе и смѣхъ въ публикѣ; но madame Пиколова хотѣла непременно, чтобы пьесу эту играли, — хотѣлъ того, значитъ, и грозный начальникъ губерніи и въ этомъ случаѣ несколько не церемонился: роль короля, напримѣръ, онъ прислалъ съ жандармомъ къ председателю казенной палаты, весьма красивому и гордому изъ себя мужчинѣ, и непременно требовалъ, чтобы тотъ черезъ недѣлю выучилъ эту роль.

Многіе насмѣшники, конечно изподтишка, говорили, что такъ какъ Клавдій — злодѣй и узурпаторъ,

то всего бы лучше, по своимъ душевнымъ свойствамъ, играть эту роль самому губернатору. Полонія madame Пиколова отдала мужу, жирному и бѣлобрысому лимфатику, и когда въ публикѣ узнали, что Полоній былъ великій подлець, то совершенно одобрили такой выборъ. Прочія роли: Лаерта, тѣни, Гильденшерна и Розенкранца разобрали между собой разные молодые люди, и не столько желали сыграть эти роли, сколько посмѣшить всѣмъ этимъ представленіемъ публику. Всѣ эти насмѣшки и глумленія доходили, разумѣется, и до Вихрова, и онъ въ душѣ страдалъ отъ нихъ; но, по наружности, сохранялъ совершенно спокойный видъ и, нечего грѣха таить, безконечно утѣшался мыслию, что онъ наконецъ будетъ играть на настоящемъ театрѣ, выйдетъ изъ настоящимъ образомъ устроенныхъ декораций, и суфлеръ будетъ сидѣть въ будкѣ передъ нимъ, а не съ боку станетъ суфлировать изъ-за декораций. Передъ наступленіемъ первой репетиціи онъ безпрестанно ѣздилъ ко всѣмъ участвующимъ и долго имъ толковалъ, что если ужъ играть что-либо на благородныхъ спектакляхъ, такъ непременно надо что-нибудь большое и умное, такъ что всѣ невольно прибодрились и начали думать, что они въ самомъ дѣлѣ дѣлаютъ что-то умное и большое; даже предсѣдатель казенной палаты не съ такимъ грустнымъ видомъ сидѣлъ и училъ роль короля Клавдія; молодежь же стала меньше насмѣшничать. Костюмъ Офеліи Пиколова перемѣнила по крайней мѣрѣ разъ пять и все совѣщалась объ этомъ съ Вихровымъ; наконецъ онъ ее одѣлъ для послѣдняго акта въ бѣлое платье, но совершенно безъ юбокъ, такъ что платье облегало

около ея ногъ, вуаль былъ едва приколотъ, а цвѣты, бѣлыя камелии, спускались тоже не совсѣмъ въ порядкѣ на одну сторону. Пиколова, взглянувъ на себя въ трюмо, была въ восторгѣ отъ этого поэтическаго растрепе.

Первая репетиція назначена была въ домѣ начальника губерніи. Юлію возить на репетицію братья Захаревскіе поручилъ въ ихней, разумѣется, каретѣ Вихрову. Когда Юлія въ первый разъ поѣхала съ нимъ, она ужасно его конфузилась, и боялась, кажется, кончикомъ платья прикоснуться къ нему. Всѣ дѣйствующія лица выучили уже свои роли, такъ какъ всѣ они очень хорошо знали, что строгій ихъ предприниматель, съ самаго уже начала репетиціи стоявшій у себя въ залѣ на вытяжкѣ и сильно нахмутивъ брови, не любилъ шутить въ этомъ случаѣ и еще въ прошломъ году одного предводителя дворянства, который до самаго представленія не выучилъ своей роли, распекъ при цѣломъ обществѣ, и кромѣ того къ очередной наградѣ еще не представилъ.

Вихровъ началъ учить всѣхъ почти съ голосу, и его ли въ этомъ случаѣ внушенія были слишкомъ велики, или и участвующіе сильно желали какъ можно лучше сыграть, но только всѣ они очень скоро стали подражать ему.

— Бога ради, — кричалъ Вихровъ королю, — помните, что Клавдій — не пошлый человѣкъ, и хоть у переводчика есть это немножко въ тонѣ его рѣчи, но вы выражайтесь какъ можно величественнѣе! — И предсѣдатель казенной налаты началъ въ самомъ дѣлѣ произносить величественно.

— Madame Пиколова, толковалъ мой герой дамѣ сердца начальника губерніи: — Гамлетъ тутъ выше всей этой толпы, и вы только любовью своей вышааетесь до меня и начинаете мнѣ сочувствовать.

— Тише говорите объ этомъ, — шепнула она ему: — Ивану Алексѣевичу можетъ это не понравиться!

— Очень мнѣ нужно, понравится ему это или нѣтъ! — возразилъ ей Вихровъ.

Пиколова погрозила ему на это пальчикомъ. Лучше всѣхъ у Вихрова сошла сцена съ Юліей. Онъ ей тоже объяснилъ главный психологическій мотивъ всей этой сцены.

— Это стыдъ — стыдъ женщины, предавшейся пороку, и стыдъ передъ самымъ страннымъ судьей — своимъ собственнымъ сыномъ!

Юлія представила, что она убита была стыдомъ. О величественности королевы ей хлопотать было нечего: она была величественна по натурѣ своей.

Всѣми этими распоряженіями Вихрова начальникъ губерніи оставался очень доволенъ.

— Благодарю васъ, благодарю! — говорилъ онъ, дружески пожмая ему руку, когда тотъ раскланивался съ нимъ и уѣзжалъ съ mademoiselle Захаревской домой.

Та въ каретѣ, попрежнему, сѣла далеко, далеко отъ него, и, только ужъ подъѣзжая къ дому, тихо проговорила:

— А что, хорошо я играла?

— Отлично! — ободрилъ ее Вихровъ.

— Это вы меня вдохновили; прежде я очень дурно играла.

Вихровъ ничего ей на это не отвѣчалъ, и, вы-

садивъ ее у крыльца изъ кареты, сейчасъ же поспѣшилъ уйти къ себѣ на квартиру. Чѣмъ дальше шли репетиціи, тѣмъ выходило все лучше и лучше, и одинъ только Полоній, мужъ Пиколовой, былъ изъ рукъ вонъ плохъ.

Какъ Вихровъ ни толковалъ ему, что Полоній хитрецъ, лукавецъ, Пиколовъ только и дѣлалъ, что шамкалъ какъ-то языкомъ, пришепетывалъ и былъ просто омерзителенъ. Вихровъ въ ужасъ отъ этого приходилъ и, никакъ не удержавшись, сказалъ о томъ губернатору.

— Пиколовъ невозможенъ, ваше превосходительство, онъ все испортитъ!

— Что за вздоръ-съ, не хуже другихъ будетъ!— окрысился на первыхъ порахъ начальникъ губерніи, но, пріѣхавъ потомъ къ madame Пиколовой, объяснилъ ей о томъ.

— Я тогда еще говорила, — отвѣчала та: — гдѣ же ему что-нибудь играть... на что онъ способенъ?

— Такъ мы его замѣнимъ, значитъ, — произнесъ начальникъ губерніи.

— Пожалуйста замѣните, а то таскается со мной на репетиціи — очень нужно!

Пріѣхавъ домой, начальникъ губерніи сейчасъ же послалъ къ Вихрову жандарма, чтобы тотъ немедля прибылъ къ нему. Тотъ пріѣхалъ.

— Послушайте, Пиколовъ самъ не хочетъ играть, кому бы предложить его роль?

— Я слышалъ, что здѣсь совѣтный судья хорошо играетъ, — отвѣчалъ Вихровъ, уже прежде наводившій по городу справки, кѣмъ бы можно было замѣнить Пиколова.

— Ахъ, да, я помню, что онъ отлично игралъ, — подхватилъ губернаторъ: — съѣздите, пожалуйста, и предложите ему отъ меня, чтобы онъ взялъ на себя эту роль.

Изъ одного этого приѣма, что начальникъ губерніи просилъ Вихрова съѣздить къ судью, а не послалъ къ тому прямо жандарма съ ролью, видно было, что онъ третировалъ судью нѣсколько инымъ образомъ, и тотъ дѣйствительно былъ весьма самостоятельный и въ высшей степени обидчивый человекъ. У дикихъ звѣрей есть, говорятъ, инстинктивный страхъ къ тому роду животного, которое современемъ пришибетъ ихъ. Губернаторъ, не давая себѣ отчета, почему-то побоялся судьи.

Когда Вихровъ предложилъ тому роль Полонія, судья, явно чѣмъ-то обиженный, рѣшительно отказался.

— Господинъ губернаторъ ранѣе долженъ былъ бы подумать объ этомъ; я, сколько здѣсь ни было благородныхъ спектаклей, во всѣхъ въ нихъ участвовалъ.

— Ей-богу, въ этомъ виноватъ не губернаторъ, а я, — завѣрялъ его Вихровъ.

— Вы здѣсь — человекъ новый, а потому не можете знать всего общества, а онъ его долженъ знать хорошо.

— Пожалуйста, съиграйте! — настойчиво упрашивалъ его Вихровъ.

— Устройте сами театръ — я сейчасъ буду играть, а если устраиваетъ губернаторъ — я не стану.

Вихровъ возвратился къ губернатору и передалъ, что судья рѣшительно отказался.

— Хорошо-съ, — сказалъ начальникъ губерніи и

поблѣднѣлъ только въ лицѣ. Вихровъ, послѣ того, Христомъ и Богомъ упросилъ играть Полонія — Виссаріона Захаревскаго, и хотъ военнымъ, какъ извѣстно, въ то время не позволено было играть, но начальникъ губерніи сказалъ, что — ничего, только бы игралъ; Виссаріонъ все хохоталъ: хохоталъ, когда ему предлагали, — хохоталъ, когда сталъ учить роль (но противорѣчить губернатору, по его уже извѣстному намъ правилу, онъ не хотѣлъ), и говорилъ только Вихрову, что онъ боится больше всего расхохотаться на сценѣ, и игра у него выходила такъ, что нѣсколько стиховъ скажетъ вѣрно, а потомъ и заговоритъ не какъ Полоній, а какъ Захаревскій.

Въ городѣ, между тѣмъ; по случаю этого спектакля, разные небогатыя городскія сплетницы, перебѣгая изъ дома въ домъ, рассказывали, что Пиколова сдѣлала себѣ костюмъ для Офеліи на губернаторскія, разумѣется, деньги въ тысячу рублей серебромъ, — что инженеръ Виссаріонъ Захаревскій тоже сдѣлалъ себѣ и сестрѣ костюмъ въ тысячу рублей: и тотъ дѣйствительно сдѣлалъ, но только не въ тысячу, а въ двѣсти рублей для Юліи и въ триста для себя; про Вихрова говорили, что онъ отлично играетъ. Молодежь, участвовавшая въ спектаклѣ, жаловалась, что на ренетиціяхъ заведена такая строгость: чуть кто опоздаетъ, губернаторъ, по наущенію Вихрова, сейчасъ же беретъ съ виновнаго штрафъ десять рублей въ пользу дѣтскаго пріюта.

Наступилъ наконецъ и часъ спектакля.

Когда Вихровъ вышелъ изъ своей уборной, одѣтый въ костюмъ Гамлета, первая его увидала Юлія, тоже уже одѣтая королевой.

— Ахъ, какъ къ вамъ идетъ этотъ костюмъ! — какъ-бы невольно воскликнула она.

— А что же? — спросилъ Вихровъ не безъ удовольствія.

— Чудо что такое! — повторяла Юлія съ явнымъ восторгомъ. Даже Пиколова, увидавъ его и отойдя потомъ отъ него, — проговорила королю: „какъ Вихровъ хорошъ въ этомъ костюмѣ!“

Когда потомъ занавѣсъ открылся, и король съ королевой, въ сопровожденіи всего придворнаго кортежа, вышли на сцену, Гамлетъ шелъ сзади всѣхъ. Онъ одинъ былъ одѣтъ въ траурное платье и не смотря на эту простую одежду, сейчасъ же показался замѣтнѣе всѣхъ.

«Ни слезы, ни тоска, ни черная одежда,
«Ничто не выразитъ души смятенныхъ чувствъ,
«Которыми горестно терзаюсь я!»

Говорилъ Вихровъ, и при этомъ его голосъ, лицо, вся фигура выражали то же самое.

«Башмаковъ еще не износила!

восклидалъ онъ потомъ, оставшись уже одинъ на сценѣ:

«Въ которыхъ шла за гробомъ мужа,
«Какъ бѣдная вдова въ слезахъ, —
«И вотъ, она — жена другаго;
«Звѣрь безъ разума, безъ чувствъ,
«Грустилъ бы долѣ!»

и при этомъ начальникъ губерніи почему-то проследился даже; одно только ему не понравилось, что Пиколова играла какую-то подчиненную роль; она, по наученію Вихрова, представляла какое-то совер-

шенно покорное ему существо. Начальникъ губерніи любилъ, чтобы дама его сердца была всегда и вездѣ первая.

Въ послѣдующей за тѣмъ сценѣ Гамлета и матери, Юлія прекрасно стыдилась, и когда Вихровъ какимъ-то печальнымъ голосомъ восклицалъ ей:

«Если ты не добродѣтельна, то притворись!

«Привычка — чудовище, и можетъ къ добру насъ обратить!»

Начальникъ губерніи опять при этомъ прослезился, но что привело его въ неописанный восторгъ, это— когда Пиколова явилась въ костюмѣ сумасшедшей Офеліи. Она, злодѣйка, прежде и не показала ему въ этомъ нарядѣ, какъ онъ ни просилъ ее о томъ... Начальникъ губерніи какъ-бы заржалъ даже отъ волненія: такое впечатлѣніе произвела она на него своею поэтическою наружностью и попреимуществу еще тѣмъ, что платье ея обгибалось около всѣхъ почти формъ ея тѣла...

— Отлично, отлично! — говорилъ онъ, закрывая даже глаза подъ очками, какъ бы страхась и видѣть это милое созданіе, — но этимъ еще не все для него кончилось.

Вдругъ madame Пиколова (она также и это отъ него хранила въ тайнѣ), madame Пиколова, въ своемъ эфирномъ костюмѣ съ распущенными волосами, зашла:

- Въ бѣлыхъ перьяхъ
- «Статный воинъ,
- «Первый Далии боецъ!»

У начальника губерніи, какъ нарочно, на колѣнахъ лежала шляпа съ бѣлымъ султаномъ...

«Въ бѣлыхъ перьяхъ!»

повторяла madame Пиколова своимъ довольно приятнымъ голосомъ. Губернаторъ при этомъ потрясалъ только ногой и лежащею на ней шляпой... Когда занавѣсъ опустили, онъ какъ-то судорожно подмахнулъ къ себѣ рукою полиціймейстера, что-то сказалъ ему; тотъ сейчасъ же выбѣжалъ, сейчасъ поскакалъ куда-то, и вскорѣ послѣ того въ буфетной кухнѣ театра появились повара губернатора и начали стряпаль.

Когда за тѣмъ прошелъ послѣдній актъ, и публика стала вызывать больше всѣхъ Вихрова, и онъ въ свою очередь выводилъ съ собой всѣхъ,— губернаторъ неистово вбѣжалъ на сцену, прямо подлетѣлъ къ madame Пиколовой, поцѣловалъ у нея неистово руку и объявилъ всѣмъ участвующимъ, чтобы никто не раздѣвался изъ своихъ костюмовъ, а такъ бы и сѣли всѣ за ужинъ, который будетъ приготовленъ на сценѣ, когда публика разѣдется.

Всѣмъ это предложеніе очень понравилось.

Послѣ Пиколовой губернаторъ сталъ благодарить Вихрова.

— Благодарю, благодарю,— говорилъ онъ, дружески потрясая ему руку.—И вы даже не смѣялись на сценѣ,— прибавилъ онъ все немножко вертѣвшемуся у него передъ глазами Захаревскому.

— Васъ все боялся, ваше превосходительство, — отвѣчалъ тотъ бойко: — только захочется смѣяться, взгляну на васъ, и отойдетъ.

— Почему же отойдетъ?— спрашивалъ губернаторъ.

— Не до смѣху, ваше превосходительство, при васъ никому; очень ужъ вы грозны.

— Ха, ха, ха! — засмѣялся самодовольно губернаторъ.

Виссаріонъ Захаревскій зналъ, когда и чѣмъ можно было шутить съ начальникомъ губерніи.

Вскорѣ офиціанты губернатора начали накрывать на сценѣ довольно парадный ужинъ. Изъ числа публики остались и вздумали войти на сцену прокуроръ и упрямый судья. Увидавъ послѣдняго, губернаторъ сейчасъ же окрысился и съ мгновенно-освирѣпѣвшимъ взоромъ закричалъ на него:

— Уходите, уходите, вамъ здѣсь нечего дѣлать!

Судья немного опѣшилъ.

— Я къ знакомымъ моимъ, — проговорилъ было онъ.

— Нѣтъ тутъ вашихъ знакомыхъ, — говорилъ губернаторъ: — можете въ другомъ мѣстѣ съ ними видѣться; извольте уходить, — иначе я полиціймейстеру велю васъ вывести.

Судья, очень хорошо знавшій, что начальникъ губерніи, вѣроятно, и не замедлитъ исполнить намѣреніе, счелъ за лучшее насмѣшливо улыбнуться и уйти.

Прокуроръ тоже находился въ несовсѣмъ ловкомъ положеніи и тоже хотѣлъ было уйти; но губернаторъ остановилъ его:

— Вы останьтесь; ваша сестрица и братецъ играли, мы просимъ васъ остаться! — Прокуроръ усмѣхнулся и остался.

Начальникъ губерніи пригласилъ его даже и за ужинъ, за который всѣ сейчасъ же и усѣлись. Шампанское подали послѣ перваго же блюда.

— Первый тостъ, я полагаю, слѣдуетъ выпить

за г-на Вихрова, который лучше всѣхъ игралъ, — проговорилъ прокуроръ.

— Вы думаете? — спросилъ начальникъ губерніи, какъ-то замигавъ подъ очками.

— За здоровье г. Вихрова! — закричала всѣмъ затѣмъ молодежь, и между всѣми громче всѣхъ раздался голосъ Юліи.

Начальникъ губерніи не поднималъ своего бокала.

Инженеръ первый замѣтилъ это и спохватился.

— Что вы, что вы, господа, — шепталъ онъ сидѣвшимъ рядомъ съ нимъ и потомъ, поднявъ бокалъ, — проговорилъ: — первый тостъ, господа, слѣдуетъ выпить за здоровье учредителя Ивана Алексѣевича Мохова, который всегда и всѣмъ желаетъ доставить удовольствіе обществу.

— За здоровье Ивана Алексѣевича Мохова! — повторила за нимъ и молодежь.

Начальникъ губерніи улыбался на это и слегка кланялся всѣмъ.

— За здоровье дамъ! — проговорилъ онъ съ своей стороны.

Всѣ выпили за здоровье дамъ.

— За здоровье г. Вихрова уже пили, впрочемъ еще разъ можно: за здоровье г. Вихрова, — произнесъ ловкій инженеръ.

— Позвольте, господа, предложить за здоровье всѣхъ участвующихъ, — успѣшилъ сказать Вихровъ.

Выпито было и за здоровье всѣхъ участвующихъ.

Губернаторъ и Пиколова наконецъ уѣхали: онъ до неистовства уже началъ пламенно посматривать на нее...

— Какъ же можно было не начать тоста съ гу-

бернатора! — воскликнулъ инженеръ брату своему прокурору.

— О, чортъ съ нимъ! я и забылъ объ немъ совсѣмъ, — отвѣчалъ тотъ равнодушно.

Когда стали развѣзжаться, то Юлія обманула даже братьевъ и опять очутилась въ каретѣ съ Вихровымъ. Оба они ѣхали еще въ театральныхъ костюмахъ.

Юліи очень хотѣлось спросить или, вѣрнѣе, — попросить Вихрова объ одной вещи.

— Послушайте, — начала она не совсѣмъ смѣлымъ голосомъ: — снимите, пожалуйста, съ себя фотографію въ этомъ костюмѣ и подарите мнѣ ее на память.

— Нѣтъ, за чѣмъ! — отвѣчалъ ей на это Вихровъ какъ-то совершенно небрежно. Если бы онъ не былъ занятъ въ это время своими собственными мыслями, то онъ увидѣлъ бы, что Юлія отъ этого отвѣта поблѣднѣла даже и совсѣмъ почти опустила на спинку кареты.

Героя моего въ эту минуту занимали странныя мысли. Онъ думалъ, что нельзя ли будетъ, пользуясь теперешней благосклонностью губернатора, попросить его выхлопотать ему разрѣшеніе выйти въ отставку, а потомъ сейчасъ же бы въ актеры поступить, — такъ какъ литературой въ Россіи, видимо, никогда невозможно будетъ заниматься; но, будучи актеромъ, все-таки будешь стоять около искусства и искусствомъ заниматься...

V:

Новая публика слушателей.

О своемъ намѣреніи поступить въ актеры (до того оно сильно запало ему въ голову) Вихровъ написалъ даже Марю, спрашивая ее — долженъ ли онъ этого желать и слѣдуетъ ли ему о томъ хлопотать, и въ отвѣтъ на это получилъ почти грозное посланіе отъ Марии. Она писала: «Ты съ ума сошелъ, mon cousin, и что ты такое наконецъ хочешь дѣлать съ собой?... Тебѣ, тебѣ поступать въ актеры? Я это говорю не изъ глупаго какого-нибудь барства; но ты вспомни, какого не высокаго рода самое искусство это. Ты помнишь, какой тонкій критикъ былъ Есперъ Ивановичъ, а онъ всегда говорилъ, что у насъ актерамъ даютъ гораздо больше значенія, чѣмъ они стоятъ того, и что ихъ точно тѣ же должны быть отношенія къ писателю, какъ исполнителя — къ композитору; они ничего не должны придумывать своего, а только обязаны стараться выполнить хорошо то, что имъ дано авторомъ, — а ты знаешь нашихъ авторовъ, особенно при нынѣшнемъ репертуарѣ: вдругъ тебѣ придется, на примѣръ, выражать душу г. Кони, или умъ г. Каратыгина; я бы умерла, кажется, съ горя, если бы увидѣла когда-нибудь тебя на сценѣ въ такихъ піесахъ. Я полагаю, что актерство даже требуетъ нѣкоторой степени невѣжества, чтобы заучивать всякую чужую дребедень. — Ты вспомни твое образованіе, вспомни данный тебѣ отъ Бога замѣчательный талантъ писателя. Писатель — ты, другъ

мой, а не актеръ!.. Я думаю, ты и театръ-то любишь настолько, насколько это тебѣ нужно для представленія и описанія творимыхъ тобою лицъ. Занимайся лучше твоимъ расколомъ, наконецъ напиши что-нибудь; но объ актерствѣ и не помышляй! Вихровъ не утерпѣлъ, и въ первый разъ, какъ пошелъ къ Захаревскимъ, взялъ это письмо и прочелъ его Юліи.

Та закусила губки и нѣсколько времени молчала.

— Что-жь, эта кузина ваша молода? — спросила она.

Вихровъ въ первый еще разъ заговорилъ съ ней о Мари.

— Нѣтъ, — отвѣчалъ онъ.

Юлія вздохнула нѣсколько посвободнѣе.

— Она, должна быть, очень умная женщина, — продолжала Юлія.

— О, какая еще умница! — воскликнулъ Вихровъ: — главное, образованіе солидное получила; въ Москвѣ всѣ профессора почти ее учили, знаетъ наконецъ языки, музыку, и сверхъ того — дочь умнѣйшаго человѣка.

— Какая счастливица она! — произнесла Юлія, какъ-то съеживаясь и потупляя глаза: — какъ бы я желала образовать себя еще хоть немного.

— Что-же, вы достаточно образованны, — сказалъ ей въ утѣшеніе Вихровъ.

— Я больше сама себя образовала, — отвѣчала она, — но я желала бы быть такъ образованна, какъ вотъ эта ваша кузина.

— Да чего же у васъ не достаетъ для этого?

— Во-первыхъ, я не знаю языковъ; въ пансі-

онѣ насъ выучили болтать по-французски, но и то я не все понимаю; а по-нѣмецки и по-англійски совсѣмъ не знаю.

— Это такъ, — подтвердилъ Вихровъ: — безъ языковъ — дѣло плохое: читая одну русскую литературу, далеко не уйдешь, и главное дѣло — нѣмецкій языкъ!... Мой одинъ пріятель Невѣдомовъ говаривалъ, что человекъ, не знающій нѣмецкаго языка, ничего не знаетъ.

— Но какъ мнѣ теперь учиться, у кого? — проговорила, какъ бы въ грустномъ раздумьѣ, Юлію.

— Давайте, я васъ буду учить, — сказала Вихровъ, больше шутя.

Юлія вспыхнула даже вся отъ восторга.

— Этакого счастья, кажется, и быть не можетъ для меня... — сказала она.

— Отчего же — не можетъ? — проговорилъ Вихровъ и самъ даже сконфузился отъ такого комплимента.

— Оттого что вы соскучитесь со мной, — произнесла Юлія.

— Вовсе не соскучусь, — отвѣчалъ Вихровъ.

Странное дѣло: mademoiselle Захаревская со всѣми другими мужчинами была очень бойкая и смѣлая дѣвушка, но, разговаривая съ Вихровымъ, дѣлалась какая-то кроткая, тихая, покорная.

— Вы хоть бы то для меня великое одолженіе сдѣлали, — продолжала она: — если бы прочли мнѣ вашу повѣсть!... сколько времени я прошу васъ о томъ.

Вихровъ, напуганный своимъ чтеніемъ Фатѣевой, немножко уже побаивался читать въ провинціальномъ обществѣ.

— Надоѣла она мнѣ самому-то. очень; когда вспомню я, сколько я за нее страдалъ... — проговорилъ онъ.

— Ахъ, Боже мой, мы, вѣдь, ваши друзья, а потому, я думаю, будемъ слушать съ участіемъ, — проговорила Юлія.

— Что же, и ваши братья желаютъ слушать? — спросилъ ее Вихровъ.

— Да, они очень желаютъ, — отвѣчала она, немного покраснѣвъ: въ сущности ей одной только очень этого хотѣлось.

— Хорошо! — согласился наконецъ Вихровъ.

Иларіонъ Захаревскій впрочемъ съ удовольствіемъ обѣщался пріѣхать на чтеніе; Виссаріонъ тоже пожелалъ послушать, и на этотъ вечеръ нарочно даже остался дома. Здѣсь я считаю не лишнимъ извиниться передъ читателями, что по три и по четыре раза описываю театры и чтенія, производимыя моимъ героемъ; но что дѣлать?... очень ужъ въ этомъ сущность его выражалась: какъ только жизнь хоть немного открывала ему клананъ въ эту сторону, такъ онъ и кидался туда.

Чтеніе предположено было произвести въ кабинетѣ Виссаріона, и онъ былъ такъ предусмотрителенъ, что приготовилъ для автора воды, сахару и лимонъ. Вихровъ началъ чтеніе. Слушатели сначала внимали ему молча и склонивъ головы, и только Юлія повременамъ вспыхивала и какъ бы вздрагивала немного. Въ томъ мѣстѣ, гдѣ мужъ героини ѣдетъ въ деревню къ своей любовницѣ, и даже описывается самое свиданіе это, — Виссаріонъ посмотрѣлъ на сестру, а потомъ — на брата; та немножко

сѣконфузилась при этомъ, а по лицу прокурора трудно было догадаться, что онъ думалъ. Когда Вихровъ немного пріостановился, чтобы отдохнуть и выпить воды, Виссаріонъ сейчасъ же подошелъ и спросилъ его на ухо:

— А что, у васъ много еще такихъ вольныхъ мѣстъ будетъ?

— Будетъ еще, — отвѣчалъ Вихровъ, думая, что тому нравятся такія мѣста.

— А въ которыхъ главахъ? — продолжалъ спрашивать Виссаріонъ.

— Въ пятой и седьмой, — отвѣчалъ Вихровъ, припомня.

Инженеръ сейчасъ же вслѣдъ за тѣмъ вышелъ изъ комнаты и велѣлъ къ себѣ вызвать сестру.

— На пятой и седьмой главѣ изволь выйти, тамъ чортъ знаетъ, — онъ самъ говоритъ, — какія еще вольности пойдутъ, — сказалъ онъ ей.

— Какія вольности? — спросила та, какъ бы не понимая.

— Такія, какія дѣвушкѣ слушать неприлично.

Юлія насмѣшливо улыбнулась.

— Ахъ, глупости какія, развѣ я не читаю другихъ романовъ и повѣстей — ни за что не выйду, — сказала она и возвратилась въ кабинетъ.

— Ну, дура, значитъ, — проговорилъ Виссаріонъ ей вслѣдъ и потомъ, съ недовольнымъ лицомъ, возвратился въ кабинетъ. Тамъ тоже происходилъ по поводу повѣсти разговоръ между Вихровымъ и прокуроромъ.

— Это не мудрено, что васъ за эту вещь сослали, — говорилъ сей послѣдній.

— А что же? — спросилъ Вихровъ.

— То, что тутъ все подламывается: и семейство, и правда, все, — говорилъ прокуроръ.

— Не слушайте, пожалуйста, Вихровъ, никого изъ нихъ и читайте далѣе: они оба въ литературѣ ничего не смыслятъ, — перебила его Юлія.

— Ты-то больше смыслишь, — возразилъ ей инженеръ, уже отъ досады сидя не на стулѣ, а у себя на столѣ, и болтая сильно ногами.

— Конечно ужъ больше твоего! — произнесла Юлія.

Вихровъ началъ снова свое чтеніе. Съ наступленіемъ пятой главы инженеръ снова взглянулъ на сестру и даже дѣлалъ ей знакъ головой; но она какъ-будто бы даже и не замѣчала этого. Въ седьмой главѣ инженеръ самъ по крайней мѣрѣ вышелъ изъ комнаты и все время ея чтенія ходилъ по залѣ, желая передъ сестрой показать, что онъ даже не въ состояніи былъ слушать того, что тутъ читалось. Прокуроръ же слушалъ довольно равнодушно. Ему только было скучно. Онъ вовсе не привыкъ такъ помногу выслушивать чтенія повѣстей.

Вихровъ наконецъ замѣтилъ все это и остановилъ чтеніе свое. Онъ нарочно потомъ нѣсколько времени молчалъ и ждалъ мнѣнія своихъ слушателей.

— Какая чудная вещь! превосходная! — проговорила наконецъ Юлія.

Прокуроръ при этомъ только усмѣхнулся.

— А вамъ она не понравилась? — обратился къ нему Вихровъ.

— Не то, что не понравилась, — отвѣчала За-

ревскій, пожимая плечами: — но она произвела на меня тяжелое, нервное и непріятное впечатлѣніе.

— Что же, тебѣ какое надобно впечатлѣніе? — перебила его сестра: — если ужъ ты такъ хлопчешь о спокойствіи, такъ не читай, а пей вотъ лучше эту воду съ сахаромъ.

— Но я другое же читаю, и на меня не производитъ такого непріятнаго впечатлѣнія.

— На тебя все рѣшительно производитъ, Богъ знаетъ, какое впечатлѣніе, — говорила Юлія: — ты и «Бѣдныхъ людей» Достоевскаго не могъ дочитать и говорилъ, что — скучно.

— Конечно, скучно, — подтвердилъ правовѣдъ.

— Ну-да, для тебя, пожалуй, и Акакій Акакіевичъ Гоголя покажется скучнымъ; въ жизни ты ему посочувствуешь, а въ книгѣ онъ тебѣ покажется скученъ.

— Нѣтъ, мнѣ многое кажется не скучнымъ, — возразилъ прокуроръ, какъ бы обдумывая каждое свое слово. — Вотъ я недавно читалъ одну вещь, которую мнѣ товарищи прислали и которая, конечно, не печатается; это «Сцены въ уголовной палатѣ» Аксакова, — это точно что вещь, которая заставитъ задуматься каждаго.

— Это потому, что ты самъ сидѣлъ въ этой уголовной палатѣ, — возразила ему опять Юлія: — а жизни и души человѣческой ты не знаешь, женщинъ — тоже.

Вихровъ очень хорошо видѣлъ, что прокуроръ никакъ не могъ добраться до смысла его повѣсти, а потому рѣшился нѣсколько помочь ему.

— Вы, какъ вотъ, видно изъ вашихъ послѣд-

нихъ словъ, признаете важность повѣсти, рассказовъ и сценъ, написанныхъ съ общественнымъ значеніемъ, съ заднею мыслию, какъ нынче осторожно выражаются критики.

— Признаю, — отвѣчалъ прокуроръ.

— Такъ это же значеніе имѣетъ и моя повѣсть; она написана въ защиту правъ женщины; другая моя повѣсть написана противъ вѣростнаго права.

— Но какимъ же образомъ вы обстоите права женщинъ, если напишете нѣсколько возмутительныхъ сценъ?

— А какъ же «Сцены въ уголовной палатѣ» могутъ дѣйствовать на наше законодательство?

— Да тутъ прочтутъ и поймутъ сразу, что тамъ за нелѣпость происходитъ.

— И меня прочтутъ, и поймутъ, что тутъ ужасныя вещи происходятъ.

— Ну, а потомъ — что же? Для уголовныхъ дѣлъ можно издать новыя законоположенія.

— А потомъ — то, что улучшатся нравы; общество доведется до сознанія разныхъ его скверностей, съ которыми оно прежде спокойно уживалось.

Прокуроръ все-таки остался еще не совсѣмъ убѣжденъ; его попреимуществу возмущало то, что повѣсть производила на него непріятное впечатлѣніе.

— Я, вотъ, читаю Гоголя, но онъ не производитъ на меня такого непріятнаго впечатлѣнія, а между тѣмъ до какой степени онъ осмѣваетъ наши нравы.

— Очень просто, потому что тамъ вы читаете комедію. Писатель двойное впечатлѣніе только про-

изводить на публику — или комическое, или трагическое. Въ первомъ случаѣ его цѣль — чтобы публика хохотала до упаду, а во второмъ — чтобы плакала навзрыдъ. Еще въ древнихъ риторикахъ сказано, что трагедія должна возбуждать въ зрителяхъ чувство ужаса и состраданія.

— И трагическое впечатлѣніе гораздо возвышеннѣе, чѣмъ комическое, — подхватила Юлія.

Прокуроръ на это пожалъ только плечами. Онъ все-таки еще вполнѣ не убѣдился.

Что касается инженера, то онъ молчалъ и какъ бы собирался съ силами, чтобы грознѣе разразиться надъ произведеніемъ моего героя.

— Вы говорите, — началъ онъ наконецъ, обращаясь къ Вихрову и придавая мыслящее выраженіе своему лицу: — что все это пишете затѣмъ, чтобы исправить нравы; но позвольте васъ спросить, начну въ этомъ случаѣ примѣромъ: заведу ли я на улицахъ чистоту и порядокъ, если стану всю грязь, которая у меня дома, выносить и показывать всѣмъ публично? Напротивъ, чистота только тогда будетъ заведена, если я весь соръ буду прятать куда-нибудь къ сторонѣ; такъ и нравы: людей совершенно добродѣтельными сдѣлать нельзя, но пусть все это они дѣлаютъ только поскромнѣе, поосторожнѣе, — тогда и нравы улучшатся.

— Хорошо исправленіе нравовъ!... — проговорилъ Вихровъ улыбаясь.

— Ну, ужъ это что-жъ! какое исправленіе, — подтвердилъ и прокуроръ.

— Это не улучшение, а ухудшеніе напротивъ;

онъ іезуитизмъ хочетъ ввести во всѣхъ, — подхватила Юлія.

Инженеръ немного сконфузился; онъ самъ понималъ, что немного проговорился, но въ глубинѣ души своей, въ самомъ дѣлѣ, думалъ такъ.

— Ваша повѣсть, — продолжалъ онъ, уже прямо обращаясь къ Вихрову: — вмѣсто исправленія нравовъ можетъ только больше ихъ развратить; я удивляюсь смѣлости моей сестрицы, которая прослушала все, что вы читали; а дайте это еще какой-нибудь пансіонеркѣ прочесть — ей Богъ знаетъ что придетъ послѣ того въ голову.

Юлія въ этомъ случаѣ никакъ не могла уже, разумѣется, заступиться за Вихрова; она только молчала и съ досадою про себя думала: «вотъ человѣкъ! Самъ Богъ знаетъ какія вещи говоритъ при мнѣ, совершенно ужь не стѣсняясь, — это ничего; а я прослушала повѣсть — это неприлично».

— Что же ей можетъ придти въ голову? — возразилъ Вихровъ: — я всѣ пороки описываю далеко не въ привлекательномъ видѣ.

— Но достаточно, что вы говорите объ нихъ, называете ихъ.

— Если не называть пороковъ и не говорить объ нихъ, такъ и писать рѣшительно будетъ нечего.

— Ахъ, мало-ли, Боже мой! Написанъ же «Монте-Кристо» безъ пороковъ! — договорился наконецъ инженеръ до своего любимаго романа, въ которомъ ему попреимуществу нравилось богатство Монте-Кристо, который могъ жить, кутить и покупать всевозможныя вещи: все это ужасно раздражительно дѣйствовало на воображеніе инженера.

— У васъ, я вижу, одинъ вкусъ съ mademoiselle Прыхиной, — проговорилъ не безъ досады Вихровъ.

— Именно съ Прыхиной, — подтвердила и Юлія насмѣшливо.

— Чортъ знаетъ, кто такая тамъ Прыхина, а я говорю, что я самъ думаю и чувствую, — произнесъ инженеръ.

Вихровъ, видя, что конца не будетъ этимъ спорамъ и замѣчаніямъ, свернулъ свою тетрадку и раскланялся со всѣми, и какъ Виссаріонъ ни упрашивалъ его остаться ужинать, и какъ Юлія ни кидала на него пламенные взгляды, онъ ушелъ. Душевное состояніе его было скверное, и не то чтобы его очень смутили всѣ эти отзывы: перебравъ въ головѣ слышанныя имъ мнѣнія объ его произведеніи, онъ очень хорошо видѣлъ, что всѣ люди, получившіе университетское образованіе, отзывались совершенно въ его пользу, — стало быть, тутъ очевидно происходила борьба между университетскимъ міровоззрѣніемъ и міровоззрѣніемъ остальнаго общества. Главнымъ образомъ — его возмутило то, что самому-то ему показалось его произведеніе далеко не въ такомъ привлекательномъ свѣтѣ, какимъ оно казалось ему, когда онъ писалъ его и читалъ на первыхъ порахъ. «Да, все это — дребедень порядочная!» думалъ онъ съ грустію про себя и вовсе не подозревая, что не произведеніе его было очень слабо, а что въ немъ-то самомъ совершился художественный ростъ, и онъ переросъ прежняго самого себя; но, какъ бы то ни было, литература была окончательно отложена въ сторону, и Вихровъ былъ

отъ души даже радъ, когда къ нему пришла бумага отъ губернатора, въ которой тотъ писалъ:

«До свѣдѣнія моего дошло, что въ деревнѣ Вытегрѣ крестьянинъ Парфенъ Ермолаевъ убилъ жену, и преступленіе это мѣстною полиціею совершенно закрыто, а потому предписываю вашему высокоблагородію немедленно отправиться въ деревню Вытегру и произвести строжайшее о томъ изслѣдованіе. Дѣло сіе передано уже на разсмотрѣніе уѣзднаго суда».

Вихрову въ этомъ порученіи сверхъ того было пріятно и то, что онъ тутъ будетъ имѣть дѣло съ убійцею и станетъ открывать пролитую кровь человѣческую. Онъ въ тотъ же вечеръ пошелъ къ Захаревскимъ, которыхъ засталъ всѣхъ въ сборѣ, и рассказалъ имъ о своемъ отъѣздѣ. Извѣстіе это, видимо, очень испугало и огорчило Юлію.

— Но долго ли же вы пробудете на этомъ дѣлѣ? — спросила она.

— Не знаю; пожалуй, и мѣсяць провозишься! — отвѣчалъ Вихровъ.

— Какъ мѣсяць!... — почти воскликнула Юлія: — неужели же вы не можете поспѣшить и раньше вернуться.

— Врядъ ли!... — отвѣчалъ ей Вихровъ довольно равнодушно.

Юлія послѣ этого стала какъ опущенная въ воду; прокуроръ тоже выглядѣлъ какъ-то еще солиднѣе; даже безпечный инженеръ былъ явно мраченъ, и все кусалъ себѣ ногти. Разговоръ тянулся вяло.

— Вы мнѣ, значить, и не дочитаете вашей повѣсти, — говорила Юлія.

— Нѣтъ, не дочитаю, — отвѣчалъ Вихровъ.

— Дайте же мнѣ ее, по крайней мѣрѣ; я сама ее дочту.

— Возьмите хоть совсѣмъ; я подарить вамъ ее могу.

— Ну, совсѣмъ подарите, — сказала съ улыбкой Юлія.

— Хорошо, — отвѣчалъ Вихровъ и, позвавъ человѣка, велѣлъ ему сходить внизъ и принести лежащую на столѣ книжку.

Тотъ принесъ.

— Надпишите же на ней что-нибудь, — сказала Юлія.

Вихровъ взялъ и написалъ: «Единственной благоклонной слушательницѣ отъ автора.»

Оба Захаревскіе смотрѣли на всю эту сцену молча и нахмурившись.

Вихровъ вскорѣ распрощался съ ними, чтобы завтра рано утромъ выѣхать.

По уходѣ его, между Захаревскими нѣсколько времени продолжалось молчаніе.

— Что же мнѣ отвѣчать отцу: пріѣдешь ты или нѣтъ? — заговорилъ первый Виссаріонъ, обращаясь къ сестрѣ.

Ту какъ бы немного при этомъ подернуло.

— Я сама напишу отцу. Онъ долженъ знать и понимать, зачѣмъ я здѣсь живу, — отвѣчала она: — Я надѣюсь, что ты не потяготишься мною, — прибавила она уже съ улыбкой брату.

— Что же мнѣ тяготиться! — пробунчалъ тотъ. — Не про меня говорятъ, а про то, что когда же и чѣмъ это кончится.

— Можетъ быть, никогда и ничѣмъ не кончится, — отвѣчала Юлія опять съ маленькою судорогою въ лицѣ.

— Такъ для чего же вся эта и комедія? — возразилъ инженеръ.

— А если мнѣ и въ комедіи этой хорошо, такъ чего жъ тебѣ жаль, — сказала Юлія.

— Я съ его стороны рѣшительно ничего не вижу, кромѣ простой вѣжливости, — проговорилъ прокуроръ.

— И я тоже! — подхватилъ инженеръ.

— И я тоже! — сказала и Юлія грустно-насмѣшливымъ голосомъ.

— Такъ къ чему же все это поведетъ? — спросилъ инженеръ.

— А я почему знаю! — отвѣчала Юлія, и глаза ея наполнились уже слезами.

Оба брата только переглянулись при этомъ и прекратили объ этомъ разговоръ.

VI.

Убитая крестьянская жена.

Говоря по правдѣ, герой мой рѣшительно не зналъ, какъ приняться за порученное ему дѣло и, приѣхавъ въ маленькій городъ, въ уѣздѣ котораго совершилось преступленіе, придумалъ только послать за секретаремъ уѣзднаго суда, чтобы взять отъ него самое дѣло, произведенное земскою полиціею.

На это приглашеніе Вихрова, къ нему явился господинъ высокій, худой и плѣшивый.

— У васъ есть дѣло объ убійствѣ крестьяниномъ Ермолаевымъ жены своей? — спросилъ его прямо Вихровъ.

— У насъ это дѣло называется о скоропостижно-умершей женѣ крестьянина Ермолаева.

— Тутъ нечисто что-то! — сказалъ Вихровъ.

Секретарь только развелъ на это руками и вздохнулъ.

— Не по одному этому дѣлу полиція наша такъ распоряжается; пишешь, пишешь на нее въ губернское правленіе, — хоть брось!

— Но какъ мнѣ поступить тутъ?... Губернаторъ мнѣ ничего не пояснилъ въ предписаніи.

Секретарь на это слегка усмѣхнулся.

— До начальника губерніи, — началъ онъ какимъ-то размышляющимъ и нѣсколько лукавымъ тономъ: — дѣло это, надо полагать, дошло такимъ манеромъ: семинаристъ къ намъ изъ самыхъ этихъ мѣстъ, гдѣ убійство это произошло, опредѣлялся въ судъ; вотъ, онъ приходитъ къ намъ и рассказываетъ: «я, говоритъ, гулялъ у себя въ селѣ, въ полѣ... ну, знаете, какъ обыкновенно молодые семинаристы гуляютъ... и подошелъ, говоритъ, я къ пастуху, попросить огня въ трубку; а въ это время къ тому подходилъ другой пастухъ — изъ деревни ужь Вытегры; сельскій-то пастухъ и спрашиваетъ: «что ты, говоритъ, сегодня больно поздно вышелъ со стадомъ?» «Да нельзя, говоритъ, было: у насъ сегодня ночью у хозяина сынъ жену убилъ». Пастухи-то, знаете, всѣмъ обществомъ кормятся: по-

недѣльно, что ли, тамъ въ каждомъ домѣ живутъ. Пастухъ-то у этого именно Парфена Ермолаева и жилъ. Онъ рассказываетъ это, а я самое дѣло-то читаю... складно да ладно тамъ написано: что была жена у Парфена Ермолаева, что жили они согласно, и умерла она по волѣ Вожіей. — Такъ меня, знаете, злость взяла, думалъ требовать дополненія по дѣлу — пользы нѣтъ, я и говорю этому мальчишкѣ-то (онъ шелъ въ губернский городъ — хлопотать по своему опредѣленію): «ступай, говорю, скажи все это губернатору!» Мальчикъ-то, вѣроятно, пошелъ да и донесъ.

— Мнѣ, значитъ, съ пастуха и начать надо, — проговорилъ Вихровъ.

— Съ пастуха непременно, — подтвердилъ и секретарь: — да чего, вѣдь, и медицинского осмотра тѣлу произведено не было.

— Я произведу медицинскій осмотръ.

— Слѣдуетъ, по закону, безотлагательно... Тысячу рублей, говорятъ, исправнику-то дали за это дѣло, — присовокупилъ секретарь. — Вотъ у меня гдѣ эта земская полиція сидитъ! — произнесъ онъ затѣмъ, слегка ударяя себя въ грудь: — она всю кровь мою мнѣ испортила, всю душу мою истерзала...

Земская полиція дѣйствительно страшно мучила бѣднаго секретаря: лѣтъ двадцать-пять сидѣлъ онъ на секретарскомъ стулѣ и, разсматривая почти каждодневно въ дѣлахъ дѣйствія полицейскихъ чиновъ, конечно полагалъ, желалъ и ожидалъ, что они хоть когда-нибудь и чѣмъ-нибудь возблагодарятъ его; но тѣ упорно не давали ему ни копѣйки.

— Откуда же крестьянинъ могъ взять тысячу

рублей, чтобы дать исправнику? — спросилъ его Вихровъ.

— Тутъ, изволите видѣть, какая статья вышла! — продолжалъ секретарь: — по крайности, на базарѣ такъ болталъ народъ: малый-то этотъ, убійца, еще допрежъ того проданъ въ рекруты одному богатому мужику; такъ я полагаю, что не тотъ ли откупилъ его.

— Можетъ быть! — согласился съ этимъ и Вихровъ, и затѣмъ, попросивъ секретаря, чтобы тотъ прислалъ ему дѣло, отпустилъ его въ судъ.

Жрецъ Ѳемида, обругавъ еще разъ земскую полицію, отправился, и черезъ нѣсколько минутъ прислалъ требуемое отъ него дѣло; а Вихровъ, между тѣмъ, написавъ къ доктору отношеніе, чтобы тотъ прибылъ для освидѣтельствованія тѣла умершей крестьянки Анны Петровой, — самъ, не откладывая времени, сѣлъ въ почтовую повозку и поѣхалъ. Въ Вытегру онъ пріѣхалъ на разсвѣтѣ. Всѣ какіе-нибудь хитрые и лукавые приемы были ему противны по натурѣ его. Онъ прямо подѣхалъ къ дому убійцы, вошелъ и велѣлъ позвать къ себѣ всѣхъ домашнихъ. Пришли: старикъ-отецъ, старуха жена его, дѣвка-работница; а парня не было.

— Гдѣ же сынъ твой? — спросилъ Вихровъ старика.

— За сѣномъ онъ, судырь, уѣхалъ, — отвѣчалъ тотъ нѣсколько сконфуженнымъ голосомъ.

Вихровъ въ это время случайно взглянулъ въ окно и увидѣлъ, что какой-то молодой малый все какъ-то жался къ стѣнѣ и точно прятался за нее.

— Да это не онъ-ли? — спросилъ онъ вдругъ старика.

— Онъ и есетко, — отвѣчалъ тотъ, и разсмѣялся какъ-то неестественно.

— Ну, ужь позови и его сюда, — сказалъ Вихровъ.

Старикъ ушелъ.

Старуха-мать стояла въ это время, совсѣмъ опустивъ голову въ землю; а дѣвушка-работница какъ-то глядѣла все въ сторону. Малый вошелъ вмѣстѣ съ старикомъ-отцомъ. Онъ видимо бодрился и старался казаться смѣлымъ: собой онъ былъ блондурий, черты лица имѣлъ мелкія и незначительныя, но довольно непріятныя. Взглянувъ на него, Вихровъ совершенно убѣдился, что онъ убійца. Онъ велѣлъ его явившемуся сотскому держать подъ надзоромъ, и затѣмъ приказалъ позвать къ себѣ деревенскаго пастуха ихъ. Тотъ пришелъ. Это былъ огромный мужикъ, съ страшно загорѣлымъ лицомъ и шеей, такъ что шиворотокъ у него былъ почти въ воспалительномъ состояніи; на ногахъ у него были кожаные башмаки, привязанные крѣпко увитыми на голеняхъ ремнями; кафтанъ сѣрый и въ заплаткахъ, и отъ всего его пахло сильно сыростью, точно отъ гриба какого-нибудь. Войдя въ избу, онъ оставилъ за собою сильный слѣдъ грязи.

— Какъ намокли, проклятыя! — говорилъ онъ, смотря себѣ на ноги.

Вихровъ сначала не принялъ осторожности и, не выславъ старика-отца (парень, мать и дѣвка сами вышли изъ избы), сталъ разговаривать съ пастухомъ.

— Ты у здѣшняго хозяина ночуешь?

— Нѣту — не ночую! — отвѣчалъ пастухъ какимъ-то глухимъ голосомъ.

— А какъ молодой хозяинъ жилъ съ женой — согласно, али нѣтъ?

— Почему же я знаю? — отвѣчалъ пастухъ мрачно.

— А если я знаю, что ты знаешь, — и знаю даже, что ты говорилъ, какъ хозяинъ твой убилъ жену свою, — сказалъ Вихровъ.

Пастухъ при этомъ посмотрѣлъ ему пазъ-подлобья въ лицо, а потомъ повелъ глазами въ ту сторону, гдѣ стоялъ старикъ, отецъ убійцы. Вихровъ догадался и высладъ того. Они остались вдвоемъ съ пастухомъ.

— Что же, парень убилъ жену? — спросилъ Вихровъ.

Пастухъ молча, не пропзнеся ни слова, мотнулъ только ему головой.

— Какъ же онъ убилъ ее, какимъ орудіемъ? — спрашивалъ Вихровъ.

Пастухъ взялъ себя за горло рукой и сдавилъ ею горло.

— Удавилъ или задушилъ?

Пастухъ опять, какъ нѣмой, показалъ себѣ пальцемъ на руку.

Вихровъ понялъ его.

— Больше ты ничего не знаешь? — спросилъ онъ его.

— Ничего, — отвѣчалъ пастухъ.

. Вихровъ отпустилъ его до поры, до времени.

Уходя, пастухъ оставилъ снова сильный слѣдъ грязи.

— Извините! — сказалъ онъ, обертываясь въ дверяхъ въ Вихрову съ какой-то полуулыбкой.

Вскорѣ послѣ того пріѣхалъ докторъ. Оказалось, что это былъ маленькій Цапкинъ, который перемѣнился только тѣмъ, что отпустилъ подлиннѣе свои бакенбарды... Съ Вихровымъ онъ сдѣлалъ видъ, что какъ-будто бы и знакомъ не былъ; но тотъ не удержался и напомнилъ ему.

— Мы встрѣчались съ вами у женщины, несчастливой въ семейной жизни; а теперь сходимся у женщины, уже убитой своимъ мужемъ, — проговорилъ онъ.

Докторъ сначала на это ничего не отвѣчалъ и даже сконфузился немного.

— Я уже женатъ, — проговорилъ онъ.

— Слышалъ это я, — подхватилъ Вихровъ.

Маленькій докторъ перешелъ, посредствомъ протекціи Захаревскаго, въ эту губернію — именно потому, что молодая жена его никакъ не хотѣла, чтобы онъ жилъ такъ близко къ предмету прежней своей страсти.

— Мы тѣло должны выкопать и вскрыть, — сказалъ ему Вихровъ.

— Да, — отвѣчалъ ему докторъ съ важнымъ видомъ: какъ большая часть малорослыхъ людей, онъ видимо хотѣлъ этимъ нравственнымъ раздуваньемъ себя нѣсколько поинтересовать недостаткомъ своего тѣла.

Вихровъ, для раскапыванія могилы, велѣлъ позвать именно тѣхъ понятыхъ, которые подписывались къ обыску при первомъ дѣлѣ. Сошлось человѣкъ двадцать разныхъ мужиковъ: рыжихъ, бѣлокурыхъ, черныхъ, худыхъ и плотноватыхъ, и лица

у всѣхъ были невеселыя и непокойныя. Вихровъ велѣлъ имъ взять заступы и лопаты, и пошелъ съ ними въ село, гдѣ похоронена была убитая. Оно отстояло отъ деревни всего съ версту. Докторъ тоже изъявилъ желаніе сходить съ ними.

Дорогой Вихровъ сталъ разговаривать съ понятыми.

— Вѣдь баба-то, братцы, говорятъ, убита мужемъ? — обратился онъ ко всѣмъ имъ.

— Богъ ее знаетъ, батюшка, — отвѣчали тѣ въ одинъ голосъ.

— Нѣтъ, не Богъ, а и вы знаете! — сказалъ имъ увѣриженнымъ тономъ Вихровъ.

Мужики на это ничего не сказали.

— Какъ же это вы показали, что мужъ всегда жилъ съ ней въ согласіи, и ссоръ промежъ ихъ никогда никакихъ не было?

— Нѣтъ, сударь, мы этого не говорили, — возразилъ одинъ изъ мужиковъ, поумнѣе другихъ на лицо.

— Какъ не говорили, вотъ ваше показаніе! — И Вихровъ прочелъ имъ показанія ихъ.

— Мы точно что, сударь, — продолжалъ тотъ же мужикъ, покраснѣвъ немного: — баяли такъ, что мы не знаемъ. Господинъ, тепереча, исправникъ и становой спрашиваютъ: „не видали-ли вы, чтобы Парфенка этотъ билъ жену?“... „Мы, говоримъ, не видавали; гдѣ же намъ видѣть-то? Дѣло это семейное, развѣ кто станетъ жену бить на улицѣ? дома на это есть мѣсто; дома бьютъ!“

— Нѣтъ, вы не то показали; вы показали, что они согласно и въ мирѣ всегда жили.

— Нѣтъ-съ, какъ это мы можемъ показать! — возразилъ все тотъ же мужикъ, болѣе и болѣе краснѣя: — вѣдь мы, сударь, неграмотные; развѣ мы знаемъ, что вы тутъ напишете: пишете, что хотите, — мы народъ темный.

— Но тотъ грамотный, который за васъ прикладывалъ руку; тотъ не темный; пусть-бы онъ прочелъ вамъ! — возразилъ Вихровъ. — Кто тутъ рукоприкладствовалъ за всѣхъ — какой-то Григорій Федосѣевъ?

— Я-съ это, — отвѣчалъ одинъ изъ понятыхъ, ужасно корявый и невзрачный мужикъ.

— Когда-жь мы говорили такъ? — спрашивали его прочіе мужики.

— Какъ же вы говорили? извѣстно, такъ говорили, — отвѣчалъ тотъ, замѣтно уже обозлившись.

— Никогда мы такъ не говаривали; ты теперь и отвѣчай за то! — продолжалъ прежній, болѣе умный мужикъ.

— Извѣстно, не говорили, — подтвердили и другіе мужики.

Корявый мужиченко совсѣмъ обозлился.

— Какъ не говорили, черти этакіе, дьяволы, — вино-то съ нихъ или, а тутъ и не говорили!

— Никакого вина не было, что ты врешь, дуракъ этакой, — унималъ его прежній умный мужикъ.

— Какое это вино? — спросилъ Вихровъ.

— А вино, сударь, которое Федоръ Романычъ купилъ, — ишь, больно ловки, — отвѣчай теперь я за нихъ одинъ.

— Какой Федоръ Романычъ? — спросилъ Вихровъ.

— А мужичекъ, которому Парфенко въ рекруты продался.

— Что ты тутъ Федора-то Романова плетешь, пошто онъ тебѣ, дуракъ этакой и свинья! — отозвался вдругъ на это высокій мужикъ.

— Самъ свинья, что ты лаешься-то? ты всѣмъ дѣломъ этимъ и орудовалъ.

— Ну, слава тебѣ Господи, и я ужь орудовалъ! — сказалъ какъ бы со смѣхомъ высокій мужикъ.

Въ это время вошли всѣ въ село и прошли прямо на церковный погостъ. Одинъ изъ мужиковъ показалъ могилу убитой. На ней стоялъ совершенно новый крестъ. Вихровъ послалъ къ священнику просить позволенія разрыть эту могилу. Тотъ благословилъ. Стали вынимать крестъ. Мужики замѣтно принялись за это дѣло съ неудовольствіемъ, а высокій мужикъ и не подходилъ даже къ могилѣ. Вихровъ, — тоже сначала принявшійся смотрѣть, какъ могила все болѣе и болѣе углублялась, — при первомъ ударѣ заступа у одного изъ мужиковъ во что-то твердое, по невольному чувству отвращенія, отвернулся и болѣе ужь не смотрѣлъ, а слышалъ только, какъ корявый мужикъ, усерднѣе всѣхъ работавшій и спустившійся въ самую даже могилу, кричалъ оттуда:

— Давайте веревки-то поскорѣй; а то расчихаешься тутъ!

Потомъ Вихровъ черезъ нѣсколько минутъ осмѣлился взглянуть въ сторону могилы и увидѣлъ, что гробъ ужь былъ вынутъ, и мужики несли его. Онъ пошелъ за ними. Маленькій докторъ, все время стоявшій съ сложенными по-наполеоновски руками на

окраинѣ могилы и любовавшійся окрестными видами, тоже послѣдовалъ за ними.

Мужики, неся гробъ, по свойству русскихъ людей—позубоскалить при каждомъ шагѣ, какъ бы оно не пріятно ни было, и тутъ не утерпѣли и пошутили.

— Григорій Федосѣичъ, завывай; ты мастеръ выть-то!—сказалъ молодой парень, обращаясь къ корявому мужику.

— Сами вы, черти, мастера!—выругался тотъ.

— Какъ-же ты, братецъ, ругаешься; гробъ не-сешь и ругаешься, а еще грамотный!—укорялъ его молодой парень.

— Онъ, вѣдь, только на блины да на кутью выть-то любить, а безъ этого не станетъ!—объяснилъ про Григорья Федосѣева другой мужикъ.

— Ты-то пуще станешь!—отругивался и отъ него Григорій Федосѣичъ.

Прочіе мужики ухмылялись и усмѣхались, и одинъ только высокій мужикъ шелъ все молча, не улыбнувшись и видимо стараясь даже отставать отъ идущихъ.

Въ домѣ Парфена Ермолаева должно быть сильно перепугались, когда увидали, что гробъ несутъ назадъ, а особенно — дѣвушка-работница...

— Матушка, гробъ-то Анны назадъ несутъ! — воскликнула она, первая увидѣвъ это и обращаясь къ старой хозяйкѣ.

— Ну, вотъ, матери!... Господи помилуй!— произнесла та.

— Анну выкопали и назадъ принесли! — сказалъ и старикъ, войдя въ избу.

— Куда же, баунька, поставить-то ее, поставить-то ее куда?—спрашивала работница.

— Не вѣдаю ужь! — отвѣчала ей старуха.

Парфенъ въ это время сидѣлъ на улицѣ, на бревнахъ, подѣ присмотромъ сотскаго. Когда онъ увидалъ подходящихъ съ гробомъ людей, то, замѣтно поблѣднѣвъ, сейчасъ же всталъ на ноги, снялъ шапку и перекрестился.

Докторъ вошелъ первый въ домъ Парфена, осмотрѣлъ его весь и велѣлъ въ немъ очистить небольшую свѣтелку, какъ болѣе свѣтлую комнату.

Тамъ разложили на козлахъ нѣсколько досокъ и поставили гробъ. Открыть его Вихровъ сначала думалъ-было велѣть убійцѣ; но потомъ сообразилъ, что это можетъ выйдти пытка, — такимъ образомъ, гробъ открыть опять выискался тотъ же корявый мужикъ.

— Они на меня, ваше высокородіе, все теперь сваливаютъ, — говорилъ онъ, замѣтивъ, что онъ одинъ съ Вихровымъ въ свѣтелкѣ: — а вотъ, Матерь Божія, за все мое рукоприкладство мнѣ только четвертакъ и дано было.

— А кто такой этотъ высокій мужикъ, съ которымъ ты спорилъ? — спросилъ его Вихровъ.

— Да вѣдь это сынъ, ваше высокородіе, того мужичка, который купилъ Парфенку-то въ рекруты; вотъ ему это и не понутру, что я говорю, — отвѣчалъ корявый мужикъ: — ну-те, черти, — крикнулъ онъ затѣмъ въ окно другимъ понятымъ, стоявшимъ на улицѣ: — подите, пособите покойницу-то вынуть изъ гроба.

Тѣ неохотно и неторопливо вошли въ свѣтелку, и больше вытряхнули трупъ изъ гроба — чѣмъ вынули. Вошелъ потомъ и докторъ.

Онъ былъ безъ сюртука, съ засученными рука-

вами рубашки, въ кожаномъ передникѣ, съ пилой и съ ножомъ въ рукахъ; не смотря на свой маленькій ростъ, онъ въ этомъ видѣ сдѣлался даже немного страшень. Безъ всякой церемоніи, онъ вынулъ изъ-за своего пояса заткнутыя ножницы и разрѣзалъ ими на покойницѣ саванъ, сарафанъ и рубашку, начиная съ подола до самой шеи, разрѣзалъ также и рукава у рубашки, и все это развернулъ. Понятые отворотились; даже и корявый мужикъ не смотрѣлъ на это. Вихровъ тоже съ величайшимъ усиліемъ надъ собой взглянулъ на покойницу и успѣлъ только замѣтить, что она была недурна лицомъ и очень еще молода.

— Не угодно-ли вамъ записывать судебно-медицинскій осмотръ, — сказалъ маленькій докторъ, обращаясь къ нему съ важностью: — ну, смотрите и вы хорошенько! — прибавилъ онъ мужикамъ уже строго.

Вихровъ сѣлъ и приготовился записывать.

— На теменныхъ костяхъ, — началъ докторъ громко, какъ-бы диктуя и въ то же время касаясь головы трупа: — большой проломъ, какъ-бы сдѣланный твердымъ и тупымъ орудіемъ. Смотрите! — обратился онъ къ понятымъ.

Нѣкоторые изъ нихъ, а въ томъ числѣ и корявый мужикъ, подошли, посмотрѣли и отошли.

— А эта штука еще лучше! — произнесъ докторъ какъ бы про себя, и потомъ снова задиктовалъ: — правое ухо до половины оторвано; на шеѣ — три пятна съ явными признаками подтековъ крови; на груди переломлено и вогнуто внизъ два ребра; повреждены легкія и сердце. Внутренности и вскрывать

нечего. Смерть прямо отъ этого и послѣдовала — видите все это?

Понятые молчали. Высокій мужикъ какъ-будто бы хотѣлъ что-то возразить; но, кажется, не посмѣлъ.

— Теперь надобно мужа и домашнихъ привести, чтобы они видѣли.

Вихровъ велѣлъ.

Тѣ пришли, за исключеніемъ дѣвки-работницы. Парень явно трепеталъ всѣмъ тѣломъ.

— Видите!— сказалъ докторъ и показалъ имъ голову: — видите! и онъ указалъ на отодранное ухо:— и вотъ эти маленькія дырки въ полтора вершка величины; ну, и подпишитесь ко всему этому!— прибавилъ онъ, показывая на осмотръ, написанный Вихровымъ.

Тотъ началъ читать бумагу громко и внятно.

Парень стоялъ все время, отвернувшись отъ трупа, и, кажется, даже старался не слышать того, что читаютъ. Докторъ непремѣнно потребовалъ, чтобы всѣ мужики дали правыя руки для довѣрія въ рукоприкладствѣ тому же корявому мужику: онъ кромѣ важности былъ, какъ видно, и большой формалистъ въ службѣ.

— Какъ бы мнѣ, ваше высококордіе, и за это чего не было,— спросилъ мужикъ Вихрова.

— Нѣтъ, за это ничего не будетъ, — успокоилъ его тотъ. Докторъ, между тѣмъ, потребовалъ себѣ воды; съ чрезвычайно серьезною фізіономіей вымылъ себѣ руки, снялъ съ себя фартукъ, уложилъ всѣ свои инструменты въ ящикъ и, не сказавъ Вихрову ни слова, раскланялся только съ нимъ и, сѣвъ въ свой тарантасикъ, сейчасъ уѣхалъ.

По отъздѣ его трупъ надобно было снова снести на кладбище и зарыть въ могилу.

— Ну, положите, братцы, въ гробъ покойницу и снесите ее въ село, — сказалъ было Вихровъ понятымъ; но тѣ рѣшительно возопіяли противъ того.

— Помилуйте, ваше высокоблагородіе, — заговорили они всѣ въ одинъ голосъ: — и то ужь мы съ ними намаялись; тотъ разъ по ихъ дѣлу таскали, таскали; теперь тоже требуютъ.

— Пусть сами они свезутъ!... батюко-то старикъ не чорта у нихъ дѣляетъ! — присовокупилъ и корявый мужикъ.

— Да я, пожалуй, свезу, — отвѣчалъ старикъ отецъ, кидая вокругъ себя какой-то безпокойный взоръ. — Подсобите хоть положить-то ее, — прибавилъ онъ понятымъ.

— Да это подсобимъ, — отвѣчалъ корявый мужикъ, и пошелъ впрочемъ одинъ только подсоблять старику.

Черезъ нѣсколько минутъ Вихровъ увидалъ, что они вдвоемъ поставили гробъ на старую тележенку, запрягли въ нее лошадь, и потомъ старикашка отецъ что есть духу погналъ съ нимъ въ село.

VII.

У б і й ц а.

Тѣмъ же днемъ Вихровъ началъ и слѣдствіе. Прежніе понятые, чтобы ихъ не спросили другой разъ, разбѣжались. Онъ позвалъ другихъ и пригласилъ священника для привода ихъ къ присягѣ. Свя-

щенникъ пришелъ въ ужасно измятой, но новой рясѣ и съ головой для франтовства намоченной квасомъ. Онъ былъ очень широколицъ и съ какой-то необыкновенно добродушной физиономіей. Мужиковъ сошлось человекъ двѣнадцать.

— Внушите имъ, батюшка, чтобы они говорили правду, и потрудитесь ихъ привести къ присягѣ! — проговорилъ Вихровъ.

Священникъ разложилъ на столѣ Евангеліе, надѣлъ эпитрахиль, и началъ какимъ-то неестественнымъ голосомъ:

— Вы теперь должны показывать правду, потому что ежели покажете неправду, то будете наказаны и лишены на вѣки царствія небеснаго, а ежели покажете правду, то Богъ васъ наградитъ, и должны вы показать, не утаивая, потому что утаить все равно, что и солгать! Ну, сложите теперь крестомъ персты ваши и поднимите ваши руки!

Мужики неуклюже сложили руки крестомъ и подняли ихъ.

— Говорите за мной! — произнесъ священникъ и зачиталъ: — «объщаюсь и клянусь!»

Мужики что-то такое бормотали за нимъ.

— Ну, цѣлуйте теперь Евангеліе!

Мужики всё перецѣловали Евангеліе.

Священникъ снялъ эпитрахиль, завернулъ въ ней Евангеліе и хотѣлъ было уйти.

— Посидите, батюшка, побудьте при слѣдствіи; я одинъ тутъ, — остановилъ его Вихровъ.

— Хорошо-съ, — отвѣчалъ священникъ и сѣлъ на лавку.

Вихровъ началъ спрашивать сразу всѣхъ крестьянъ.

— Скажите пожалуйста, какъ же Парфенъ Ермолаевъ жилъ съ женою — дурно или хорошо?

— Да что, ваше высокоблагородіе, — вызвался одинъ изъ мужиковъ, самой обыкновенной наружности и охотникъ только, какъ видно, поговорить: — сказать тоже надо правду: по слухамъ, согласья промежъ ихъ большаго не было.

— Но не видали-ли вы, чтобы онъ билъ ее, ругалъ?

— Это гдѣ же видать! — произнесъ какъ бы съ нѣкоторою печалью мужикъ съ обыкновенною физиономіей.

— Я, судырь, видѣлъ, — отозвался вдругъ одинъ старикъ, стоявшій сзади всѣхъ, и при этомъ даже вышелъ нѣсколько впередъ.

— Что же ты видѣлъ, дѣдушка? — спросилъ его Вихровъ.

— Видѣлъ я, судырь, то: иду я разъ, такъ примѣрно сказать, мимо колодца нашего; а онъ ее и бьетъ тутъ... отнялъ отъ бады веревку-то, да съ желѣзомъ-то веревкою то этою и бьетъ ее; я даже скрикнулъ на него: «что, я говорю, ты, песъ эдакій, дѣлаешь!» а онъ и меня лаять началъ... вздорный мальчишка, скверный, не потаю, батюшка.

— Зачѣмъ таить! — замѣтилъ ему священникъ.

— Не потаю; ты же вотъ говорилъ, что за правду Богъ наградить, а за ложь накажетъ.

— А вы никто другіе не видали, чтобы онъ ее билъ? — спросилъ Вихровъ прочихъ мужиковъ.

— Мы не видали, а что они несогласно жили, это слыхали, — отвѣчали всѣ они единогласно.

— Да изъ чьего роду-то она шла? — спросилъ священникъ.

— Да Марьи, судырь, вдовы — дочка, изволите видѣть, — отвѣчалъ ему тотъ же старикъ.

— Изъ дому-то она небогатаго шла; отъ этого, чай, и согласья-то у нихъ не было, — проговорилъ священникъ, запуская руку въ карманъ подрясника и вынимая оттуда новый бумажный платокъ носовой, тоже, какъ вѣдно, взятый для франтовства.

Вихровъ посмотрѣлъ на него вопросительно.

— Они всѣ, вѣдь, — продолжалъ священникъ: — коли тестъ и теща не богаты, къ которымъ можно имъ въ гости ѣздить и праздновать, такъ не очень женъ-то уважають, и поколачивають.

— Это точно что: есть это!... есть!... — подтвердѣлъ и старикъ. — А тутъ ужь что-то и особенное маленько было, — прибавилъ онъ, внушительно мотнувъ головой.

— Что же особенное было?

— Что особенное? Всѣ вонъ они знаютъ!... Что они молчатъ! — проговорилъ старикъ, указывая на прочихъ мужиковъ.

— Что же, братцы, говорите, — отнесся къ нимъ Вихровъ.

— Что, ваше высокородіе, пустое онъ только болтаетъ, — отвѣтилъ мужикъ съ обыкновенной наружностью.

— Нѣтъ, не пустое, не пустое! — отозвался досадливо старикъ.

— Да что такое, говорите! — прикривнулъ уже Вихровъ.

— Да болтають, ваше высокородіе, — отвѣчалъ

мужикъ съ обыкновенной наружностью: — что у нихъ работница есть, и что будто-бы она тамъ научила Парфенку это сдѣлать.

— Были слухи объ этомъ, были, — подтвердилъ и священникъ.

— Да, вѣдь, это, батюшка, мололи-что: не то что про какую-нибудь дѣвку, а и про священника, пожалуй, наболтаютъ невѣсть чего, — возразилъ мужикъ съ обыкновенной наружностью: онъ, видно, былъ рыцарскихъ чувствъ и не любилъ женщинъ давать въ обиду.

— Что рассказывать-то, самъ парень-то болталъ пьяный въ кабакѣ о томъ, — подхватилъ старикъ.

— Ну, мы это тамъ увидимъ; расслѣдую, — сказалъ ему Вихровъ. — Позовите ко мнѣ Парфена Ермолаева.

Ему скорѣе хотѣлось посмотреть и поговорить съ самимъ убійцей, въ преступленіи котораго онъ болѣе уже не сомнѣвался.

Парня ввелъ сотскій.

— Сдѣлайте, батюшка, предварительное ему наставленіе.

Священникъ всталъ, утерся своимъ бумажнымъ платкомъ и началъ снова какимъ-то неестественнымъ голосомъ:

— Ты, братецъ, долженъ покаяться, и если совершилъ этотъ грѣхъ, то ты тѣмъ только душу свою облегчишь, а хоть и будешь заператься, то никакъ тѣмъ казни не избѣгнешь ни въ сей жизни, ни въ будущей.

— Я знать ничего не знаю, ваше благословеніе, — проговорилъ малый.

— Опять тебѣ повторяю: начальство все ужъ знаетъ про тебя; а потому покайся лучше, и тебя, можетъ быть, за то помилуютъ.

— Мнѣ каяться, ваше благословеніе, не въ чемъ.

— Расскажи ты мнѣ, — началъ Вихровъ: — весь послѣдній день передъ смертью жены: какъ и что ты дѣлалъ, видѣлся ли съ женой и что съ ней говорилъ? рассказывай все по порядку.

— Я не знаю, ваше благородіе, какъ это сказывать-то.

— Очень просто: ну что дѣлалъ поутру?

— Да теперь ужъ не помнится, ваше благородіе.

— Ну, помнишь однако, что завтракалъ?

— Завтракалъ.

— Съ женой?

— Со всѣмъ семействомъ.

— Потомъ?

— Потомъ я словно бы въ лѣсъ уѣхалъ.

— Потомъ?

— Потомъ-съ пріѣхалъ, обѣдали.

— Ну, а видѣлся съ женой?

— Видѣлся-съ.

— О чемъ же ты говорилъ съ ней?

— Что говорить? я сказалъ ей, чтобы шла — лошадей мнѣ подсобить отпречь.

— Что жъ она — пособила?

— Нѣту-тка.

— И что жъ, ты за это забранилъ ее?

— Нѣтъ-съ.

— Никогда ни за что ее не бранилъ?

— Нѣтъ-съ, не бранилъ.

— Значить, жила душа въ душу?

— Жили согласно мы-съ! — Парень при этомъ вздохнулъ.

— Стало быть, тебѣ жаль, что она умерла?

— Кому, ваше благородіе, не жаль своей жены, — прибавилъ онъ, смотря себѣ на руки.

— А какъ вы спали съ ней — на одной постелѣ?

— На одной, ваше благородіе.

— Это вотъ та постель, что я видѣлъ въ сѣняхъ съ занавѣской?

— Да-съ.

— А въ эту ночь она — съ тобой тоже спала?

— Со мной-съ!

— Но она, вѣдь, у васъ найдена мертвою на дворѣ; ну, когда она уходила — ты слышалъ это, или нѣтъ?

— Нѣтъ, не слыхалъ, ваше благородіе! — говорилъ малый, и едва замѣтная краска пробѣжала по лицу его.

— Вотъ видишь, есть подозрѣніе, братецъ, что жена твоя убита; не подозрѣваешь ли ты кого-нибудь?

— Кого мнѣ, ваше высокородіе, подозрѣвать; никого я не подозрѣваю.

— Но какъ же, однако, она умерла тамъ?

— Мало ли, ваше высокородіе, люди въ одночасье умираютъ!

— Однако, позволь, любезный: у жены твоей, оказалось, голова проломлена, грудь прошиблена, ухо оторвано, — вѣдь это кто-нибудь сдѣлалъ же.

— Это можетъ, ваше высокородіе, скотина на нее наступила, какъ упала она въ безчувствіи; лошадь какая или корова на нее наступила.

— Ты думаешь такъ?

— Думаю, ваше высокородіе; все, вѣдь, думается; на все придешь!

— А кто же, злодѣй, это съ ней сдѣлалъ? — вскричалъ вдругъ Вихровъ бѣшенымъ голосомъ, вскочивъ передъ парнемъ и показывая рукой себѣ на горло — какъ душать человѣка. Голосъ его такъ былъ страшенъ въ эти минуты, что священникъ даже вскочилъ съ лавки и проговорилъ: «ой, Господи помилуй!»

Парень затрясся и поблѣднѣлъ.

— Говори, злодѣй этакій, а не то и себя не пожалѣю, убью тебя, — ревелъ между тѣмъ Вихровъ.

Парень окончательно затрясся и опустилсѣ медленно на колѣни.

— Мой грѣхъ, ваше благородіе, до меня дошелъ; только-то что помилуйте! — проговорилъ онъ.

— А коли твой, такъ и прекрасно, — сказалъ Вихровъ и сейчасъ записалъ его признаніе въ двухъ словахъ, и просилъ приложить руку за него священника.

— Давно бы такъ надо, чѣмъ запирается-то, — говорилъ тотъ съ укоромъ парню.

Послѣдній все стоялъ на колѣняхъ и плакалъ.

Вихровъ сказалъ ему, чтобы онъ всталъ, посадилъ его на лавку и велѣлъ ему подать воды выпить.

Малый выпилъ воды и потеръ себѣ грудь.

— Мнѣ легче теперь словно стало, ваше благородіе, — проговорилъ онъ.

— Еще бы, — сказалъ Вихровъ. — Ты мнѣ долженъ все рассказать по этому дѣлу.

— Все, ваше высокородіе, расскажу.

— Какъ же ты убилъ ее? — спросилъ Вихровъ.

— Убилъ, ваше благородіе, какъ легли мы съ ней спать, я и сталъ ее бранить, пошто она мнѣ лошадь не подсобила отиречь; она молчитъ; я ударилъ ее по щекѣ, она заплакала навзрыдъ. Это мнѣ еще пуще, досаднѣй стало: я взялъ, да сталъ ей ухо рвать; она вырвалась и убѣжала отъ меня на дворъ, я нагналъ ее, сшибъ съ ногъ и началъ ее душить.

— Стало быть, ты намѣренъ былъ ее убить?

— Намѣренъ, ваше благородіе, я ужь давно все собирался ее убить.

— Но отчего жь у нея эти проломы, если ты только задушилъ ее?

— Мнѣ опосля показалось, что она маленько все еще трепещетъ: я взялъ да черезъ нее разъ пять лошадь провелъ; та, надо полагать, копытомъ-то и проломла это мѣсто, а лошадь-то была кованая.

— Но что же заставило тебя такъ звѣрствовать? — спросилъ Вихровъ.

— Не съ своего, ваше благородіе, разуму дѣлалъ все это, и другіе тоже меня подучали къ тому.

— Что же это работница, что ли, ваша? — спросилъ Вихровъ.

— Она-съ и есть, бестія этакая.

Безпрестанное повтореніе Парфеномъ словъ: *ваше высокоблагородіе, ваше благословеніе*, вдѣтая у него въ ухъ сережка, наконецъ какой-то щеголеватого покроя кафтанъ и надѣтые на ноги старыя, резиновые калоши — дали Вихрову мысль, что онъ не простой былъ деревенскій малый.

— Да что ты — мастеровой, что ли, какой-нибудь? — спросилъ онъ его.

— Я — фабричный, ваше высокоблагородіе, — отвѣчалъ онъ.

— А, ну теперь оно и понятно: ты тамъ, значить, всѣмъ эгимъ добродѣтелямъ и научился.

— Ужь тамъ точно, ваше высокоблагородіе, добру мало научать, — согласился и малый.

— Народъ самый отчаянный — всѣ эти фабричные, — подтвердилъ и священникъ.

— А давно ли у тебя любовь эта съ работницей началась?

— Давно, ваше высокоблагородіе, она давно ужъ у насъ тоже живетъ.

— Стало быть, ты и до женитьбы ее любилъ?

— Извѣстно, ваше высокородіе.

— Отчего же ты не женился на ней?

— Чтожь на ней жениться-то — развѣ она стоитъ того.

— Поэтому жена твоя тебѣ больше нравилась, чѣмъ она?

— Не то что больше, а что точно что женщина смиренная была.

— Зачѣмъ же ты убилъ ее?

— По наговорамъ все.

— Работницы этой?

— Да-съ. Все смѣялась она: «жена у тебя дура, да ты ее очень любишь!» Миѣ это и обидно было, а кто ее знаетъ, другое дѣло: можетъ она и отворотнаго какого дала миѣ. Такъ пришло, что женщины видѣть почти не могъ: что ни сдѣлаетъ она, все миѣ было не по праву!

— И что же, работница тебѣ прямо говорила, чтобы ты убилъ жену?

— Смѣялась какъ-то разъ: «ты бы, говоритъ, жену-то твою утопилъ въ проруби. Что ты, говоритъ, больно ее бережешь».

— Ну, а гдѣ же ты, скажи мнѣ, денегъ взялъ, чтобы откупиться на первомъ слѣдствіи?

— То же, ваше благородіе, добрые люди помогли въ томъ случаѣ.

— Что же, это хозяинъ, которому ты въ рекруты продался?

— Самый онъ-съ, — отвѣчалъ откровенно и даже какъ бы съ нѣкоторымъ удовольствіемъ малый. — Меня, ваше благородіе, при томъ дѣлѣ почестъ что и не спрашивали: «чѣмъ, говоритъ, жена твоя умерла? ударомъ?» «Ударомъ», говорю; такъ и порѣшили дѣло!

— Что же, ты самъ просилъ хозяина, чтобы онъ тебя откупилъ? — спросилъ вдругъ и почему-то священникъ. Ему, кажется, было не совсѣмъ пріятно, что одного изъ самыхъ богатыхъ его прихожанъ пускаютъ въ дѣло.

— Онъ самъ, ваше благословеніе, пожелалъ того: «что ты теперь, говоритъ, у насъ проиадешь; мы, говоритъ, лучше остальные деньги, что тебѣ слѣдуетъ, внесемъ начальству, тебя и простятъ». «Внесите», говорю.

— Болтовня, братецъ, твоя одна только это! — проговорилъ священникъ.

— Нѣтъ, ваше благословеніе, вѣрно такъ: всю сущую правду говорю; мнѣ что теперь: себя я не пожалѣлъ, что жь мнѣ другихъ-то скрывать?

Всѣми этими оговорами, также какъ тономъ голоса своего и манерами, Парфенъ все больше и больше становился Вихрову противенъ. Опросивши его, онъ велѣлъ позвать работницу. Та вошла съ лицомъ краснымъ и, какъ кажется, заплаканнымъ.

Вихровъ велѣлъ ей стать рядомъ съ Парфеномъ. Она стала, и тотчасъ-же отвернулась отъ него.

— Скажи, любезная, не находилась ли ты въ любовной связи вотъ съ этимъ Парфеномъ Ермолаевымъ?— началъ Вихровъ.

— Нѣту-съ, какъ это возможно!— отвѣчала она. Ея синяя шубка и обшитые краснымъ сукномъ коты тоже бросились Вихрову въ глаза.

— Ты всегда въ работницахъ жила? — спросилъ онъ ее.

— Нѣтъ, мы по лѣтамъ только въ работницахъ живемъ, а по зимамъ на фабрикѣ шерсть мотаемъ.

— Съ одной, значить, фабрики съ нимъ? — сказалъ Вихровъ, указывая дѣвкѣ на Парфена.

— Съ одной и той же, — отвѣчала дѣвка.

— Можетъ быть, ты тамъ съ ней и слюбился?— спросилъ онъ Парфена.

— И тамъ, и здѣсь, вездѣ-ся-тко! — отвѣчалъ тотъ.

— Какъ-же ты запираешься? вотъ онъ самъ признается въ томъ, — сказалъ Вихровъ дѣвкѣ.

— Мало-ли что онъ наболтаетъ; я не то что его, а и никого еще не знаю, — отвѣчала она, потупляя глаза.

— Да, не знаешь, дѣвка, какъ же! Поди-ко, какая честная! — возразилъ ей парень.

— Здѣсь этакихъ нѣтъ, чтобы никого-то въ дѣв-

вушкахъ не знали, — произнесъ и священникъ, грустно качнувъ головой.

— Ни единой!.. — подхватилъ малый: — что она, ваше высокородіе, запирается! — отнесся онъ къ Вихрову: — я прямо говорю: баловать я съ ней баловаль, и хозяйку мою бить и даже убить ее — она меня подучала!

Дѣвка при этомъ заплакала.

— Вотъ ужъ это врешь, грѣхъ тебѣ!.. Грѣхъ на меня клепать!.. Спросите хоть родителей его! — говорила она.

— Не было, ахъ, ты, шельма этакая!.. Что моихъ родителей-то спрашивать; извѣстно, во всемъ нашемъ семействѣ словно, ваше высокородіе, не с проста она всѣхъ обошла; коли ты запираешься, хочешь — я во всемъ этомъ свидѣтелей могу представить.

— Какихъ свидѣтелей? какихъ? — спрашивала дѣвка, еще болѣе покраснѣвъ.

— А такихъ! знаю ужъ я какихъ! — говорилъ Парфень.

Дѣвка послѣ этого вдругъ обратилась къ Вихрову. Тонъ голоса ее при этомъ совершенно перемѣнился; глаза сдѣлались какіе-то ожесточенные.

— Это точно что! что говорить, — затараторила она: — гулять — я съ нимъ гуляла, каюсь въ томъ; но чтобы хозяйку его убить научала — это ужъ мое почтенье! никогда слова моего не было ему въ томъ: онъ не ври, не тяни съ собой людей въ острогъ!

— Я потяну, посадятъ, — говорилъ парень.

— Нѣтъ, врешь, не посадятъ, — возражала ему бойко дѣвка. Вихровъ велѣлъ имъ обоимъ замолчать

и позвалъ къ себѣ того высокаго мужика, отецъ котораго покупалъ Парфена за свое семейство въ рекруты.

— Вотъ онъ говорить,— началъ онъ прямо, уваживая мужику на Парфена:— что вы деньгами, которыя слѣдовали ему за его рекрутчество, закупили чиновниковъ.

Высокій мужикъ усмѣхнулся.

— Что мы — осмиголовые, что-ли, что въ чужое-то дѣло намъ путаться: Богъ съ нимъ... Мы найдемъ и неподсудимыхъ, слободныхъ людей идти за насъ! Прежде точно, что уговоръ промежъ насъ былъ, что онъ поступитъ за наше семейство въ рекруты; а тутъ, какъ мы услышали, что у него дѣло это затѣялось, такъ сейчасъ его и оставили.

— Ну, что жъ ты на это скажешь? — обратился Вихровъ къ Парфену.

— Что сказать-то, ваше благородіе?—его словамъ вѣры больше дадутъ, чѣмъ моимъ.

— Стало быть, ты ничѣмъ не можешь доказать противъ его словъ?

— Ничѣмъ,— отвѣчалъ Парфенъ утвердительно. Онъ уже очень хорошо понялъ винутой на него выразительный взглядъ высокимаго мужикомъ. Священникъ тоже поддерживалъ послѣдняго.

— Это семейство степенное, хорошее, — говорилъ онъ.

— Но вы, однако, такіе же фабричные?— обратился Вихровъ къ мужику.

— Нѣтъ, сударь, мы скупщики,— отвѣчалъ тотъ. Вихровъ на него и на священника посмотрѣлъ вопросительно.

— Здѣсь, вѣдь, вотъ какъ это идетъ, — объяснилъ ему сей послѣдній: — фабричныя дѣлають у купцовъ на фабрикѣ сукна простыя, крестьянскія, только тонкія, а эти вотъ скупщики берутъ у нихъ и развозятъ эти сукна по ярмаркамъ.

Вихровъ, разумѣется, очень хорошо понималъ, что со стороны высокаго мужика было одно только заpiresательство; но какъ его было уличить: преступникъ самъ отъ своихъ словъ отказывался, изъ сосѣдей никто противъ богача ничего не покажетъ, чиновники тоже не признаются, что брали отъ него взятки; а потому съ сокрушеннымъ сердцемъ Вихровъ отпустилъ его, дѣвку работницу сдалъ на поруки хозяевамъ дома, а Парфена велѣлъ сотскому и земскому свести въ уѣздный городъ въ острогъ. Парфень и родные его, кажется, привыкли уже къ этой мысли; онъ съ своей стороны довольно равнодушно одѣлся въ старыи свой кафтанъ, а новый взялъ въ руки; тѣ довольно равнодушно простились съ нимъ, и одна только работница сидѣла у окна и плакала; за себя-ли она боялась, чтобы ей чего не было, парня-ли ей бы жаль — неизвѣстно; но между собой они даже и не простились. Земскимъ, предназначеннымъ сопровождать преступника, оказался тотъ же корявый мужикъ. Онъ вмѣстѣ съ сотскимъ связалъ Парфену ноги и посадилъ его на среднее мѣсто въ телегу.

— Сиди, другъ любезный, покойно; свеземъ мы тебя съ почетомъ, — говорилъ онъ, садясь съ боку его.

— Ноги-то ужъ больно затянули! — жаловался Парфень.

— Ничего, другъ любезный, привыкай; придется еще желѣзные крендельки носить на нихъ! — утѣшилъ его земскій.

VIII.

Арестанты и арестантки.

По возвращеніи Вихрова снова въ уѣздный городъ, къ нему сейчасъ же явился исправникъ, подѣлъ будто-бы предлогомъ, чтобы доставить ему два предписанія губернатора, присланные на имя Вихрова.

— А вы въ Вытегрѣ изволили открыть, что эту женщину мужъ убилъ? — спросилъ онъ какъ-бы къ слову.

— Открылъ! — отвѣчалъ Вихровъ.

— Удивительное дѣло! — произнесъ исправникъ, вскинувъ къ небу свои довольно красивые глаза: — вотъ ужъ по пословицѣ: не знаешь, гдѣ упадешь! Цѣлую недѣлю я тамъ бился, ничего не могъ открыть!

Вихровъ молчалъ. Ему прѣтвнно даже было слушать этого господина, который съ виду былъ такой джентльменъ, такъ изящно и благородно держалъ себя, имѣлъ такія аристократическія руки и одѣтъ былъ почти столичнымъ франтомъ.

— Вы гдѣ прежде служили? — спросилъ онъ его.

— Прежде въ военной-сѣ. Былъ адъютантомъ и казначеемъ полковымъ, а все вотъ это, женившись по страсти, промѣнялъ на кляузную должность исправника.

— Но зато здѣсь повыгоднѣй! — произнесъ не безъ ироніи Вихровъ.

— Богъ съ ней — съ этой выгодой, — отвѣчалъ исправникъ, не зная, какъ и понять эти слова.

Вихровъ затѣмъ принялся читать бумаги отъ губернатора: одною изъ нихъ ему предписывалось произвести дознаніе о буйствахъ и грубостяхъ, учиненныхъ арестантами мѣстнаго острога смотрителю, а другою — поручалось отправиться въ село Учню и сломать тамъ раскольничью моленную. Вихровъ на первыхъ порахъ и не понялъ — какого рода было послѣднее порученіе.

— А скажите, пожалуйста, далеко-ли отсюда село Учня? — спросилъ онъ исправника.

— Верстъ сорокъ, — отвѣчалъ тотъ.

— Мнѣ завтра надо будетъ ѣхать туда, — продолжалъ Вихровъ.

— Въ такомъ ужь случаѣ, — началъ исправникъ нѣсколько меланхолическимъ голосомъ: — позвольте мнѣ предложить вамъ экипажъ мой; почтовые лошади васъ туда не повезутъ, потому что трактъ этотъ торговый.

— Но я возьму обывательскихъ, — возразилъ Вихровъ.

Исправникъ на это грустно усмѣхнулся.

— Здѣсь объ обывательскихъ лошадяхъ и помину нѣтъ; мои лошади такія же казенныя.

— Но мнѣ все-таки совѣстно, — сказалъ Вихровъ: — позвольте по крайней мѣрѣ мнѣ слѣдующіе съ меня прогоны отдать вашему гучеру.

— Это какъ вамъ угодно будетъ, — отвѣчалъ съ покорностью исправникъ и, посѣменя послѣ того немного передъ Вихровымъ ногами, сказалъ негромкимъ голосомъ:

— Я, вѣроятно, буду подвергнутъ отвѣтственности за мое упущеніе?

— Вѣроятно! — отвѣчалъ тотъ ему откровенно.

— Но за что-же?... за что? — произнесъ поправникъ вкрадчивымъ уже тономъ: — *irren ist menschlich!* — прибавилъ онъ даже по-нѣмецки.

— Въ службѣ и за *irren* наказываютъ, — отвѣчалъ ему Вихровъ.

— Конечно-съ! — согласился исправникъ и, понявъ, какъ видно, что съ этимъ молокососомъ ему разговаривать было больше нечего, раскланялся и ушелъ.

Оставшись одинъ, герой мой предался печальнымъ размышленіямъ объ этомъ мерзвѣйшемъ, вѣншемъ, русскомъ образованіи, которое только даетъ человѣку доску сверху, а внутри, въ душѣ у него оставляетъ готовность на всякую гнусность и безобразіе, — и вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ послалъ сказать смотрителю, что пріѣдетъ сейчасъ въ острогъ, проинформировать о происшедшихъ тамъ беспорядкахъ. Острогъ помѣщался на самомъ концѣ города въ частномъ домѣ и отличался отъ прочихъ зданій только тѣмъ, что имѣлъ около себя будву съ солдатами и всѣ окна его были съ желѣзными рѣшетками. Когда Вихровъ подошелъ къ этому дому, перепуганный смотритель, съ небритой бородой и въ отставномъ военномъ вицъ-мундирѣ, дожидался его уже у подъѣзда. Вихровъ въ первый еще разъ входилъ въ какой бы то ни было острогъ. Прежде всего его обдалъ страшный смрадъ, въ которомъ по преимуществу разпло запахомъ кислыхъ щей и махорки.

— А у васъ курятъ арестанты? — спросилъ Вихровъ смотрителя.

— Курятъ. Никакъ не могу ихъ отбить отъ этого, — отвѣчалъ смотритель.

Онъ ввелъ Вихрова сначала въ верхній этажъ въ переднюю, въ которой даже оказалось огромное зеркало, вдѣланное въ стѣну и, видимо, нѣкогда предназначенное для того, чтобы прїѣзжіе гости поправляли передъ нимъ свой туалетъ: домъ этотъ принадлежалъ когда-то богатому купцу, но теперь проторговавшемуся и спившемуся. Далѣе затѣмъ слѣдовала зала, съ расписными стѣнами, на которыхъ изображены были бесѣдки, сады, разныя гуляющія дамы, къ большей части которыхъ арестанты придѣлали усы. Кругомъ всѣхъ стѣнъ шли нары, на которыхъ арестанты лежали и сидѣли. При появленіи Вихрова и смотрителя, они всѣ вскочили и вытянулись.

— А внизу у васъ — женское отдѣленіе? — спросилъ Вихровъ, чтобы что-нибудь только спросить смотрителя: видъ всѣхъ этихъ людей не то что испугалъ, но какъ-то смутилъ и сконфузилъ Вихрова.

— Внизу — женское, — отвѣчалъ тотъ, покорно склоняя свою голову.

— Которые же вамъ изъ арестантовъ нагрубили? — спросилъ Вихровъ, вспомнивъ наконецъ главную причину своего посѣщенія острога.

— Вотъ эти трое, — отвѣчалъ смотритель, показывая на двухъ довольно молодцоватыхъ арестантовъ и на третьяго — еще молодого малаго, но совсѣмъ сѣдаго.

Вихровъ обратился къ двумъ первымъ арестантамъ.

— За что вы посажены?

— Не знаемъ, ваше благородіе! — отвѣчалъ одинъ изъ нихъ.

— Какъ не знаете? Но кто вы такіе? — прибавилъ Вихровъ.

— Не знаемъ, ваше благородіе, — отвѣчалъ и на это арестантъ.

— Стало быть, вы — непомнящіе родства? — продолжалъ Вихровъ.

— Точно такъ, ваше благородіе! — отвѣчалъ арестантъ, и на губахъ его промелькнула, какъ кажется, легкая насмѣшка.

— Руки по швамъ! — крикнулъ было Вихровъ.

Арестантъ на это еще болѣе усмѣхнулся.

— Ужь это, ваше благородіе, командовали намъ, приказывали многіе! Нѣтъ-съ, я не солдатъ, — отвѣчалъ арестантъ, — и насмѣшливая улыбка попрежнему не сходила съ его губъ.

— Но гдѣ же ты пребывалъ все время до острога? — продолжалъ спрашивать его Вихровъ.

— Да гдѣ же, ваше высокоблагородіе, пребывалъ?... гдѣ день, гдѣ ночь!

— Но гдѣ же именно? что за отвѣтъ: гдѣ день, гдѣ ночь!

— Не упомяну, ваше благородіе.

— Какъ не помнишь! — воскликнулъ Вихровъ: — неужель тебѣ не совѣстно говорить подобныя вещи?

Арестантъ моргалъ только при этотъ слегка глазами.

— Не упомяну-съ! — повторилъ онъ еще разъ.

— А ты вѣдъ жилъ? — обратился Вихровъ къ другому арестанту.

— А я тамъ же — гдѣ и онъ, супротивъ его-съ! — отвѣчалъ тотъ съ еще большимъ, кажется, нахальствомъ, чѣмъ товарищъ его.

Прочіе арестанты довольно громко при этомъ зашумѣлись, и Вихровъ самъ тоже не могъ удержаться и усмѣхнулея; а смотритель развелъ только горестно руками.

— Вотъ и поговори съ ними, и посуди ихъ, — произнесъ онъ какъ бы самъ съ собою.

— Что же такое они вамъ нагрубили? — обратился къ нему Вихровъ.

— То, что не слушаются, дѣлаютъ — что хотятъ! голубей вонъ подъ нарами завели; я сталъ ихъ отбирать, не даютъ!

— Вы заводили голубей? — спросилъ Вихровъ опять перваго арестанта.

— Да, это виноваты, ваше благородіе, точно что завели: скучно, вѣдь, здѣсь оченно сидѣть-то, такъ эту забавку маленькую завели было...

— Да гдѣ же вы достали голубей?

— Я досталъ, — отвѣчалъ арестантъ откровенно: — меня къ допросу тоже въ судъ водили, и шелъ по площади да и словилъ ихъ, принесъ сюда въ рукавъ: тутъ они и яички у насъ нанесли и новыхъ молодыхъ вывели.

— Но все-таки, когда смотритель сталъ у тебя требовать ихъ, отчего-жъ ты не отдавалъ ихъ ему?

— Жалко, ваше благородіе, было: мы тоже привыкли къ нимъ, а потомъ мы и отдали-съ!

— Отдали? — обратился Вихровъ къ смотрителю.

— Отдали-съ! голуби-то у меня и теперь съ опечатанными крыльями гуляютъ на дворѣ: прикажете принести? — говорилъ смотритель.

— Послѣ. Въ этомъ только грубость арестантовъ и состояла? — прибавилъ Вихровъ.

— Нѣтъ, вонъ за этимъ молодцомъ много еще и другихъ исторій, — произнесъ смотритель, показывая на перваго арестанта: — его, вонъ, на дворъ нельзя выпустить!

Арестантъ при этомъ замѣтно сконфузился и потупилъ глаза въ землю.

— Почему нельзя выпустить? — спросилъ Вихровъ.

— А потому-съ, — отвѣчалъ смотритель и, какъ видно, не рѣшался доканчивать своего обвиненія.

— Все эта одна напраслина на меня, ваше высокоблагородіе, — говорилъ арестантъ, окончательно сконфуженнымъ голосомъ.

— Какая же напраслина — на другихъ же не говорятъ.

— Это все, ваше высокоблагородіе, Гаврюшка вамъ солдатъ насаждалъ, — говорилъ арестантъ.

— Ну, хоть и Гаврюшка — что же?

— А то, ваше благородіе, что онъ передъ тѣмъ только четвертакъ съ меня на полштофа требовалъ.

— За что же онъ именно требовалъ съ тебя? — вмѣшался въ ихъ разговоръ Вихровъ.

— Прахъ его знаетъ! — отвѣчалъ арестантъ, попрежнему сконфуженнымъ голосомъ.

— Въ чемъ же именно онъ еще обвиняется? — отнесся Вихровъ къ зрителю.

— А въ томъ, ваше высокоблагородіе, что по инструкціи ихъ каждый день на дворъ выпускають погулять; а у насъ женское отдѣленіе все почестъ на дворъ выходитъ, вотъ онъ и завелъ эту методу: влѣзетъ самъ въ окно да бабъ къ себѣ, арестантокъ, и подманиваетъ.

Арестантъ при этомъ обвиненіи окончательно уже покраснѣлъ, какъ ракъ вареный. Прочіе арестанты — кто тихонько смѣялся себѣ въ кулакъ, кто только улыбался.

— И тѣ подходили къ нему? — спрашивалъ Вихровъ.

— Еще бы! бунтъ такой на меня подняли, когда я запретилъ было имъ въ окнамъ-то подходить: «что, говоритъ, ты свѣту Божьяго, что ли, насъ лишаешь!» Хорошъ у нихъ свѣтъ Божій!

— Что же, ты подманивалъ арестантокъ? — спросилъ Вихровъ арестанта.

— Да такъ, ваше благородіе, пошутилъ разъ какъ-то, — отвѣчалъ тотъ.

— Да, пошутилъ! отчего же Катька-то въ такомъ теперь положеніи?

— Я ничего того не знаю.

— Кто же знаетъ-то — я, что ли?

— Да можетъ и вы; я неизвѣстенъ въ томъ.

— Какъ же я? ахъ, ты, подлецъ этакой!... Вотъ, ваше высокородіе, какъ они разговариваютъ! — жаловался зритель Вихрову, но тотъ въ это время все свое вниманіе обратилъ на моложаваго, сѣдаго арестанта.

— Ты за что посаженъ? — обратился онъ къ нему наконецъ съ вопросомъ.

— За покражу церковныхъ вещей-съ, — отвѣчалъ тотъ.

— Что же такое онъ вамъ грубилъ? — обратился Вихровъ къ смотрителю.

— Да тоже вонъ голубей-то не давалъ, — отвѣчалъ тотъ.

— И больше ничего?

— Больше ничего-съ.

— Отчего ты такой сѣдой — который тебѣ годъ? — спросилъ Вихровъ арестанта.

— Двадцать-пять всего-съ. Я въ одну ночь по-сѣдѣлъ.

— Какъ такъ?

— Такъ-съ! испугался очень, укравши эти самыя вещи.

— Но какъ же ты укралъ ихъ?

У парня при этомъ какъ-то лицо все подернуло и задрожали губы.

— Я-съ, — началъ онъ, какимъ-то отрывистымъ голосомъ: — за всюнощную пришелъ-съ, и спрятался тамъ вверху на этихъ палаткахъ-то, что-ли, какъ они тамъ называются?

— На хорахъ.

— Да-съ!... священники-то какъ ушли, меня въ церкви-то они и заперли-съ, а у Спасителя передъ иконой лампада горѣла; я пошелъ — сначала три камешка отковырнулъ у Богородицы, потомъ сосуды-то взялъ-съ, крестъ, потомъ и ризу съ Николая угодника, золотая была, взялъ все это на палатцы-то и унесъ, — гляжу-съ, всѣ мѣстные-то иконы и

выходятъ изъ мѣстъ-то своихъ, и по церкви-то идутъ ко мнѣ. Я сталъ кричать, никто меня не слышитъ, а онѣ ходятъ тутъ-съ! «Поддай, говорятъ, поддай намъ наше добро!» Я хочу имъ подать, а у меня руки-то не дѣйствуютъ. Потомъ словно гробъ какой показался мнѣ.

— Какой гробъ?

— Не знаю-съ. Меня поутру, какъ священники-то пришли служить, замертво почеть подняли, со всѣми этими полчными моими вещами, и прямо же тогда въ острогъ, въ лазаретъ, и привезли.

— Съ этого времени ты посѣдѣлъ?

— Съ этого самага разу-съ, — отвѣчалъ малый.

Въ числѣ арестантовъ Вихровъ увидалъ и своего подсудимаго Парфена, который стоялъ — какъ-то робко потупя глаза и, видимо, держалъ себя, какъ человѣкъ находящійся въ непривычномъ ему обществѣ.

Вихровъ довольно отрывисто и довольно нескладно сказалъ арестантамъ, чтобы они не буннили и слушались смотрителя, а что въ противномъ случаѣ они будутъ наказаны.

— Мы слушаемся, ваше благородіе, — отвѣчало нѣсколько голосовъ, но насмѣшливый оттѣнокъ явно слышался въ тонѣ ихъ голоса.

Чтобы дать такое же наставленіе и женщинамъ, Вихровъ, по просьбѣ смотрителя, спустился въ женское отдѣленіе.

— Вы къ овнамъ не смѣйте подходить, когда арестанты на дворѣ гуляютъ! — сказалъ онъ арестанткамъ.

— Намъ зачѣмъ подходить — пошто! — отвѣчала одна старуха.

— Вотъ это самая Катюшка-то и есть! — сказалъ потихоньку смотритель, показывая Вихрову на одну довольно еще молодую женщину, сидѣвшую въ темномъ углу.

Вихровъ подошелъ къ ней. Арестантка встала.

— Давно ли ты содержишься въ острогѣ? — спросилъ Вихровъ, осматривая ея круглый станъ.

— Полтора года-съ, — отвѣчала арестантка.

— Но какъ же ты очутилась въ такомъ положеніи?

— Да что кому за дѣло до того? — отвѣчала арестантка.

— Да дѣло-то не до тебя, а до порядку въ острогѣ.

— Мы не въ одномъ острогѣ сидимъ, а насъ и по улицамъ водятъ, — отвѣчала арестантка.

— Да, но васъ водятъ съ конвоемъ.

— А конвойные-то развѣ святые?

— Кто-жь такой именно этотъ конвойный?

— Я не знаю-съ!... солдатъ — извѣстно!... развѣ сказываютъ они — какъ имъ клички-то, — отвѣчала довольно бойко арестантка, видно заранѣе уже наученная и приготовленная, какъ говорить ей на счетъ этого предмета.

Вихровъ пошелъ изъ острога. Все, что онъ видѣлъ тамъ, его поразило и удивило. Онъ прежде всякій острогъ представлялъ себѣ въ гораздо болѣе мрачномъ видѣ, да и самые арестанты показались ему вовсе не закоренѣлыми злодѣями, а скорѣй какими-то шалунами, повѣсами.

— Скажите, отчего эти два арестанта называютъ

себя непомнящими родства?— спросилъ онъ провожавшаго его зрителя.

— Солдаты, надо быть, бѣглые,—отвѣчалъ тотъ:— ну, и думаютъ, что «пустъ ужъ лучше, говорятъ, плетями отжарятъ и на поселенье сошлютъ, чѣмъ съвозъ зеленую-то улицу гулять!»

IX.

Село Учня.

Село Учня стояло въ страшной глуши. Вѣхать къ нему надобно было тридцативерстнымъ, песчанымъ волокомъ, который начался верстъ черезъ пять по выѣздѣ изъ города, и сразу-же пошли по сторонамъ вѣковыя сосны, ели, березы, пихты,—и хоть всего еще былъ май мѣсяцъ, но уже цѣлыя уймы комаровъ огромной величины садились на лошадей и ѣздоковъ. Вихровъ сначала не обращалъ на нихъ большаго вниманія, но они такъ стали больно кусаться, что сейчасъ-же послѣ укуса ихъ на лицѣ и на рукахъ выскакивали прыщи.

— Вы, баринъ, курите побольше, а то, вѣдь, эти пискуны-то совсѣмъ съѣдятъ!— сказалъ, обертываясь къ нему, исправническій кучеръ, уже весь искусанный комарами и безпрестанно смахивавшій кнутомъ цѣлыя стаи ихъ, облипавшій бѣдныхъ лошадей, которыя только вздрагивали отъ этого въ разныхъ мѣстахъ тѣломъ и все порывались скорѣй бѣжать.

— И ты кури! — сказалъ Вихровъ, закуривая трубку.

— И мнѣ ужь позвольте, — сказалъ кучерь. Онъ былъ старикъ, но еще крѣпкій и довольно красивый изъ себя. — Не знаю, какъ вашего табаку, а нашего такъ они не любятъ, — продолжалъ онъ, выпуская изо рта клубы зеленоватаго дыма, и комары дѣйстви-тельно полетѣли отъ него въ разныя стороны; онъ потомъ пустилъ струю и на лошадей, и съ тѣхъ комары слетѣли.

— Здѣсь вотъ и по деревнямъ только этимъ сно-собомъ и спать могутъ, — объяснялъ кучерь: — раз-ведутъ въ избѣ на ночь отъ можевельнику али отъ другихъ какихъ сучьевъ душину, — съ тѣмъ только и спать.

— Отъ чего-же здѣсь такъ много комаровъ? — спросилъ Вихровъ.

— Отъ того, что мѣста ужь очень дикія и лѣс-ныя. Вотъ тутъ по всей дорогѣ разныя бобылки живутъ, рѣну сѣютъ, горохъ, — такъ къ нимъ въ избушку-то иной разъ медвѣдь заглядываетъ; ну такъ тоже нашъ-же исправникъ подарилъ имъ ружья, вотъ они и выстрѣляютъ разъ, другой въ недѣлю, и по-отвалить онъ отъ нихъ маленько въ лѣсъ.

— А ты крѣпостной исправника? — спросилъ Вихровъ.

— Нѣтъ, я вольный... годовъ тридцать ужь служу по земской полиціи. Пробовали было другіе исправ-ники брать своихъ кучеровъ, не вышло что-то. Здѣсь тѣмъ не выѣздить, потому мѣста хитрыя... въ иное селеніе не дорогой надо ѣхать, а либо паш-ней, либо лугами... По многимъ раскольниковымъ се-леньямъ и дороги-то отъ нихъ совсѣмъ нигуда никакой нѣтъ.

— Какъ-же они сами-то ѣздятъ?

— Самы они николи не ѣздятъ, и не ходятъ даже по землѣ, чтобы никакого и слѣда человѣческаго не было видно, — а по пнямъ скачутъ, съ пенька на пенекъ, а гдѣ ихъ нѣтъ, такъ по сучьямъ; уцѣплятся за одинъ сучекъ, потомъ за другой, и такъ иной разъ съ версту идутъ.

— Зачѣмъ они дѣлаютъ это?

— Чтобы скрытнѣе жить... Не любятъ они, какъ нашъ русскій-то духъ узнаетъ про нихъ и приходитъ къ нимъ.

— А Учня — сильно раскольничье село? — сказалъ Вихровъ, съ удовольствіемъ думая, что онъ наконецъ увидитъ настоящихъ заворенѣлыхъ раскольниковъ.

— Сильно раскольничье! — отвѣчалъ кучеръ: — и тамъ не одинъ расколъ, а всего есть: нынѣ-то вотъ потише маленько стало, а прежде они фальшивую монету дѣлали; все едино, какъ на монетномъ дворѣ въ Питерѣ... я еще, такъ доложить, молодымъ мальчикомъ былъ, какъ переловили ихъ на этомъ.

— Какъ-же ихъ переловили? — спросилъ Вихровъ.

— Да что, развѣ хитро было то! Начальство-то только имъ прежде поблажало, потому что деньги съ нихъ брало.

— Фальшивыя-же?

— Нѣтъ, не фальшивыя; а требовали настоящихъ! Какъ теперь вотъ гляжу, у насъ ихъ въ городѣ послѣ того человѣкъ сто кнудомъ наказывали. Однихъ палачей, для наказанія ихъ, привезено было изъ разныхъ губерній четверо. Здоровые такіе черти, въ красныхъ рубахахъ всѣ; я ихъ и везъ, на почтѣ

тогда служилъ: однако-же скованныхъ ихъ везутъ, не довѣряютъ!.. Пить какіе они дьяволы; ведро, кажется, водки выпьетъ, и то не замѣтишь его ни въ одномъ глазѣ.

— На что-же они пьютъ, на какія деньги? — сказалъ Вихровъ.

— Палачи-то? — воскликнулъ какъ-бы въ удивленіи кучеръ: — кому-же и пить, какъ не имъ. Вотъ поэтому по Учневскому дѣду они наказывали тогда; по три тысячи, говорятъ, каждому изъ нихъ было дано отъ сродственниковъ. Замахивались, кажись, вотъ я самъ видѣлъ, страсть! а у навазуемаго только слегка спина синѣла, кровь даже не выступила; самъ одинъ у меня вотъ тутъ въ телегѣ хвасталъ: «я, говоритъ, кнутомъ и убить человѣка могу сразу, и, говоритъ, посади ты ему на спину этого комара, я ударю по немъ, и онъ останется живъ!» — на лубу, вѣдь, ихъ все учатъ.

— На лубу?

— Да, каждый день жарятъ по лубу, чтобы вѣрность въ рукѣ не пропала... а вотъ, судырь, ихъ изъ кучеровъ или лакеевъ николи не бываетъ, а все больше изъ мясниковъ: привычѣй, что ли, они, быковъ-то и телятъ бивши, къ крови человѣческой. Въ Учнѣ послѣ этого самаго бунты были сильные.

— Бунты?

— Да!... придрались они къ тому, что будто бы удѣльное начальство земель ихъ маненько пообидѣло, — сейчасъ перестали оброкъ платить и управляющаго своего, тотъ было пріѣхалъ внушать имъ, выгнали, и предписано было командѣ съ исправникомъ войти къ нимъ. Ловкій такой тогда исправникъ

былъ, смѣлый, молодой, сейчасъ къ этому гарнизонному командиру — «ѣдемъ, говорить, непріятеля усмирять»; а тотъ испугался, Матерь Божья. Гарнизона, вѣдь, пузатая! — пьяница тогда такой былъ! причащался, исповѣдывался передъ тѣмъ, ей-богу, что смѣху было, — съ своимъ, знаете, желтымъ воротникомъ и саблишкой, сѣлъ онъ наконецъ въ свой экипажъ, — имъ эти желтые воротники на смѣхъ, надо быть, даны были; поѣхали мы, а онъ все охаетъ: «ахъ, какъ бы съ командой не разѣхаться!» команду-то, значитъ, впередъ послалъ. Подошли мы такимъ манеромъ часовъ въ пять утра къ селенью, выстроились тамъ солдаты въ ширингу; мнѣ велѣли стать въ сторонѣ и лошадей отпречь, чтобы, знаете, они не испугались, какъ стрѣлять будутъ, только вдругъ это мы и видимъ: отъ селенья-то идетъ громада народу... икону, знаете, свою несутъ передъ собой... съ колыями, съ вилами и съ ружьями многіе!... Только этотъ капитанишка дрожитъ весь, кричитъ своей командѣ... «заряжайте ружья и стрѣляйте!» Но баринъ мой говоритъ: «погодите, не стрѣляйте, я поговорю съ ними». Знаете, этакъ, выскочилъ впередъ изъ-за солдатъ: «что вы, говорить, каналы, государю вашему императору не повинуетесь. На колѣни!» говоритъ. Только одинъ этотъ впереди мужичанища идетъ, какъ теперь гляжу на него, плѣшивый эдакой, здоровый чортъ, какъ махнулъ его прямо съ плеча дубиной по головѣ, такъ баринъ только проохнулъ и тутъ же Богу душу отдалъ. Ахъ, братецъ ты мой, и меня ужъ злость взяла. «Братцы! крикнулъ я солдатамъ, видите, что дѣлаютъ!» Прапорщикъ тоже кричитъ имъ: «нали!»

Какъ шарахнули они въ толпу-то, такъ человѣкъ двадцать сразу и повалилось; но все-таки они кинулись на солдатъ, думали народомъ ихъ смять, а тѣ изъ-за задней ширинги — трахъ опять, и въ штыки, знаете, пошли на нихъ; тѣ побѣжали!... Я, Матерь Божья, такъ за барина остервенился, выхватилъ у солдата одного ружье, побѣжалъ тоже на неприятеля, и вотъ согрѣшилъ, грѣшный: бабенка тутъ одна попалась, ругается тоже, — такъ ее въ ногу пырнулъ штыкомъ, что завертѣлась даже, и пошли мы, братецъ, послѣ того по избамъ безчинствовать. Главные-то бунтовщики въ лѣсъ отъ насъ ушли; прислали послѣ того вмѣсто исправника другаго... привели еще свѣжей команды, и стали мы тутъ военнымъ постоемъ въ селенье и что ирѣвли у нихъ, Боже ты мой! баранины, говядины, муки всякой, крупы, изъ лавокъ что ни есть сластей разныхъ, потому постой военный — нельзя иначе: отъ начальства даже было позволеніе, чтобы дѣлали все это.

— А бунтовщики такъ все въ лѣсу и были? — спросилъ Вихровъ.

— Два мѣсяца, братецъ, въ болотахъ неприступныхъ держались, никакъ ни съ которой стороны подойти къ нимъ невозможно было.

— Чѣмъ же они тамъ питались?

— Заранѣе ужъ, видно, запасено было тамъ всего... холода только ужъ ихъ повыгнали оттуда: прислали сначала повинную, а потомъ и сами пришли. Тотъ, впрочемъ, который исправника убилъ, скрылся совсѣмъ куды-то, въ какой-нибудь скитъ ихній, надо быть, ушелъ!...

— Они, можетъ быть, и меня убьютъ; я тоже ѣду къ нимъ по неприятному для нихъ дѣлу, — проговорилъ Вихровъ.

— Слышали мы это: моленную это ихнюю ломать, — сказалъ кучеръ. — Какой богатый храмъ, богаче другихъ церквей христіанскихъ! Тоже вы хоть бы изъ сотскихъ кого взяли, а то одинъ-одинехонекъ ѣдете! — прибавилъ онъ.

— Да это все равно.

— Все равно, конечно!... они, впрочемъ, и тогда говорили: «не ругайся, говоритъ, исправникъ, старикъ бы его не убилъ; а то, говоритъ, мы съ икононой идемъ, а онъ — браниться!»

Дорога между тѣмъ все продолжала идти страшно песчаная. Сильныя лошади исправника едва могли легкой рысцой тащить тарантасъ, ухотившій почти до половины колесъ въ песокъ. Вихровъ по сторонамъ видѣлъ нѣсколько избушекъ бобылей и небольшихъ около нихъ поля съ рѣпой и картофелемъ. Кучеръ не переставалъ съ нимъ разговаривать.

— Глядите-ко, глядите: въ лѣсу-то пни все идутъ!... — говорилъ онъ, показывая на мелькавшіе въ самомъ дѣлѣ въ лѣсу пни и отстоящіе весьма недалеко одинъ отъ другаго: — это нарочно они тутъ и понадѣланы — въ лѣсу-то у нихъ скитъ былъ, вотъ они и ходили туда по этимъ пнямъ!...

— А что, скажи, — перебилъ его Вихровъ, — не знаешь-ли ты, что значитъ слово: *Учня*.

Кучеръ усмѣхнулся.

— Здѣсь, вѣдь, *Учней* много. Не одно это село такъ называется — это вотъ *Учня* верхняя, а есть *Учня* нижняя и есть еще *Учня* въ Полѣсѣ, смотря

на какомъ мѣстѣ селенье стоитъ: на горѣ или въ лѣсу.

— Можетъ быть, это все равно, что и Починокъ,— толковалъ Вихровъ:— здѣсь какъ больше говорятъ— почалъ или учалъ?

— Учалъ — больше говорятъ,— отвѣчалъ кучеръ, какъ бы соображая то, что ему говорилъ Вихровъ.

— А чѣмъ собственно промышляютъ въ Учнѣ?— продолжалъ тотъ спрашивать его.

— Рогожами!... Рогожу ткутъ, и въ Нижнее возятъ. И что они для этого самаго казенныхъ лѣсовъ переводятъ — Боже ты мой!— заключилъ кучеръ.

— Какъ казенныхъ?— сказалъ Вихровъ.

— Такъ, свой-то берегаютъ маненько, а въ казенный-то придутъ, обдерутъ съ липы-то десяти-нахъ на двухъ лыко да и зажгутъ, будто по волѣ Божьей это случилось.

— Но какъ же ихъ не ловятъ?

— Ловятъ, но откупаются. Вотъ она!... матушка наша Учня великая!— присовокупилъ старикъ, показывая на открывшееся вдругъ изъ лѣсу огромное село, въ которомъ, между прочимъ, виднѣлось нѣсколько каменныхъ домовъ, и вообще все оно показалось Вихрову какъ-то необыкновенно плотно и прочно выстроеннымъ.

Подѣхавъ къ самой подошвѣ горы, на которой стояло селенье, кучеръ остановилъ лошадей, слѣзъ съ козелъ, и сталъ поправлять упряжь на лошадяхъ и кушакъ на себѣ.

— Пофорсистѣй къ нимъ надо въѣхать, чтобы знали — кто ѣдетъ!— говорилъ онъ, ухмыляясь севозь

свою густую и широкую бороду: — вы тоже сядьте маненько построже! — прибавилъ онъ Вихрову.

Тотъ сѣлъ построже. Кучеръ, сѣвъ на козлы, сейчасъ-же понесся скокомъ въ гору. Колокольчикъ подъ дугой сильно звенѣлъ. При этомъ звукѣ два, три человѣка, должно быть — сотскіе, съ нѣскольکو встревоженными лицами пробѣжали по площади.

— А, зашевелились, проклятые! — говорилъ кучеръ, замѣтивъ это: — къ приказу, что-ли, васъ прямо вести?

— Къ приказу! — отвѣчалъ Вихровъ.

Кучеръ поѣхалъ прямо по площади. Встрѣтившійся имъ мужикъ проворно снялъ шапку и спросилъ кучера:

— Путь да дорога — кого везешь?

— Губернаторскаго чиновника! — отвѣчалъ не безъ важности кучеръ, и молодецки подлетѣлъ съ Вихровымъ къ приказу. Это былъ каменный флигель, въ которомъ на одной половинѣ жилъ писарь и производились дѣла приказскія, а другая была предназначена для пріѣзда чиновниковъ. Вихровъ прошелъ въ послѣднее отдѣленіе. Вскорѣ къ нему явился и голова, мужикъ лѣтъ тридцати пяти, красавецъ изъ себя, но довольно уже полный, въ тонкаго сукна кафтанѣ, обшитомъ золотымъ позументомъ.

— Я къ вамъ съ довольно неприятнымъ для васъ порученіемъ, — началъ Вихровъ, обращаясь къ нему: — вашу моленную вышло рѣшеніе сломать.

Голова при этомъ явно сконфузился.

— Не охлопотали, видно, ходоки наши, — проговорилъ онъ какъ бы больше самъ съ собой.

— А вы посылали ходатаевъ?

— Какъ-же, — отвѣчалъ со вздохомъ голова.

— Сломать вашу моленную я желаю, — продолжалъ Вихровъ: — не самъ какъ-нибудь, а пусть ее сломаетъ самъ народъ.

— Это, вѣдь, все едино! — возразилъ голова.

— Но для меня-то это не все едино, — перебилъ его Вихровъ: — я не хочу, чтобы меня кто-нибудь изъ васъ обвинилъ въ чемъ-нибудь; а потому попроси все ваше село выйти на площадь; я объявлю имъ рѣшеніе, и пусть они сами исполняютъ его.

— Можно и такъ! — произнесъ голова, подумавъ немного, и затѣмъ довольно медленнымъ шагомъ вышелъ изъ комнаты.

Вихровъ, оставшись одинъ, невольно взялся за сердце. Оно у него билось немного: ему предстояла довольно важная минута, послѣ которой онъ, можетъ быть, и живъ не останется.

Вскорѣ затѣмъ на площади сталъ появляться народъ, и съ каждой минутой все больше и больше прибывалъ; наконецъ въ приказъ снова вошелъ голова.

— Пожалуйста, коли угодно вамъ выйти! — сказалъ онъ Вихрову какимъ-то негромкимъ голосомъ.

Тотъ надѣлъ вицъ-мундиръ и пошелъ. Тысячъ около двухъ мужчинъ и женщинъ стояло ужъ на площади. Противъ всѣхъ ихъ Вихровъ остановился; съ нимъ рядомъ также сталъ и голова.

— Братцы! — началъ Вихровъ сколько могъ громкимъ голосомъ: — состоялось рѣшеніе сломать вашу моленную — вотъ оно!... прочти его народу! — И онъ подалъ бумагу головѣ.

Тотъ началъ ее читать. Толпа выслушала все

внимательно, и ни звука въ отвѣтъ не произносила, такъ что Вихровъ самъ принужденъ былъ начать говорить.

— Я присланъ исполнить это рѣшеніе: вы, конечно, можете не допустить меня до этого, можете убить, разорвать на части, но вмѣсто меня пришлютъ другаго и уже съ войскомъ; а войско у васъ, какъ я слышалъ, бывало,— и вы знаете, что это такое!

— За что-же это, судырь, начальствующія лица такъ гнѣваться на насъ изволятъ?— спросилъ одинъ старикъ изъ толпы.

— За вѣру вашу! Желаютъ, чтобы вы въ православіе обратились.

— Да какъ-же, помилуйте, судырь: татарамъ, черемисамъ и разнымъ всякимъ идолопоклонникамъ, и тѣмъ за ихъ вѣру ничего,— чѣмъ же мы-то провиннѣ другихъ?

Вихровъ рѣшительно не зналъ, что отвѣтить старику.

— Любезный, я только исполнитель, а не судья вашъ.

— Не отъ господина чиновника это произошло, замѣтилъ и голова старику:— словно не понимаешь— говоришь.

— Да, это понимаемъ мы, — согласился и старикъ.

— Такъ какъ-же, братцы, сами вы и сломаете моленную?— спросилъ Вихровъ.

Но толпа что-то ничего на это не отвѣтила.

— Говорилъ ужъ я имъ, — отвѣчалъ за всѣхъ голова: — сломаемъ завтра, а сегодняшній день про-

сять, не позволите-ли вы еще разокъ совершить въ ней общественное молитвословіе?

— Сдѣлайте одолженіе, — подхватилъ Вихровъ: — но только и я ужъ въ свою очередь попрошу васъ пустить меня на вашу службу не какъ чиновника, а какъ частнаго человѣка.

— Да это что-же! — отвѣтилъ голова: — мы на моленьяхъ нашихъ ничего худаго не дѣлаемъ.

Часовъ въ семь вечера, Вихровъ услышалъ звонъ въ небольшой и нѣсколько дребезжащій колоколъ. Это звонили на моленье, звонили въ послѣдній разъ; Вихрову при этой мысли сдѣлалось какъ-то невольнo стыдно; онъ вышелъ и увидѣлъ, что со всѣхъ сторонъ села идутъ мужики въ черныхъ кафтанахъ и черныхъ пояровыхъ шляпахъ, а женщины тоже въ вакихъ-то черныхъ кафтанчикахъ съ сборками назади, и всѣ почти повязанныя чернымъ платками съ бѣлыми каймами; моленная оказалась въ родѣ деревянныхъ церквей, какія прежде строились въ селахъ, и только колокольни не было, а вмѣсто ея стояла на крышѣ на четырехъ столбахъ вышка съ однимъ колоколомъ, въ который и звонили теперь; крыша была деревянная, но дерево на ней было вырѣзано въ видѣ черепицы; по карнизу тоже шла деревянная рѣзба; окна были съ желѣзными рѣшетками. Народу въ моленной уже не помѣщалось, и цѣлая толпа стояла на улицѣ и только глядѣла на храмъ свой. Вихрова провелъ встрѣтившій его голова: онъ на этотъ разъ былъ не въ кафтанѣ своемъ съ галунами, а, какъ и прочіе, въ черномъ кафтанѣ.

Въ самой моленной Вихровъ увидѣлъ впереди, передъ образами, какъ бы два клироса, на которыхъ

стояли мужины, отличающіеся отъ прочихъ тѣмъ, что они подпоясаны были, вмѣсто кушаковъ, бѣлыми полотенцами. Посреди моленной былъ напой, передъ которымъ стоялъ мужикъ тоже въ черномъ кафтанѣ, подпоясанномъ бѣлымъ кушакомъ. Онъ читалъ громко и внятно; но останавливался вовсе не на запятыхъ, и далеко, кажется, не понималъ, что читаетъ; а равно и слушатели его, если и понимали, то совершенно не то, что тамъ говорилось, а каждый — какъ ближе подходило къ его собственнымъ чувствамъ; крестились всѣ двуперстнымъ крестомъ; на клиросахъ повременамъ пѣли: «Богородицу», «Отче нашъ», «Помилуй мя, Боже!» Словомъ, вся эта служба производила впечатлѣніе, что какъ-будто бы она была точно такая же, какъ и наша, и только дьякона, священника и алтаря, со всѣмъ, что тамъ дѣлается, не было, — какъ-будто бы алтарь отрубленъ былъ и отвалился; все это показалось Вихрову далеко нелишеннымъ значенія.

Въ концѣ всенощной, обычной пѣсни: «Взбранной Воеводѣ» не пѣли.

— Отчего же не пѣли «Взбранной Воеводѣ!» — спросилъ онъ невольно голову.

Тотъ при этомъ немного сконфузился.

— Это молитва новая, ее не поютъ у насъ, — отвѣчалъ онъ.

Х.

Ломка моленной.

Было раннее, ясное, майское утро. Вихровъ, неспавшій всю ночь, вышелъ и сѣлъ на крылечко приказа. Съ судоходной рѣки, на которой стояла Учня,

вѣяло холодноватою свѣжестью. Почти въ каждомъ домѣ изъ чернѣющихъ воротъ выходили по три и по четыре коровы, и коровы такія толстыя, съ лоснящеюся шерстью и съ огромными вымями. Проѣхали потомъ верхами два-три мужика, и лошади подъ ними тоже были толстыя и лоснящіяся; словомъ, крестьянское довольство являлось всюду. Нѣсколько старушекъ, въ тѣхъ же черныхъ кафтанахъ и повязанныя тѣми же черными, съ бѣлыми каймами, платками, сидѣли на бревнахъ около моленной, съ наклоненными головами и, должно быть, потихоньку плакали. Къ Вихрову подошелъ голова по-прежнему уже въ кафтанѣ съ галуномъ.

— Не прикажете ли пока образа выносить? — сказалъ онъ.

— Хорошо; но куда же ихъ поставите?

— Да вотъ хоть тутъ, на виду будутъ ставить побережнѣе, около моего дома, — отвѣчалъ голова.

— Дѣлайте, какъ знаете, — разрѣшилъ ему Вихровъ.

Голова ушелъ.

Герой мой тоже возвратился въ свою комнату и, томимый различными мыслями, велѣлъ себѣ подать бумаги и чернильницу, и сталъ писать письмо къ Мари, — обычный способъ его, которымъ онъ облегчалъ себя, когда у него очень ужъ много чего-нибудь горькаго накоплялось на душѣ.

«Пишу къ вамъ это письмо, кузина, изъ дикаго, но на предестнѣйшемъ мѣстѣ стоящаго, села Учни. Я здѣсь съ страшнымъ дѣломъ: я, по порученію начальства, ломаю и рушу раскольничью моленную, и черезъ нѣсколько часовъ около пяти тысячъ че-

ловѣкъ оставлю безъ храма, — и эти добряки слушаютъ меня, не вздернуть меня на воздухъ, не разорвутъ на кусочки; но они знаютъ, кажется, хорошо, по опыту, что этого имъ не простятъ. Вы, съ вашею женскою напвностью, можетъ быть, спросите: для чего же это дѣлаютъ? Для пользы, сударыня, государства, — для того, чтобы все было ровно, гладко, однообразно; а того не вѣдаютъ, что только неровныя горы, разнообразныя лѣса и извилистыя рѣки и придають красоту землѣ, и что они даже лучше всякихъ крѣпостей защищаютъ страну отъ непріятеля. Есть же за океаномъ государство, гдѣ что ни городъ — то своя секта и толкъ, а между тѣмъ оно посильнѣе и помогучѣй всего, что есть въ Европѣ. Вы, далѣе, можетъ быть, спросите меня, зачѣмъ же я мѣшаю себя въ это дѣло?... Во-первыхъ, я не самъ пришелъ, а меня прислали на него; а потомъ мнѣ все-таки кажется, что я это дѣло сдѣлаю почестнѣй и понѣжнѣй другихъ, и не оскорблю до такой степени заинтересованныхъ въ немъ лицъ. Я ставлю теперь передъ вами вопросъ прямо: что такое въ Россіи расколъ? Политическая партія? Нѣтъ! Религіозное какое-нибудь по духу убѣжденіе?... Нѣтъ!... Секта, прикрывающая какія-нибудь порочныя страсти? Нѣтъ! Что же это такое? А такъ себѣ, только складъ русскаго ума и русскаго сердца, — нами самими придуманное пониманіе христіанства, а не выученное отъ грековъ. Тѣмъ-то онъ мнѣ и дорогъ, что онъ весь — цѣльный нашъ, ни отъ кого не взятый, и потому онъ такъ и разнообразенъ. Около городовъ онъ немножко поблаговоспитаннѣй, и поповъ еще своихъ хоть повыдумалъ; а чѣмъ

глуше, тѣмъ дичѣе: безъ поповъ, безъ брака и даже безъ правительства. Какъ хотите, это что-то очень народное, совсѣмъ по-американски. Спорить о томъ, какая религія лучше, вѣроятно, нынче никто не станетъ. Надобно только, чтобъ религія была народная. Испанцамъ нуженъ католицизмъ, а англичанинъ непременно желаетъ, чтобы церковь его правительства слушалась...»

Остановившись на этомъ мѣстѣ писать, Вихровъ вышелъ посмотрѣть, что дѣлается у моленной, и увидѣлъ, что около дома головы стоялъ уже цѣлый рядъ иконъ, которыя на солнцѣ блестѣли своими ризами и красками. Старый раскольникъ сидѣлъ около нихъ и отгонялъ хворостиною подходящихъ къ нимъ собакъ и курицъ.

Къ Вихрову сейчасъ подошелъ голова, а за нимъ шло человекъ девять довольно молодыхъ мужиковъ съ топорами въ рукахъ и за поясомъ.

— Ломать теперь надо, — сказалъ голова, и тонъ голоса его былъ грустенъ, а черные глаза его наполнились слезами.

— Ломайте, — отвѣтилъ ему Вихровъ.

Въ это время къ нему подошли двѣ старушки, красивыя еще изъ себя и преплутовки, должно быть. Онѣ сначала ему обѣ въ разъ низко поклонились, сгибая при этомъ только спины свои, а потомъ обѣ вмѣстѣ заголосили:

— Батюшка! Въ моленной наши двѣ иконы Божіи, не позволншь ли ихъ взять?

Оказалось впоследствии, что онѣ были дѣвицы и двѣ родныя между собой сестрицы.

— Пожалуй, возьмите! — разрѣшилъ имъ сейчасъ же Вихровъ.

Старушки даже вспыхнули при этомъ отъ удовольствія.

— Благодаримъ, батюшка, покорно, государь нашъ милостивый, — отрезвонили онѣ еще разъ въ одинъ голосъ и, опять низко-низко поклонившись, скрылись въ народѣ, который въ большомъ уже количествѣ собрался около моленной.

— Съ колокола начинать надобно! — толковали между собой плотники.

— Вѣстимо, съ колокола! — подтверждали имъ и старики.

— А какъ его спустить-то? — спрашивалъ одинъ изъ плотниковъ.

— Какъ спустить? Уставимъ въ перекладину-то слегу, привяжемъ его за уши-то къ ней на слабой веревкѣ, старыя-то перекладины его перерубимъ, — вотъ онъ и пойдетъ, — объяснилъ другой, молодой еще довольно, малый.

— Это такъ, складно будетъ! — поддержалъ его и голова.

Послѣ чего достали сейчасъ же огромную слегу, и на крышѣ моленной очутились мгновенно взлѣзшіе по углу ея плотники; не прошло и четверти часа, какъ они слегу эту установили на крышѣ въ наклонномъ положеніи, а съ земли конецъ ея подперли другою слегою; къ этой наклонной слегѣ они привязали колоколь веревками, перерубили потомъ его прежнія перекладины, колоколь сейчасъ же закачался, зазвенѣлъ и вслѣдъ затѣмъ началъ тихо опускаться по наклонной слегѣ, продолжая повреме-

намъ прозванивать. Плотники при этомъ начали креститься; въ народѣ, между старухъ и женщинъ раздался плачь и вопль; у всѣхъ мужчинъ были лица мрачныя; колоколъ продолжалъ глухо прозванивать, какъ бы совершая себѣ похоронный звонъ.

— Остановите его, робя, а то онъ прямо на землю бухнетъ! — воскликнулъ голова, замѣтивъ, что плотники, подъ вліяніемъ впечатлѣнія, стояли растерянными и ротозѣющими лицами. Тѣ едва остановили колоколъ, и потомъ, привязавъ къ нему длинную веревку, стали его осторожно спускать на землю. Колоколъ еще нѣсколько разъ прозвенѣлъ и, наконецъ, издавши какой-то глухой ударъ, коснулся земли. Многіе старухи, старики и даже молодые бросились къ нему, и стали прикладываться къ нему.

— И его по начальству увезешь, государь милостивый? — спросила Вихрова одна старуха, указывая головой на колоколъ.

— И его увезу вмѣстѣ съ образами, — отвѣчалъ онъ.

— Ахъ, наласти наши великія пришли, — проговорила старуха.

Двѣ прежнія старушки между тѣмъ лучше всѣхъ распорядились; пользуясь тѣмъ, что образа были совершенно закрыты отъ Вихрова народомъ, они унесли къ себѣ не двѣ иконы, а по крайней мѣрѣ двадцать, такъ что ихъ уже остановилъ замѣтившій это голова.

— Будетъ вамъ, старухи! — проговорилъ онъ имъ негромко.

— Ну, теперь, братцы, начинайте ломать, — ска-

заль Вихровъ. Ему страшно тяжела была вся эта сена.

— Ломайте, братцы, — проговорилъ за нимъ и голова.

Одинъ изъ плотниковъ взлѣзъ на самый конекъ вышки, перекрестился и ударилъ топоромъ; конекъ сразу же отлетѣлъ, а вслѣдъ за нимъ рассыпалась и часть крыши. Въ народъ какъ бы простонало что-то. Многие перекрестились — и далѣе затѣмъ началась ломка: покотился съ крыши старый тесъ, полетѣла скала; начали, наконецъ, скидывать и стропилы. Плотники безпрестанно кричали стоявшему внизу народу: «отходите, убьютъ!»

— Куда же намъ теперь матеріалъ этотъ лѣсной дѣвать? — спросилъ голова Вихрова.

— Я тебѣ сдамъ его подъ росписку; а ты продай его и деньги вырученныя обрати въ общественный капиталъ.

— Что же, мы же, вѣдь, опять и купимъ его себѣ, — замѣтилъ голова.

— Вы же и покупайте!

— Удивительная вещь, право! — проговорилъ голова и вздохнулъ.

Вихровъ снова возвратился въ свою комнату и сталъ продолжать письмо къ Мари:

«Сейчасъ началась ломка моленной. Раскольники сами ее ломаютъ. Что такое народъ русскій? — невольно спросишь при этомъ: — что онъ — трусоватъ, забитъ, загнанъ очень, или очень ужъ уменъ? Кажется, послѣднее вѣроятнѣе. Сейчасъ голова, будто къ слову, спросилъ меня: куда же дѣнуть матеріалъ отъ моленной?... Я сказалъ, что сдамъ ему, — и они,

я убѣжденъ, черезъ мѣсяць же выстроятъ изъ него себѣ, гдѣ-нибудь въ лѣсу, новую моленную; образы они тоже, вѣроятно, порастащили порядочно. По крайней мѣрѣ, сегодня я видѣлъ ихъ гораздо ужь меньше, чѣмъ вчера ихъ было въ моленной за все-нощной. Я стараюсь быть непредусмотрительнымъ чиновникомъ...»

На этомъ мѣстѣ письма въ комнату вошелъ голова; лицо его было блѣдно, борода растрепана; видно, что онъ бѣжалъ въ сильныхъ попыхахъ.

— Не ладно, ваше высокородіе, — началъ онъ взволнованнымъ голссомъ: — плотникъ тамъ одинъ зарубился сильно.

— Какъ зарубился? — воскликнулъ и Вихровъ, тоже поблѣднѣвъ немного.

— Такъ, упалъ съ крыши прямо на топоръ, что въ рукахъ у него былъ, — весь бокъ себѣ разрубилъ!

— Ну, что же дѣлать! — проговорилъ Вихровъ, и хотѣлъ было выйти на улицу.

— Погодите маненько, ваше высокородіе, — остановилъ его голова: — народъ сильно очень тронулся отъ этого!... бунтуютъ! «Это, говорятъ, все Божеское наказаніе на насъ, что слушаемся мы!» — не хотятъ теперь и моленной вовсе ломать!

— Да они это хуже сдѣлаютъ для себя, понимаешь ты? — говорилъ Вихровъ.

— Я-то понимаю, судырь, это.

— Я все-таки пойду; пусть они меня убьютъ, — сказалъ Вихровъ и, надѣвъ фуражку, пошелъ.

Народъ въ самомъ дѣлѣ былъ въ волненіи: тутъ и тамъ стояли бучки, говорили, кричали между ос-

бою. Около зарубившагося плотника стояли мужики и бабы, и послѣднія выли и плакали.

Вихровъ подошелъ къ этой первой группѣ. Зарубившійся плотникъ только взмахнулъ на него глазами, и потомъ снова закрылъ ихъ и поникъ вмѣстѣ съ тѣмъ головою. Рана у него, вѣроятно, была очень дурно перевязана, потому что кровь продолжала пробиваться сквозъ рубашку и кафтанъ.

— Перевяжите его хорошенько! — воскликнулъ было Вихровъ; но на это приказаніе его въ толпѣ никто даже и не пошевелился, а только послышался глухой говоръ въ народѣ.

— Поганое дѣло этакое заставляете дѣлать, за неволю такъ вышло! — раздалось почти у самаго его уха.

— Всѣхъ бы ихъ самихъ, барь-то, этакъ перерубить! — проговорилъ на это другой голосъ.

Вихровъ вспыхнулъ: кровь покойнаго отца отозвалась въ немъ.

— Кто тутъ говорить, что всѣхъ барь перерубить надо? кто? выходи сюда! — крикнулъ онъ.

Толпа сейчасъ же отшатнулась отъ него.

— Выходите и убивайте меня, если только самъ я дамъ вамъ живой! — прибавилъ онъ и, выхвативъ у стоящаго около него мужика заткнутой у него за поясомъ топоръ, остановился молодцовато передъ толпой; фуражка съ него спала въ эту минуту, и курчавые волосы его развѣвались по вѣтру.

— Что случилось, того не воротишь, — доламывайте моленную сейчасъ же! — кричалъ онъ звучнымъ голосомъ.

Мужики не двигались.

— Говорятъ вамъ, сейчасъ же! — повторилъ Вихровъ уже съ пѣной у рта.

— Нѣтъ, ваше высокоблагородіе, мы ломать больше моленной не будемъ, — произнесъ тотъ же старикъ, который спрашивалъ его, за что начальство на нихъ разгнѣвалось.

— Вы не будете, — ну, такъ я ее буду ломать. Любезные! — крикнулъ онъ, замѣтивъ въ толпѣ писаря удѣльнаго и кучера своего: — будемте мы съ вами ломать, — берите топоры и полѣзайте за мною; по двадцати-пяти рублей каждому награды!

Кучеръ и писарь сейчасъ же взяли у стоявшихъ около нихъ раскольниковъ топоры, которые тѣ послушно имъ отдали, — и взлѣзли за Вихровымъ на моленную. Втроемъ они стали катать бревно за бревномъ. Раскольники всё стояли около, и ни одинъ изъ нихъ не уходилъ, кромѣ только головы, который куда-то пропалъ. Онъ боялся, кажется, что Вихровъ что-нибудь заставитъ его сдѣлать; а сдѣлать — онъ своихъ опасался.

— Послушайте, братцы, — произнесъ Вихровъ, переставая работать и нѣсколько приходя въ себя отъ ударившей его горячки въ голову: — я долженъ буду составить протоколъ, что я ломалъ все самъ, и что вы мнѣ не повиновались; къ вамъ опять пришлютъ войско на постой, увѣряю васъ!

— Да что, братцы, ломайте, — что это вы затѣяли! — произнесъ вдругъ и голова, откуда-то появившійся и замѣтившій, что толпа начинала уже немного сдаваться.

— Повинуйтесь, дружки мои, властямъ вашимъ! — проголосила за нимъ одна изъ старухъ-дѣвицъ,

успѣвшая въ эту сумятицу стащить еще двѣ-три иконы.

— Пойдемте, — проговорили прежніе же плотники, и черезъ нѣсколько минутъ они опять появились на срубѣ моленной и стали ее раскатывать.

Вихровъ, утомленный трудами своими и всею этою сценою, и видя, что моленная вся уже почти была разломана, снова возвратился въ свой приказъ; но къ нему опять пришелъ голова.

— Какъ же на счетъ иконъ и колокола, ваше высокородіе, прикажете? — спросилъ онъ.

— Въ губернской городъ, въ консисторію ихъ надобно отправить, — отвѣчалъ Вихровъ.

— Что тамъ съ ними будутъ дѣлать, осмѣлюсь спросить, ваше высокородіе? — продолжалъ голова.

— А разсмотримъ: нѣтъ-ли въ нихъ чего противнаго вѣрѣ, и возвратятъ ихъ вамъ.

— Нѣтъ, ваше высокородіе, — возразилъ голова: — сколько вотъ мы слышаны, моленныхъ сломано много; а мало что-то иконъ возвращаютъ. Развѣ кто денегъ дастъ, такъ консисторскіе чиновники потихоньку отдають иконы по двѣ, по три.

— Ну, да которыя вамъ нужны были, вы тоже выбрали ихъ себѣ, — замѣтилъ Вихровъ.

— Да это, благодаримъ милость вашу, было немножко, — отвѣчалъ съ улыбкою голова: — то, ваше высокородіе, горестно, что иконы все больше родительскаго благословенія, — и ихъ тамъ тоже, какъ мы слышаны, не очень хранятъ; въ сарай тамъ али въ подвалъ даже свалятъ гуртомъ: сырость, прѣль, гадина тамъ разная, — кровью даже сердце обливается, какъ и подумаешь о томъ.

— Я вамъ выхлопочу очень скоро, чтобы ихъ разсмотрѣли; но какъ-же, однако, ты ихъ доставишь?

— Да ужь буду милости просить, что не позволите-ли мнѣ взять это на себя: въ лодкѣ ихъ до самаго губернскаго города сплавлю; гдѣ тутъ ихъ на телегѣ трясти — все на водѣ-то побережнѣе.

— Что-же — въ баркахъ, что-ли?

— Да-съ, у меня этакая лодка большая есть, парусная, я и свезу въ ней; а вамъ росписку дамъ на себя, что взялся справить это дѣло.

— Только вѣдь это надо сейчасъ-же!

— Да мы — сейчасъ-же; судно у меня готово, совсѣмъ снаряжено, — проговорилъ голова, очень довольный, что ему позволили самому до города довести святыню.

Черезъ нѣсколько времени, въ селѣ снова раздался вой и стонъ. Это оплакивали уносимыя иконы: самъ голова, съ чисто-на-чисто вымытыми руками и въ совершенно чистой рубашкѣ и портахъ, укладывалъ ихъ въ новые рогожные кули, и къ нѣкоторымъ иконамъ, больше вѣроятно чтимымъ, прежде чѣмъ уложить ихъ, прикладывался; за нимъ также прикладывались и нѣкоторые другіе мужики. Когда такимъ образомъ было сдѣлано до тридцати тюковъ, ихъ стали носить въ лодку и укладывать на дно; переносили ихъ на пеленѣ, пришитой къ двумъ шестамъ, на которыхъ обыкновенно раскольники носятъ гробы своихъ покойниковъ. Носившіе мужики обнаруживали то-же благоговѣніе, какъ и голова, который побѣжалъ домой, чтобы перекусить чего-нибудь и собраться совсѣмъ въ дорогу. Наконецъ лодка была совсѣмъ нагружена и плотно закрыта рогож-

ками сверху; парусъ на ней подняли, четверо гребцовъ сѣли въ подмогу ему грести; а голова, въ черномъ суконномъ, щеголеватомъ полушубкѣ и въ поярковой шапкѣ, сталъ у руля.

Почти всѣ жители высыпали на улицу; нѣкоторыя старухи продолжали тихонько плакать, даже мальчишки стояли какъ-то присмирѣвъ и совершенно не шая; разломанная моленная чернѣла своимъ разкиданнымъ матеріаломъ. Лодка долго еще видѣлась въ перспективѣ рѣки....

Вихровъ пришелъ домой и дописалъ письмо къ Мари.

«Все кончено, я, какъ разрушитель храмовъ, Александръ Македонскій, сижу на развалинахъ. Смирный народъ мой поершился было немного: хотѣли, кажется, меня убить, — и я, кажется, хотѣлъ, кого-то убить. Завтра ѣду обратно въ губернію. На душѣ у меня очень скверно.»

XI.

Юлія и Груня.

Дома Вихрова ужасно ожидали. Груня вскрикнула даже, когда увидѣла, что онъ на почтовой тройкѣ въ телегѣ подѣхалъ къ крыльцу, — и, выбѣжавъ ему на встрѣчу, своими слабыми рученками, старалась высадить его изъ экипажа.

— Баринъ, я думала, что вы ужъ и не прїѣдете совсѣмъ, — говорила она задыхающимся отъ радости голосомъ. — Благодарю покорно, что вы миѣ написали, — прибавила она и подѣловала его въ плечо.

— Я зналъ, что ты будешь безпокоиться обо мнѣ,— отвѣчалъ Вихровъ.

— Ужасъ, баринъ: чего-чего ужъ не передумала! Вы другой разъ, какъ поѣдете, такъ меня ужъ лучше вмѣсто лакея возьмите съ собой.

— Какъ это на слѣдствіе съ горничной ѣхать — это противозаконно,— возразилъ Вихровъ.

— Да я мальчикомъ, баринъ, одѣнусь; я ужъ примѣривала съ верхняго мальчика чепанъ, нѣкакъ меня не отличить отъ мужчины — ужасно похожа!

— А что верхніе?— спросилъ Вихровъ.

— Ничего-съ!... Барышня-то была нездорова. Все по васъ то же, говорятъ, скучаетъ.

— По мнѣ?

— Да-съ. Ей-богу, люди ихъ смѣялись: «что, говорятъ, вашъ баринъ — женится-ли на нашей барышнѣ?... она очень влюблена въ него теперь.»

— И что же ты на это сказала?

— Я говорю: «нашъ баринъ никогда и ни на комъ не женится!»

— Отчего жъ ты такъ думаешь? — спросилъ ее Вихровъ съ улыбкою.

— Оттого, баринъ, куда же вамъ меня-то дѣвать будетъ? вамъ жаль меня будетъ: вы добрый.

Вопросъ этотъ въ первый еще разъ представлялся Вихрову съ этой стороны: что если онъ въ самомъ дѣлѣ когда-нибудь вздумаетъ жениться, что ему съ Груней будетъ дѣлать; деньгами отъ нея не откупиться! «Э, подумалъ онъ: гдѣ мнѣ, бобылю и скитальцу, жениться» и то же самое высказалъ и вслухъ:

— Не бойся, никогда и ни на комъ не женюсь.

— Ну, вотъ, баринъ, благодарю покорно,— сказала Груня и поцѣловала опять его въ плечо.

— А то, баринъ, еще умора... — продолжала она развеселившись: — этта верхній-то хозяинъ нашъ Виссаріонъ Ардаліоновичъ встрѣтилъ меня въ сѣняхъ; онъ наглый такой, ни одной дѣвушки не пропуститъ... «Что, говорить, — ты съ барномъ живешь?» — «Живу, говорю я, — гдѣ же мнѣ жить, какъ не у барина?» — «Нѣтъ», говорить, — и, знаете, сказалъ нехорошее. — «Нѣтъ ужь, говорю, — это извините, баринъ нашъ не въ васъ!» — «Ну коли онъ не такой, такъ я за тобой стану волочиться». Я взяла да кукишъ ему и показала; однако онъ тѣмъ не удовольствовался: кухарку свою еще подсылалъ послѣ того; денегъ ужасъ сколько предлагалъ, чтобы только я полюбила его... Я ту такъ кочергой изъ кухни-то прогнала, что чудо!

— Что-жь ты нравишься, что-ли, ему очень?

— Не знаю, зачѣмъ ужь такъ я очень ему нужна; точно мало еще къ нему разныхъ мамзелей его ходить.

— А много?

— Много!... Прескверный на счетъ этого мужчина!

Въ это время съ верху пришелъ къ Вихрову посылъ.

— Шлетъ ужь — не терпится! — сказала Груня съ гримаской, увидя горничную Юліи Ардаліоновны.

— Барышня велѣла поздравить васъ съ прїѣздомъ, — проговорила та: — сказать вамъ, что если вы не очень устали, такъ пожаловали бы къ нимъ; онѣ весьма желаютъ васъ видѣть.

— Хорошо; скажи, что приду, — отвѣчалъ Вихровъ.

Груня сдѣлала при этомъ не совсѣмъ довольное личико, впрочемъ молча и съ покорностью пошла подавать барину умываться и одѣваться. Онъ; придя на верхъ, дѣйствительно засталъ Юлію больной. Она сидѣла на кушеткѣ, похудѣвшая, утомленная, но замѣтно съ кокетствомъ одѣтая. При входѣ Вихрова, она кинула на него томный взглядъ и очень слабо пожала ему руку.

— Вы больны?— спросилъ ее Вихровъ, почему-то сконфуженный ея печальнымъ видомъ.

— Да, немножко, — отвѣчала Юлія, а сама, между тѣмъ, съ такимъ выраженіемъ взяла себя за грудь, которымъ явно хотѣла показать, что напротивъ — *множко*.

— Чѣмъ же собственно?— спросилъ Вихровъ, садясь отъ нея довольно далеко.

— Я не спала все это время, а потому силъ совершенно нѣтъ, — отвѣчала Юлія, устремляя на Вихрова нѣжный взоръ.

Онъ, съ своей стороны, просто не зналъ — куда себя и дѣвать.

— Послушайте, Вихровъ, — начала Юлія: — скажите мнѣ: могу я васъ считать себѣ другомъ?

— Сколько вамъ угодно! — отвѣчалъ онъ, стараясь придать начинающемуся разговору шутливый тонъ.

— И вы будете со мной откровенны? — продолжала Юлія.

— Въ чемъ могу! — отвѣчалъ Вихровъ, пожимая плечами.

— Скажите, — говорила Юлія (она въ это время

ержала глаза опущенные внизъ), — вы кромѣ Фатѣвой не любили и не любите никакой другой женщины?

— Любилъ! — отвѣчалъ Вихровъ односложно.

— Но надѣюсь, — продолжала Юлія: — что въ этомъ случаѣ вашъ вкусъ не унизился до какой-нибудь госпожи — очень ужъ не высокаго происхожденія?

Вихровъ при этомъ взглянулъ на Юлію: онъ догадался, что она намекаетъ ему на Грушу, — и ему вздумалось немного подшутить надъ ней за ея барскую замашку.

— А отъ чего же и не унизиться? — спросилъ онъ.

— Да потому что... — отвѣчала Юлія, вся вспыхнувъ и пожимая плечами, — интереснаго тутъ ничего нѣтъ... можетъ быть, впрочемъ, это только какое-нибудь временное увлеченіе?

— Можетъ быть, и временное, — отвѣчалъ загадочно Вихровъ.

Юлія не знала — какъ и понять его. На счетъ Груши ей разболталъ и этимъ очень обезпокоилъ ее братъ Виссаріонъ.

— Никогда онъ на тебѣ не женится, — бухнулъ онъ ей прямо, — потому что у него дома есть предметъ страсти.

Юлія вопросительно посмотрѣла на брата.

— Я пятьсотъ рублей предлагалъ, чтобы получить только взаимность, — не приняла...

Виссаріонъ болѣе вящаго доказательства не полагалъ и нужнымъ прибавлять съ своей стороны.

— Можетъ быть, ты не нравишься ей, — проговорила Юлія потупляясь.

— Ну, да, не нравишься... нравятся имъ только деньги; а если не беретъ, значитъ — съ той стороны дають больше.

Тысячи мрачныхъ мыслей наполнили голову Юліи послѣ разговора ея съ братомъ. Она именно послѣ того и сдѣлалась больна. Теперь же Вихровъ говорилъ какъ-то неопредѣленно. Что ей было дѣлать? И безумная дѣвушка рѣшилась сама открыться въ чувствахъ своихъ къ нему, а тамъ — пусть будетъ что будетъ!

— Послушайте, — начала она, поблѣднѣвъ вся въ лицѣ, — за то, что вы мнѣ открыли вашу тайну...

Какую ей Вихровъ тайну открылъ — неизвѣстно.

— Я сама вамъ открою тайну.

Вихровъ понялъ, куда начиналъ склоняться разговоръ, — и очень этого испугался. Главное, онъ недоумѣвалъ: остановить-ли Юлію, чтобы она не открывала ему тайны; если же не остановить ее, то что ей сказать на то? Къ счастью его, разговоръ этотъ прервалъ возвратившійся домой Виессарионъ.

— А, изволили прибыть?... — воскликнулъ онъ не безъ удовольствія — и въ тоже время мелькомъ взглянувъ на сестру, сидѣвшую въ какой-то сконфуженной и недовольной позѣ. Недовольна Юлія была, по преимуществу, его приходомъ.

— Вы тамъ, батюшка, говорятъ, чудеса напроизводили, — продолжалъ инженеръ: — бунтъ усмирили, смертоубійство открыли!

— Было все это отчасти, — отвѣчалъ Вихровъ.

— А губернатора видѣли?

— Нѣтъ еще.

— Такъ какъ-же это?

— А также, завтра успѣю.

— Это нельзя, — воскликнулъ Захаревскій: — со слѣдетвія вы должны были бы прямо поѣхать къ нему: поѣзжайте сейчасъ; а то онъ узнаетъ это — и Богъ знаетъ какъ васъ распудритъ.

— Пусть себѣ, очень мнѣ нужно! — сказалъ сначала Вихровъ; но потомъ подумалъ, что инженеръ можетъ опять куда-нибудь уѣхать, и онъ снова останется съ Юліей вдвоемъ, и она ему сейчасъ же конечно откроетъ тайну свою.

— Въ самомъ дѣлѣ я съѣзжу, — проговорилъ онъ вставая. Юлія обратила на него умоляющій взоръ.

— Поѣзжайте, поѣзжайте! — говорилъ Захаревскій.

Юлія спросила его тихимъ голосомъ:

— А къ намъ еще придете?

— Можетъ быть, — отвѣчалъ Вихровъ и проворно ушелъ.

— Что, поразила его грустнымъ своимъ видомъ? — спросилъ Захаревскій сестру.

Та разсердилась на это.

— Что это у тебя за глупыя шутки надо мной?

— Не шутки, а право ужъ скучно на все это смотрѣть! — отвѣчалъ съ сердцемъ инженеръ.

Къ губернатору Вихровъ, разумѣется, не поѣхалъ, а отправился къ себѣ домой, заперся тамъ и легъ спать. Захаревскіе про это узнали вечеромъ. На другой день онъ къ нимъ тоже не шелъ, на третій — тоже, — и такъ прошла цѣлая недѣля. Захаревскіе сильно недоумѣвали. Вихровъ, въ свою очередь, чѣмъ долѣе у нихъ не бывалъ, тѣмъ болѣе и болѣе начи-

налъ себя чувствовать въ неловкомъ къ нимъ положеніи; къ счастію его, за нимъ прислалъ губернаторъ.

Вихровъ сейчасъ-же поспѣшилъ къ нему поѣхать.

Начальникъ губерніи въ это время сидѣлъ у своего стола, — и съ мрачнымъ выраженіемъ на лицѣ читалъ какую-то бумагу. Передъ нимъ стоялъ не то священникъ, не то монахъ, въ черной рясѣ, съ худымъ и желто-черноватымъ лицомъ, съ черными, сверкающими глазами и съ густыми, нависшими бровями.

Окончивъ чтеніе бумаги, губернаторъ порывисто позвонилъ. Въ кабинетъ вбѣжалъ адъютантъ.

— Что же Вихрова мнѣ? — пропзнесъ сердито начальникъ губерніи.

— Онъ здѣсь, ваше превосходительство, — отвѣчалъ адъютантъ.

— Позовите его сюда!

Вихровъ вошелъ.

Лицо губернатора приняло болѣе ласковое выраженіе.

— Здравствуйте, любезнѣйшій, — сказалъ онъ: — потрудитесь вотъ съ отцомъ Селивестромъ съѣздить и открыть одно дѣло!.. — прибавилъ онъ, показывая глазами на священника и подавая Вихрову уже заранѣе приготовленное на его имя предписаніе.

Тотъ прочелъ его.

— Когда же ѣхать туда надо? — спросилъ онъ священника.

— Сейчасъ же, — отвѣчалъ тотъ ему сурово: — въ воскресенье они были для виду у меня въ едино-вѣрїи; а завтра, на Петровъ день, сбѣгутся всѣ въ свою моленную.

— Тутъ становой имъ миротворить: моленная должна быть запечатана, а онъ ее держитъ незапечатанною; его хорошенько скрутить надобно!— приказывалъ губернаторъ.

Вихровъ молчалъ: самое порученіе было сильно ему не по душѣ; но оно давало ему возможность уѣхать изъ города, а возвратившись потомъ назадъ, снова ничать бывать у Захаревскихъ, — словомъ, придать ему такой видъ, что какъ-будто бы между нимъ и Юліей не происходило никакого щекотливаго разговора.

— Съ Богомъ — поѣзжайте, — сказалъ ему губернаторъ.

Вихровъ раскланялся и вышелъ. Священникъ тоже послѣдовалъ за нимъ.

— Неудобно ли вамъ будетъ со мной ѣхать, на моей парѣ? — сказалъ онъ, нагоняя Вихрова на улицѣ.

— А это далеко?

— Нѣтъ, одна пряжка всего!

— Хорошо!

Согласіемъ этимъ священникъ, кажется, остался очень доволенъ.

— Вамъ будетъ безъ сумнѣнія, да и мнѣ тоже!— говорилъ онъ: — а вотъ и кони мои, — прибавилъ онъ, показывая на ѣхавшую по улицѣ пару, которою правилъ, должно быть, работникъ.

Вихровъ шелъ быстро; священникъ не отставалъ отъ него: онъ, по всему замѣтно было, рѣшился ни на минуту не выпускать его изъ глазъ своихъ.

— А кто такой становой у васъ?— спросилъ его Вихровъ.

— Огарковъ, переведенный къ намъ изъ другой губерніи, — отвѣчалъ священникъ.

— Ахъ, Боже мой, Огарковъ! — воскликнулъ Вихровъ.

Оказалось, что это былъ мужъ уже знакомой намъ становой, переведенный въ эту губернію тоже по рекомендаціи Захаревскихъ.

— У него жена — этакая толстая и бойкая? — спросилъ Вихровъ.

— Она самая и есть, — отвѣчалъ священникъ. — Посрамленье, кажись, всего женскаго рода, — продолжалъ онъ: — въ аду между блудницами и грѣшницами, чаю, такихъ безстыжихъ нѣтъ... Приведутъ теперь въ станъ наказывать какого-нибудь двороваго человѣка или мужика. «Что, говоритъ, вамъ дожидаться; выскки вмѣсто мужа-то при мнѣ: я посмотрю!» Того разложить, порютъ; а она сидитъ тутъ, упретъ толстую-то ручищу свою въ колѣно и глядитъ на это.

При такомъ описаніи образъ милой становой, какъ живой, нарисовался въ воображеніи Вихрова.

— Ужасная она госпожа — знаю я ее! — проговорилъ онъ.

Груня ужасно удивилась, когда увидѣла, что баринъ возвратился со священникомъ.

— Я опять сейчасъ, Груша, уѣзжаю, — сказалъ онъ ей.

— Вотъ тебѣ разъ! — произнесла она испуганнымъ голосомъ.

— И тебя никакъ уже не могу взять съ собой, потому что ѣду со священникомъ, — шутилъ Вихровъ.

— Гдѣ ужь, если со священникомъ... А куда же вы ѣдете?... опять къ раскольникамъ?

— Опять къ раскольникамъ.

— Ну, что, баринъ, вы нарочно, должно быть, напрашиваетесь, чтобы кутить тамъ съ раскольническими дѣвушками: у нихъ тамъ есть прехорошенькія!

— Есть не дурныя! — шутилъ Вихровъ — и чтобы хоть немножко очистить свою совѣсть передъ Захаревскимъ, сѣлъ и написалъ имъ, брату и сестрѣ вмѣстѣ, коротенькую записку. «Я, все время занятый разными хлопотами, не успѣлъ побывать у васъ и хотѣлъ непременно исполнить это сегодня; но сегодня, какъ нарочно, посылаютъ меня по одному экстренному и секретному дѣлу, — такъ что и зайти къ вамъ не могу, потому что за мной, какъ стражъ какой-нибудь, смотритъ мой товарищъ, съ которымъ я ѣду».

Священникъ все это время, заложивъ руки назадъ, ходилъ взадъ и впередъ по залѣ, — и въ то же время, внимательно прислушиваясь къ разговору Вихрова съ горничной, хмурился: явно было, что ему не нравились слышимыя имъ въ томъ разговорѣ шутки.

ХІІ.

Едино вѣрцы.

Уже ударили къ вечернѣ, когда наши путники выѣхали изъ города. Работникъ замѣтно жалѣлъ хозяйскихъ лошадей и ѣхалъ шагомъ. Священникъ

сидѣлъ, понуривъ свою сухощавую голову, покрытую черною шляпою съ большими полями. Выраженіе лица его было попрежнему мрачно-грустное: видно было, что какія-то заботы и печали сильно снѣдали его душу.

— Вы давно, батюшка, въ единовѣріе перешли? — спросилъ его Вихровъ.

— Седьмой годъ-съ, — отвѣчалъ священникъ.

— Что же за цѣль ваша была?

— Сначала овдовѣлъ, лишился безцѣнной и незамѣнимой супруги, такъ что жить въ городѣ посреди людскихъ удовольствій стало уже тяжело; а другое — и къ паствѣ Божіей хотѣлось покрѣпче утвердить отшатнувшихся, но все что-то ничего не могу сдѣлать въ томъ.

— Стало быть, единовѣріе они не искренно принимаютъ? — замѣтилъ Вихровъ.

— Хе, искренно!... — грустно усмѣхнулся священникъ. — По всей Россіи это единовѣріе — одинъ только обманъ и ложь передъ правительствомъ! Нами пастырями они нисколько не дорожатъ, — продолжалъ онъ, и взоръ его все мрачнѣй и мрачнѣй становился: — не наживи я — пока былъ православнымъ священникомъ — нѣкотораго состоянія и не будь одинокій человекъ, я бы вѣсть теперь не имѣлъ что: придешь со славой къ богатому мужику — копѣйку тебѣ дають!... Ужь не говоря то, что мы все-таки тѣмъ питаемся, — обидно это даже по сану твоему: я не нищій пришелъ къ нему, а посланникъ Божій!... Я докладывалъ обо всемъ этомъ Владыкѣ... «Что жь, говоритъ, — терпи, коли взялъ этотъ крестъ на себя!»

— Зачѣмъ было и вводить это единовѣріе? Напередъ надобно было ожидать, что будетъ обманъ съ ихъ стороны.

— Какъ зачѣмъ?— спросилъ съ удивленіемъ священникъ. — Митрополитъ Платонъ вводилъ его и правила для него писалъ; полагали такъ, что вотъ они очень дорожатъ своими старыми книгами и обрядами,—дали имъ сіе; но не того имъ, видно, было надобно: по духу своему, а не за обряды они церкви нашей сопротивляются.

— Въ чемъ же духъ-то этотъ состоитъ?— спросилъ Вихровъ.

Священникъ еще больше нахмурилъ при этомъ лицо свое.

— Въ глупости ихъ, невѣжествѣ и изувѣрствѣ нравовъ, — проговорилъ онъ: — главная причина, законы очень слабы за отступничество ихъ... Теперь вотъ ѣдемъ мы, безпокоимся, трудимся, составимъ актъ о захватѣ ихъ на мѣстѣ преступленія, отдадутъ ихъ суду — чѣмъ же рѣшатъ это дѣло? «Вызвать,— говорятъ,— ихъ въ консисторію и сдѣлать имъ внушеніе, чтобы они не придерживались расколу».

— Но что же и сдѣлать за то больше? — спросилъ Вихровъ.

— Какъ что?— произнесъ мрачно священникъ:— вѣдь это обманъ, измѣна съ ихъ стороны: они приняли единовѣріе — и будь единовѣрцами; они, значить, уклоняются отъ вѣры своей, — и что за перемѣну нашей вѣры на другую бываетъ, то и имъ должно быть за то.

— Ну, прекрасно-съ, это въ отношеніи едино-

вѣрцевъ — ихъ можно считать отступниками отъ разъ принятой вѣры; но тогда, разумѣется, никто больше изъ раскола въ единовѣріе переходить не будетъ; какъ съ другими-то раскольниками сдѣлать?

— Ежели бы я былъ членъ святѣйшаго сѣнода, — отвѣчалъ священникъ: — то я прямо подалъ бы мнѣніе, что никакого раскола у насъ быть совсѣмъ не должно! Что онъ такое за ученіе? На какомъ вселенскомъ соборѣ былъ разсматриваемъ и утверждается?... Значитъ, одно только невѣжество въ немъ укрывается; а дѣло правительства — недопускать того, а напротивъ просвѣщать народъ!

— А если народъ не хочетъ принимать этого просвѣщенія?

— Карай его лучше за то, но не оставляй во мракѣ... Что ежели кто вамъ говорилъ, что есть промежь нихъ начетчики: ихніе попы, и пастыри, п вожди разные — все это вздоръ! Я имѣлъ съ ними со многими словопреніе: онъ несетъ и самъ не знаетъ что, потому что понимать священное Писаніе — надобно тоже чтобъ былъ разумъ для того готовый.

— Однако у Христа первые апостолы были простые рыбаки.

— Тогда они устно слышали отъ Него ученіе, а мы нынѣ изъ книгъ божественныхъ оное почерпаемъ: насъ священниковъ и философіи греческой учили, и риторикѣ, и исторіи церкви христіанской, — намъ можно разумѣть священное Писаніе; а что же ихъ поць и учитель — какое ученье имѣлъ? Онъ — такой же мужикъ, только плутоватѣй другихъ!

— Что же, вы говорили когда-нибудь объ этомъ раскольникамъ?

— Сколько разъ!... прямо имъ объяснялъ: «смотрите, говорю, — нѣтъ ни единого царя, ни единого дворянина по вашему толку; ни одинъ иностранецъ, переходя въ православіе, не принялъ раскола вашего. Неужели же всѣ они глупѣе васъ!»

— Что жъ они отвѣчали на то? — спросилъ Вихровъ съ любопытствомъ.

Священникъ при этомъ вопросѣ вздохнулъ.

— «Отъ того, говорятъ, — что на васъ діаволь снисшелъ!» — «Но отъ чего же, говорю, — на насъ, разумомъ свѣтлѣйшихъ, а не на васъ, во мракѣ пребывающихъ?» «Отъ того, говорятъ, — что мы живемъ по старой вѣрѣ, а вы приняли новшества», — и хоть рѣжь ихъ ножомъ, ни одинъ съ этого ни сойдетъ... И какъ, вѣдь, это вышло: гдѣ нѣтъ раскола промежъ народа, тамъ и духа его нѣтъ; а гдѣ онъ есть — православные ли, единовѣрцы ли, всѣ въ немъ заражены и очумлены... и который здоровъ еще, то жди, что и онъ будетъ болѣнъ!

Покуда священникъ говорилъ все это суровымъ голосомъ, а Вихровъ слушалъ его, — они, какъ нарочно, проѣзжали по чрезвычайно веселой мѣстности: то по небольшому сосновому лѣску, необыкновенно чистому и рѣдкому, такъ что въ немъ можно было гулять — какъ въ рощѣ; то по низкимъ полянамъ, съ которыхъ сильно ихъ обдавало запахомъ травъ и цвѣтовъ. Солнце уже садилось, соловей гдѣ-то отчаянно свисталъ. Леменецъ работникъ, въ своемъ запунѣ, съ своими включенными, бѣлокурыми волосами, выбивающимися изъ-подъ худой его ша-

пенки, какъ бы въ противоположность своему суровому и мрачному хозяину; представлялъ изъ себя чрезвычайно добродушную фигуру. У Вихрова было хорошо на душѣ отъ того, что онъ услыхалъ отъ священника, что если они и захватятъ на молитвѣ раскольниковъ, то тѣхъ только позовутъ въ консисторію на увѣщаніе, а потому онъ съ нѣкоторымъ даже любопытствомъ ожидалъ всѣхъ грядущихъ сценъ.

Лошади, вѣроятно почуявшія близость дома, поѣжали быстрѣй.

— Недалеко, видно?— спросилъ Вихровъ священника, не обращавшаго никакого вниманія ни на прекрасный вечеръ, ни на красивую мѣстность, ни на соловья.

— Недалеко; вонъ село наше, — отвѣчалъ онъ, показывая на стоящее нѣсколько въ сторонѣ село.— Вы ужь у меня и остановитесь извольте на квартирѣ, — прибавилъ онъ.

— Очень хорошо, — отвѣчалъ Вихровъ, и потомъ не удержался и сказалъ:— вы, кажется, и меня немного подозрѣваете — какъ бы я не перешелъ въ расколъ?

— Нѣтъ, не то что подозрѣваю, — отвѣчалъ священникъ угрюмо:— а что если остановитесь въ другомъ мѣстѣ, то болтовня сейчасъ пойдетъ по селу: что чиновникъ пріѣхалъ!... Они, пожалуй, и остерегутся, и не соберутся къ заутреннѣ.

— Такъ вы меня этакъ поспрятать хотите! — проговорилъ Вихровъ.

— Да, поспрячу, — отвѣчалъ священникъ, и въ самомъ дѣлѣ, какъ видно, намѣренъ былъ это сдѣ-

дать, — потому что хоть было уже довольно темно, онъ однако велѣлъ работнику не селомъ ѣхать, а взять объѣздомъ, и такимъ образомъ они подъѣхали къ дому его со двора.

Введя въ комнаты своего гостя, священникъ провель его въ заднюю половину, такъ чтобы на улицѣ не увидѣли даже огня въ его окнахъ — и не разсмотрѣли бы сквозь нихъ губернаторскаго чиновника.

— Но завтра намъ надобно будетъ хоть какого-нибудь десятскаго взять съ собой, — сказалъ ему Вихровъ.

— А вотъ я сейчасъ схожу за сельскимъ старостой, — сказалъ священникъ и, уходя, плотно-плотно притворилъ дверь въ сѣняхъ, а затѣмъ въ весьма недолгомъ времени возвратился, приведя съ собой старосту.

Вихровъ сказалъ тому, что онъ завтра съ нимъ чуть свѣтъ пойдетъ, но куда именно — не пояснилъ того.

— Слушаю-съ, — сказалъ староста и хотѣлъ было уйти.

Но священникъ остановилъ его.

— Нѣтъ, любезный, ты ночуй ужъ здѣсь — у меня; пойдн ко мнѣ въ избу.

Староста уемѣхнулся только на это, впрочемъ послушался его и пошелъ за нимъ въ избу, въ которую священникъ привелъ также и работника своего и, сказавъ имъ обоимъ, чтобы они ложились спать, ушелъ отъ нихъ, заперевъ ихъ снаружи.

— Вотъ этакъ лучше — посидятъ и не разболтаютъ никому! — проговорилъ онъ.

Съ Вихровымъ священникъ (тоже вѣроятно изъ опасенія, чтобы тотъ не разболталъ кому-нибудь) легъ спать въ одной комнатѣ и уступилъ даже ему свою подъ пологомъ постель, а самъ легъ на голой лавкѣ и подложилъ себѣ только подъ голову кожаную дорожную подушку. Ночь онъ всю не спалъ, а все ворочался и что-то такое бормоталъ себѣ подъ носъ. Вихрову тоже не спалось отъ духоты въ комнатѣ и отъ клоповъ, которыми усыпана была хозяйская постель. Часа въ четыре наконецъ раздался сухой, какъ бы великопостный звонъ въ единовѣрческой церкви. Вихровъ открылъ глаза — онъ только-что передъ тѣмъ вздремнулъ было. Священникъ стоялъ уже передъ нимъ совсѣмъ одѣтый.

— Пойдемте, пора! — сказалъ онъ Вихрову.

Тотъ мигомъ одѣлся въ свой виць-мундиръ.

Староста и работникъ тоже были выпущены. Последній, съ явно сердитымъ лицомъ, прошелъ прямо на дворъ; а староста, попрежнему, немного подсмѣивался надъ священникомъ. Вихровъ, священникъ и староста отправились наконецъ въ свой походъ. Терей не безъ умыслу, кажется, провелъ Вихрова мимо единовѣрческой церкви и заставилъ его заглянуть даже туда: тамъ не было ни одного молящагося.

— Какъ много прихожанъ-то! — сказалъ онъ съ усмѣшкой: — а вѣдь звономъ-то почестъ колоколъ разбили, а туды и безъ зову Божьяго соберутся.

Звонъ до самаго своего возвращенія онъ наказалъ дьячку не прекращать, и повелъ за собой Вихрова и старосту. Сначала они шли полемъ по дорогѣ, потомъ пошли лугомъ по берегу небольшой рѣчки.

Священникъ внимательнѣйшимъ образомъ осматривалъ всѣ тропинки, которыми они проходили.

— Много ихъ тутъ сегодня прошло: слѣдъ на слѣдъ такъ и лѣпится!— говорилъ онъ.— И мостики себѣ даже устроили!— прибавилъ онъ, показывая Вихрову на двѣ сѣги, перекинутыя черезъ рѣку.

— Слышите!— воскликнулъ онъ вдругъ, показывая рукой въ одну сторону:— это, вѣдь, служба ихъ идетъ!

Съ той стороны, въ самомъ дѣлѣ, доносилось пѣніе мужскихъ и женскихъ голосовъ; а передъ глазами между тѣмъ были: орѣшникъ, ветлякъ, липы, березы и сосны; подъ ногами — высокая, густая трава. Утро было свѣтлое, ясное, какъ и вчерашній вечеръ. Картина эта просто показалась Вихрову поэтической. Пройдя небольшимъ лѣскомъ (пѣніе въ это время становилось все слышнѣе и слышнѣе), они увидѣли наконецъ сквозь вѣтки деревьевъ каменную часовню.

— Не хуже нашего единовѣрческаго храма! — произнесъ священникъ, показывая глазамъ Вихрову на моленную:— ну, теперь ползкомъ ползти надо; а то они увидятъ и разбѣгутся!.. И вслѣдъ затѣмъ онъ самъ легъ на землю, легли за нимъ Вихровъ и староста,— и всѣ они поползли.

Священникъ дѣлалъ все это съ явнымъ увлеченіемъ, а Вихрову, напротивъ, казалось смѣшно и не совсѣмъ честно его положеніе. Онъ поотсталъ отъ священника. Староста тоже рядомъ съ нимъ очутился.

— Бѣда какой строгій священникъ, — шепнулъ онъ Вихрову.

— Что же? — спросилъ Вихровъ.

— Попервоначалу-то, какъ поступилъ, такъ на всѣхъ раскольниковъ, которые въ единовѣріе перешли, епитимью строгую наложилъ — и чтобы не дома ее исполняли, а въ церкви; — и дьячка нарочно стеречь ставилъ, чтобы не промирволилъ кто себя.

— Зачѣмъ же народъ, зная, что онъ такой строгій, въ моленную еще къ себѣ собирается? — говорплъ Вихровъ.

— Да поди ты вонъ — глупость-то наша крестьянская: обмануть все думаютъ его! ну, гдѣ тутъ, обманешь-ли экаго! — отвѣчалъ староста.

Въ это время они были около самаго уже храма.

Священникъ проворно поднялся на ноги и загородилъ собой выходъ изъ моленной.

— Подползайте скорѣй, — зыкнулъ онъ шепотомъ Вихрову и старостѣ.

Тѣ подползли и поднялись на ноги — и всѣ такимъ образомъ вошли въ моленную. Народу въ ней оказалось человѣкъ двѣсти. При появленіи священника и чиновника въ вицъ-мундирѣ, всѣ, точно по командѣ, потушили головы. Стоявшій впереди и наряженный даже въ епитрахиль — мужикъ мгновенно стушевался; епитрахили на немъ не стало — и самъ онъ очутился между другими мужиками, но не пропалъ онъ для глазъ священника.

— Поди-ка ты сюда, священнодѣйствователь! — сказалъ онъ ему.

Мужикъ не трогался, какъ будто-бы не понимая, что это къ нему относится.

— Григорій, поди сюда; я тебя кличу! — повторилъ священникъ. Григорій, дѣлать нечего, вышелъ.

— Гдѣ же облаченіе-то твое — подай мнѣ! — говорилъ священникъ.

— Нѣтъ у меня никакого облаченія, — отвѣчалъ мужикъ, распуская передъ нимъ руки; но священникъ заглянулъ къ нему въ пазуху, велѣлъ выворотить ему всѣ карманы — облаченія нигдѣ не было.

Священникъ велѣлъ старостѣ обыскать прочихъ, нѣтъ-ли у кого облаченія.

Тотъ, съ обычной своей усмѣшкой на лицѣ, принялся обыскивать; но облаченія не нашлось.

— Ну, Богъ съ нимъ! — произнесъ Вихровъ.

— Вотъ это-то *Богъ съ нимъ* и даетъ имъ поблажку, — проговорилъ ему укоризненно священникъ. — Переписать ихъ всѣхъ надо! — прибавилъ онъ; но Вихровъ прежде спросилъ народъ:

— Что вы, братцы, всѣ единовѣрцы?

— Всѣ, почестъ, единовѣрцы! — отвѣчали ему мужики.

— Зачѣмъ же вы не посѣщаете вашего храма, а ходите въ моленную, которая должна быть запечатана?

— Такъ какъ родители наши ходили сюда, и намъ желается того, — отвѣчалъ одинъ изъ раскольниковъ.

— Мы, бачка, думали, что въ нашей церкви службы не будетъ, — подхватилъ другой раскольникъ.

— Врешь, врешь, — остановилъ его священникъ: — благовѣсть у меня начался съ двухъ часовъ ночи и по сей часъ идетъ.

Изъ села въ самомъ дѣлѣ доносился сухой и

немного дребезжавшій благовѣсть единовѣрческой церкви.

— А эта вотъ и православная даже! — прибавилъ священникъ, указывая на одну очень нарядную и довольно еще молодую женщину.

— Ты православная? — спросилъ ее Вихровъ.

— Православная-съ! — отвѣчала та, вся вспыхнувъ и съ дрожащими щеками.

— Ей вотъ надо было, — объяснилъ ему священникъ, — выйти замужъ за богатаго православнаго купца: это вотъ не грѣхъ по ихнему, она и приняла для виду православіе; а промежъ тѣмъ все-таки продолжаютъ ходить въ свою раскольничью секту — это я васъ записать прошу!

— Все запишутъ! — отвѣчалъ ему съ сердцемъ Вихровъ — и опрашивать народъ повелъ въ село. Довольно странное зрѣлище представилось при этомъ случаѣ: Вихровъ, съ недовольнымъ и разстроеннымъ лицомъ, шелъ впереди; раскольники тоже шли за нимъ печальные; священникъ то на того, то на другаго изъ нихъ сурово взглядывалъ блестящими глазами. Православную женщину и Григорія онъ велѣлъ старостѣ вести подъ присмотромъ — и тотъ поэтому шелъ недалеко отъ нихъ, а когда тѣ расходились нѣсколько, онъ говорилъ имъ:

— Не расходитесь очень далеко!

Допросы отбирать Вихровъ началъ въ большой общественной избѣ — и только еще успѣлъ снять показаніе съ одного мужика, какъ дверь съ шумомъ распахнулась, и въ избу внеслась какой-то бурей станова.

— Другъ сердечный, тебя-ли я вижу! — восклик-

нула она, растопыривая передъ Вихровымъ руки. Она, видимо, рѣшилась держать себя съ нимъ съ прежней бойкостью. — И это не грѣхъ, не грѣхъ такъ прѣвхаты! — продолжала она, восклицая. — Гдѣ остановился? У васъ, что-ли? — прибавила она священнику.

— У меня-съ, — отвѣчалъ тотъ.

— Въ мурѣ-то у него — на блопахъ да на комарахъ! Я бы тебя на мягкую постельку уложила, побаякала бы и полюлюкала!.. Что это переловилъ ребятъ-то? — прибавила она, показывая головой на раскольниковъ.

— А все это вашъ супругъ причиною тому: держать моленную незапертою, тогда какъ она запечатана даже должна быть, — замѣтилъ ей священникъ.

— Это кто вамъ, батюшка, донесъ да отрапортовалъ о томъ — нѣтъ-съ! извините! я нарочно все дѣло захватила — читайте-ка!... — проговорила становая и, молодцовато развернувъ принесенное съ собою дѣло, положила на столъ.

— Читай, читай!... — повторила она священнику.

Въ одномъ предписаніи въ самомъ дѣлѣ было сказано: «а моленную въ селѣ Корчаковѣ оставить незапечатанною и отдать ее въ вѣдѣніе и подъ присмотръ земской полиціи съ тѣмъ, чтобы изъ оной раскольниками не были похищаемы и разносимы иконы.

— Только бы не были расхищаемы и уносимы иконы — понялъ? — отнеслась становая къ священнику: — а онѣ всѣ тутъ; есть еще и лишнія.

— Моленная не должна быть запечатана, — повторилъ и Вихровъ.

Священникъ пожалуй только плечами.

— Но сборища въ ней все-таки не могли быть дозволены, особенно для единовѣрцевъ, — возразилъ онъ: — и вашъ супругъ, я знаю, разъ словилъ ихъ; но потомъ, взявъ съ нихъ по рублю съ человѣка, отпустилъ.

— Это какъ вы знаете, кто вамъ объяснилъ это? — возразила ему становая насмѣшливо: — на исповѣди, что ли, кто вамъ открылъ про то!... Такъ вамъ самому языкъ за это вытянуть, коли вы рассказываете, что на духу вамъ говорятъ; вотъ они всѣ тутъ на-лицо, — прибавила она, махнувъ головой на раскольниковъ: — когда васъ мужъ захватывалъ и обиралъ по рублю съ души? — обратилась она къ тѣмъ.

— Не было того-съ, — отвѣчали изъ нихъ нѣкоторые, и всѣ при этомъ держали головы потупленными.

— Чѣмъ на другихъ-то, іерей честной, указывать, не лучше ли прежде на себя взглянуть: пастырь сердцемъ добрымъ и духомъ кроткимъ привлекаетъ къ себѣ паству; при вашемъ предшественникѣ никогда у нихъ никакихъ дѣловъ не было, а при васъ пошли...

— За то и единовѣрія не было! — возразилъ ей священникъ.

— Я ужъ этого не знаю — я баба; а говорю, что въ народѣ толкуютъ. Изволь-ка вотъ ты написать, — прибавила она Вихрову: — что въ предписаніи мужу сказано на счетъ моленной; да и мужиковъ всѣхъ спроси, что никогда не было, чтобы брали съ нихъ!

Такія почти повелительныя распоряженія становой сдѣлались наконецъ Вихрову досадны.

— Все это очень хорошо — и будетъ сдѣлано; но вамъ-то здѣсь быть совершенно неприлично! — сказала онъ.

— Уйду, уйду, не на вѣки къ вамъ пришла, — сказала она поднимаясь: — только ты зайди ко мнѣ потомъ; мнѣ тебѣ нужно по этому дѣлу сказать — понимаешь ты, по этому самому дѣлу, чтобы ты сказалъ о томъ начальству своему.

— Хорошо, зайду, — отвѣчалъ Вихровъ, чтобы только отвязаться отъ нея: почему становаая говорила ему *ты* и назвала его *другомъ сердечнымъ* — онъ понять не могъ.

Та, между тѣмъ, встала и пошла; проходя мимо мужиковъ, она подмигнула имъ.

— Не робѣйте, паря, не больно поддавайтесь!

Вихровъ, отобравъ всѣ допросы и написавъ со священникомъ подробное постановленіе о захватѣ раскольниковъ въ моленной, хотѣлъ было сейчасъ же и уѣхать въ городъ — и поэтому послалъ за земскими почтовыми лошадьми; но тѣхъ что-то долго не приводили. Онъ велѣлъ старостѣ поторопиться; тотъ сходилъ и донесъ ему, что лошади готовы, но что они стоятъ у квартиры становой — и та не велѣла имъ отъѣзжать, потому что чиновникъ къ ней еще зайдетъ. Вихровъ послалъ другой разъ старосту сказать, что онъ не зайдетъ къ ней, потому что ему некогда, и чтобы лошади подѣхали къ его избѣ. Староста сходилъ съ этимъ приказаніемъ и, возвратясь, объявилъ, что становаая не отпускаетъ лошадей и требуетъ чиновника къ себѣ. Вихрова

взорвало это; онъ пошелъ, чтобы ругательски разругать ее.

— Что это такое вы дѣлаете, — не даете мнѣ лошадей! — воскликнулъ онъ, входя къ ней въ залу, въ которомъ на столѣ были уже разставлены закуски и вина разныя.

— Ты не горлань, а лучше выпей водочки! — сказала она ему.

— Не хочу я вашей водочки! — кричалъ онъ.

— Ты вотъ погоди, постой! не благуи! — унижала она его: — я вотъ тебѣ дѣло скажу: ты начальству своему заяви, чтобы они поа этого убрали отсюда, а то у него изъ единовѣрія опять всѣ уйдутъ въ расколъ; не по нраву онъ пришелся народу, потому строгъ — вдругъ дѣвицамъ причастья не даетъ, избличаетъ ихъ передъ всѣми. Мужикъ придетъ къ нему за требой — непременно требуетъ, чтобы въ телегѣ прѣвзжалъ и чтобы коверъ ему въ телегѣ былъ: «ты, говоритъ, — не меня, а санъ мой почитать долженъ!» Кто теперь на улицѣ встрѣтится, хоть малый ребенокъ, и шапки передъ нимъ не сниметъ, онъ сейчасъ его въ церковь — и на колѣни: у насъ народъ этого не любитъ!

— Ну, только? — спросилъ Вихровъ: — прощайте!

— Погоди, не спиши больно!... что у тебя дома то — не горитъ, вѣдь! Раскольники-то ходатая къ тебѣ прислали; сто цѣлковыхъ онъ тебѣ принесъ отъ нихъ, позамни маненько дѣло-то!

Вихровъ усмѣхнулся и покачалъ головой.

— Что же, этотъ ходатай здѣсь, что ли? — спросилъ онъ.

— Здѣсь стоитъ, дожидается.

— Ну, позовите его ко мнѣ!

Становая пошла и привела мужика съ плутоватыми, бѣгающими глазами.

— Ты мнѣ сто дѣлковыхъ принесъ? — спросилъ его Вихровъ.

— Да-съ! — отвѣчалъ мужикъ и торопливо полѣзъ себѣ за пазуху, чтобы достать вѣроятно деньги.

— Не трудись ихъ вынимать, а напротивъ дай мнѣ росписку, что я ихъ не взялъ у тебя! — сказалъ Вихровъ и, подойдя къ столу, написалъ такого рода росписку. — Подпишись, — прибавилъ онъ, подвигая ее къ мужику.

Тотъ поблѣднѣлъ и недоумѣвалъ.

— Подпишись, а не то я дѣло изъ-за этого начну и тебя потяну! — произнесъ Вихровъ явно уже сердитымъ голосомъ.

Мужикъ посмотрѣлъ на становую, которая тоже стояла сконфуженная и только какъ-то насильственно старалась улыбнуться.

— Подпишись ужь лучше! — сказала она мужику.

Тотъ дрожащею рукой подписался и затѣмъ, подобравъ свою шалку, ушелъ съ совершенно растеряннымъ лицомъ.

— Ну, паря, модникъ ты, я вижу, да еще и какой! — сказала Вихрову становая укоризненнымъ голосомъ, когда они остались вдвоемъ.

— А вы, извините меня, очень глупы! — возразилъ онъ ей.

— Гдѣ ужь намъ такимъ умникомъ быть, какъ ты! не всѣ такіе ученые, — произнесла становая въ

одно и то же время насмѣшливымъ и оробѣвшимъ голосомъ.

Вихровъ взялся снова за фуражку, чтобы уѣхать.

— Не пущу, низачто не пущу безъ закуски, а не то сама лягу у дверей на порогѣ!... — закричала становая — и въ самомъ дѣлѣ сдѣлала движеніе, что какъ-будто бы намѣрена была лечь на полъ.

Вихровъ лучше ужъ рѣшился исполнить ея желаніе, тѣмъ болѣе, что и ѣсть ему хотѣлось. Онъ сѣлъ и началъ закусывать. Становая, очень довольная этимъ, помѣстилась рядомъ съ нимъ и положила ему руку на плечо.

— А что съ Фатѣихой до сихъ поръ все еще путаешься? — спросила она, заглядывая ему съ какой-то нѣжностью въ лицо.

— Нѣтъ, ужъ не путаюсь, — отвѣчалъ ей Вихровъ.

— Слышала я это, слышала, — отвѣчала становиха: — вотъ какъ бы ты у меня ночевалъ сегодня, такъ я тебѣ скажу...

— Что же такое? — спросилъ Вихровъ.

Становая пожала только плечами.

— У!... — воскликнула она: — такую бы тебѣ штучку подвела — букетъ!

Вихровъ только усмѣхнулся.

— Ну, однако прощайте! — сказалъ онъ вставая.

— Прощай, другъ любезный, — проговорила становиха и вдругъ поцѣловала его въ лицо.

Вихровъ поспѣшно обтеръ то мѣсто, къ которому она прикоснулась губами. Становиха потомъ

проводила его до телеги, сама его подсадила въ нее, велѣла подать свое одѣяло, закрыла имъ его ноги и, когда онъ наконецъ совсѣмъ поѣхалъ, сдѣлала ему ручкой.

XIII.

Вечеръ у madame Пиколовой.

То, что Вихровъ не былъ у Захаревскихъ и даже уѣхалъ изъ города, не зайдя проститься съ ними, — все это сильно огорчало не только Юлію, отчасти понимавшую причину тому, но и Виссаріона, который поэтому даже былъ (въ первый разъ, можетъ быть, во всю жизнь свою) въ самомъ сквернѣйшемъ расположеніи духа. Судя нѣсколько по своимъ собственнымъ поступкамъ, онъ сталъ подозрѣвать, что ужь не было ли между сестрой и Вихровымъ чего-нибудь серьезнаго и что теперь тотъ отлыниваетъ, тѣмъ болѣе, что Юлія была на себя непохожа и проплакивала почти цѣлые дни. Виссаріонъ рѣшился непременно разспросить ее объ этомъ.

— Интересно мнѣ знать, — заговорилъ онъ однажды, ходя взадъ и впередъ по комнатѣ и какъ бы вовсе не желая ничего этимъ сказать: — говорила ли ты когда-нибудь и что-нибудь съ этимъ господиномъ о любви?

— Никогда и ничего, — отвѣчала Юлія.

— О, вздоръ какой! — воскликнулъ инженеръ.

— Увѣряю тебя! — повторила Юлія совершенно искреннимъ голосомъ.

«Ну, когда еще въ такомъ положеніи дѣло, такъ это пустяки, вздоръ!» успокоивалъ себя мысленно Виссаріонъ.

— Такъ у васъ, можетъ быть, все это однимъ пухомъ и кончится?—присовокупилъ онъ.

— Всего вѣроятнѣе!... — сказала Юлія — и голосъ ея при этомъ дрожалъ: сознавая, что она не въ состояніи уже будетъ повторить своего признанія Вихрову, она рѣшилась сама ничего не предпринимать, а выжидать, что будетъ; но Виссаріонъ былъ не такого характера: онъ любилъ все и какъ можно скорѣй доводить до полной ясности. Услыхавъ, что Вихровъ вернулся со слѣдствія, но къ нимъ все-таки нейдетъ, онъ сказалъ сестрѣ не безъ досады:

— Что же это вашъ возлюбленный не жалуется?

Въ отвѣтъ на это Юлія устремила только на брата умоляющій взоръ.

— Пошли за нимъ, если хочешь... — присовокупилъ Виссаріонъ.

— Если онъ не хочетъ идти, зачѣмъ же посылать за нимъ, — возразила Юлія.

— Ну, такъ я самъ пойду къ нему и посмотрю, что онъ тамъ дѣлаетъ,—произнесъ почти со злобою Виссаріонъ: ему до души было жаль сестры.

Когда Вихрову сказали, что пришелъ Захаревскій, онъ, по какому-то предчувствію какъ бы отгадывая причину его прихода, невольно сконфузился. У Виссаріона не сорвалось это съ глазу.

«Онъ однако потрухиваетъ, какъ видно, меня?» подумалъ онъ про себя.

— Что это, батюшка, вы за штуку выкинули,—

произнесъ онъ затѣмъ вслухъ: — уѣхали совсѣмъ изъ города и не зашли даже проститься.

— Невозможно было: губернаторъ меня экстренно послалъ и подъ присмотромъ еще попа.

— Что за вздоръ такой — экстренно послалъ?... невозможно было на двѣ минуты — забѣжать проститься!... — говорилъ инженеръ и затѣмъ, сѣвъ напротивъ Вихрова, нѣсколько минутъ смотрѣлъ ему прямо въ лицо. Тотъ при этомъ явно покраснѣлъ.

— Что это вы, устали что ли, или больны? — спросилъ Виссаріонъ.

— И усталъ, и боленъ! — отвѣчалъ Вихровъ.

— Все это пристекаетъ отъ того-съ, — продолжалъ инженеръ: — что вы ужасно какую нелѣпую жизнь ведете.

— Я? — спросилъ Вихровъ, нѣсколько уже и удивленный безцеремонностью такого замѣчанія.

— Да, вы!... жениться вамъ надо непременно!

— Но отчего же вы сами не женитесь?

— Оттого, что я совершенно неспособенъ къ женатой жизни: мнѣ всякая женщина въ недѣлю же надоѣдаетъ!

— Но, можетъ быть, и я такой же! — проговорилъ Вихровъ.

— Ну, вѣтъ, вы постоянны: вотъ вы экономкѣ вашей сколько времени вѣрны!

Виссаріонъ подъ пменемъ экономки разумѣлъ Груню.

— А вы думаете, что я въ отношеніи ея могу быть вѣренъ и невѣренъ?

— Совершенно увѣренъ въ томъ, — подхватилъ Виссаріонъ.

— Кто же вамъ сказалъ это? — спросилъ Вихровъ.

— Мои собственные глаза.

— Ваши глаза совершенно васъ обманываютъ.

— Не шутя?

— Не шутя обманываютъ! — Вихровъ не хотѣлъ Виссаріона посвящать ни въ какую свою тайну.

«Чортъ знаетъ, ничего тутъ не понимаю!» думалъ между тѣмъ инженеръ, въ самомъ дѣлѣ поставленный въ недоумѣніе: Груню онъ считалъ главной и единственной виновницей того, что Вихровъ не дѣлалъ предложенія его сестрѣ.

— Что же, вы зайдете ли когда-нибудь къ намъ? Осчастливите ли вашимъ посѣщеніемъ? — полушутливо, полусерьезно говорилъ онъ, вставая съ тѣмъ, чтобы уйти.

— Я сегодня же вечеромъ буду у васъ, — отвѣчалъ, опять немного растерявшись, Вихровъ.

— Но вечеромъ мы съ сестрой у Пиколовой будемъ... Тамъ будетъ губернаторъ и прочее, и прочее, — проговорилъ Виссаріонъ.

— А, и прекрасно, и я туда же пріѣду! — подхватилъ Вихровъ, очень обрадованный тѣмъ, что онъ встрѣтится въ первый разъ съ Юліей въ обществѣ.

— Пріѣзжайте! — сказалъ инженеръ и ушелъ.

Когда онъ возвратился въ комнату сестры, то лицо его снова приняло недоумѣвающее выраженіе.

— Хоть зарѣжь, ничего тутъ не понимаю! — произнесъ онъ и, усѣвшись на стулъ, почти до

крови принялся кусать себѣ ногти — до того ему была досадна вся эта неопредѣленная чепуха.

Вихровъ, между тѣмъ, еще до свиданія съ Виссаріономъ, очень много и серьезно думалъ о своихъ отношеніяхъ къ Юліи. Что онъ не любилъ ее совершенно, въ этомъ онъ не сомнѣвался нисколько, — точно также какъ теперь онъ очень хорошо понималъ, что не любилъ и Фатѣеву и что не чувствовалъ также особой привязанности и къ преданной ему Грунѣ; но отъ чего же это?.. что за причина тому была?.. Не оставалось никакого сомнѣнія, что между нимъ и всѣми этими женщинами стояла всегда, постоянно и неизмѣнно, Мари — и заслоняла ихъ собой. Не сомнѣвался ужъ онъ нисколько, что одну только ее въ жизни своей любилъ и любить до сихъ поръ; но что же она къ нему чувствуетъ? Конечно, ея внезапный отъѣздъ изъ Москвы, почти нѣжное свиданіе съ нимъ въ Петербургѣ, ея письма, дышущія нѣжностью, давали ему много надежды на взаимность; но все-таки это были однѣ только надежды — и если она не питаетъ къ нему ничего кромѣ дружбы, такъ лучше вырвать изъ души и свое чувство и жениться хоть на той же Юліи, которая, какъ онъ видѣлъ очень хорошо, всю жизнь будетъ боготворить его!

Когда Виссаріонъ ушелъ отъ него, онъ окончательно утвердился въ этомъ намѣреніи — и сейчасъ же принялся писать письмо къ Мари, въ которомъ онъ изложилъ все, что думалъ передъ тѣмъ, и въ заключеніе прибавлялъ: «вопросъ мой, Мари, состоитъ въ томъ: любите ли вы меня; и не говорите, пожалуйста, ни о какихъ святыхъ обязанностяхъ: всякая

женщина, когда полюбитъ, такъ пренебрегаетъ ими; не говорите также и о святой дружбѣ, которая могла бы установиться между нами: я хочу любви вашей — полной, совершенной; если нѣтъ въ васъ ея ко мнѣ, такъ и не щадите меня — прямо мнѣ скажите о томъ!»

Отославъ это письмо на почту, Вихровъ отправился къ Пиколовымъ, у которыхъ вечеръ засталъ въ полиомъ разгарѣ.

Начальникъ губерніи былъ ужь тамъ. Онъ всегда у madame Пиколовой былъ очень веселъ и даже отчасти рѣзовъ. Бѣлобрысый мужъ ея съ улыбающимся лицомъ ходилъ по ярко освѣщеннымъ комнатамъ. Онъ всегда очень любилъ, когда начальникъ губерніи бывалъ у нихъ въ гостяхъ, даже когда это случалось и въ его отсутствіе, потому что это все-таки показывало, что тотъ не утратилъ расположенія къ ихъ семейству, а расположеніемъ этимъ Пиколовъ въ настоящее время дорожилъ больше всего на свѣтѣ, такъ какъ начальникъ губерніи обѣщался его представить на имѣющуюся въ скоромъ времени открыться вакансію предсѣдателя уголовной палаты. Должности этой Пиколовъ ожидалъ какъ манны небесной — и безъ восторга даже не могъ помыслить о томъ, какъ онъ, получивъ это званіе, приѣдетъ къ кому-нибудь съ визитомъ и своимъ шепелявымъ языкомъ велить доложить: «предсѣдатель уголовной палаты Пиколовъ!» Захаревскіе тоже были у Пиколовыхъ, но только Виссаріонъ съ сестрой, а прокуроръ не приѣхалъ: у того съ каждымъ днемъ неприятности съ губернаторомъ увеличивались, а потому они не любили встрѣчаться другъ съ другомъ въ обществѣ — достаточно уже было и служебныхъ столкновений.

Виссаріонъ Захаревскій, въ полной мундирной формѣ, не смотря на смѣлость своего характера, какъ-то конфузливо держалъ себя передъ начальникомъ губерніи и напоминалъ собой нѣсколько собачку, которая ходитъ на заднихъ лапкахъ передъ хозяиномъ. Юлія, блѣдная, худая, но чрезвычайно тщательно причесанная и одѣтая, полулежала на кушеткѣ и почти не спускала глазъ съ дверей: Виссаріонъ сказалъ ей, что Вихровъ хотѣлъ пріѣхать къ Пиколовымъ.

Когда герой мой вошелъ, начальникъ губерніи почти съ нѣжностью встрѣтилъ его.

— Здравствуйте, Вихровъ, — воскликнулъ онъ, протягивая ему ладонью вверхъ свою широкую руку, въ которую Вихровъ и посиѣшилъ положить свою руку.

— Отъ души благодарю васъ, что пріѣхали за-просто!.. — говорила хозяйка дома, дѣлая ему ручкой изъ-за стола, за которымъ она сидѣла, загороженная съ одной стороны Юліей, а съ другой — начальникомъ губерніи. — А у меня къ вамъ еще просьба будетъ — и пребольшая, — прибавила она.

— Ужь опять не театръ-ли? — спросилъ ее Вихровъ.

— Ахъ, нѣтъ, Вихровъ, гораздо скучнѣй того: дѣло!

— Дѣло, которое madame Пиколова желаетъ возложить на васъ! — сказалъ полусути и полусерьезно начальникъ губерніи.

— Madame Пиколова? — переспросилъ его Вихровъ.

— Да! — подтвердилъ губернаторъ.

Вихровъ на это только усмѣхнулся.

— А я къ вамъ было сегодня вечеромъ хотѣлъ придти, — отнесся онъ къ Юліи.

— Къ намъ хотѣли?..—что-то такое сказала Юлія, устремляя на него кроткій взглядъ.

Вихровъ не зналъ — сѣсть ли ему около нея или нѣтъ; однако онъ сѣлъ, но что говорить — рѣшительно не находилъся.

— Куда же это вы послѣднее время ѣздили? — спросила его сама Юлія.

Вихровъ несказанно обрадовался этому вопросу. Онъ очень подробнымъ образомъ сталъ ей рассказывать свое путешествіе: какъ онъ ѣхалъ съ священникомъ, какъ тотъ наблюдалъ за нимъ, какъ они подобно низамскимъ убійцамъ ползли по землѣ, — и все это онъ такъ живописно описалъ, что Юлія заслушалась его; у нея глаза даже разгорѣлись и лицо запылало: она всегда очень любила слушать, когда Вихровъ начиналъ говорить — и особенно когда онъ доходилъ до увлеченія.

— Я готова, чтобы вы чаще отъ насъ уѣзжали и рассказывали потомъ намъ такія интересныя вещи! — проговорила она.

Чтобы разговоръ какъ-нибудь не перешелъ на личныя отношенія, Вихровъ принялся было рассказывать и прежнее свое путешествіе въ Учию; но въ это время къ нему подошла хозяйка дома и, тронувъ его легонько вѣромъ по плечу, сказала ему:

— На два слова въ кабинетъ, Вихровъ! — И они пошли. Бѣлобрысый мужъ madame Пяколовой тоже последовалъ за ними, какъ-то глупо улыбаясь своимъ широкимъ ртомъ.

— Вотъ видите ли, что! — начала madame Пяко-

дова: — мы съ братцемъ послѣ маменьки, когда она померла, наследство не приняли; долги у нея очень большіе были — понимаете!.. но братъ послѣ того вышелъ въ отставку; ну, и что же молодому человѣку дѣлать въ деревнѣ — скучно!.. Онъ и сталъ этимъ маменькинымъ имѣніемъ управлять.

— Опекуномъ, то есть, назначенъ былъ, какъ слѣдуетъ — опекой, — поправилъ ее мужъ.

— Ну опекуномъ, тамъ, что-ли, очень мнѣ нужно это! — возразила ему съ досадою madame Пиколова и продолжала: — только вы знаете, какіе нынче года были: мужики, которые побогаче были, холерой померли: пожаръ тоже въ домѣ у него случился; рожь вонъ все самъ-другъ родилась... Онъ въ опекунскій-то совѣтъ и не платилъ... „Изъ чего, говоритъ, — мнѣ платить-то?.. у меня вонъ, говоритъ, какія все несчастія въ имѣніи“.

— И у него на все это и удостовѣренія есть отъ полиціи, — пояснилъ опять за жену самъ Пиколовъ.

— Да, у него всѣ эти и бумаги есть! — подхватила она: — и онъ ихъ представилъ туда! Только вдругъ оттуда глупую этакую бумагу пишутъ къ Ивану Алексѣвичу... что, какъ это тамъ сказано... что все это неблагонамѣренныя дѣйствія опекуна... Хорошо, конечно, что Иванъ Алексѣвичъ такъ расположенъ къ намъ... Онъ привозитъ ко мнѣ эту бумагу. „Вотъ, говоритъ, — напишите брату!..“ Я пишу ему... Онъ прискакалъ, какъ сумасшедшій: „я, говоритъ, — желаю, чтобы все это обслѣдовали; кто, говоритъ, — изъ чиновниковъ особыхъ порученій Ивана Алексѣвича самый благородный человѣкъ?..“ Я говорю: „благороднѣй Вихрова у него нѣтъ!“ Такъ вотъ вы, monsieur

Вихровъ, съѣздите, пожалуйста, къ брату въ деревню и поправьте все это!

Какъ ни безтолково madame Пиколова рассказывала, однако Вихровъ очень хорошо понялъ, что во всей этой исторіи скрывались какія-нибудь сильныя плутни ея брата.

— Вы бы гораздо лучше сдѣлали, если бы попросили на это дѣло какого-нибудь другаго чиновника: я въ службѣ мнѣтень и могу очень повредить вашему брату, — сказалъ онъ.

— Низачто, низачто!.. и слышать васъ не хочу! — воскликнула madame Пиколова, зажимая себѣ даже уши: — вы добрый, милый, съѣздите и поправите все это; а мнѣ ужъ пора къ Ивану Алексѣевичу, а то онъ, пожалуй, скучать будетъ!.. — заключила она и ушла изъ кабинета.

Пиколовъ и Вихровъ, оставшись вдвоемъ, нѣкоторое время молчали.

— Но что за человѣкъ — братъ вашей супруги? спросилъ наконецъ послѣдній.

— Онъ человѣкъ умный и разсчетливый, только вотъ, знаете, этакъ, любить направо и налево карточкой перекинуть! — отвѣчалъ Пиколовъ и представилъ рукой, какъ мечутъ банкъ.

— Можетъ быть, на эти карточки онъ всѣ доходы съ имѣнія и проигрывалъ, — замѣтилъ ему Вихровъ.

— Нѣтъ! нѣтъ! — возразилъ Пиколовъ, засмѣявшись своимъ широкимъ ртомъ.

Покуда они разговаривали такимъ образомъ, въ гостиной слышался сначала громкій, веселый разговоръ, наконецъ крикъ, визгъ, такъ что Вихровъ не утерпѣлъ и спросилъ:

— Что это такое тамъ?

— Такъ себѣ ничего, шалить! — отвѣчалъ Пиколовъ.

Въ гостиной въ самомъ дѣлѣ шалили: сначала сѣли играть въ карты — губернаторъ, madame Пиколова, инженеръ и Юлія — въ фоханы; ну и, какъ водится, фохана положили подъ подсвѣчникъ; madame Пиколова фохона этого украла, начальникъ губерніи открылъ это.

— Зачѣмъ вы это сдѣлали, зачѣмъ! — говорилъ онъ и ударилъ ее по рукѣ.

М-ме Пиколова ударила сама его и довольно сильно; при этомъ одна свѣча потухла отъ ихъ движенія.

— Когда вы затушили свѣчку, такъ я затушу другую, — сказалъ начальникъ губерніи.

— Ахъ, не смѣйте! — кричала Пиколова.

— Захаревскій, затушите прочія свѣчи! — кричалъ начальникъ губерніи, задувая самъ свою свѣчу.

Виссаріонъ, не задумавшись, сейчасъ-же исполнилъ это приказаніе, задулъ всѣ остальные свѣчи; въ гостиной сдѣлалась совершенная темнота. Начальникъ губерніи началъ ловить madame Пиколову, а она отъ него бѣгала изъ угла въ уголь. Въ эту минуту въ гостиную возвратились Пиколовъ и Вихровъ. Послѣдній едва разсмотрѣлъ прижавшуюся въ уголь Юлію.

— Что такое? — спросилъ онъ ее.

— Ахъ, защитите меня, чтобы онъ на меня какъ не набѣжалъ, сказала она.

Вихровъ сталъ около нея въ защиту; начальникъ губерніи между тѣмъ продолжалъ бѣгать за Пиколовой.

— На диванъ, на диванъ, ваше превосходительство! — подсказывалъ ему инженеръ. Начальникъ губерніи бросился на диванъ; но madame Пиколова нагнулась подъ столъ и ускользнула отъ него.

— Въ ту комнату, ваше превосходительство, улетѣла, — продолжалъ ему подсказывать Виссаріонъ.

Madame Пиколова въ самомъ дѣлѣ убѣжала въ одну изъ заднихъ комнатъ.

Начальникъ губерніи, очень хорошо знавшій расположение дома, тоже побѣжалъ за ней — и они тамъ что-то долго оставались. Наконецъ, самъ monsieur Пиколовъ взялъ загашенныя свѣчи, сходилъ съ ними въ залу и внесъ ихъ въ гостиную: онъ зналъ, когда это надо было сдѣлать.

— Какъ расшалились они, ужасъ! — говорилъ онъ.

Недолго послѣ того возвратились губернаторъ и madame Пиколова, которая ужъ не бѣжала, а шла довольно тихо.

— Вы гадкій, противный! — говорила она губернатору.

— Вы сами деретесь, сами деретесь! — отвѣчалъ ей тотъ.

— Что-же это, они всегда такъ забавляются? — спросилъ Вихровъ Юлію.

— Не знаю, — отвѣчала та — и на губкахъ ея появилась какая-то презрительная улыбка.

XIV.

О п е к у н ь.

Усадьба Козлово стоитъ на высокой горѣ, замѣчательной тѣмъ, что нѣкогда, говорятъ, въ нее уда-

рилъ громъ — и громовая стрѣла сдѣлала въ ней колодезь, который до сихъ поръ существовалъ и отличался необыкновенно-вкусной водой. Въ этой-то усадьбѣ, въ довольно большомъ, помѣстительномъ барскомъ домѣ, взадъ и впередъ по залѣ ходилъ monsieur Клыковъ (братъ madame Пиколовой). Онъ былъ среднихъ лѣтъ, съ нѣсколько лукавою и заискивающею физиономіею, — и отличался, говорятъ, тѣмъ, что по какой-бы цѣнѣ ни игралъ и сколько-бы ни проигрывалъ — никогда не мѣнялся въ лицѣ; но въ настоящее время онъ видимо былъ чѣмъ-то озабоченъ и безпрестанно подходилъ то къ тому, то къ другому окну — и смотрѣлъ на виднѣвшуюся изъ нихъ дорогу, какъ бы ожидая кого-то. Наконецъ онъ вдругъ проговорилъ: «ѣдетъ!» и съ улыбающимся лицомъ вышелъ въ переднюю, чтобы принять гостя.

Ѣхалъ это къ нему Вихровъ.

— Меня, однако, привезли къ вамъ въ усадьбу, а не въ имѣніе! — говорилъ тотъ, снимая шинель.

— Это, ужъ извините, я такъ распорядился: что же вамъ въ деревнѣ въ курной избѣ жить, — говорилъ Клыковъ.

— Все это прекрасно-съ, — возразилъ ему Вихровъ: — да къ вамъ-то ѣхать мнѣ не совсѣмъ благовидно.

Они въ это время входили въ гостиную и усаживались въ ней.

— Но неужели же я васъ кускомъ хлѣба и чашкою чаю подкуплю, неужели? — спрашивалъ Клыковъ, глядя ему въ лицо.

— Подкупить не подкупите; но мужикамъ можетъ

это показаться нѣкоторымъ сближеніемъ моимъ съ вами, — возразилъ Вихровъ.

— Никакимъ это сближеніемъ не можетъ имъ показаться! — возразилъ Клыковъ.

Вихровъ не сталъ съ нимъ больше спорить и просилъ его, чтобы онъ далъ ему списокъ недоимщиковъ, а также велѣлъ позвать и самихъ мужиковъ. Клыковъ осторожно и какъ бы даже на цыпочкахъ ушелъ въ свой кабинетъ. Вихровъ сталъ осматриваться. Онъ сидѣлъ въ какой-то закоптѣлой гостиной: закоптѣли ея стѣны, на столѣ лежала закоптѣлая салфетка, закоптѣли занавѣсы на окнахъ, закоптѣла какъ-будто бы самая мебель даже, — и на всемъ были слѣды какого-то долгаго и постояннаго употребленія. Вихровъ посмотрѣлъ въ залу. Тамъ тоже обѣденный столъ стоялъ раздвинутымъ, какъ бываетъ это въ трактирахъ; у стульевъ спинные задки были сильно захватаны; на стѣнѣ около того мѣста, гдѣ въ ней открывался буфетъ, было множество пятенъ.

Въ гостиной висѣлъ портретъ самого хозяина въ уланскомъ еще мундирѣ и какой-то весьма недурной изъ себя дамы, вѣроятно жены его.

Клыковъ возвратился съ аккуратно составленнымъ спискомъ недоимщиковъ и объявилъ, что и сами они дожидаются на дворѣ.

Вихровъ не утерпѣлъ и сказалъ ему:

— Какое у васъ въ домѣ убранство старинное и какъ бы закоптѣлое даже отъ времени.

— Не столько отъ времени, сколько курятъ много, когда соберутся!... — отвѣчалъ смиренно Клыковъ.

— Но кто-жь къ вамъ собирается?... Сосѣди, вѣроятно?

— Сосѣди-съ.

— И что же, въ карты, конечно, все играете?

— Нѣтъ-съ, мало!... — произнесъ невиннѣйшимъ голосомъ Клыковъ.

Вихровъ наконецъ снова обратился къ своему дѣлу.

— Потрудитесь приказать, — сказалъ онъ: — придти вотъ этому первому недоимщику: Родіону Ѳедорову, что ли?

Клыковъ той же осторожной походкой сходилъ и призвалъ Родіона Ѳедорова. Оказалось, что это былъ хохлатый и нескладный мужикъ, который пришелъ какъ-то робко, сталъ поеживаться, иочесываться, не смѣло кругомъ на все озираться. Вихровъ взялъ листъ бумаги и сталъ записывать его показаніе.

— Въ сорокъ шестомъ году хлѣбъ у васъ градомъ выбивало? — спросилъ онъ его.

— Выбивало-тко! — отвѣчалъ Родіонъ очень ужъ бойко, какъ бы заранѣе заучивъ.

— А холера въ 48 году была?

— Была-то-тко! — опять отрѣзалъ Родіонъ.

— А много-ли у васъ по селеніямъ умерло чело-вѣкъ отъ холеры?

— О-то, много-тко извелось народу!... упаси Богъ! — почти пропѣлъ Родіонъ.

Вихровъ догадался, что Родіонъ было глупо-рожденный и почти идиотъ.

— А, сважи, дѣйствительно-ли на тебѣ недоимки сто рублей?

— Ну... не знаю... можетъ, такъ!.. — проговорилъ Родіонъ, какъ-бы черезъ пни скакавъ языкомъ.

— Значить, ты признаешь ее за собой?— подтвердилъ Вихровъ.

— Не знаю... признаю... да!..— согласился Родіонъ, взмахивая при этомъ глазами на Клыкова, который, съ опущенной головой и тихой походкой, ходилъ по гостинной.

— Ну, ступай!—сказалъ Вихровъ Родіону.

Тотъ ушелъ.

— Прочіе такъ же будутъ показывать, какъ и онъ; а потому вамъ не угодно-ли писать такъ, что такой-то вотъ показалъ согласно съ Родіономъ Федоровымъ!—проговорилъ Клыковъ.

— Тамъ-съ увидимъ,—отвѣчалъ ему рѣзко Вихровъ: — позвольте мнѣ слѣдующаго недоимщика: Павла Семенова.

Пришелъ и тотъ, тоже не совсѣмъ, надо быть, складный мужикъ: онъ былъ длинный и все какъ-то старался стать бокомъ и наклонить немного голову.

— Была-ли у васъ холера въ селеніяхъ? — спросилъ его Вихровъ обыкновеннымъ голосомъ.

— Что-съ?—отвѣчалъ ему на это Павелъ, склоняя къ нему еще больше свою голову.

— Была-ли моровая язва, холера у васъ? — повторилъ Вихровъ погромче.

— Ахъ, да, пріѣхалъ!—отвѣчалъ Павелъ самодовольно, какъ-бы понявъ наконецъ — въ чемъ дѣло.

— Что такое *пріѣхалъ*? — спросилъ Вихровъ съ удивленіемъ.

— Онъ глухъ немного, — вмѣшался наконецъ въ этотъ разговоръ Клыковъ.

— Была-ли у васъ холера? — закричалъ Вихровъ на весь домъ.

— Была, была! — поспѣшно отвѣчалъ Павелъ.

— Бога ради, нельзя-ли немножко потише этого, — сказалъ Клыковъ почти умоляющимъ голосомъ: — у меня жена въ такомъ положеніи, въ самомъ критическомъ теперь!

— Что такое? — спросилъ Вихровъ.

— Въ критическомъ, — повторилъ Клыковъ: — послѣдніе часы девяти мѣсяцевъ.

— Вотъ видите: это, значить, новое неудобство мнѣ было останавливаться у васъ.

— Напротивъ, это большое удобство для меня, потому что я не долженъ отлучаться отъ нея.

Вихровъ затѣмъ не такъ уже громко допросилъ Павла — и тотъ также, какъ Родіонъ, все подтвердилъ, что писалъ на него Клыковъ.

Въ это время человѣкъ внесъ водку и закуску, чрезвычайно красиво выглядывавшую.

Вихровъ, проголодавшійся дорогой, залпомъ выпилъ рюмку водки и закусилъ почти всего.

— Не прикажете-ли еще, — предложилъ ему хозяинъ, показывая на водку; но Вихровъ отказался и просилъ позвать ему новаго недоимщика — но только потолковѣй немножко.

— Всѣ, вѣдь, они здѣсь — пренеотесанный народъ, — отвѣчалъ Клыковъ, уходя опять на цыпочкахъ за недоимщикомъ.

Появившійся затѣмъ мужикъ назывался Соспатромъ. Въ противоположность своимъ предшественникамъ онъ, какъ видно, былъ не дуракъ, а напротивъ того — умница настоящая.

— Была ли у васъ холера? — спросилъ его Вихровъ.

— Была, судырь, была!.. Это что говорить, — повторилъ нѣсколько разъ Сосипатръ.

— И вотъ всѣ эти крупные недоимщики (Вихровъ пересчиталъ имена недоимщиковъ)... дѣйствительно въ холеру померли?

— Да когда-же, кормилецъ мой, когда-же помереть-то имъ, какъ не въ холеру! — почти воскликнулъ Сосипатръ.

Вихровъ заглянулъ въ списокъ, въ которомъ увидѣлъ, что на Сосипатръ недоимки показано только одинъ рубль.

— А на тебѣ недоимки всего одинъ рубль? — спросилъ онъ его.

— Рубль-съ! — подтвердилъ Сосипатръ.

— Отчего-же ты такой мелочи не заплатилъ?

— Крестьянскія-то немощи наши, батюшка, немогуты-то наши крестьянскія велики! — сказалъ Сосипатръ.

Записывая это показаніе, Вихровъ вдругъ началъ чувствовать шумъ въ головѣ; въ глазахъ у него какъ-то темнѣло, тускнѣло и какой-то пеленой все подергивалось.

— Что у васъ не угарно-ли здѣсь? — спросилъ онъ хозяина, попржнему ходившаго взадъ и впередъ по гостинной.

— Можетъ быть, и у меня что-то голова дурна: я сейчасъ велю открыть всѣ вьюшки, — проговорилъ тотъ и, какъ бы озабоченный этимъ, ушелъ.

— Такъ это, ничего; немножко изъ печи угаромъ пахнуло, — сказалъ онъ, возвратившись и совершенно успокоившимся голосомъ: — прикажите слѣдующихъ недоимщиковъ позвать — и не лучше ли ихъ

всѣхъ гуртомъ? что вамъ каждаго особнякомъ спрашивать!

— Нѣтъ, ненужно! и вообще никого не нужно; у меня голова очень вкружится! — отвѣчалъ Вихровъ.

— Ахъ, Боже мой, такъ не угодно-ли вамъ отдохнуть, — произнесъ какъ-бы снова озабоченнымъ голосомъ Клыковъ.

— Да, немножко, а главное — позвольте мнѣ теплой воды.

Клыковъ сбѣгалъ и принесъ ему теплой воды.

Вихровъ выпилъ ее и, выйдя въ другую комнату, сталъ щекотать у себя въ горлѣ. Для него уже не оставалось никакого сомнѣнія, что Клыковъ закатилъ ему въ водку дурману. Принятый имъ способъ сейчасъ-же подѣйствовалъ—и голова его мгновенно освѣжилась.

— Не угодно-ли вамъ мятныхъ капель? — говорилъ ему Клыковъ.

— Что-жь, вамъ еще разъ хочется отравить меня? — сказалъ ему насмѣшливо Вихровъ.

Клыковъ сдѣлалъ видъ, какъ будто-бы и не понимаетъ, что тотъ ему говоритъ; Вихровъ больше не пояснялъ ему, а взялъ фуражку и вышелъ на дворъ. Мужики недоимщики еще стояли тутъ.

— Послушайте, братцы, — началъ Вихровъ громко: — опекунъ показываетъ на васъ, что вы не платили оброчковъ, потому что у васъ были пожары, хлѣбъ градомъ выбивало, холерой главные недоимщики померли. Вы не смотрите, что я у него оставился. Мнѣ рѣшительно все равно: онъ или вы; мнѣ нужна только одна правда и потому говорите мнѣ совершенно откровенно: справедливо-ли то, что онъ пишетъ про васъ, или нѣтъ?

Между мужиками сейчасъ-же пошло шушуканіе и переговоры.

— Что, развѣ было-то? Гдѣ тутъ, ничего того не случилось! — Ты поди! — Да что мнѣ идти, ты ступай!

— Это рѣшительно все равно, — подхватилъ Вихровъ: — выходи кто хочетъ, но только одинъ, и говори мнѣ съ толкомъ.

Послѣ этого къ нему вышелъ наконецъ изъ толпы мужикъ.

— Явка ужь, сударь, отъ насъ тебѣ написана! — сказалъ онъ, то поднимая глаза на Вихрова, то опускавая ихъ.

— Ну, такъ подай.

Мужикъ несмѣло подалъ ему бумагу, въ которой было объяснено, что ни пожаровъ особенныхъ, ни холеры очень большой у нихъ не было, а также и неурожаевъ, — что оброкъ они всегда опекуну платили исправно — и почему онъ все то пишеть на нихъ, они неизвѣстны.

Вихровъ свернулъ эту бумагу, положилъ ее въ карманъ и возвратился въ домъ, чтобы объясниться съ Клыковымъ. У него при этомъ губы даже отъ гнѣва дрожали и руки невольно сжимались въ кулаки.

— Попрогулялись? — спросилъ его тотъ, опять встрѣтивъ его съ своей улыбкой въ передней.

— Попрогулялся и кромѣ того получилъ весьма важныя для меня свѣдѣнія, — отвѣчалъ Вихровъ, все болѣе и болѣе выходя изъ себя. — Скажите, пожалуйста, monsieur Клыковъ, — продолжалъ онъ, употребляя надъ собой всѣ усилія, чтобы не сказать

чего-нибудь очень ужъ рѣзкаго:—какого имени заслуживаетъ тотъ человѣкъ, который сначала говоритъ, что по его дѣлу ему ничего не нужно, кромѣ полной справедливости, а потомъ, когда къ нему прѣвзжаютъ чиновники обслѣдывать это дѣло, онъ ихъ опаиваетъ дурманомъ, подставляетъ имъ для разспросовъ идиотовъ?

При этихъ словахъ Клыковъ поблѣднѣлъ.

— Это васъ смутилъ кто-нибудь противъ меня,— говорилъ онъ, растопыривая передъ Вихровымъ руки, — это все негодая эти, должно быть!.. между ними есть ужасные мерзавцы!

— Не лучше-ли эти слова отнести къ кому-нибудь другому, чѣмъ къ мужикамъ!.. Дурманъ на меня пересталъ ужъ дѣйствовать, вамъ меня больше не отуманить!.. — возразилъ ему тотъ.

— Помилуйте, да развѣ я могу себѣ позволить это, — произнесъ Клыковъ, опять разводя руками и склоняя передъ Вихровымъ голову.

— Видно, могли себѣ позволить; но во всякомъ случаѣ извольте сейчасъ-же мнѣ написать, что все, что вы говорили о голодѣ, о пожарахъ и холерѣ, — все это вы лгали.

— Не лгалъ, видитъ Богъ, не лгалъ, — проговорилъ Клыковъ, со слезами уже на глазахъ.

— Подите вы, какъ же не стыдно вамъ еще говорить это! Если вы не дадите мнѣ такой росписки, все равно — я самъ обслѣдую дѣло строжайшимъ образомъ и упишу васъ.

Клыковъ нѣсколько времени стоялъ передъ нимъ послѣ этого молча; потомъ вдругъ опустился на колѣни.

— Не погубите! — началъ онъ мелодраматическимъ голосомъ: — я отецъ семейства, у меня жена теперь умираетъ, я самъ — почти помѣшанный какой-то, ничего не могу сообразить. Уѣзжайте теперь, не доканчивайте вашего дѣла; а потомъ я сообщу и попрошу о чемъ-нибудь для себя начальника губерніи.

Вихровъ очень хорошо видѣлъ, что Клыковъ хочетъ отъ него увернуться и придумать какую-нибудь штуку; злоба противъ него еще болѣе въ немъ забушевала.

— Дѣла вашего, — началъ онъ: — я по закону не имѣю права останавливать — сейчасъ-же уѣзжаю въ самое имѣніе, чтобы обелѣдовать всѣ ваши дѣйствія какъ опекуна.

— Не по закону, а изъ жалости молю васъ это сдѣлать!.. Взгляните на мою жену, она не перенесетъ вашей строгости! — говорилъ Клыковъ и, вскочивъ, схватилъ Вихрова за руки съ тѣмъ, кажется, чтобы вести его въ спальню къ женѣ.

— Не пойду я, извините меня, — отговаривался тотъ.

— Но всѣ говорятъ, что вы — человѣкъ добрый, великодушный; неужели вы не сжалитесь надъ нами, несчастными?

— Нѣтъ-съ, не сжаюсь! — воскликнулъ Вихровъ, которому омерзительна даже стала вся эта сцена. Лицо Клыкова какъ-бы мгновенно все передернулось — и изъ пласкиваго приняло какое-то ожесточенное выраженіе.

{ — Не раскайтесь, не раскайтесь! — заговорилъ онъ совсѣмъ другимъ тономъ и началъ при этомъ

счищать приставшую къ колѣвкамъ его пыль. — Начальникъ губерніи будетъ за меня, — прибавилъ онъ язвительно.

— Тѣмъ болѣе я сдѣлаю не по васъ, что г. начальникъ губерніи будетъ за васъ! — проговорилъ Вихровъ, и снова вышелъ на дворъ. — Нѣтъ-ли у васъ, братцы, у кого-нибудь тележки довести меня до вашей деревни; я тамъ dokonчу ваше дѣло.

— Есть, батюшка, — отозвался ему одинъ мужикъ: — у меня есть тележка.

— Ну, такъ подѣзжай!

Мужикъ подѣхалъ въ грязной тележкѣ, на какой-то неопредѣленнаго цвѣта и сверхъ того курчавой лошаденкѣ.

Вихровъ полѣзъ въ телегу.

— Не замарайся, родимый, — сказалъ мужикъ: — дай, я тебѣ хоть свой вафтанишко подстелю.

— Не нужно! — сказалъ Вихровъ: — только уѣзжай поскорѣе отсюда!

Мужикъ поѣхалъ. Прочіе мужики пошли рядомъ съ нимъ и, крупно шагая, не оставали отъ маленькой лошаденки. Вихровъ между тѣмъ жадно сталъ вдыхать въ себя свѣжій, осенній воздухъ. Вліяніе дурмана на него не совсѣмъ еще кончилось. Уѣхать со всякаго слѣдствія въ дорогу было для него всегда величайшимъ наслажденіемъ: послѣ всѣхъ гадостей и мерзостей, которыя обыкновенно обнаруживались при каждомъ почти изслѣдованіи дѣяній человѣческихъ, онъ видѣлъ тихій, мирный лѣсъ, цвѣтушіе луга, желтѣющія нивы, — о, какъ тогда казалась ему природа лучше людей! Проѣзжаемая на это тѣ разѣ мѣстность тоже была довольно пріятна и ус-

покоительна: небольшие холмы, поля, рѣчка, мостикъ, опять холмы, поля...

Вихровъ принялся толковать съ мужиками.

— Въ самомъ дѣлѣ — жена у вашего опекуна родитъ? — спросилъ онъ, предполагая, что Клыковъ и это солгалъ ему.

— Выкинула, сказывалъ, — отвѣчалъ шедшій рядомъ съ его телегой мужикъ, должно быть, староста.

— За неволю выкинула: бають, билъ, билъ ее, прїѣхавши изъ города-то, — подхватилъ другой мужикъ изъ толпы.

— Какъ, билъ? За что? — воскликнулъ Вихровъ.

— А ни зашто, ни прошто, — отвѣчалъ опять староста: — нехорошо, очень несогласно живутъ!

— А она-то, что-же, дурная тоже женщина?

— Нѣтъ, она-то ничего, — не богатая только — вотъ за это и срываетъ на ней свой гнѣвъ. Бумагу-то, говорятъ, какъ по этому дѣлу получилъ, — злой, презлой сталъ и все привязывался къ ней: „все“, — говоритъ, — „я на семейство проживаюсь!“

Понятно, что Клыковъ былъ одинъ изъ отъявленнѣйшихъ негодаевъ, — и Вихровъ далъ себѣ слово такъ повести его дѣло, чтобы подвергнуть его не только денежному взысканію, но даже уголовной отвѣтственности.

— Скажите, пожалуйста, какъ же онъ вами управлялъ и въ какой мѣрѣ васъ обижалъ?.. — спрашивалъ онъ мужиковъ. За всѣхъ за нихъ сталъ отвѣчать староста: народъ въ этихъ мѣстахъ былъ хлѣбопашествующій, а потому — очень простой.

— Вотъ видишь, батюшка ты мой, — объяснилъ

староста: — слухъ былъ такой попервоначалу... Чиновники тоже кой-какіе маленькіе намъ сказывали, что мы вольные будемъ, что молодой баринъ нашъ имѣніе маменьки своей не взялъ, побрезговалъ имъ. Однакоже вотъ слышимъ-прослышимъ, что молодой баринъ въ опекуны къ намъ присланъ; такъ онъ и правилъ нами и до сей поры.

— И вы на него, какъ на помѣщика своего, работали?

— Все едино! — отвѣчалъ мужикъ: — что ни есть, кормилицъ къ дѣтямъ — и тѣхъ все изъ нашей вотчины бралъ безъ всякой платы; нашеть имъ тоже сначала ситцевыхъ сарафановъ, а какъ откормятъ, — такъ и отбереть назадъ.

Все это, какъ самый придирчивый подъячій, Вихровъ — запоминалъ и хотѣлъ ввести въ дѣло.

— То намъ, ваше высокородіе, теперь очень сомнительно, — продолжалъ староста, — что аки-бы отъ нашей вотчины прошеніе есть, чтобы г-ну опекуну еще подъ наше имѣніе денегъ выдали — и что мы беремъ ихъ платить; но мы николи такого прошенія не подавали.

Вихровъ и это все записалъ и, пріѣхавъ въ одну изъ деревень, отбиралъ отъ мужиковъ показанія — день, два, три, — опросилъ даже мужиковъ сосѣднихъ деревень въ подтвержденіе того, что ни пожаровъ, ни неурожая въ особенныхъ за послѣднее время не было. Онъ вытребовалъ также и самое дѣло изъ опеки по этому имѣнію; оказалось, что такое прошеніе отъ мужиковъ дѣйствительно было тамъ; поименованные въ немъ мужики наотрѣзъ объявили, что они такого прошенія не подавали — и подписавшагося за нихъ

какого-то Емельяна Крестова совсѣмъ не знаютъ, да его вѣроятно совсѣмъ и на свѣтѣ не существуетъ. Вихровъ потиралъ только руки отъ удовольствія — это явно ужь отзывалось уголовщиной. Мужики потомъ рассказали ему, что опекунъ въ ту же ночь, какъ Вихровъ уѣхалъ отъ него, созывалъ ихъ всѣхъ къ себѣ, приказывалъ имъ, чтобы они ничего противъ него не показывали, требовалъ отъ нихъ оброки, — и когда они сказали ему, что до рѣшенія дѣла они оброка ему не дадутъ, онъ грозился ихъ пересѣчь и велѣлъ было ужь своимъ людямъ дворовымъ розги принести, но они не дались ему и ушли.

— И хорошо сдѣлали! — одобрилъ ихъ Вихровъ.

Вслѣдъ затѣмъ мужики ему объявили, что опекунъ уѣхалъ въ губернской городъ жаловаться на нихъ и на чиновника.

— Ничего, пусть себѣ жалуется, — сказалъ имъ Вихровъ.

XV.

Тучи начинаютъ собираться.

Герой мой очень хорошо понималъ, что въ жизни вообще, а въ службѣ въ особенности очень много мерзавцевъ — и что для противодѣйствія имъ мало одной энергій, но надобно еще и сѣумѣть это сдѣлать, — а также и то, что для челоука, задавшаго себѣ эту задачу, это трудъ и подвигъ великій; а потому, вернувшись со слѣдствія объ опекунскихъ дѣяніяхъ Клыкова, онъ рѣшился прежде всего заѣхать

къ прокурору и посовѣтоваться съ нимъ. Тотъ встрѣтилъ его съ какой-то полу-улыбкой.

Вихровъ рассказалъ ему все дѣло подробно.

— Я ужь слышалъ это, — отвѣчалъ Иларіонъ Захаревскій: — губернаторъ приглашалъ меня по этому дѣлу и говорилъ со мною о немъ.

— Что же именно? — спросилъ Вихровъ.

Захаревскій усмѣхнулся.

— Они тутъ совсѣмъ другой оборотъ даютъ! — началъ онъ: — они говорятъ, что вы взбунтовали все имѣніе противъ опекуна!

— Чѣмъ же я взбунтовалъ? — спросилъ Вихровъ.

— Тѣмъ, что вы собирали ихъ, говорили имъ рѣчи, чтобы они не слушались опекуна.

— Я говорилъ имъ только, чтобы они показывали правду.

— Ну, а они объясняютъ, что вы къ нимъ воззваніе произносили! давать всему какой угодно отѣнокъ — они мастера; однако позвольте мнѣ ваше дѣло посмотрѣть, — прибавилъ Захаревскій, увидѣвъ въ рукахъ Вихрова дѣло.

Тотъ ему подалъ его, Захаревскій просмотрѣлъ его съ первой страницы до послѣдней.

— Все очень обстоятельно обслѣдовано; не знаю, какъ они вывернутся тутъ! — проговорилъ онъ.

— Мало, что обстоятельно обслѣдовано; но у меня еще есть и другіе факты... Онъ хотѣлъ меня даже отравить!.. — И Вихровъ рассказалъ исторію о дурманѣ.

Захаревскій на это пожалъ только плечами.

— Что же они намѣрены теперь сдѣлать съ своей стороны? — спросилъ Вихровъ.

— Рѣшительно не знаю, — отвѣчалъ Захаревскій. — Губернаторъ только спрашивалъ меня: не слѣдуетъ ли команды ввести въ имѣнье? Я говорю, что команды вводятся, когда уже испытаютъ прежде всѣ предварительныя полицейскія мѣры. Пусть прежде туда выѣдетъ полиція, члены опеки — и внушать крестьянамъ повиновеніе; наконецъ, говорю, — еще неизвѣстно, что откроется по изслѣдованію вашего чиновника — и, можетъ быть, дѣйствія опекуна таковы, что его самого слѣдуетъ удалить и что крестьяне оказываютъ неповиновеніе только противъ него. — «Никогда, говорить, — не можетъ быть этого, потому что онъ человѣкъ прекрасный!»

— Хорошъ прекрасный человѣкъ! — воскликнулъ Вихровъ.

— Онъ его по крайней мѣрѣ такимъ считаетъ!.. Самъ же Клыковъ, какъ слышалъ я, ускакалъ въ Петербургъ, — вѣроятно тамъ выдумаетъ что-нибудь отличное! — заключилъ Захаревскій и видимо, отъ сдерживаемой досады не въ состояніи даже былъ покойно сидѣть на мѣстѣ, а всталъ и началъ ходить по комнатѣ.

— Это такіе, батюшка, изобрѣтатели и творцы въ этомъ родѣ, что — чудо! Всѣ усилія, всѣ способности свои употребляютъ на это. Говорятъ, по случаю вакансіи предсѣдателя уголовной палаты, они тоже славную вещь затѣваютъ. Кандидатомъ у того совѣстный судья...

— Это что на театрѣ не хотѣлъ играть у губернатора? — подхватилъ Вихровъ.

— Тотъ самый; во-первыхъ — человѣкъ безукоризненной честности, во-вторыхъ — самостоятельный, и онъ вдругъ предположилъ... — они въ этомъ своемъ величїи опьяневаютъ какъ-то и забываютъ всякое приличіе!... — предположилъ замѣстить его Пиколовымъ — этой дрянью, швалью, такъ что это почти публичное признанье въ своей связи съ его женою!

Говоря это, прокуроръ поблѣднѣлъ даже и безпрестанно потрясалъ своей сухощавой головой.

— Но какъ же онъ это сдѣлаетъ? — спросилъ Вихровъ: — предсѣдатели палаты — по выборамъ... Пиколова вѣроятно всѣ черняками закидаютъ.

— Очень просто! очень просто! — отвѣчалъ прокуроръ: — до выборовъ еще два года слишкомъ; онъ кандидата на это мѣсто, судью, очернить чѣмъ-нибудь — и взамѣнъ его представить опредѣлить отъ короны господина Пиколова.

— Ну, судья-то, кажется, не дастся ему очернить себя, онъ не изъ такихъ — самъ зубастъ! — возразилъ Вихровъ.

— Не дастся!... хорошо — если успѣетъ въ этомъ! — сказалъ прокуроръ: — говорятъ, хочетъ ѣхать въ Петербургъ и хлопотать тамъ.

— Наконецъ, п вы должны помочь ему; вы все-таки здѣсь — царское око! — подхватилъ Вихровъ.

— Я конечно съ своей стороны сдѣлаю все, — продолжалъ Захаревскій: — напишу министру и объясню всю интригу; пусть тамъ меня переводятъ, куда хотять, но терпѣнія моего больше недостаетъ переносить все это!

Всѣми этими рѣчами прокуроръ очень нравился Вихрову.

— Такъ слѣдствіе мое, значитъ, складно произведено? — спросилъ онъ.

— Очень складно! — отвѣчалъ прокуроръ: — пусть они пожуютъ его и покусаютъ: я очень радъ, что оно — въ томъ же родѣ, какъ и штука съ судьей, — такъ что все это мы можемъ вмѣстѣ соединить.

— Поѣду представлять ему дѣло, — сказалъ Вихровъ.

— Поѣзжайте и заѣзжайте, пожалуйста, отсюда сказать, что онъ вамъ будетъ говорить?

— Непремѣнно! — отвѣчалъ Вихровъ и уѣхалъ.

Ему весело даже было подумать о томъ, какъ у начальника губерніи вытянется физіономія, когда онъ будетъ ему рассказывать, какъ онъ произвелъ слѣдствіе; но увы! надежда его въ этомъ случаѣ не сбылась: въ приемной губернатора онъ, какъ водится, засталъ скучающаго адъютанта; сей молодой офицеръ пробовалъ было и газету читать, и въ окно глядѣть, но ничто не помогало: все было скучно! Онъ началъ наконецъ истерически зѣвать. При появленіи Вихрова, онъ посмотрѣлъ на него сонными глазами.

— Къ Ивану Алексѣичу? — спросилъ онъ его какъ-то нехотя и самъ въ это время позѣвнулъ.

— Да, — отвѣчалъ Вихровъ и тоже, по симпатіи, невольно позѣвнулъ.

— Вамъ тоже, видно, спать хочется? — сказалъ адъютантъ.

— Я всю ночь ѣхалъ, — отвѣчалъ Вихровъ.

— А я время проводилъ съ прехорошенькой женщиной, — отвѣчалъ адъютантъ, и снова, самымъ отчаяннымъ образомъ зѣвнулъ.

«О, чтобы тебя чортъ побралъ», подумалъ Вихровъ — и вмѣстѣ съ тѣмъ не удержался и самъ зѣвнулъ.

— Иванъ Алексѣичъ посылалъ за вами или вы сами пришли къ нему? — продолжалъ лѣниво адъютантъ.

— Самъ пришелъ, — отвѣчалъ Вихровъ.

— Онъ занятъ теперь и не велѣлъ никого принимать, — говорилъ адъютантъ, снова зѣвая.

— Чѣмъ же занятъ? — спросилъ Вихровъ, стараясь удержать свои мускулы отъ зѣвоты.

— Шорникъ у него; сбрую подряжаетъ его новую сдѣлать, — отвѣчалъ наивно адъютантъ.

Вихровъ, дѣлать нечего, сѣлъ и сталъ дожидаться.

Адъютантъ былъ преданнѣйшее существо губернатору — и хоть тотъ вовсе не посвящалъ его ни въ какія тайны свои, онъ однако по какому-то чутью угадывалъ: къ кому начальникъ губерніи расположенъ былъ и къ кому — нѣтъ. Когда, на этотъ разъ, Вихровъ вошелъ въ пріемную, адъютантъ сейчасъ же по его физіономіи прочелъ, что начальникъ губерніи не былъ къ нему расположенъ, а потому онъ и не спѣшилъ объ немъ докладывать.

Терпѣніе Вихрова наконецъ лопнуло.

— Доложите, пожалуйста; можетъ быть, онъ уже съ шорникомъ кончилъ, — проговорилъ онъ.

— А у васъ нужное развѣ дѣло?

— Очень нужное! — подхватилъ Вихровъ.

Адъютантъ лѣниво пошелъ въ кабинетъ. Тамъ онъ пробылъ довольно долго. Начальникъ губерніи, послѣ его доклада, все почему-то не удостоивалъ его отвѣта и смотрѣлъ на бумагу.

— Пусть подождетъ, я выйду туда, — сказалъ онъ наконецъ.

— Онъ сюда выйдетъ! — проговорилъ еще небрежнѣ адъютантъ и, сѣвъ на свое мѣсто, не сталъ даже и разговаривать съ Вихровымъ, который, продавъ еще съ часъ, хотѣлъ-было оставить дѣло и уѣхать; но дверь изъ кабинета отворилась наконецъ — и губернаторъ появился; просителей на этотъ разъ никого не было.

Губернаторъ подошелъ къ вставшему на ноги Вихрову и ни слова не начиналъ говорить, какъ-бы ожидая, что тотъ скажетъ.

Вихровъ подалъ ему рапортъ о дѣлѣ и назвалъ послѣднее только по имени.

Губернаторъ пробѣжалъ его рапортъ съ начала до конца.

— Тамъ крестьяне, говорятъ, оказали неповиновеніе, — проговорилъ онъ наконецъ какимъ-то глухимъ голосомъ.

— Я не видалъ никакого неповиновенія, — отвѣчалъ Вихровъ.

— Я говорю не въ отношеніи васъ, а въ отношеніи опекуна, — произнесъ губернаторъ самымъ равнодушнымъ тономъ, какъ-бы не принимая въ этомъ дѣлѣ никакого личнаго участія.

— Я не слыхалъ объ этомъ, — отвѣчалъ Вихровъ.

— Мнѣ по этому дѣлу, можетъ быть, опять придется послать, — проговорилъ губернаторъ и съ дѣломъ ушелъ въ кабинетъ.

Вихровъ остался въ совершенномъ недоумѣніи отъ такого приѣма и поѣхалъ, по своему обѣщанію, раз-

сказать о томъ прокурору. Тамъ онъ засталъ Виссаріона Захаревскаго.

Вихровъ сейчасъ же сталъ рассказывать, какъ губернаторъ его принялъ.

— Во-первыхъ, въ кабинетъ къ себѣ не пустилъ и заставилъ дожидаться часа два: я по этому заключилъ, что онъ очень гнѣвенъ былъ на меня; но потомъ, когда онъ вышелъ въ пріемную, то былъ тихъ и спокоенъ, какъ ангелъ!

— Ну, ваше дѣло, значитъ плохо, — подхватилъ прокуроръ: — значитъ, онъ запасся противъ васъ серьезными фактами, по которымъ онъ жамкнетъ и давнетъ васъ отличнѣйшимъ образомъ.

— Это почему вы думаете? — спросилъ Вихровъ.

— Потому что, еслибы онъ не чувствовалъ противъ васъ силы, онъ бы бѣсновался, кричалъ, какъ онъ обыкновенно дѣлаетъ всегда съ людьми, противъ которыхъ онъ ничего не можетъ сдѣлать; но съ вами онъ былъ тихъ и спокоенъ: значитъ, вы у него въ лапкахъ — и онъ васъ задушитъ, когда только ему вздумается.

— А, чортъ съ нимъ, что же онъ такое особенное можетъ сдѣлать со мной! — воскликнулъ Вихровъ.

— Я не знаю, что собственно по этому дѣлу, о которомъ говоритъ мой братъ, — вмѣшался въ ихъ разговоръ инженеръ: — но вотъ, чему я вчера былъ самъ свидѣтелемъ. Онъ позвалъ меня посмотреть, чтобы поправить ему потолокъ въ залѣ, и въ это же время я въ залѣ вижу — стоитъ какой-то попъ. Я спросилъ дежурнаго чиновника: «кто это такой?»

Онъ говорить: «это единовѣрческій священникъ!» Губернаторъ — какъ вышелъ, такъ сейчасъ же подошелъ къ нему, и онъ при мнѣ же сталъ ему жаловаться именно на васъ, что вы тамъ послабляли, что-ли, раскольникамъ... и какая-то станова собирала какія-то деньги для васъ, — такъ что губернаторъ, видя, что тотъ что-то такое серьезное хочетъ ему донести, отвелъ его въ сторону отъ меня и сталъ съ нимъ потихоньбу разговаривать.

— Это ужъ еще что-то такое новое на меня! — сказалъ Вихровъ прокурору.

— Теперь такъ это и пойдетъ; вѣроятно даже будетъ нарочно выскивать и подучать, — сказалъ тотъ.

— Но наконецъ это скучно и несносно становится! — произнесъ Вихровъ и, возмущенный до глубины души всѣмъ этимъ, уѣхалъ домой и сейчасъ же принялся писать къ Мари.

«Обожаемая, но жестокая кузина! Вы до сихъ поръ не отвѣчаете мнѣ на мое письмо, а между тѣмъ я стараю отъ нетерпѣнія въ ожиданіи вашего отвѣта, который одинъ можетъ спасти и утѣшить меня въ моемъ гадкомъ положеніи!.. Знаете-ли вы, что, можетъ быть, нѣтъ болѣе трагическаго положенія, какъ положеніе человѣка, который бы у насъ въ Россіи вздумалъ честно служить. Трудно вообразить себѣ — до какой деморализаціи дошло у насъ такъ называемое чиновничество. На цѣлый губернскій городъ выищется не болѣе двухъ, трехъ сносно-честныхъ людей, за которыхъ вѣроятно Богъ и терпитъ сей градъ на землѣ, но которыхъ тѣмъ не менѣе все-таки современемъ съѣдятъ и выживутъ. Я только

еще успѣлъ немножко почестнѣй пошевелиться въ этомъ омутѣ всевозможныхъ гадостей и мерзостей, какъ на меня сейчасъ же пошли доносы и извѣты; но я далъ себѣ слово биться до конца — пусть даже ссылаютъ меня за то въ Сибирь, ибо безъ благопріятнаго отвѣта вашего на послѣднее письмо мое — мнѣ рѣшительно это все равно. «Я плыву и плыву черезъ мглу на скалу, и сложу мою главу неоплаканную!» Помните эти стихи, которые я читалъ вамъ еще въ юности. Жду вашего письма.»

XVI.

Разбойники.

Первое намѣреніе начальника губерніи было, кажется, допечь моего героя непріятными дѣлами. Не больше какъ черезъ недѣлю, Вихровъ, сидя у себя въ комнатѣ, увидѣлъ, что на дворъ къ нимъ вѣхалъ на ломовомъ извожикѣ съ кипами бумагъ — солдатъ, въ которомъ онъ узналъ сторожа изъ канцеляріи губернатора.

— Дѣло, ваше благородіе, привезъ къ вамъ, — сказалъ тотъ, входя къ нему въ комнату.

— Какъ, дѣло привезъ? — спросилъ съ удивленіемъ Вихровъ.

— Больно, дьяволъ, велико оно: позвольте, ваше благородіе, таскать его въ горницу.

— Таскай, — сказалъ Вихровъ.

Солдатъ сначала притащилъ одинъ томъ, потомъ другой, третій и наконецъ восемь.

— Какое же это дѣло?— спросилъ Вихровъ.

— Все вотъ этихъ разбойниковъ; десять разъ ужъ я таскаю его къ разнымъ господамъ чиновникамъ.

Вихровъ взялъ изъ рукъ солдата предписаніе, въ которомъ очень коротко было сказано: «препровождая къ вашему благородію дѣло о поимкѣ въ Новоперховскомъ уѣздѣ шайки разбойниковъ, предписываю вамъ докончить оное и представить ко мнѣ въ самомъ непродолжительномъ времени обратно».

— Это, ваше благородіе, все уголовная палата дѣлаеть,— толковалъ ему солдатъ:— велико оно очень— и чтобы не судить его, она и перепихиваетъ его къ намъ въ канцелярію; а мы, вотъ, и таскайся съ нимъ!... На свой счетъ, ваше благородіе, извозчика нанималъ, ей-богу, — казначей не даетъ денегъ. «Неси, говоритъ, на себѣ!» ну, стащишь ли, ваше благородіе, экаго чорта на себѣ!

Вихровъ сжалился надъ бѣднымъ сторожемъ и заплатилъ за извозчика.

— Дай Богъ только, ваше благородіе, послѣдній разъ ужъ его таскать-сь,— сказалъ тотъ и ушелъ.

Вихровъ принялся читать препровожденные къ нему восемь томовъ, и изъ разной бесполезнѣйшей и ненужной переписки онъ успѣлъ наконецъ извлечь,— что въ Новоперховскомъ уѣздѣ появилась шайка разбойниковъ, изъ 16 человекъ, подъ предводительствомъ атамана Гулливаго и есаула Сарапки, — что они убили волостнаго голову, грабили на дорогахъ, сожгли фабрику одного помѣщика, и наконецъ особо наряженной комиссіею были пойманы. Въ дѣлѣ (какъ увидѣлъ Вихровъ, внимательно разсмотрѣвъ его) не

разъяснено было отлько одно обстоятельство: крестьянка Елизавета Семенова показывала, что она проживала у разбойниковъ и находилась съ ними въ связи; но сами разбойники не были о томъ спрошены.

Вихровъ въ ту же ночь поѣхалъ въ Новоперховъ, гдѣ разбойники содержались въ острогѣ; пріѣхавъ въ этотъ городишко наутрѣ, онъ послалъ городничему отношеніе, чтобы тотъ выслалъ къ нему за конвоемъ атамана Гулливаго, есаула Саранку и крестьянку Елизавету Семенову, — а самъ легъ отдохнуть на диванъ и сейчасъ же заснулъ крѣпчайшимъ сномъ, сквозь который онъ потомъ явственно началъ различать какой-то странный шумъ. Онъ взмахнулъ глазами: передъ нимъ, у самой почти головы его, стоялъ высокій мужикъ, съ усами, съ бородой, но обритый и съ кандалами на рукахъ и на ногахъ. Вихровъ сейчасъ же догадался, что это былъ атаманъ разбойничій. Онъ поспѣшилъ приподняться съ дивана и поотодвинуться отъ него.

— Крѣпко же вы, баринъ, спали, — проговорилъ разбойникъ съ улыбкой.

Вихровъ всмотрѣлся повнимательнѣе въ его лицо: оно было желтоватое, испещренное бороздами, по выраженію умное, но не доброе. Впрочемъ, упорный взглядъ сѣроватыхъ пжелта глазъ скорѣй обнаруживалъ твердый характеръ, чѣмъ жестокость.

— Ты — атаманъ Гулливый? — спросилъ его Вихровъ.

— Атаманъ самый и есть, — отвѣчалъ тотъ.

— Что же, ты не убить ли ужъ и меня собирался? — пошутилъ Вихровъ, видя, что Гулливому

достаточно было сдѣлать одно движеніе руками въ вандалахъ, чтобы разможжить ему голову.

— Пошто мнѣ васъ убивать, что-й-то, Господи! — произнесъ атаманъ.

Вихровъ рѣшился распросить его о томъ, чего рѣшительно не было въ дѣлѣ.

— Отчего и какимъ образомъ ты въ разбойникахъ очутился? — спросилъ онъ его.

— По ненависти къ головѣ.

— Да ты казенный?

— Казенный! Всю семью онъ нашу извелъ: сначала съ родителемъ нашимъ поссорился; тотъ въ старшинахъ сидѣлъ — онъ начетъ на него сдѣлать, а потомъ общество уговорилъ, чтобы того сослали на поселенье; меня тоже ладилъ, чтобы въ солдаты сдать — я уже не стерпѣлъ того и бѣжалъ!

— За что же онъ такъ преслѣдовалъ васъ?

— За то самое, что родитель нашъ эти самыя деньги вмѣстѣ съ нимъ прогулялъ, а какъ начали его считать, онъ и не покрылъ его: — «я, говоритъ, не одинъ, а вмѣстѣ съ головой пиля на эти деньги-то!» ну, тому и досадно это было.

— Какъ же ты бѣжалъ и куда?

— На Волгу бурлакомъ ушелъ; тамъ важно — на счетъ этого, сколько хошь народу можно уйти... по пословицѣ: вода — сама метла, что хошь по ней ни пройди, все гладко будетъ!

— Какъ же ты шайку-то потомъ собралъ?

— Да я ужъ на Низовьѣ жилъ съ годъ, да по женѣ больно стосковался — сталъ писать ей, что вочуюсь домой; а она мнѣ пишетъ, что не надо, что голова страшаетъ: «какъ онъ, говоритъ, попадется

миѣ въ руки, такъ сейчасъ его въ кандалы!...» Я думалъ, что жь, миѣ все одно въ кандалахъ-то быть, — и убилъ его.

— Ну и убилъ бы! зачѣмъ же разбойничалъ потомъ?

— Какъ же убьешь его безъ разбою-то? Въ селеніе къ нему придти — схватятъ; въ правленіи онъ сидитъ со стражей; значить, на дорогѣ надо было гдѣ-нибудь поймать его, а онъ тоже ѣздитъ парой все, съ кучеромъ и писаремъ; — я шайку и собралъ для того.

— Однако по дѣлу видно, что ты одного его встрѣтилъ.

— Да ужь это случайно такъ вышло: я въ селеніе-то свое пришелъ узнать, что когда онъ придетъ; а тутъ миѣ и говорятъ, что онъ самъ у насъ въ деревнѣ и будетъ ворочаться домой. «А кто, я говорю, съ нимъ?» — «Всего, говорятъ, одинъ ѣдетъ!» Я думалъ — что времени медлить, вышелъ сейчасъ въ поле, завалилъ корягой мостъ, по которому ему надо было ѣхать, и сталъ его ждать тутъ. Онъ ѣдетъ пьяный, еле сидитъ въ телегѣ-то, я сейчасъ взялъ его лошадь подъ узцы. Онъ — какъ взмахнулъ на меня глазами-то, сейчасъ призналъ, — слухъ тоже былъ ужь про насъ, что мы пошаливаемъ въ окрестностяхъ, — взмолился миѣ: «отпусти, говоритъ, душу на покаяніе!» Я говорю: «покайся, это твое дѣло, а живаго ужь не отпущу». Перекрестился онъ три раза — и затѣмъ я его застрѣлилъ изъ винтовки.

— А больше ты никого не убивалъ?

— Больше изъ своихъ рукъ никого... и всегда

даже ругаль другихъ, ежели кто безъ надобности кровь проливалъ.

— Гдѣ жь ты приставалъ съ шайкой? — спросилъ Вихровъ.

— Да сначала хуторъ у одного барина пустой въ лѣсу стоялъ, такъ въ немъ мы жили; ну, такъ тоже спознали насъ тамъ скоро; мы перешли потомъ въ Жигулеву гору на Волгу; тамъ отлично было: спокойно! безопасно!

— Чѣмъ же?

— Тѣмъ, что ни съ которой стороны къ той горѣ подойти нельзя, а можно только водою подъѣхать, а въ ней пещера есть. Водой сейчасъ подъѣхали къ этой пещерѣ, лодку втащили за собой — и никто не догадается, что тутъ люди есть.

— Но и къ вамъ точно также водою могли подъѣхать?

— Тогда у насъ земляной ходъ былъ вырытъ, совсѣмъ въ другую сторону, и дерномъ закрытъ! тамъ насъ никогда не словили бы; сыро только очень было жить — и лихорадка со многими стала дѣлаться.

— Гдѣ же васъ поймали?

— Въ кабакъ! За виномъ всего въ третій разъ съ Сарапкой пришли — тутъ и захватили; а прочую шайку взяли ужъ по приказу отъ Сарапки: онъ имъ съ нищимъ рукавицу свою послалъ — и будто бы приказываетъ, чтобы они выходили въ такое-то мѣсто; тѣ и вышли, а тамъ солдаты были и переловили ихъ.

— Стало быть, онъ измѣнилъ вамъ?

— Извѣстнo ужъ, не поберегъ; меня было сна-

чада заставляли и розгами даже пугали, я сказалъ: «хоть въ жерло огненное бросьте, и тогда я того не съблаю, потому я всей шайкѣ клятву давалъ не выдавать ихъ николи».

— А Сарапка развѣ не давалъ?

— И Сарапка давалъ; оба начальника мы давали; ну, онъ тоже, видно, не побоялся Бога, а шкуры своей больше пожалѣлъ.

Вихровъ заинтересовался видѣть и Сарапку.

— А онъ приведенъ вмѣстѣ съ тобой? — спросилъ онъ.

— Приведенъ, — отвѣчалъ Гулливый: — въ передней тутъ стоитъ.

Вихровъ ведѣлъ ввести Сарапку.

Два солдата ввели эсаула. Это былъ горбатый мужиченко, съ бѣлокурой головой и бѣлокурой бородой, въ плечахъ широкій — и совсѣмъ почти безъ шеи.

— Ты силенъ? — спросилъ его Вихровъ.

— Ничего, силенъ! — отвѣчалъ ему Сарапка.

— А зачѣмъ ты въ разбойники пошелъ?

— Отъ бѣдности, въ кабалѣ большой былъ у хозяина.

— Ему бы лѣтъ сто отъ кабалы-то не отслужиться — онъ взялъ да и бѣжалъ, — объяснилъ за него Гулливый.

— Много ли ты душъ загубилъ? — продолжалъ его спрашивать Вихровъ.

Сарапка посмотрѣлъ на него изъ-подлобья.

— Я ужъ говорилъ-то-тко сколько, — произнесъ онъ.

Вихровъ заглянулъ въ дѣло.

— Тамъ сказано: двѣнадцать душъ, — проговорилъ Вихровъ.

— Ну, коли двѣнадцать, такъ — такъ!

— Вѣрно это?

— Вѣрно.

— Да ты не клепешь ли на себя, чтобы дольше сидѣть въ острогѣ?

— Нѣтъ, не клеплю, — отвѣчалъ Сарапка.

— Показалъ правильно, — подтвердилъ и атаманъ.

— Отъ чего же онъ столько перегубилъ — золь, что ли, онъ?

— Кто его знаетъ — золь ли больно али трусоватъ: оставь-ко кого въ живыхъ-то, такъ, пожалуй, и докажетъ потомъ; а ужъ мертвый-то не пикнетъ никому.

— Правда это? — переспросилъ Вихровъ Сарапку.

— Правда! — отвѣчалъ тотъ какъ-то сердито.

— Вотъ видите что-съ! — продолжалъ Вихровъ, снова начавъ разсматривать дѣло: — крестьянская жена Елизавета Петрова показываетъ, что она къ вамъ въ шайку ходила и знакомство въ вами вела: правда это или нѣтъ?

— Слышали мы, сударь, это, — началъ отвѣчать атаманъ: — сказывали, что бабенка какая-то болтаетъ это — и въ острогѣ, говорятъ, она содержится за то; но не помнимъ мы какъ-то того — хаживали точно къ намъ изъ разныхъ селеній женщины: которую грозой, а которую и деньгами къ себѣ мы прилучали; но чтобы Елизавета Петрова какая была, — не помнимъ.

— Ну, а ты не помнишь ли? — спросилъ Вихровъ Саранку.

— Нѣтъ, и я не помню тоже! — отвѣчалъ тотъ.

— А вамъ не показывали ее? — спросилъ Вихровъ уже атамана.

— Нѣтъ-съ, въ явь-то не показывали; можетъ, и признаемъ, какъ въ лицо-то увидимъ.

— Я вамъ ее покажу, когда отберу отъ нея показаніе; а вы выйдите пока!

Разбойники съ своими конвойными вышли внизъ въ избу, а вмѣсто ихъ другіе конвойные ввели Елизавету Петрову. Она весело и улыбаясь вошла въ комнату, занимаемую Вихровымъ; одѣта она была въ нанковую поддевку, въ башмаки; на головѣ у ней былъ новый, нарядный платокъ. Собой она была очень красивая брюнетка и стройна станомъ. Вихровъ велѣлъ солдату выйти и остался съ ней наединѣ, чтобы она была откровеннѣе.

— Сважи, пожалуйста, какъ ты попала въ это дѣло разбойничье? — спросилъ онъ ее.

— Тутъ чиновники вотъ то же были; я сама пришла къ нимъ и сказала, — отвѣчала она довольно бойко.

— Что же ты сказала?

— Что я съ разбойниками этими самыми въ знати была.

— Но они однако говорятъ, что не знаютъ тебя...

— А песъ ихъ знаетъ, пошто они это говорятъ.

— А ты утверждаешь, что ихъ знаешь?

— Утверждаю.

— Что съ обоими съ ними — съ атаманомъ и эсауломъ — даже была близка?

— Извѣстно...

— Стало быть, ты дурнаго поведенія?

— Какая ужь есть, такая и живу, — отвѣчала Лизавета, слегка улыгнувшись.

— Что же, у тебя есть мужъ?

— Мужъ есть и свекоръ, и свекровь.

— Можетъ быть, тебѣ жить у нихъ было плохо?

— Какое же плохо? такъ, какъ у всѣхъ бабъ, — отвѣчала Лизавета и какъ будто-бы сконфузилась при этомъ немного.

— А мужа ты любишь?

При этомъ вопросѣ Лизавета явно ужь покраснѣла.

— Люблю! — протянула она.

— А что онъ — старый али молодой?

— А кто его знаетъ — средственный.

— А собой красивъ?

— Ничего, — красивъ!

— Позовите атамана! — крикнулъ Вихровъ.

Черезъ нѣсколько мгновений вошелъ атаманъ.

Онъ сначала поклонился Лизаветѣ: лицо его явно выражало, что онъ ее не знаетъ. Она тоже ему поклонилась — и при этомъ слегка усмѣхнулась.

— Знаешь ты ее? — спросилъ Вихровъ атамана.

Тотъ еще нѣсколько времени пристально посмотрѣлъ на Лизавету.

— Никакъ нѣтъ-съ, сударь! — отвѣчалъ онъ.

— А она говоритъ, что тебя знаетъ, — сказалъ Вихровъ.

— Не знаю, гдѣ она меня знала, — отвѣчалъ атаманъ и пожалъ даже отъ удивленія плечами.

— Какъ же не знаю — знаю, — отвѣчала Лизавета съ несходящей съ устъ улыбкой.

— Знаетъ такъ, что и любовницей твоей была; была, вѣдь? — спросилъ Вихровъ Лизавету.

— Была-съ, — проговорила она — и при этомъ опять замѣтно сконфузилась.

— И любовницей даже была — здравствуйте, мое вамъ почтеніе! — произнесъ, шутя и съ удивленіемъ, атаманъ.

— Что же, не была? — спросилъ его Вихровъ.

— Какое, сударь, помилуйте! какъ же она любовницей моей могла быть, коли я и не видывалъ ее?

— Нѣтъ, врешь, шалишь, видывалъ! — подхватила бойко Лизавета.

— Ну, гдѣ же я тебя видывалъ, гдѣ? — началъ какъ-бы увѣщевать ее атаманъ: — я, дура ты экая, въ душегубствѣ повинился; пожалѣлъ-ли бы я тебя оговорить, какъ бы только правда это была?

Лизавета слушала его, стоя отвернувшись къ огню и смотря на улицу.

— Позовите теперь Сарапку, — сказалъ Вихровъ, чтобы съ обоними разбойниками дать Лизаветѣ очную ставку.

Тотъ вошелъ и никакого, въ противоположность атаману, вниманія не обратилъ на Лизавету.

— Ты знаешь ее? — спросилъ его Вихровъ.

— Нѣтъ, — отвѣчалъ Сарапка, не глядя на Лизавету.

— Вотъ, видишь, и этотъ говорить, что тебя не знаетъ.

— Да хоть бы они всё говорили, — не сказываютъ — запираются.

Атаманъ усмѣхнулся.

— Есть намъ изъ-за чего запираяться-то, — началъ онъ: — ну, коли ты говоришь, что у насъ была, — гдѣ же ты у насъ была?

— Въ лѣсу! — отвѣчала Лизавета.

— Да, вѣдь, лѣсъ великъ! кое мѣсто въ лѣсу?

— На хуторѣ барскомъ!..

Атаманъ съ удивленіемъ пожалъ плечами, а Саранка при этомъ только изъ-подлобья на нее взглянула.

— Что жъ ты дѣлала у нихъ? — спросилъ ужь ее Вихровъ.

— Пила, разговаривала съ ними.

— О чемъ?

— Они спрашивали, кои у насъ мужики богаты чтобы ограбить ихъ; я имъ сказывала.

— А они что тебѣ рассказывали?

— Рассказывали, что бабу около нашего селенья убили.

— Было это? — спросилъ Вихровъ атамана.

— Было, точно-съ. Вонъ онъ и убилъ! — отвѣчалъ атаманъ, показывая головой на Саранку.

— Такъ ты стоишь на своемъ, что была съ разбойниками въ согласіи? — спросилъ Вихровъ Лизавету.

— Стою, — отвѣчала та.

— А вы стойте — что не была? — прибавилъ онъ разбойникамъ.

— Стоимъ-съ, — отвѣчалъ атаманъ.

— Ну, хорошо, — сказалъ Вихровъ, и разбойниковъ велѣлъ опять вывести, а Лизавету оставить. Нѣсколько времени онъ смотрѣлъ ей въ лицо: она стояла и какъ-бы усмѣхалась.

— Послушай, — началъ онъ: — зачѣмъ ты наговариваешь на себя? Если ты мнѣ не скажешь причины тому, я сейчасъ же тебя изъ острога выпущу — и отъ всякаго дѣла освобожу.

Лизавета поблѣднѣла.

— Да какъ же вы меня выпустите, коли я сама говорю?

— Это ничего не значить: твои слова не подтверждаются.

— А коли скажу, вы не выпустите меня? — спросила Лизавета.

— Если скажешь, не выпущу!

— Мнѣ въ Сибирь хочется уйти — вотъ зачѣмъ! — отвѣчала Лизавета — и у нея вдругъ наполнились глаза слезами.

— Зачѣмъ же тебѣ въ Сибирь уйти хочется?

— Чтобы съ мужемъ не жить!

— А ты не любишь его?

— Нѣтъ, по неволѣ я выдана.

— Ну, да ты такъ бы куда-нибудь отъ него отпросилась.

— Не пускаетъ, все лѣзетъ ко мнѣ: вотъ и въ острогъ теперь все ходитъ ко мнѣ. А что, сударь, коли я въ Сибирь уйду, онъ никогда уже не можетъ меня къ себѣ воротить?

— Никогда.

Лицо Лизаветы окончательно просіяло.

— И ты твердо и непремѣнно рѣшилась уйти отъ него?

— Еще бы не твердо, а не то руки на себя наложу.

— И никогда не раскаешься въ томъ, что сдѣлала это?

— Николи! Миѣ вотъ говорятъ, что наказывать меня будутъ, — да пусть себѣ наказываютъ: лучше временное претерпѣть мученіе, чѣмъ весь вѣкъ маяться.

Вихровъ пожалъ плечами и сталъ ходить по комнатѣ.

— Вотъ видишь, — началъ онъ: — я не имѣю права этого сказать; но ты сама попроси атамана, чтобы онъ тебя оговорилъ: я васъ оставлю съ нимъ вдвоемъ.

Сказавъ это, онъ снова велѣлъ ввести атамана, а самъ, будто бы случайно, вышелъ въ другую комнату.

Онъ слышалъ, что Лизавета что-то долго и негромко говорила атаману; а когда наконецъ разговоръ между ними совершенно прекратился — онъ вошелъ къ нимъ. Лицо у Лизаветы было заплакано, а атаманъ стоялъ и грустно усмѣхался.

— Что вы — столковались-ли? — спросилъ Вихровъ.

— Да теперь точно что, — отвѣчалъ атаманъ съ прежней усмѣшкой: — припомнилъ: она была у насъ.

— И вѣсти вамъ давала?

— Давала и вѣсти.

— И вы ей о разбояхъ разсказывали?

— Разсказывали.

— И ты начальству о томъ никому не объявляла?

— Не объявляла-съ, — отвѣчала Лизавета.

Вихровъ все это записалъ.

— Ну, теперь крѣпко, — смотри прибавилъ онъ Лизаветѣ: — не раскайся и не попѣнай послѣ на насъ.

— О, нѣтъ-съ, сударь, какъ это возможно! — возразила Лизавета: — благодарю только покорно!.. Благодарю и васъ оченно! — прибавила она уже съ нѣкоторымъ кокетствомъ и атаману.

Тотъ покачалъ только головой.

— Баба-то что оно значить, удивительная вещь — право! — проговорилъ онъ.

Отпустивъ затѣмъ разбойниковъ и Лизавету, Вихровъ подошелъ къ окну и неволью началъ смотрѣть — какъ конвойные, съ ружьями подъ прикладъ, повели ихъ по площади, наполненной, по случаю базара, народомъ. Лизавета шла весело и даже какъ бы нѣсколько гордо. Атаманъ былъ задумчивъ и только повременамъ поворачивалъ то туда, то сюда голову свою къ народу. Сарапка шелъ потупившись, и ни на кого не смотрѣлъ.

Всѣмъ имъ народъ безпрестанно подавалъ: кто копѣйку, кто калачъ. Гарнизонные солдаты шли за преступниками, ковыляя и заплетаясь своими старческими ногами.

XVII.

В ѣ г у н ы .

Дня черезъ три Вихровъ опять уже ѣхалъ по новому порученію, въ тарантасъ, съ непремѣннымъ членомъ земскаго суда.

Губернаторъ послалъ его въ этотъ разъ на довольно даже опасное порученіе: помощникъ его, непремѣнный членъ суда (самъ исправникъ схитрилъ и сказался больнымъ), былъ очень еще молодой чело-

вѣкъ, съ оловянными, тусклыми глазами и съ отвислыми губами.

— Лѣсъ этотъ, гдѣ мы будемъ отыскивать бѣгуновъ, большой? — спросилъ его Вихровъ.

— Большою-съ, я думаю-съ! — просюсюкалъ членъ суда.

— Что жь, намъ надобно будетъ взять народу, мужиковъ?

— Возьмемъ-съ, я сбѣгаю-съ.

Вихровъ больше и говорить съ нимъ не сталъ, видя, что какого-нибудь совѣта полезнаго отъ него получить не было возможности: чѣмъ болѣе они потомъ начали приближаться къ мѣсту ихъ назначенія, тѣмъ лѣсистѣе дѣлались окрестности; селеній было почти не видать, а все пошли какія-то ровныя поляны, кругомъ коихъ по всему горизонту шелъ лѣсъ, а сверху виднѣлось небо.

— Ты Поярково-то самое знаешь? — спросилъ Вихровъ кучера, посмотрѣвъ въ предписаніе, въ которомъ было сказано, что бѣгуны укрываются въ лѣсахъ близъ деревни Поярково.

— Знаю-съ, — отвѣчалъ тотъ.

— Подѣхавъ къ селенію, — продолжалъ ему приказывать Вихровъ, — ты остановись у околицы; а вы сходите и созовите понятыхъ и приведите ихъ ко мнѣ, — обратился онъ къ члену суда.

— Слушаю-съ, — отвѣчалъ тотъ.

Кучеръ у первой же попавшейся на дорогѣ и очень большой деревни остановилъ лошадей.

— Вотъ и Поярково! — сказалъ онъ, обращаясь къ Вихрову.

— Я пойду-съ теперь, — сказалъ непремѣнный

членъ и какъ-то ужасно неловко вылъзъ изъ тарантаса. Когда онъ всталъ на ноги, то оказалось (Вихровъ до этого видѣлъ его только спящимъ)... оказалось, что онъ былъ необыкновенно худой, высокій, въ какой-то длинной-предлинной ваточной шинели, надѣтой въ рукава и подпоясанной шерстянымъ шарфомъ; уши у него были тоже подвязаны, а на рукахъ надѣты зеленыя замшевыя перчатки; фамилія этого молодого человѣка была Мѣлковъ; онъ былъ маменькинъ сынокъ, поучился немного въ корпусѣ, оттуда она по разстроенному здоровью его взяла назадъ, потомъ онъ жилъ у нея все въ деревнѣ — и въ послѣднюю баллотировку его почти изъ жалости выбрали въ члены суда. Настоящее служебное порученіе было первое еще въ жизни для него. Выскочивъ изъ тарантаса, онъ побѣжалъ въ деревню — и только-что появился въ ней, какъ на него со всѣхъ сторонъ понеслись собаки. Отмахиваясь отъ нихъ своими длинными рукавами, онъ закричалъ; но собаки еще пуще на него накинулись — и одна изъ нихъ, болѣе другихъ смѣлая, стала хватать его за шинель и разорвала ее. Мѣлковъ закричалъ благимъ матомъ, и вскочивъ потомъ, какъ сумасшедшій, на скатъ лѣсу, началъ оттуда ругаться:

— Черти, дьяволы! выпустили вашихъ собакъ, уймае ихъ — говорятъ вамъ!

Находившіяся на улицѣ бабы уняли наконецъ собакъ; а Мѣлковъ, потребовавъ огромный колъ, только съ этимъ орудіемъ слѣзъ съ бревна и пошелъ по деревнѣ. Вихровъ тоже вылъзъ изъ тарантаса и сталъ осматривать пистолеты свои, которые онъ

взялъ съ собой, такъ какъ въ земскомъ судѣ ему прямо сказали, что порученіе это не безопасно.

Мѣлковъ, впрочемъ, не заставилъ себя долго ждать. Онъ собралъ человѣкъ двадцать мужиковъ, вызвалъ сотскаго и со всей этой багагой шелъ къ Вихрову, продолжая все ругаться:

— Дьяволы экіе, завели какихъ собакъ; я вотъ всѣхъ васъ въ судъ представлю!

— Вотъ-съ, привелъ, — сказалъ онъ, подходя къ Вихрову. — Это вотъ губернаторскій чиновникъ, — сказалъ онъ мужикамъ.

Сотскій и всѣ мужики сняли при этомъ ейчасъ же шапки. Макушки на головахъ у всѣхъ у нихъ оказались выстриженными.

— Въ лѣсу около вашего селенья, — началъ Вихровъ, обращаясь къ мужикамъ: — проживаютъ и скрываются бѣгуны-раскольники безъ паспортовъ, безъ видовъ; правительство не желаетъ этого допускать — и потому вы должны пособить намъ переловить всѣхъ ихъ.

Мужики нѣкоторое время молчали — и только одинъ или двое изъ нихъ произнесли неполнымъ голосомъ:

— Здѣсь словно бы никакихъ бѣгуновъ не проживаетъ.

— А вотъ это мы увидимъ, когда осмотримъ лѣсъ, — сказалъ Вихровъ. — Сотскій, ты долженъ лучше всѣхъ знать: есть здѣсь слухъ о какихъ-нибудь бѣгунахъ? — обратился онъ вдругъ къ сотскому.

Тотъ, стоя все еще съ непокрытой головой, покраснѣлъ весь при этомъ.

— Нѣтъ, ваше благородіе, не слышали мы, — произнесъ онъ съ дрожащими губами.

— Ну, я по лицу твоему вижу, что ты слыхалъ, — сказалъ ему Вихровъ и затѣмъ обратился въ Мѣлкову: — есть съ вами какое-нибудь оружіе?

— А вотъ-съ — коль! — отвѣчалъ тотъ, показывая на коль свой, который онъ все еще держалъ въ рукахъ.

— Ну, это еще не защита, вотъ вамъ лучше пистолеть, — произнесъ Вихровъ, подавая ему пистолеть, и при этомъ не безъ умыслу показалъ мужикамъ и свой пистолеть.

Нѣкоторые мужики почесали при этомъ у себя затылки.

— Ежели вы намъ не поможете и ежели что съ нами случится, — продолжалъ Вихровъ, относясь къ мужикамъ: — вы всѣ за то отвѣтите — и потому въ этомъ случаѣ берегите не насъ, а себя!

Мужики молчали.

Вихровъ велѣлъ сотскому показывать дорогу и пошелъ. Мѣлковъ, — очень слабый, какъ видно, — на ногахъ, слѣдуя за нимъ, безпрестанно запинался. Мужики шли сзади ихъ. Время, между тѣмъ, было далеко уже за полдень. Подойдя къ лѣсу, Вихровъ рѣшился раздѣлить свои силы.

— Послушайте, — сказалъ онъ Мѣлкову: — вы съ половиной понятыхъ осмотрите правую сторону лѣса, а я съ остальными — лѣвую.

— Слушаю-съ, — отвѣчалъ тотъ, какъ-то ужасно глупо держа въ рукѣ, одѣтой въ зеленую замшевую перчатку, пистолеть.

— У васъ палець не пролѣзеть сквозь скобку

пистолета — и вамъ стрѣлять будетъ нельзя, — сказалъ ему Вихровъ.

— Да-съ, виноватъ-съ, — отвѣчалъ тотъ и поспѣшилъ губами снять перчатку, положилъ ее въ карманъ, а пистолетъ взялъ уже голою рукою.

Всѣ тронулись наконецъ.

Сотскій пошелъ около Вихрова — попрежнему, безъ шапки. Онъ замѣтно его притруживалъ. Вихровъ посмотрѣлъ на него и вздумалъ этимъ настроеніемъ его воспользоваться.

— Ежели ты меня не приведешь прямо къ тому мѣсту, гдѣ живутъ бѣгуны, я тебя въ лѣсу же убью изъ этого пистолета, — проговорилъ онъ ему негромко.

— Да я покажу-съ, миѣ что, — отвѣчалъ тоже негромко сотскій и повелъ, какъ видно, очень знакомой ему дорогой.

Въ самой срединѣ лѣса они подошли къ небольшому шалашу.

— Вотъ туто-твое-съ! — сказалъ сотскій, повазывая Вихрову на шалашъ.

— За мной, сюда! — сказалъ тотъ мужикамъ — и самъ первый вошелъ или, лучше сказать, спустился въ шалашъ, который сверху представлялъ только какъ бы одну крышу; но подъ нею была выкопана довольно просторная яма или скорѣй комната, стѣны которой были обложены тесомъ, а свѣтъ въ нее проходилъ сквозь небольшія стеклышки, вставленные въ крышу. Сходъ шелъ по небольшой лѣсенкѣ; передняя стѣна комнаты вся уставлена была образами, передъ которыми горѣли три лампы; на правой

сторонѣ на лавкѣ сидѣлъ ветхій старикъ, а у лѣвой стѣны стояла ветхая старушка.

— Что вы тутъ дѣлаете? — спросилъ Вихровъ, почти не зная, съ чего ему начать.

— Молимся мы здѣсь, — отвѣчалъ старикъ, вставая передъ нимъ.

— Что же, ты давно здѣсь живешь? — спросилъ Вихровъ, все еще находившійся въ недоумѣннн, что ему дѣлать.

— Пятый годъ, — отвѣчалъ старикъ.

Изъ мужиковъ въ шалашъ сошелъ только одинъ сотскій.

— За чѣмъ же ты тутъ живешь? — продолжалъ Вихровъ спрашивать старика.

— Гдѣ же мнѣ жить-то? кому я теперь надобенъ? — отвѣчалъ старикъ.

— А это — жена твоя? — спросилъ Вихровъ, показывая на старуху.

— Нѣтъ, — отвѣчалъ старикъ, отрицательно покачавъ головой.

— Кто же ты такая? — спросилъ Вихровъ и старушку.

— Страница, судырь, я.

— А здѣсь давно-ли?

— Да вчерашняго дня вотъ зашла къ старику.

— За чѣмъ же ты зашла къ нему?

— Онъ, судырь, учитель мой старинный; зашла спросить у него, куда мнѣ идти... я еще темная.

— А онъ — зрячій?

— Онъ ужъ, судырь, давно въ искусъ пребываетъ.

— Ты откуда же родомъ, дѣдушка? — спросилъ Вихровъ опять старика.

— Не помню я; давно ужъ это было, какъ я ушелъ изъ дому, — отвѣчалъ старикъ угрюмо.

— Зачѣмъ же ты ушелъ собственно?

— По священному писанію: оставить человѣкъ отца и мать свою и грядеть по мнѣ, — отвѣчалъ старикъ.

Вихровъ рѣшительно недоумѣвалъ — какъ взять этихъ стариковъ.

— Ну, я васъ долженъ взять отсюда, — проговорилъ онъ наконецъ, собравшись съ духомъ.

— Что же, берп, ежели мы нады кому, — отвѣчалъ старикъ съ усмѣшкой.

— Пойдемъ, старушка, и ты, — сказалъ Вихровъ старухѣ.

— Слушаю-сь, — отвѣчала та, и все они вышли изъ шалаша.

— Прикажете ихъ связать? — спросилъ сотскій.

— Свяжи! — сказалъ ему Вихровъ и старался не глядѣть на стариковъ.

Мужики изъ селенья стояли молча — и мрачно смотрѣли на все это. Сотскій связалъ руки старику своимъ кушакомъ, а старухѣ — своимъ поясомъ.

Въ это время вдругъ раздакъ недалеко выстрѣлъ; мужики сейчасъ же обернулись въ ту сторону. Вихровъ тоже взмахнулъ глазами туда; затѣмъ раздакъ крикъ и трескъ сучьевъ — и вскорѣ появился между деревьями бѣгущій непремѣнный членъ. Вслѣдъ за нимъ подходили и понятые, сопровождавшіе его.

— Меня было зарѣзали! — кричалъ Мѣлковъ.

— Кто зарѣзалъ? — спросилъ Вихровъ.

— Солдатъ, должно быть, бѣглый; я пошелъ и землянку тутъ нашелъ, а онъ выскочилъ оттуда прямо на меня съ ножомъ; я только что пистолетомъ отборонился и побѣжалъ, а эти черти, — прибавилъ онъ, указывая на мужиковъ, — хоть бы одинъ пошевелился — стоять только.

— Это что еще значитъ?— кто у васъ еще тутъ проживаетъ и кому вы пристанодержательствуете? — обратился Вихровъ строго къ мужикамъ: — говорить сейчасъ-же, а не то всѣ вы отвѣчать за то будете!

— Это точно что наслышаны мы были, что тутъ проживаетъ бѣглый солдатъ, — отвѣчалъ одинъ мужикъ.

— Отчего же вы не доносили о томъ начальству?— спросилъ Вихровъ.

— Гдѣ же доносить-то: донеси на него, онъ и селенье, пожалуй, выжжетъ.

— Поймайте его и представьте — онъ и не можетъ вамъ повредить.

— Его поймашь, другой на мѣсто его придетъ и оплатитъ намъ за него. Мы боимся того — вся ваша воля, — продолжали говорить мужики.

— Стало быть, тутъ у васъ постоянный притонъ?

— Да, можетъ быть, и постоянный, кто его знаетъ!... Начальство ужь само смотри за тѣмъ, мы ему не сторожа на то!... — подхватилъ другой мужикъ.

— Намъ только отъ нихъ — дѣла да безпокойство, — продолжалъ первый мужикъ.

— Да какъ-же, паря!... Немало чиновниковъ-то набъзжаетъ, словно орды какой!... — произнесъ первый мужикъ.

Вихровъ очень хорошо видѣлъ, что всѣ мужики были страшно озлоблены, а потому онъ счелъ за лучшее прекратить съ ними всякій разговоръ.

— Ну, веди этихъ стариковъ, — сказалъ онъ сотскому.

Тотъ повелъ.

Вихровъ и непремѣнный членъ пошли за нимъ. Мужики съ мрачными лицами тоже шли за ними.

Старикъ раскольникъ началъ хромать на одну ногу, нотомъ сгорбился, тяжело дыша, вѣмъ станомъ.

Вихровъ не утерпѣлъ и спросилъ его:

— Что такое, старикъ, съ тобой?

— Умираю, ваше благородіе, вѣдь девяносто пятый годъ тоже живу.

— Да что же ты чувствуешь?

— У сердца схватило, ручки ломить, дыханье сперло, — говорилъ старикъ — и дыханье у него въ самомъ дѣлѣ прерывалось.

— Ну, развяжи ему скорѣй руки! — воскликнулъ Вихровъ.

Сотскій сейчасъ и съ замѣтнымъ удовольствіемъ развязалъ его. Вихровъ въ это время оглянулся, чтобы посмотрѣть, какъ старуха идетъ; та шла покойно. Вихровъ хотѣлъ опять взглянуть на старика, но того ужъ не было...

— Гдѣ же старикъ? — спросилъ онъ.

— Тутъ за кусты, надо быть, зашелъ, — отвѣчалъ сотскій.

— Какъ, ушелъ за кусты! — ищи его скорѣй.

Сотскій зашелъ за нѣкоторые кусты.

— Нѣтъ его тутъ! — проговорилъ онъ.

— Ищите же вы всё!— воскликнулъ Вихровъ мужикамъ.

— Гдѣ же тутъ его искать? Темно становится— и дѣсь-то великъ,— отвѣчали тѣ въ одинъ почти голосъ и явно-насмѣшливымъ тономъ.

Солнце въ самомъ дѣлѣ уже сѣло — и начинались сумерки. Вихровъ очень хорошо понималъ, что онъ былъ одураченъ,— и вышелъ изъ себя отъ этого.

— А когда вы такъ, то я васъ всѣхъ посажу за него въ острогъ, обратился онъ къ мужикамъ: — я знаю, что если вы сами не странники, то странно-пріимники,— это все равно.

При этомъ лица у мужиковъ у всѣхъ немного сконфузились.

Покуда все это происходило, вся гурьба уже подошла къ деревнѣ.

— Собакъ вашихъ уберите, а не то я ихъ всѣхъ— кодомъ!— закричалъ вдругъ Мѣлковъ.

Сотскій побѣжалъ впередъ убирать собакъ.

Вихровъ, съ своей оставшейся странницей и въ сопровожденіи Мѣлкова, вошелъ въ ближайшую избу. Было уже совсѣмъ темно. Хозяйка въ этомъ домѣ— и должно быть, дѣвка, а не баба,— засвѣтила огонь. Вихровъ подмѣтилъ, что она съ приведенной странницей переглянулась и даже онѣ поклонились другъ другу.

— Какъ тебя зовутъ?— началъ онъ спрашивать старуху.

— Матреной.

— А по отчеству?

— Не помню, не знаю.

— А замужняя или дѣвица?

— Дѣвица.

Въ это время хозяйка подошла поправить лучину въ свѣтцѣ.

— Ой, батюшки, окаянная, обожгла какъ руку-то! воскликнула она вдругъ, и въ ту же минуту горящая лучина выпала у нея изъ рукъ и погасла. Въ избѣ сдѣлалась совершенная темнота.

— Огня скорѣй засвѣчайте! — воскликнулъ Вихровъ, не сомнѣваясь уже болѣе, что это опять была придуманная штука. Онъ слышалъ, какъ дѣвка хозяйка подошла къ шестку, неторопливо тамъ стала присѣкать огня къ тряпочному труту и зажгла объ него сѣрную спичку, а отъ нея зажгла и лучину; изба снова освѣтилась. Вихровъ окинулъ кругомъ себя глазами, старухи уже передъ нимъ не было.

— Гдѣ старуха? и она убѣжала? — воскликнулъ онъ испуганнымъ и бѣшенымъ голосомъ.

Въ избѣ, кромѣ его, Мѣлкова и дѣвки-хозяйки, никого не было.

— Гдѣ старуха? — ревѣлъ Вихровъ: — ты сказывай! — обратился онъ къ дѣвкѣ хозяйкѣ.

— Да я почему знаю? — я не стерегла ее.

Вихровъ едва совладѣлъ съ собой; онъ видѣлъ, что вся деревня была пристанодержатели бѣгуновъ — и ему оставалось одно: написать обо всемъ этомъ постановленіе, что онъ и сдѣлалъ — и потребовалъ всѣхъ понятыхъ, сотскаго и хозяйку, чтобы они приложили руки къ этому постановленію.

Понятые, хозяйка и сотскій поглядѣли сначала другъ на друга и потомъ прежній же мужикъ проговорилъ:

— Нѣтъ, мы рукоприкладствовать не станемъ.

— Почему же?

— Такъ, по вѣрѣ нашей намъ прикладывать тутъ руку нечего.

— Отчего же другіе раскольники прикладываютъ руки — ты, стало быть, признаешь это за печать антихриста?

— Печать антихристова! — проговорилъ усмѣхаясь, мужикъ: — извѣстно! — прибавилъ онъ что-то такое.

— Такъ вы рѣшительно не прикладываете руку? — спросилъ Вихровъ.

— Нѣту-ти, — отвѣчали все почти въ одинъ голосъ.

У Вихрова въ это мгновеніе мелькнула страшная въ головѣ мысль: подозвать къ себѣ какого-нибудь мужика, приставить ему пистолетъ ко лбу и заставить его приложить руку — и такъ пройти всехъ мужиковъ; ну, а какъ который-нибудь изъ нихъ не приложить руки, надобно будетъ спустить курокъ: у Вихрова кровь даже при этомъ оледенѣла, волосы стали дыбомъ.

— Уходите все отсюда скорѣй! — проговорилъ онъ негромко мужикамъ, но голосъ его вѣроятно былъ такъ страшенъ, что тѣ, толкая даже другъ друга, стали поспѣшно выходить изъ избы.

Вихровъ за тѣмъ, все еще продолжавшій дрожать, взглянулъ на правую сторону около себя и увидѣлъ лежавшій пистолетъ; онъ взялъ его и сейчасъ же разрядилъ, потомъ онъ взглянулъ въ противоположную сторону и тамъ увидѣлъ невиннѣйшее зрѣлище: Мѣлковъ спокойнѣйшимъ и смирен-

нѣйшимъ образомъ сидѣлъ на лавкѣ и игралъ съ маленькимъ котенкомъ. Вихрова взбѣсило это.

— Что же вы тутъ сидите и ничего не дѣлаете? — сказалъ онъ ему презрительнымъ тономъ.

Мѣлковъ сейчасъ же вскочилъ на ноги и робко вытянулся передъ нимъ.

— Достаньте по крайней мѣрѣ ѣсть: я ѣсть смертельно хочу! — проговорилъ Вихровъ, въ самомъ дѣлѣ ничего не ѣвшій съ утра.

— Дай поѣсть чего-нибудь! — отнесся Мѣлковъ несмѣло къ хозяйкѣ.

— Чего дать-то? у насъ ничего нѣтъ.

— Какъ ничего нѣтъ? яйца есть, молоко есть!

— Нѣту у насъ ничего того, — отвѣчала дѣвка.

— Ну хоть хлѣбца дай! — упрашивалъ ее Мѣлковъ.

— И хлѣба нѣтъ! — остался послѣ обѣда, да свиньямъ бросили!

— Вѣдь мы у тебя не даромъ, а за деньги просимъ, — толковалъ ей Мѣлковъ.

— Что мнѣ ваши деньги! развѣ я не видывала денегъ? — отвѣчала дѣвка.

У Вихрова вся кровь подступила къ головѣ отъ гнѣва; онъ вдругъ сталъ на ноги.

— Дай зажженную лучину, — сказалъ онъ хозяйкѣ.

Та подала ему.

— Я самъ себя найду пищу; идите за мной! — прибавилъ онъ Мѣлкову и вслѣдъ за тѣмъ пошелъ въ голбець.

Освѣтивши всю мѣстность, тамъ онъ увидѣлъ оригинальное зрѣлище; на земляномъ полу были раз-

биты и выпущены сотни три яицъ, и стоялъ огромной лужей квасъ; даже рубленая капуста была вся раскидана.

— Здѣсь ужъ все ноубрали! — проговорилъ онъ, возвращаясь изъ голбца, и съ той же зажженной лучиной перешелъ въ другую избу, и тамъ прямо прошелъ въ голбець, гдѣ нашелъ почти то же самое — съ тою только разницею, что яйца были перебиты въ квасу и тамъ распущены. Остальныя избы освидѣтельствовать Вихровъ послалъ уже Мѣлкова. Тотъ недолгъ возвратился и былъ какъ-то сконфуженъ: съ волосъ и съ картуза у него что-то такое текло.

— Тамъ тоже такъ! вездѣ всѣ яйца перебиты.

— Но въ чемъ вы всѣ перемочены? — спросилъ его Вихровъ.

— Облили чѣмъ-то, дьяволы, я иду по снѣжамъ въ тѣни, вдругъ облили помоями, сто-ли-то... «Дьявущка, говоритъ, не видала и выдила на голову», — ишь какая! бормоталъ непремѣнный членъ.

Вихровъ и объ этомъ написалъ постановленіе.

XVIII.

Помѣщикъ Кноповъ.

Герой мой до такой степени разсердился на юарковскихъ раскольниковъ за ихъ коварство и изувѣрство, что не въ состояніи даже былъ остаться ночевать въ этомъ селеніи.

— Поѣдьте куда-нибудь въ другую деревню! — сказалъ онъ непремѣнному члену.

— Поѣдемте-съ! — отвѣчалъ тотъ покорно; но когда они сѣли въ тарантасъ, онъ проговорилъ неслѣдо:

— Къ дяденькѣ бы моему Петру Петровичу Кнопову заѣхать.

— Къ Кнопову?.. — повторилъ Вихровъ: — это къ остряку здѣшнему?

— Да, — отвѣчалъ Мѣлковъ.

Вихровъ давно уже слыхалъ о Кноповѣ и даже видѣлъ его нѣсколько разъ въ клубѣ: это былъ громаднѣйшій мужична, великій зубоскалъ, раскащикъ— и принадлежалъ къ тѣмъ русскимъ богатырямъ, которые гнутъ кочерги, разбиваютъ подковы, могутъ съѣсть за разъ три обѣда: постный, скоромный и рыбный, что и дѣлаютъ они обыкновенно на первой недѣлѣ въ клубахъ, могутъ выпить вина сколько угодно. Приѣзжая изъ деревни въ губернскій городъ, Петръ Петровичъ прямо отправлялся въ клубъ, гдѣ сейчасъ же около него собиралась пріятельская компанія; онъ начиналъ пить ѣсть, острить и снова пить. Не ограничиваясь этимъ, часовъ въ 12-ть онъ вставалъ и проговаривалъ дѣтскимъ голосомъ: «Пуа!» Это значитъ— со всей компаніей ѣхать въ другія увеселительныя заведенія пить. Во всѣхъ этихъ случаяхъ Петра Петровича никто и никогда не видалъ говорящимъ или дѣлающимъ какія-нибудь глупости—и даже очень утомленнымъ: бодро ованчивалъ онъ проведенные такимъ образомъ вечера, и бодрымъ и свѣжимъ просыпался онъ и на другой день. Въ молодости Петръ Петровичъ былъ гусарь, увезъ себѣ жену по страсти, очень ее любилъ, — но она умерла, и онъ жилъ теперь

вдовцомъ, посмѣиваясь и зубоскала надъ всѣмъ Божимъ міромъ.

Вихрову даже пріятно было заѣхать къ этому умному, веселому и, какъ слышно было, весьма честному человѣку; но кучеръ что-то по поводу этого намножко уперся. Получивъ отъ барина приказанье ѣхать въ усадьбу къ Кинопову, онъ не хотя взлѣвъ на козлы и тихо поѣхалъ по деревнѣ.

— Темненька ночь-то ѣхать, — проговорилъ онъ.

— Да хоть голову сломить, а ѣхать надо! — сказалъ ему Вихровъ.

— Зачѣмъ голову ломать, Богъ дастъ доѣдемъ и такъ, — отвѣчалъ кучеръ. Онъ былъ довольно еще молодой малый и, по кучерской тогдашней модѣ, съ усами, но безъ бороды.

Нѣжнолюбивая мать Мѣлкова держала для сына крѣпкій экипажъ и хорошихъ лошадей — и еще болѣе того беспокоилась, чтобы кучеръ былъ у него не пьяница, умѣлъ бы ѣздить и не выпрокинулъ бы какъ-нибудь барчика, — и кучеръ въ самомъ дѣлѣ былъ отличный!

— Хорошо, что я фонарь съ собой захватилъ, а то тутъ будетъ Федюкинская гора, — говорилъ онъ, ѣдучи шагомъ.

Впереди почти ужъ ничего было не видать.

— Что же, она опасна, что-ли? — спросилъ Вихровъ.

— Днемъ-то ничего, а теперь тоже ночь, — отвѣчалъ кучеръ: — одна-то сторона у нея — косогоръ, а съ другой-то — оврагъ; маленько не потрафишь, пожалуй, и слетишь въ него.

— Тагъ-какъ же мы проѣдемъ?

— Я фонарь засвѣчу и пойду около оврага; а вы шагкомъ и поѣзжайте.

— У насъ лошади-то въ какую хочешь темь идутъ, словно человѣкъ понимаютъ, — вмѣшался въ разговоръ Мѣлковъ.

— Что человѣкъ-то?.. Другой человѣкъ глупѣй лошади, — пояснилъ и кучеръ, и врядъ ли въ этомъ случаѣ не разумѣлъ своего барина.

Проѣхали такимъ образомъ верстъ семь.

— Ну, вотъ и гора! — сказалъ наконецъ кучеръ и за тѣмъ слѣзъ съ козелъ, шаркнулъ спичку, засвѣтилъ ею въ фонарѣ свѣчку и пошелъ впередъ.

— Вы поправьте лошадьми-то, — сказалъ онъ Вихрову. — Нашъ-то баринъ не очень на это складенъ, — прибавилъ онъ уже вполголоса. Поѣхали. Вихровъ, взглянувъ впередъ, невольно обмеръ: гора была крутѣйшая и длиннѣйшая; съ одной стороны какъ стѣна какая шелъ косой склонъ ея, а съ другой какъ пропасть бездонная зіялъ оврагъ. Кучеръ шелъ около самага краюшка оврага; лошади, несмотря на крутѣйшій спускъ, — несмотря на то, что колеса затормозить у тарантаса было нечѣмъ, — шагкомъ слѣдовали за нимъ. Коренная вся сидѣла въ хомутѣ, и, какъ бы охраняя какое сокровище, упралась всеми четырьмя ногами, чтобы удержать напоръ экипажа; претяжныя шли съ совершенно ослабленными постромками. Кто выучилъ и кто заставлялъ этихъ умныхъ животныхъ такъ дѣлать — неизвѣстно, потому что Вихровъ держался только за возжи, но шевелить ни одной пзъ нихъ не смѣлъ. Юный членъ суда дремалъ въ это время. Когда на-

конецъ спустились съ горы, Вихровъ вздохнулъ по-свободнѣе. Кучеръ тоже былъ доволенъ.

— Теперь только, дай Богъ, въ гору взобраться, — сказалъ онъ, не садясь еще на козлы.

— А что — крута тоже? — спросилъ Вихровъ.

— Крутѣй эгой, — отвѣчалъ кучеръ, идя около тарантаса. — Потрогивайте маненько лошадей-то, — сказалъ онъ.

Вихровъ тронулъ.

Лошади сейчасъ же побѣжали, а кучеръ побѣжалъ за тарантасомъ. Лошади, чѣмъ крутѣй становилась гора, тѣмъ шибче старались бѣжать — хоть видно было, что это имъ тяжело; пристяжныя скосились даже всѣ впередъ, до того онѣ тянули построжки; а коренная безпрестанно растопыривала заднія ноги, чтобы упираться ими. Кромѣ крутизны — тарантасъ надобно было еще перетаскивать черезъ огромные камни.

— Только грѣшникамъ вбѣгать въ эту гору, — говорилъ кучеръ, поспѣвая бѣгомъ за тарантасомъ и неся въ одной рукѣ фонарь, а въ другой — огромный колъ.

— Ну, ну, матушки, вытягивайте! — говорилъ онъ лошадямъ.

Тѣ наконецъ сдѣлали послѣднее усиліе и остановились. Кучеръ сейчасъ же въ это время подложилъ подъ колеса колъ и не далъ имъ двигаться назадъ. Лошади минутъ съ пять переводили дыханіе и затѣмъ — только-что кучеръ крикнулъ: «ну, ну, матушки!» — снова потянули и даже побѣжали, и наконецъ тарантасъ остановился на ровномъ мѣстѣ.

— Тпру! — произнесъ самодовольно кучеръ.

— Слава тебѣ Господи! — подхватилъ и Вихровъ.

Кучеръ сѣлъ на козлы; онъ самъ тоже сильно запыхался.

— Теперь и мѣсяцу скоро надобно взойти, — проговорилъ онъ, усаживаясь на козлахъ и подбирая возжи.

— Скоро? — пересиросилъ Вихровъ.

— Если часовъ десять есть, такъ — скоро!... — отвѣчалъ кучеръ.

Въ самомъ дѣлѣ, въ весьма недолгое время на горизонтъ показалось какъ бы зарево отъ пожара — и затѣмъ выплылъ совершенно красный ликъ луны.

— Вотъ она!... сначала-то ничего не дѣйствуетъ, не помогаетъ, — проговорилъ кучеръ: — а чѣмъ выше пойдетъ, тѣмъ свѣтлѣе все будетъ.

— Да, вѣдь, и солнце — точно такъ же! — замѣтилъ ему Вихровъ.

— И солнце — такъ же! Видно, сверху-то имъ ловчѣй свѣтитъ, — проговорилъ кучеръ и тронулъ лошадей трусцою.

Луна, поднимаясь вверхъ, дѣйствительно все свѣтлѣй и свѣтлѣй начала освѣщать окрестность. Стало видно прежде всего дорогу, потомъ — лѣсокъ по сторонамъ; потомъ ужъ можно было различать поля и даже какой хлѣбъ на нихъ росъ. Лошади все веселѣй и веселѣй бѣжали, кучеръ только по-свистывалъ на нихъ.

— Разбудить бы нашего барина надо, не далеко ужъ! — говорилъ онъ.

Юный членъ суда не сидѣлъ ужъ, а, завалившись своимъ худощавымъ корпусомъ за спину Вихрову, храпомъ храпѣлъ.

— Вставайте, недалеко! — сказалъ ему тотъ.

— Чего? что? гдѣ? — пробормоталъ онъ, подымаясь и уставляя на Вихрова заспанные глаза.

— Мы ужь скоро прїѣдемъ! — повторилъ ему тотъ.

— Да, да, прїѣдемъ! — повторилъ непремѣнный членъ.

Свѣжій, осенній воздухъ впрочемъ вскорѣ заставилъ его окончательно придти въ себя.

— Я къ дяденькѣ-то прежде сбѣгаю и скажу, что мы прїѣхали, — сказалъ онъ.

— А такъ развѣ онъ не пуститъ насъ? — спросилъ Вихровъ.

— Да такъ-съ, все лучше какъ я сбѣгаю!

— Ну, сбѣгайте, — сказалъ ему Вихровъ.

Юноша, должно быть, побаивался своего дяденьки, потому что чѣмъ ближе они стали подъѣзжать къ жилищу, тѣмъ безпокойнѣе онъ становился, — и когда, наконецъ, вѣхали въ самую усадьбу (которая, какъ успѣлъ замѣтить Вихровъ, была даже каменная), онъ, не давъ еще хорошенько вучеру остановить лошадей, и, не смотря на свои слабыя ноги, проворно выскочилъ изъ тарантаса и побѣжалъ въ домъ, а потомъ черезъ нѣсколько времени снова появился на крыльцѣ — и какимъ-то довольнымъ и успокоительнымъ голосомъ сказалъ Вихрову:

— Пойдемте-съ, дяденька проситъ васъ!

Вихровъ пошелъ. Въ передней ихъ встрѣтилъ заспанный лакей; затѣмъ они прошли темную залу и темную гостиную — и только уже въ наугольной, имѣющей видъ кабинета, увидѣли хозяина, фигура

котораго показалась Вихрову великолѣпнѣйшею. Петръ Петровичъ, съ одутловатымъ нѣсколько лицомъ, съ небольшими усиками и эспаньолкой, съ огромнымъ животомъ, — въ ермолкѣ, въ пидисовомъ малиновомъ халатѣ на-распашку, съ ногами, обутыми въ мягкіе сапоги и, сверхъ того еще, лежавшими на подушкѣ, — сидѣлъ передъ маленькимъ столикомъ и раскладывалъ гранъ-пасьянсъ.

— Очень радъ съ вами познакомиться! — сказалъ онъ Вихрову, не поднимаясь впрочемъ съ своего мѣста и не переставая даже раскладывать карты: — извините, что не встаю: боленъ, подагра!

— А я, дяденька, пойду умоюсь, — отнесся къ нему несмѣло племянникъ.

— Умойся, авось попригляднѣй немножко будешь! — отвѣчалъ ему насмѣшливо Петръ Петровичъ.

Племянникъ ушелъ.

Петръ Петровичъ снова обратился къ Вихрову.

— Вы, вѣдь, кажется, сосланный къ намъ?

— Сосланный.

— Ну и какъ же вамъ нравится начальникъ вашъ, нашъ царь Іоаннъ Васильевичъ Моховъ?

— Хуже его людей я рѣдко встрѣчалъ, — отвѣчалъ откровенно Вихровъ.

— И я тоже, и я тоже-съ! — отвѣчалъ, засмѣявшись отъ удовольствія, Петръ Петровичъ: онъ былъ давнишній и заклятый врагъ губернатора.

— Это онъ васъ и послалъ въ Поярково? — продолжалъ Петръ Петровичъ.

— Онъ.

— И тамъ васъ, племянникъ сказывалъ, совсѣмъ было съ голоду уморили?

— Молого и квасъ даже весь выпустили.

Петръ Петровичъ усмѣхнулся и покачалъ головой.

— Каналья этакій! — произнесъ онъ. — Да и вы, господа чиновники, удивительное дѣло, какой нынче пустой народъ стали! Вонъ у меня покойный дядя исправникомъ былъ... тогда, знаете, этакіе французскіе камзолы еще носили... и какъ, бывало, онъ изъ округи пріѣдетъ, тетушка сейчасъ и лѣзетъ къ нему въ этотъ камзолъ въ карманы: изъ одного вынимаетъ деньги, что по округѣ собралъ, а изъ другаго — волосы человѣчьи: это онъ изъ бородъ у мужиковъ надралъ. У того бы они квасу не выпустили!

— Вѣроятно! — подтвердилъ Вихровъ. — Квасъ ужъ это — Богъ съ ними; но у меня тутъ двое пойма, ныхъ бѣгуновъ убѣжали — и пояровскіе мужики явно ихъ скрыли.

— Еще бы они не скрыли! — подхватилъ Петръ Петровичъ: — одного поля ягода!... Это у нихъ такъ на двѣ партіи и идетъ: одни по лѣсамъ шляются; а другіе, какъ они сами выражаются, еще мѣрщатъ, дома и хлѣбопашество имѣютъ, чтобы пристанодержательствовать этимъ ихъ бродягамъ разнымъ, — и повѣрите ли, что въ цѣлой деревнѣ ни одна почти дѣвка замужъ нейдетъ, а если поступаетъ какая въ замужество — то самая загоненная или изъ другой вотчины.

— Отчего же это? — спросилъ Вихровъ.

— Оттого, что по ихней вѣрѣ прямо говорится: *жена дана дьяволомъ*, т. е. значить: попь вѣнчалъ; а *дѣвка — Богомъ*... Съ дѣвками все и жи-

вуть, и вдобавокъ еще ни одна изъ нихъ и ребятъ никогда не носить.

— Это почему? — воскликнулъ Вихровъ.

— Потому что или вытравливаютъ, или подкидываютъ, или еще лучше того: у меня есть тутъ въ лѣсу озерко небольшое — каждый годъ въ немъ младенцевъ пятнадцать, двадцать утопленныхъ находятъ, и все это — оттуда.

— Но что же — полиція-то чего же тутъ смотреть?

— А полиція тутъ только — хапъ, хапъ! Вонъ исправникъ-то, не бось, уменъ: самъ не поѣхалъ, а дурака племянничка моего послалъ.

Въ это время вошелъ человекъ и подалъ Вихрову чаю.

— Повара мнѣ позвать! — сказалъ ему Петръ Петровичъ.

Человекъ ушелъ исполнять это приказаніе.

— Что такое — наша полиція, я на себѣ могу указать вамъ примѣръ... Вотъ передъ этимъ поваромъ былъ у меня другой, старикъ, пьяница, по прозванью — Поливарнъ Битое-Рыло; но какъ бы то ни было, его находятъ въ городѣ, мертвымъ вблизи кабака, всего окровавленнаго... Въ самомъ кабакѣ я, черезъ недѣлю пріѣхавши, нашелъ слѣды человеческой крови — явно вѣдь, что убитъ тамъ?.. да?

— Конечно, убитъ! — подтвердилъ и Вихровъ.

— Ничуть не бывало-съ! — возразилъ Петръ Петровичъ: — наша полиція точно въ насмѣшку спрашиваетъ меня бумагой, что такъ какъ у повара моего въ желудкѣ найдено около рюмки вина, то не отъ вина ли ему смерть приключилась? Я пишу: «нѣтъ,

потому что и самъ г. исправникъ въ присутствіи моемъ выпивалъ неоднократно по десяти рюмокъ водки, и отъ того однако смерти ему не приключалось»; такъ они и скушали отъ меня эту пилюлю.

— А въ дѣлѣ все-таки ничего не раскрыли? — замѣтилъ Вихровъ.

— Все-таки ничего не раскрыли, — подхватилъ Кноповъ: — и то, вѣдь, главное досадно: будь тамъ какой-нибудь другой мужиченко, покрой они смерть его — прахъ бы ихъ дери; а то вѣдь — человѣкъ-то незамѣнимый!.. Геній какой-то былъ для своего дѣла: стоитъ каналья у плиты-то, еле на ногахъ держится, а готовить превосходно.

Въ дверяхъ показался, должно быть, позванный поваръ.

— Приготовь ты намъ, братецъ, — сталъ приказывать ему Петръ Петровичъ: — битокъ; только не думайте, чтобы битокъ казенный, — поспѣшилъ онъ успокоить Вихрова. — Возьми ты, братецъ, — продолжалъ онъ повару: — самый лучшей говяжьей вырѣзки, изруби ты все это вмѣстѣ съ мозгами изъ костей, и только не мелко руби, слышишь! и чтобы куска у меня хлѣба положено не было: все чтобы держалось на мясномъ соку!... Изруби ты туда еще помѣду амуровъ, немного чесноку, немного луку, и на подмазѣ изъ сливочнаго масла — только на подмазѣ не больше, понимаешь? — изжарь все это.

Поваръ, получивъ такое приказаніе, не уходилъ.

— Куропатокъ давишнихъ прикажете подать? — спросилъ онъ не совсѣмъ смѣлымъ голосомъ.

— Выкинуть ихъ совсѣмъ, дуракъ этакій! — выплилъ Петръ Петровичъ. — Изжарить порядочно

не умѣть: либо сварить, либо изсушить все... Чтобы въ соку у меня было подано свѣжихъ три куропатки.

Поваръ ушелъ.

— Вотъ, вѣдь, тоже стряпаетъ! — произнесъ, показавъ вслѣдъ ему головой, Петръ Петровичъ: — а развѣ такъ, какъ мой покойный Поликарпъ Битое-Рыло... Два только теперича у меня удовольствія въ жизни осталось, — продолжалъ онъ: — поѣсть и выпить хорошенько, да церковное пѣніе еще люблю.

— Церковное? — переспросилъ Вихровъ.

— Да-съ, у меня хоръ есть свой — отличный, человѣкъ сорокъ!... каждый праздникъ, каждое воскресенье они поютъ у меня у прихода.

— Это очень интересно.

— Угодно, я вамъ покажу этотъ хоръ?

— Сдѣлайте одолженіе.

— Человѣкъ! — крикнулъ Петръ Петровичъ.

На этотъ разъ вбѣжалъ прежній лакей.

— Вели собраться хору и зажги въ залѣ и гостиной свѣчи. Человѣкъ побѣждалъ исполнить приказаніе.

— Самъ въ молодости пѣлъ не дурно, — продолжалъ Петръ Петровичъ съ нѣкоторымъ даже чувствомъ: — и до самой смерти, видно, буду любить пѣніе.

Въ комнату вошелъ наконецъ племянникъ — умытый, причесанный и въ новенькомъ сюртугѣ.

— Вотъ и я-съ! — проговорилъ онъ.

— Видимъ, что и ты! — сказалъ ему опять насмѣшливо Петръ Петровичъ. — Вотъ нынче въ корпусахъ-то какъ учатъ, — продолжалъ онъ, относясь къ Вихрову и показывая на племянника: — зачѣмъ

малаго отдавали?... только ноги ему тамъ развинтили, да глаза сдѣлали — какъ у теленка.

— Ужь у меня нынче, диденъка, ноги покрѣпче стали.

— Ну и слава Тебѣ Господи, коли закрѣпляются понемногу.

Петръ Петровичъ постоянно звалъ племянника *развинченнымъ*.

Въ это время въ гостиной и залѣ появился огонь — и послышалось шушуканье нѣсколькихъ голосовъ и негромкіе шаги нѣсколькихъ человѣкъ.

— Собрались, должно быть, — проговорилъ Петръ Петровичъ.

— Человѣкъ, костыль мнѣ! — крикнулъ Кноновъ.

Человѣкъ вбѣжалъ и подалъ ему толстый костыль.

— Попробуйте-ка! хорошъ-ли? — проговорилъ Петръ Петровичъ, подавая его Вихрову.

Тотъ попробовалъ. Въ костылѣ по крайней мѣрѣ пуда два было.

— Онъ желѣзный у васъ? — спросилъ Вихровъ.

— Да, не деревянный! — отвѣчалъ Петръ Петровичъ. — Меня въ Москвѣ, по случаю его, къ оберъ-полиціймейстеру призывали. «Нельзя, говорить, носить такой палки, вы убить ею можете!» — «Да я, говорю, и кулакомъ убить могу; что же, и кулаковъ своихъ не носить съ собой?»

Говоря это, онъ шелъ, ковыляя, въ гостиную и залу, гдѣ хоръ стоялъ уже въ полномъ парадѣ. Онъ состоялъ изъ мужчинъ и женщинъ; послѣднія были подстрижены, какъ мужчины, и одѣты въ мужскіе черные чепаны.

— Марья-то какая смѣшная! — сказалъ племянникъ, показывая Петру Петровичу на одну изъ передѣтыхъ дѣвушекъ.

— Что, понравилась, видно? — спросилъ тотъ его.

— Да-съ, — отвѣчалъ племянникъ, какъ-то глупо ослабляясь.

— Изъ Бортиянскаго, — сказалъ Петръ Петровичъ хору.

Тотъ зацѣлъ. Онъ былъ довольно согласный и съ недурными голосами.

Вихровъ изъ всего ихъ пѣнія только и слышалъ: *Да вознесуся!* пѣли басы. *Да вознесуся!* повторяли за ними дисканты. *Да вознесуся!* тянулъ теноръ.

Петръ Петровичъ отъ всего этого былъ въ неописанномъ восторгѣ: склонивъ немного голову и распустивъ почти горизонтально руки, онъ то одной изъ нихъ помазывалъ басамъ, то другою — дискантамъ; то обѣ опускалъ, когда хору надо бы было взять вмѣстѣ посильнѣй, въ то же время онъ и самъ подтягивалъ самой низовой октавой.

— Можетъ быть, вамъ чего-нибудь повеселѣе желается? — отнёсся онъ къ Вихрову: — пѣсенокъ?

— И пѣсенокъ хорошо, — отвѣчалъ тотъ.

— Ну, любимую мою! — обратился Петръ Петровичъ къ хору, который сейчасъ же изъ круга вытянулся въ шеренгу и зацѣлъ:

«Я вечеръ млада во пиру была!»

Петру Петровичу, повидимому, особенно нравилось то мѣсто, гдѣ пѣлось:

«Я не медь пила и не водочку,
Я пила млада все наливочку!»

Я не рюмочкой, не стаканчикомъ,
Я пила млада изъ полна ведра!»

«Изъ полна ведра!» — басилъ онъ и самъ при этомъ случаѣ.

Хоръ затѣмъ продолжалъ:

«Я домой-то шла, пошатнулася,
За вереюшку ухватилася!»

«Ухватилася!» — басилъ Петръ Петровичъ и, не смотря на больныя ноги, все-таки пошевеливалъ ими: родникъ веселости, видно, еще сильно бился въ немъ и но изсякъ отъ лѣтъ и недуговъ.

— Ну, Миша, пляши! — крикнулъ онъ племяннику.

— Я, дяденька, не умѣю, — отвѣчалъ тотъ, краснѣя, но, впрочемъ, вставая.

— Врешь, пляши, не то въ арапленникъ велю принять! Марья, выходи, становись противъ его!

На этотъ зовъ сейчасъ же вышла изъ хора та дѣвушка, на которую указывалъ племянникъ.

— Говорять тебѣ — пляши! — подтвердилъ ему еще разъ дядя.

Бѣдный членъ суда, дѣлать нечего, началъ выкидывать свои развинченныя ноги, а Марья, стоя передъ нимъ, твердо била трепака, хоръ продолжалъ пѣть (у нихъ ужъ бубны и тарелки появились при этомъ):

«Я не медъ пила и не водочку!»

Вихровъ смотрѣлъ и слушалъ все это съ наклонной головой.

За послѣдовавшимъ вскорѣ послѣ того ужиномъ,

Петръ Петровичъ явился любителемъ и мастеромъ угостить: дымящійся битокъ въ самомъ дѣлѣ оказался превосходнымъ, бутылокъ на столѣ поставлено было нѣсть числа; Петръ Петровичъ сейчасъ же своихъ гостей началъ учить — какъ надо рѣзать сыръ, и потомъ приготовилъ гастрономическимъ образомъ салатъ. Когда племянникъ не сталъ-было пить вина, онъ прикрикнулъ на него даже: «пей, дуракъ! все равно на ногахъ ужъ не стоишь!» — а Вихрова онъ просто напоилъ до-пьяна, такъ что тотъ, по случаю хороваго церковнаго пѣнія, заговорилъ уже о религіи.

— Во всѣхъ религіяхъ одно только и вѣчно: это эстетическая сторона, — говорилъ онъ: — отнимите вы ее — и религіи нѣтъ! Лютерство, исключившее у себя эту сторону, не религія, а Богъ знаетъ, что такое!

— Такъ, такъ! — соглашался съ нимъ и Петръ Петровичъ.

Вихровъ, разговорившись далѣе, хватилъ и въ другую сторону.

— У насъ вся система страшная, вся система невыносимая, — нечего тутъ винить какого-нибудь губернатора или исправника, — система ужасная! — говорилъ онъ.

— Разумѣется! — подтверждалъ Петръ Петровичъ.

Онъ всегда и вообще любилъ вольнодумныя мысли.

— Что, сосулька, спать ужъ хочешь? — обратился онъ къ племяннику, зѣвавшему во весь ротъ.

— Хочу, дяденька! — отвѣчалъ тотъ.

— Ну, что съ тобой ужъ дѣлать, пойдѣмте! — говорилъ Петръ Петровичъ приподнимаясь.

Постели гостямъ были приготовлены въ гостиной. Та же горничная Маша, не снявшая еще мужскаго костюма, оправляла ихъ. Вихровъ улегся на мягчайшій пуховикъ и одѣлся теплымъ, но легонькимъ шелковымъ одѣяломъ.

«Чортъ знаетъ, что такое!» — разсуждалъ онъ въ своей не совсѣмъ трезвой головѣ: — «сегодня поутру былъ въ непроходимыхъ лѣсахъ — чуть съ голоду не уморили, а вечеромъ слушалъ прекрасное хорошее пѣніе и напился и наѣлся до одурѣнія, — о, матушка Россія!»

Поутру Петръ Петровичъ такъ же радушно своихъ гостей проводилъ, какъ и принялъ, — и общался, какъ только будетъ въ городѣ, быть у Вихрова.

Лошади Мѣлкова были на этотъ разъ какія-то чистыя, выкормленныя; кучеръ его также какъ бы повеселѣлъ и прибодрился. Словомъ, видно было, что все это получило отличное угощеніе.

XIX.

Отвѣтъ Мари.

Вихровъ, по пріѣздѣ въ городъ, какъ бы въ вознагражденіе за все претерпѣнное имъ, получилъ наконецъ отъ Мари отвѣтъ. Почеркъ ея при этомъ былъ ужасно тревоженъ и неровень.

«Я долго тебѣ не отвѣчала», — писала она: — «потому что была больна — и больна отъ твоего же письма! Что мнѣ отвѣчать на него? Тебѣ гораздо лучше будетъ полюбить ту достойную дѣвушку, о которой ты пишешь; а меня — горькую и безот-

радную — оставить какъ -нибудь доживать вѣкъ свой!...»

Далѣе, потомъ въ письмѣ былъ видѣнъ перерывъ, — и оно на-долго, кажется, было оставлено и начато снова еще болѣе тревожнымъ почеркомъ.

«Нѣтъ, мой другъ, не вѣрь, что я тебѣ писала; *mais seulement, que personne ne sache; écoutez, mon cher, je t'aime, je t'aimerais toujours!* Я долго боролась съ собой, чтобы не сказать тебѣ этого... Съ тѣхъ поръ, какъ увидѣла тебя въ Москвѣ и потомъ въ Петербургѣ, — Господи, прости мнѣ это! — я разлюбила мужа, меньше люблю сына; желаніе мое теперь одно: увидаться съ тобой. Что это у тебя за неприятности по службѣ, — напиши мнѣ поскорѣе, не нужно ли что похлопотать въ Петербургѣ: я поѣду всюду и стану на колѣняхъ вымаливать для тебя!»

«Мари».

Первымъ дѣломъ Вихрова, по прочтеніи этого письма, было ѣхать къ губернатору, съ тѣмъ чтобы отпроситься у него въ отпускъ въ Петербургъ.

Въ приѣмной онъ увидѣлъ того же скучающаго адъютанта, который на этотъ разъ и докладывать не пошелъ, а прямо ему объявилъ:

— Подождите тутъ; въ двѣнадцать часовъ генералъ выйдетъ.

По настоящимъ своимъ чувствованіямъ, Вихровъ счелъ бы губернатора за перваго для себя благодѣтеля въ мірѣ, еслибы тотъ отпустилъ его въ отпускъ, и онъ все сидѣлъ и обдумывалъ, въ какихъ бы болѣе убѣдительныхъ выраженіяхъ изложить ему просьбу свою.

Въ двѣнадцать часовъ генералъ дѣйствительно

вышелъ и, увидѣвъ Вихрова, какъ-будто усмѣхнулся — но не въ привѣтствіе ему, а скорѣе какъ бы въ насмѣшку. Вихровъ почти дрожащими руками подалъ ему дѣло о бѣгунахъ.

— Поймали кого-нибудь? — спросилъ губернаторъ, не заглядывая даже въ донесеніе.

— Я поймалъ; но у меня убѣжали, — отвѣчалъ Вихровъ; голосъ у него при этомъ дрожалъ.

Губернаторъ явно уже усмѣхнулся надъ нимъ какой-то презрительной и сожалѣнія исполненной улыбкой и, повернувшись, хотѣлъ-было уйти въ свой кабинетъ. Вихровъ остановилъ его.

— Ваше превосходительство, мнѣ надобно объяснитьсь съ вами на-единѣ.

Начальникъ губерніи молча указалъ ему на кабинетъ, и они оба вошли туда. Губернаторъ сѣлъ, а Вихровъ стоялъ на ногахъ передъ нимъ.

— Я, ваше превосходительство, имѣю къ вамъ покорнѣйшую просьбу: отпустите меня въ отпускъ, въ Петербургъ... — началъ онъ.

Губернаторъ уставилъ на него удивленные глаза, какъ бы желая убѣдиться, что онъ — помѣшался въ умѣ или иѣтъ.

— Вамъ въѣздъ въ столицу запрещенъ, — проговорилъ онъ.

— Но я прошу этого, какъ особой милости; я буду тамъ и не покажусь никому изъ начальства.

Губернаторъ усмѣхнулся.

— Что же, вы хотите, чтобы я участвовалъ съ вами въ обманъ вашему?

— Ваше превосходительство, у меня сестра тамъ, единственная моя родная, умираетъ и желаетъ со мной

повидаться, — проговорилъ Вихровъ, думая разжалобить начальника губерніи.

Тотъ пожалъ на это плечамъ.

— Что жъ дѣлать, но я все-таки не могу измѣнить для васъ законовъ, — проговорилъ онъ.

— Но неужели же, ваше превосходительство, я здѣсь на всю жизнь заключенъ, не сдѣлавъ никакого преступленія? — сказалъ Вихровъ.

— То есть, какъ заключены? — спросилъ губернаторъ.

— Тѣмъ, что я не могу воспользоваться дарованнымъ всѣмъ чиновникамъ правомъ — уѣхать въ отпускъ.

Губернаторъ уставилъ на него опять какъ бы нѣсколько насмѣшливый взглядъ.

— Вы не чиновникъ здѣсь, а сосланный, — объяснилъ онъ.

Вихровъ видѣлъ, что ни упротить, ни убѣдить этого человѣка было невозможно; кровь прилила у него къ головѣ и къ сердцу.

— Вторая моя просьба, — началъ онъ, самъ не зная хорошенько, зачѣмъ это говорить, и, можетъ быть, даже думая досадить этимъ губернатору: — вторая... уволить меня отъ производства слѣдствій по дѣламъ раскольниковъ.

Начальникъ губерніи вопросительно взглянулъ на него.

— Я не могу этихъ дѣлъ исполнять, — говорилъ Вихровъ.

Начальникъ губерніи не говорилъ ни слова и продолжалъ на него смотрѣть.

— Вы заставляете меня, — объяснялъ Вихровъ: —

дѣлать обыскъ въ домахъ у людей, которые по своимъ религіознымъ убѣжденіямъ и по своему образу жизни, можетъ быть, гораздо лучше, чѣмъ я самъ.

Начальникъ губерніи сталъ ужь слушать его съ нѣкоторымъ любопытствомъ. Слова Вихрова, видимо, начали его интересовать даже.

— Я, какъ какой-нибудь азійскій завоеватель, ломаю храмы у людей — безпрекословно исполняю желаніе какого-то пзувѣра пона еднновѣрческаго... — говорилъ между тѣмъ тотъ.

— Что же вы хотите всѣмъ этимъ сказать? — спросилъ наконецъ губернаторъ.

— То, что я съ настоящею добросовѣстностью не могу исполнять этихъ порученій — это воспрещаетъ мнѣ моя совѣсть.

Губернаторъ усмѣхнулся.

— Вы напишите мнѣ все это на бумагѣ; что мнѣ слушать ваши словесныя заявленія!

— Въ донесеніи моемъ это отчасти сказано, — отвѣчалъ Вихровъ: — потому что по послѣдному моему порученію я убѣдился, что всѣми этими дѣйствіями мы, чиновники, окончательно становимся ненавистными народу; когда мы пріѣхали въ селеніе, ближайшее къ мѣсту укрывательства бѣгуновъ, тамъ вылили весь квасъ, молоко, перебили всѣ яйца, чтобы только не дать намъ съѣсть чего-нибудь изъ этого, — такого унизительнаго положенія и такой ненависти отъ моего народа я не желаю нести!

— И это напишите, — сказалъ ему даже какъ-то кротко губернаторъ.

— И это написано-съ, — отвѣчалъ Вихровъ. Въ

отпускъ, значитъ, я никакъ не могу надѣяться быть отпущенъ вами?

— Никакъ, — отвѣчалъ губернаторъ.

Вихровъ поклонился ему и вышелъ.

Губернаторъ, оставшись одинъ, принялся читать послѣдній его рапортъ. Улыбка не сходила съ его губъ въ продолженіе всего этого чтенія.

— Дуракъ! — произнесъ онъ, прочитавъ все до конца, и затѣмъ, свернувъ бумагу и положивъ ее себѣ въ карманъ, велѣлъ подавать фаэтонъ и, развѣвая потомъ своимъ бѣлымъ султаномъ, поѣхалъ по городу къ madame Пиколовой. Онъ каждое утро обыкновенно послѣ двѣнадцати часовъ бывалъ у нея, и мужъ ея въ это время — куда хочетъ, но долженъ былъ убираться.

Первое намѣреніе героя моего, по выходѣ отъ губернатора, было — безъ разрѣшенія потихоньку уѣхать въ Петербургъ, что онъ вѣроятно исполнилъ бы; но на крыльцѣ своей квартиры онъ встрѣтилъ прокурора, который пріѣхалъ къ брату объдать.

— Откуда это вы? — спросилъ тотъ.

Вихровъ рассказалъ ему — откуда, и, объяснивъ свою надобность ѣхать въ Петербургъ, признался, что онъ хочетъ самовольно уѣхать, такъ какъ губернаторъ никакъ не разрѣшаетъ ему отпуска.

Прокуроръ отрицательно покачалъ головой.

— Ну, я не совѣтовалъ бы вамъ этого дѣлать, — проговорилъ онъ: — вы не знаете еще, видно, этого господина: онъ васъ, безъ всякой церемоніи, велитъ остановить и посадить васъ въ тюрьму, — и будетъ въ это случаѣ совершенно правъ.

— Но что же дѣлать, что же дѣлать?— говорилъ Вихровъ почти со слезами на глазахъ.

Захаревскій пожалъ плечами.

— По моему, самое благоразумное, — сказалъ онъ: — вамъ написать отъ себя министру письмо, изложить въ немъ свою крайнюю надобность быть въ Петербургъ — и объяснить, что начальникъ губернии не беретъ на себя разрѣшить вамъ это и даже отказывается ходатайствовать объ этомъ, а потому вы лично рѣшаетесь обратиться къ его высокопревосходительству; но кромѣ этого — напишите и знакомымъ вашимъ, кто у васъ тамъ есть, чтобы они похлопотали.

Все это складно уложилъ въ головѣ и Вихровъ. «Напишу къ министру и Мари, къ Плавину, Абрееву, авось что-нибудь и выйдетъ», подумалъ онъ и сообщилъ этотъ планъ прокурору. Тотъ одобрилъ его.

— Но вы однако же все-таки потомъ опять вернетесь сюда изъ Петербурга? — спросилъ его Захаревскій.

— Никогда, если только меня оставятъ и не выгонятъ изъ Петербурга! — воскликнулъ Вихровъ и затѣмъ поспѣшилъ раскланяться съ прокуроромъ, пришелъ домой и сейчасъ-же принялся писать предположенныя письма. Въ изобрѣтеніи разныхъ льстивыхъ и просительныхъ фразъ онъ почти дошелъ до творчества: *сіятельныйшій графъ!* писалъ онъ къ министру — и далѣе потомъ упомянулъ какъ-то о *нѣжномъ сердцѣ* того. Въ письмѣ къ Плавину онъ безпрестанно повторялъ объ его *благородствѣ*; а Абрееву объяснилъ, что онъ, *какъ чловѣкъ новыхъ*

убѣжденій, не преминетъ... и прочее. Когда онъ перечиталъ эти письма, то показался даже самъ себѣ омерзителенъ.

— О, любовь! — воскликнулъ онъ: — для тебя одной только я позволяю себѣ такъ подличать! — Къ Мари онъ написалъ коротенько: «Сокровище мое, хлопайте и молитесь, чтобы дали мнѣ отпускъ, о чемъ я вмѣстѣ съ симъ прошу министра. Если я еще съ полгода не увижу васъ, то съ ума сойду».

Когда окончены были всѣ эти посланія, съ Вихровымъ отъ всего того, что онъ пережилъ въ этотъ день, сдѣлался даже истерпческій припадокъ, такъ что онъ прилегъ на постель и началъ рыдать какъ малый ребенокъ.

Груня понять не могла, что такое съ нимъ: грустная, съ сложенными руками, она стояла молча и смотрѣла на него.

Прокуроръ, между тѣмъ, усѣвшисъ съ братомъ и сестрой за обѣдъ, не преминулъ объяснить:

— А я сейчасъ вашего постояльца встрѣтилъ; онъ хлопочетъ и совсѣмъ желаетъ уѣхать въ Петербургъ.

— Скатертью ему и дорога туда! — подхватилъ инженеръ, которому до смерти уже надоѣлъ и самъ Вихровъ, и всякій разговоръ объ немъ.

Прокуроръ въ это время мелькомъ взглянулъ на сестру.

— Но, можетъ быть, нѣкоторыя дамы будутъ скучать объ немъ, — проговорилъ онъ съ полуулыбкой.

— Можетъ быть, найдутся такія чувствительныя

сердца; благо онъ на свѣтѣ не переводятся, — сказалъ инженеръ.

Юлія, слушая братьевъ, только блѣднѣла.

— Что же, онъ свою Миллистрису Кирбитьевну, — спросилъ Виссаріонъ, разумѣя подъ этимъ именемъ Грушу, — съ собой беретъ?

— Нѣтъ, я подозреваю, что у него тамъ есть какая-нибудь Кирбитьевна, къ которой онъ стремится, — подхватилъ прокуроръ.

Юлія въ это время дѣлала салатъ, и глаза ея наполнились слезами.

— Ужь салатъ-то нашъ по крайней мѣрѣ не увлажняйте вашими слезами, — сказалъ ей насмѣшливо инженеръ.

Юлія поспѣшно отодвинула отъ себя салатникъ.

— Вамъ обоймъ, кажется, пріятно мучить меня?! — проговорила она.

— Не мучить, а образумить тебя хотимъ, — сказалъ ей прокуроръ: — потому что онъ прямо мнѣ сказалъ, что низачто не возвратится изъ Петербурга.

— Что-жь изъ этого? — возразила ему Юлія, уставляя на него еще полные слезъ глаза: — онъ останется въ Петербургѣ, и я уѣду туда.

— Но кто-жь тебя пустить? — спросилъ ее съ улыбкой прокуроръ.

— Отецъ пустить; я скажу ему, что я хочу этого, — онъ и переѣдетъ со мной въ Петербургъ.

— Вотъ это хорошо! — подхватилъ инженеръ: — а потомъ Вихрова куда-нибудь въ Астрахань пихнуть — и въ Астрахань за нимъ ѣхать, его въ Сибирь въ рудники сошлютъ — и въ рудники за нимъ ѣхать.

— Чтобы тпунъ тебѣ на языкъ за это—въ рудники сошлютъ! — воскликнула Юлія и не въ состояніи даже была остаться за столомъ, а встала и ушла въ свою комнату.

— Вотъ втюрилась, дура этакая! — сказалъ инженеръ невеселымъ голосомъ.

— Да! — подтвердилъ протяжно и прокуроръ.

XX.

Объясненіе.

Вскорѣ послѣ того Вихровъ получилъ отъ прокурора коротенькую записку. «Спѣшу, любезный Павелъ Михайловичъ, увѣдомить васъ, что г-нъ Клыковъ находящееся у него въ опекунскомъ управленіи имѣніе купилъ въ крѣпость себѣ и испросилъ у губернатора переслѣдованіе, на которомъ мужики, вѣроятно заранѣе застрашенные, дали совершенно противоположныя показанія тому, что вамъ показывали. Не найдете ли нужнымъ принять съ своей стороны противъ этого какія-нибудь мѣры?»

Прочитавъ эту записку, Вихровъ на первыхъ порахъ только разсмѣялся и написалъ Захаревскому такой отвѣтъ:

«Чортъ бы ихъ дралъ — что бы они ни выдумывали, я знаю только, что по совѣсти я правъ, и больше объ этомъ и думать не хочу». Герой мой въ самомъ дѣлѣ ни о чемъ больше и не думалъ какъ о Маріи, и обыкновенно по цѣлымъ часамъ просиживалъ передъ присланнымъ ея портретомъ: глаза и

улыбка у Мари сдѣлались чрезвычайно похожими на Еспера Иваныча и это Вихрова приводило въ не-описанный восторгъ. Впрочемъ, вечеромъ, поразмысливъ нѣсколько о сообщенномъ ему прокуроромъ извѣстїи, онъ попреимуществу встревожился въ томъ отношенїи, чтобы эти кляузы не повредили ему какъ-нибудь отпускъ получить; а потому, когда онъ услышалъ въ верху шумъ и говоръ голосовъ, то подумавъ, что это вѣроятно прїѣхалъ къ брату прокуроръ, онъ рѣшился сходить туда и поразспросить того поподробнѣе о продѣлкѣ Клыкова; но, войдя къ Виссарїону въ гостиную, онъ былъ непрїятно удивленъ: тамъ на цѣломъ рядѣ креселъ сидѣли прокуроръ, губернаторъ, madame Пиколова, Виссарїонъ и Юлія, а передъ ними стоялъ какой-то господинъ въ черномъ фракѣ и держалъ въ рукахъ карты. У Вихрова едва достало духу сдѣлать всемъ общій поклонъ.

— Очень радъ!— проговорилъ Виссарїонъ, какъ бы нѣсколько сконфуженный его появленїемъ.

Губернаторъ и madame Пиколова не отвѣчали даже на поклонъ Вихрова; но прокуроръ ему дружески и съ небольшою улыбкой пожалъ руку, а Юлія, заблеставшая вся радостью при его появленїи, показывала ему глазами на мѣсто около себя. Онъ и сѣлъ около нея.

Вечеръ этотъ у Виссарїона составился совершенно экспромптомъ; надобно сказать, что съ самаго театра madame Пиколова обнаруживала большую дружбу и вниманїе къ Юліи. У женщинъ бываютъ иногда такія безотчетныя стремленїя. Madame Пиколова

сама говорила, что дѣвушка эта ужасно ей нравится, но почему — она и сама не знаетъ.

Виссаріонъ, какъ человѣкъ практическій, не преминулъ сейчасъ же тѣмъ воспользоваться и началъ для madame Пиколовой дѣлать маленькіе вечера, на которыхъ, разумѣется, всегда бывалъ и начальникъ губерніи, -- и на весь городъ распространился слухъ, что губернаторъ очень благоволитъ къ инженеру Захаревскому, а это имѣло послѣдствіемъ то, что у Виссаріона отъ построекъ очутилось въ карманѣ тысячъ пять лишнихъ; кромѣ того, вниманіе начальника губерніи пріятно щекотало и самолюбіе его. Прокуроръ не ѣздилъ обыкновенно къ брату на эти вечера, но въ настоящій вечеръ пріѣхалъ, потому что Виссаріонъ, желая какъ можно болѣе доставить удовольствія и развлечения гостямъ, выдумалъ пригласить къ себѣ пріѣхавшаго въ городъ фокусника, — а Иларіонъ, какъ и многіе умные люди, очень любилъ фокусы и смотрѣлъ на нихъ съ величайшимъ вниманіемъ и любопытствомъ. Фокусникъ (съ наружностью, свойственною всѣмъ въ мірѣ фокусникамъ, и съ засученными немного рукавами) обращался преимуществу къ madame Пиколовой. Какъ ловкій плутъ, онъ вѣроятно уже провѣдалъ — какого рода эта птица, и видимо хотѣлъ выразить ей свое уваженіе.

— Мадамъ, будьте такъ добры, возьмите эту карту, — говорилъ онъ ей на какомъ-то скверномъ французскомъ языкѣ. — Monsieur le general — и вы, обратился онъ къ губернатору.

— А гдѣ же мнѣ держать ее? — спрашивалъ тотъ, тоже на сквернѣйшемъ французскомъ языкѣ.

— А я вотъ держу свою у себя подъ платкомъ! — подхватила Пиколова, тоже на свѣрнѣйшемъ французскомъ діалектѣ.

Прокуроръ не утерпѣлъ и заглянулъ: хорошо-ли они держатъ карты.

— Разъ, два! — сказала фокусникъ и повелъ по воздуху своей палочкой: карта начальника губерніи очутилась у *madame* Пиколовой, а карта *madame* Пиколовой — у начальника губерніи. Удивленію какъ того, такъ и той предѣловъ не было. Виссаріонъ же стоялъ и посмѣивался. Онъ самъ зналъ этотъ фокусъ — и вообще большую часть фокусовъ, которые дѣлалъ фокусникъ, онъ зналъ и даже нѣкогда нарочно учился этому. Затѣмъ фокусникъ сталъ показывать фокусъ съ кольцами. Онъ какъ-то такъ поводитъ ими, что одно кольцо входило въ другое — и образовалась цѣпь, встряхивая этой цѣпью — кольца снова распадались.

— Покажите, покажите мнѣ это кольцо! — говорилъ начальникъ губерніи почти озлобленнымъ отъ удивленія голосомъ.

— Никакого разрыва нѣтъ на кольцѣ, — говорилъ онъ, передавая кольцо прокурору, который, прищурившись и поднося къ свѣчкѣ, сталъ смотрѣть на кольцо.

— Ничего не увидишь, — остановилъ его братъ. Онъ хотъ и не зналъ этого фокуса, но зналъ, что на кольцѣ ничего увидать нельзя.

— Ахъ, посмотрите, у меня тоже вошло кольцо въ кольцо, — воскликнула *madame* Пиколова, радостно дѣтскимъ голосомъ, держащая въ рукахъ два кольца

и все старавшаяся соединить ихъ; фокусникъ только-что подошелъ къ ней, какъ она и сдѣлала это.

— Вы чародѣйка, чародѣйка! — говорилъ губернаторъ, смотря на нее по обыкновенію своимъ страстнымъ взглядомъ.

Вихрову ужасно скучно было все это видѣть. Онъ сидѣлъ, потупивъ голову. Юлія тоже не обращала никакого вниманія на фокусника и, въ свою очередь, глядѣла на Вихрова — и потомъ, когда всѣ другія лица очень заинтересовались фокусникомъ (онъ производилъ въ это время магію съ морскими свинками, которыя превращались у него въ голубей, а голуби — въ морскихъ свинокъ), Юлія, собравшись со всѣми силами своего духа, но по наружности веселымъ и даже смѣющимся голосомъ, проговорила Вихрову:

— А что же вы, Павелъ Михайловичъ, не хотите узнать отъ меня мой секретъ, который я вамъ хотѣла рассказать?

— Секретъ? — повторилъ какъ бы флегматически Вихровъ и внутренно уже испугавшись. Впрочемъ, подумавъ, онъ рѣшился съ Юліей быть совершенно откровеннымъ, если она и скажетъ ему что-нибудь о своихъ чувствахъ.

— Вы знаете, — продолжала она тѣмъ же смѣющимся голосомъ: — что я въ васъ влюблена?

— Увы! — произнесъ Вихровъ тоже веселымъ голосомъ: — при другихъ обстоятельствахъ, счелъ бы это за величайшее счастье, но теперь не могу отвѣчать вамъ тѣмъ же.

— Отчего же? — спросила Юлія все-таки весело.

— Отъ того, что люблю другую, — отвѣчалъ Вихровъ.

— Что же, эту неблагодарную madame Фатѣву, что-ли?

— Нѣтъ.

— Неужели же, ай! вашу экономку?

— И не экономку.

— Кто же это?— проговорила Юлія. Голосъ ея не былъ уже болѣе веселъ.

— Одну дальнюю кузину мою.

— Отъ которой вы письма получали? — проговорила Юлія; рыданія уже подступали у ней къ горлу. — Что же это — старинная привязанность? — спросила она.

— Очень!— отвѣчалъ Вихровъ, сидя въ прежнемъ положеніи и не поднимая головы. — Я былъ еще мальчикомъ влюбленъ въ нее; она, разумѣется, вышла за другаго.

— Отчего же не за васъ?— говорила Юлія.

— Оттого, что я гимназистъ еще былъ, а она — дѣвушка лѣтъ восемнадцати.

— Ну, а потомъ?— спрашивала Юлія.

— А потомъ со мной произошло странное психологическое явленіе: я около двѣнадцати лѣтъ носилъ въ душѣ чувство къ этой женщинѣ, не подозрѣвая самъ того,— и оно у меня выражалось только отрицательно, такъ что я истинно и искренно не могъ полюбить никакой другой женщины.

— Но однако уже теперь у васъ это чувство положительно выразилось?

— Теперь — положительно.

— Что же открыло его?— продолжала расспрашивать Юлія. У ней достало уже силы совладѣть со

своими рыданіями — и она ихъ спрятала далеко-далеко въ глубину души.

— Открыло — мысль и надежда на взаимность.

— Вамъ, значитъ, отвѣтили?

— Отвѣтили.

— А какъ же — мужъ? Онъ живъ еще?

— Живъ.

— Какимъ же образомъ? Онъ долженъ возбуждать въ васъ ревность.

Вихровъ пожалъ плечами.

— У меня любовь къ ней духовная, а душой и сердцемъ никто и никогда не можетъ завладѣть.

— Завидую вашей кузинѣ, — проговорила Юлія, помолчавъ немного, и едва замѣтно при этомъ вздохнула.

— Въ чемъ же? — спросилъ Вихровъ, какъ бы не понявъ ея словъ.

— Въ томъ, что она внушила такое постоянное чувство: двѣнадцать лѣтъ ее безнадежно любили и не могли отъ этого чувства полюбить другихъ женщинъ.

— Не могъ-съ! — отвѣчалъ Вихровъ. Онъ очень хорошо видѣлъ, что Юлія была оскорблена и огорчена.

Разговоръ далѣе между ними не продолжался. Вихрову стало какъ-то стыдно противъ Юліи, а она видимо собиралась со своими чувствами и мыслями. Онъ отошелъ отъ нея, чтобы дать ей успокоиться.

Юлія, по крайней мѣрѣ, съ полчаса просидѣла на своемъ мѣстѣ — не шевелясь и ни съ кѣмъ не говоря ни слова: она была, какъ я уже и прежде

замѣтилъ, дѣвушка самолюбивая и съ твердымъ характеромъ. Пока она думала и надѣялась, что Вихровъ отвѣтитъ ей на ея чувство, — она любила его до страсти, сантиментальничала, способна была, пожалуй, надѣлать глупостей и неосторожныхъ шаговъ; но какъ только услышала, что онъ любитъ другую, то сейчасъ же поспѣшила выкинуть изъ головы всё мечтаніе, всё надежды, — и у нея уже остались только маленькая боль и тоска въ сердцѣ, какъ-будто бы тамъ что-то такое грызло и вертѣло. Окончательно овладѣвъ собой и увидѣвъ, что madame Пиколова сидѣла одна (начальникъ губерніи въ это время разговаривалъ съ Виссаріономъ Захаревскимъ), Юлія сейчасъ же подошла и сѣла около нея. Вихрову, между тѣмъ, ужасно хотѣлось уйти домой; но онъ собственно пришелъ спросить о своемъ дѣлѣ прокурора, а тотъ, какъ нарочно, продолжалъ все заниматься съ фокусникомъ. Вихровъ сталъ дожидаться его — и въ это время невольно прислушался къ разговору, который происходилъ между губернаторомъ и Виссаріономъ. Они говорили о почтовомъ домѣ, который хозяйственнымъ образомъ строилъ Захаревскій.

— Почтмейстеръ прямо мнѣ пишетъ, что домъ нигуда не годится, — говорилъ губернаторъ больше шутя, чѣмъ серьезно.

— Для меня рѣшительно все равно, хоть бы онъ провалился, — отвѣчалъ Виссаріонъ: — архитекторъ ихъ принялъ — и кончено!

— Но онъ говоритъ, что штукатурка потомъ ужъ на потолкахъ обвалилась.

— Штукатурка должна была бы или сейчасъ об-

валиться, или ужь она обыкновенно никогда не обваливается.

— Но она однако действительно обвалилась, — возражалъ слабо начальникъ губерніи.

— Очень-съ можетъ быть! очень это возможно! — отвѣчалъ бойко Захаревскій. — Они, можетъ быть, буки бучили и бѣлье парили въ комнатахъ — это какую хотите штукатурку отпарить.

— Потомъ, что полъ очень провѣсплся, бояться ходить, — какъ бы больше сообщалъ Захаревскому начальникъ губерніи.

— И то совершенно возможно! — отвѣтилъ тотъ съ прежнею развязностью: — нѣтъ на свѣтѣ балки, которая бы при двѣнадцати аршинахъ длины не провѣсла бы, только ходить отъ этого бояться нечего. Въ Петербургѣ въ домахъ всѣ полы качаются, однако этого никто не боится.

— Потомъ, что земля очень сыра и что отъ этого полы начало уже коробить.

— Непремѣнно начнетъ коробить — и мнѣ самому гораздо бы лучше было и выгоднѣе класть сухую землю, потому что ее легче и скорѣе наносили бы; но я надъ Богомъ власти не имѣю: все время шли проливные дожди, не на плитѣ же мнѣ было землю сушить; да я, наконецъ, пробовалъ это, но только не помогаетъ ничего, не сохнетъ; я обо всемъ томъ доносилъ начальству!

— Или тоже печи, пишуть: сложены изъ стараго кирпича, а тотъ изъ стѣны старой разобранъ — и весь поэтому въ известъ, что вредно для печи.

— Очень вредно-съ, но это было дѣло ихъ архитектора смотрѣть. Я сталъ ему печи изъ настоящаго

материала — и чтобы онѣ были изъ какого-нибудь негоднаго сложены, въ сдаточномъ актѣ этого незначится; но послѣ они могли ихъ переложить и сложить, Богъ знаетъ, изъ какого кирпича — времени полгода прошло!

— Но все-таки вы поправьте имъ, чтобы успокоить ихъ, — больше совѣтовалъ начальникъ губерніи, чѣмъ приказывалъ.

— Ни за что, ваше высокопревосходительство! — воскликнулъ Захаревскій: — если бы я виноватъ былъ тутъ — это дѣло другое; но я чистъ какъ солнце. Это, значитъ, прямо дать поводъ клеветать на себя — кому угодно.

— Да, но я это не для нихъ, а для себя прошу васъ сдѣлать, потому что они пойдутъ писать въ Петербургъ — а я терпѣть не могу, чтобы туда доходили дразги разныя.

— Если для васъ, ваше превосходительство, такъ я готовъ передѣлать хоть съ подошвы имъ весь домъ, но говорю откровенно: для меня это очень обидно, очень обидно, — говорилъ Захаревскій.

— Но что жъ дѣлать — мало-ли по службѣ бываетъ непріятностей! — произнесъ начальникъ губерніи тономъ философа.

— Это конечно что! — подтвердилъ также нѣсколько философскимъ тономъ и Захаревскій.

Во всемъ этомъ разговорѣ Вихрова, по преимуществу, удивила смѣлость Виссаріона, съ которою тотъ говорилъ о постройкѣ почтоваго дома. Груня еще прежде того рассказывала ему: «хозяинъ-то нашъ, вонъ, почтовый домъ строилъ, да двадцать тысячъ себѣ и взялъ; а домъ-то теперь весь прова-

лялся». Даже самъ Висспріонъ, ѣхавши разъ съ Вихровымъ мимо этого дома, показалъ ему на него и произнесъ: «вотъ я около этого камелька порядкомъ руки погрѣлъ!» а теперь онъ завѣрялъ губернатора, что чисто какъ солнце.

Лакеи въ продолженіе всего вечера безпрестанно разносили фрукты и конфекты. Наконецъ подана была груша — по два рубля штука. Виссаріонъ, не смотря на то — что разговаривалъ съ начальникомъ губерніи, не преминулъ подбѣжать къ madame Пиколовой и упросилъ ее — взять съ собой домой пятокъ такихъ грушъ. Онъ зналъ, что она до страсти ихъ любила — и ѣла ихъ обыкновенно, лежа еще въ постели поутру. За такого рода угощенье madame Пиколова была въ восторгѣ отъ вечеровъ Захаревского и ужасно ихъ хвалила, равно какъ и самого хозяина.

Прокуроръ наконецъ наглядѣлся фокусовъ и вышелъ въ залу. Вихровъ поспѣшилъ сейчасъ туда же выйти за нимъ.

— Что это, какое это еще они на меня дѣло выдумали? — спросилъ онъ.

— Не выдумали, а повернули такъ ловко, — отвѣчалъ прокуроръ: — мужики дали имъ совсѣмъ другія показанія, чѣмъ давали вамъ.

— Но отъ кого же вы это слышали?

— Губернаторъ самъ мнѣ говорилъ. «Вотъ, говоритъ, какъ слѣдствія у меня чиновники производятъ: Вихровъ, производя слѣдствіе у Клыкова, все нагаль».

— Ахъ, онъ негодяй этакій! — воскликнулъ Вихровъ, вспыхнувъ въ лицѣ: я не то что въ службѣ,

но и въ частной жизни никогда не лгалъ, — я спрошу его сегодня же!

— Спросите, — сказалъ ему прокуроръ.

Вихровъ за ужиномъ, для большей смѣлости, нарочно выпилъ ставана два вина лишнихъ — и когда оно ему немножко ударило въ голову, обратился довольно громко къ губернатору:

— Ваше превосходительство, дѣло объ опекунствѣ Клыкова, говорятъ, переслѣдовали?

Губернаторъ довольно сердито взмахнулъ на него глазами, а madame Пиколова и уши при этомъ навострила.

— Да-съ, переслѣдовали, — произнесъ губернаторъ послѣ нѣкотораго молчанія.

— И что же найдено при переслѣдованіи?

— Не знаю-съ! Я не читалъ еще самаго дѣла, — отвѣчалъ губернаторъ, взглянувъ на мгновеніе на прокурора.

Вихровъ видѣлъ, что далѣе разговаривать объ этомъ нѣтъ никакой возможности, — тѣмъ болѣе, что губернаторъ обратился къ дамамъ, съ которыми завязался у него довольно живой разговоръ.

— Мы васъ рѣшительно не пустимъ, рѣшительно не пустимъ, — говорила Пиколова Юлія.

— Вы ѣдете куда-нибудь? — вмѣшался губернаторъ.

— Да, я на той недѣлѣ уѣзжаю къ отцу, — отвѣчала Юлія довольно громко, какъ бы за тѣмъ, чтобы слышалъ Вихровъ.

— Вы уѣзжаете? — спросилъ ее тотъ.

— Непремѣнно, — отвѣчала и ему Юлія.

— А мы васъ не пустимъ, не пустимъ, — сказала губернаторъ.

— Никакія силы человѣческія меня здѣсь больше не удержатъ! — отвѣчала Юлія съ удареніемъ. — Я такъ давно не видѣла отца, — прибавила она.

Губернаторъ, уѣзжая по обыкновенію съ Пиколовой, не взглянулъ даже на Вихрова; впрочемъ, тотъ и самъ ему не поклонился.

Черезъ недѣлю Юлія въ самомъ дѣлѣ уѣхала къ отцу.

XXI.

Сборище недовольныхъ.

Отвѣтъ отъ Мари наконецъ былъ полученъ. Онъ написанъ былъ такимъ же безпокойнымъ почеркомъ, какъ и прежнее письмо:

«Милый другъ мой! Понять не могу, что такое: губернаторъ прислалъ на тебя какой-то доносъ, копию съ котораго прислалъ мнѣ Плавинъ и которую я посылаю къ тебѣ. Объ отпускѣ, значитъ, тебѣ и думать нечего. Добрый Абреевъ нарочно ѣздилъ объясняться съ министромъ, но тотъ ему сказалъ, что онъ въ распоряженіе губернаторовъ со своими подчиненными не входитъ. Если мужа ушлютъ въ Южную армію, я не поѣду съ нимъ, а поѣду въ имѣніе и заѣду въ вашъ городъ повидаться съ тобой.»

Вихровъ на первыхъ порахъ и сообразить хорошенько не могъ, что это такое съ нимъ дѣлается: съ какимъ-то оступѣвшимъ чувствомъ и безъ особеннаго даже безпокойства онъ взялъ и прочелъ копию съ доноса на него. Тамъ писалось:

«Сосланный въ ввѣренную мнѣ губернію и состоящій при мнѣ чиновникомъ особыхъ порученій, коллежскій секретарь Вихровъ, дозволилъ себѣ, при производствѣ имъ слѣдствія по опегунскому управленію штабсъ-капитана Клыкова, внушать вкрестьянамъ неповиновеніе и отбиралъ отъ нихъ пристрастныя показанія, — при производствѣ дознанія объ единовѣрцахъ, вошелъ черезъ жену мѣстнаго становаго пристава въ денежныя сношенія съ раскольниками, — и, наконецъ, посланный для поимки бѣгуновъ, захватилъ оныхъ вмѣстѣ съ понятыми въ количествѣ двухъ человѣкъ, но, по небрежности или изъ каприхъ-либо иныхъ цѣлей, отпустилъ ихъ, и такимъ образомъ далъ имъ возможность избѣжать кары закона.»

«Почтительнѣйше представляя все сіе на благоумотрѣніе вашего сіятельства, имѣю честь испрашивать разрѣшеніе о преданіи чиновника особыхъ порученій Вихрова суду.» Далѣе рукой Плавина въ этой копіи было прибавлено: «Разрѣшеніе это и послѣдовало уже.»

По прочтеніи всего этого Вихрову сдѣлалось даже смѣшно — и онъ не успѣлъ еще перейти ни къ какому другому чувству, какъ въ залѣ послышалась походка со шпорами.

«Ужъ не опять ли меня ссылаютъ куда-нибудь подальше?» подумалъ онъ.

Въ комнату къ нему, въ самомъ дѣлѣ, входилъ полиціймейстеръ.

— Я къ вамъ привезъ предписаніе начальника губерніи, — началъ тотъ, вынимая изъ-за борта мундира бумагу.

Вихровъ взялъ ее у него. Въ предписаніи было сказано:

«Предавъ васъ вмѣстѣ съ симъ за противозаконныя дѣйствія по службѣ суду и съ удаленіемъ васъ на время производства суда и слѣдствія отъ должности, и вмѣстѣ съ симъ предписываю вамъ о невыѣздѣ нигуда изъ черты городской впредь до окончанія объ васъ упомянутаго дѣла!»

— Очень хорошо-съ! — сказалъ Вихровъ, обратясь къ полиціймейстеру.

— Позвольте мнѣ отъ васъ получить росписку въ полученіи этого предписанія, — проговорилъ тотъ.

Вихровъ далъ ему эту росписку.

Полиціймейстеръ не уходилъ: ему тоже, какъ видно, хотѣлось ругнуть губернатора.

— Вотъ начальство-то какъ нынче распоряжается! — проговорилъ онъ; но Вихровъ ему ничего не отвѣчалъ. Полиціймейстеръ былъ созданъ губернаторомъ и одинъ изъ довѣреннѣйшихъ его людей; но начальникъ губерніи принадлежалъ къ такимъ именно начальникамъ, которыхъ даже любимые и облагодѣтельствованные имъ подчиненные терпѣть не могутъ.

Въ залѣ, между тѣмъ, раздались новые шаги.

Вихровъ взмахнулъ глазами: въ двери входили оба брата Захаревскіе — на лицахъ у обоихъ была написана тревога.

— Я все, кажется, исполнилъ, что вы желали, — обратился Вихровъ къ полиціймейстеру.

Тотъ понялъ этотъ намекъ, поклонился и ушелъ.

— Вы слышали, какую штуку съ вами сыгралъ

господинъ губернаторъ? — спросилъ прокуроръ. У него губы даже были блѣдны отъ гнѣва.

— Читаю вотъ все это теперь, — отвѣчалъ Вихровъ.

Виссаріонъ Захаревскій началъ молча ходить взадъ и впередъ по комнатѣ; онъ тоже былъ возмущенъ поступкомъ губернатора.

— Я журнала ихъ о преданіи васъ суду не пропустилъ, — началъ прокуроръ: — во-первыхъ, въ дѣлѣ о пристрастіи вашемъ въ допросахъ спрошены совершенно не тѣ крестьяне, которыхъ вы спрашивали, — и вы, напримѣръ, спросили семьдесятъ человѣкъ, а они — троихъ.

— Троихъ! — воскликнулъ Вихровъ.

— Троихъ! — повторилъ прокуроръ. — Потомъ о голодѣ и холерѣ они никакихъ новыхъ повальныхъ обысковъ не дѣлали, а взяли только прежнія о томъ постановленія земскаго суда и опеки. Въ дѣлѣ аки бы вашихъ сношеній черезъ становую приставшу съ раскольниками — есть одно только голословное письмо священника; я и говорю, что прежде, чѣмъ предавать человѣка суду, надо обслѣдовать все это законнымъ порядкомъ; они не согласились, въ то же присутствіе постановили, что они приведутъ въ исполненіе прежнее свое постановленіе; а я съ своей стороны донесу министру своему.

— Благодарю васъ, — сказалъ Вихровъ, протягивая ему руку.

— Это невозможно, невозможно-съ, — говорилъ прокуроръ: губы у него все еще оставались блѣдными отъ гнѣва.

Виссаріонъ тоже наконецъ заговорилъ.

— Главное дѣло тутъ — мечь не хороша, — началъ онъ: — господинъ Вихровъ не угодилъ ему, не хотѣлъ угодить ему въ дѣлѣ близкомъ для него; ну, передай это дѣло другому — и кончено; но мстить, подбирать къ этому еще другія дѣла — по моему, это не хорошо.

— Вопросъ тутъ не во мнѣ, — началъ Вихровъ, собравшись наконецъ съ силами высказать все, что накопилось у него на душѣ: — можетъ быть, я самъ во всемъ виноватъ и дѣйствительно никуда и ни на что не гожусь; можетъ быть, виновата въ томъ несчастная судьба моя; но, увы! не я тутъ одинъ такъ страдаю, а сотни и тысячи подчиненныхъ, которыми начальство распоряжается чисто для своей потѣхи. Будь еще у насъ какія-нибудь партіи, и когда одна партія восторжествовала бы, такъ давила бы другую, — это было бы еще въ порядкѣ вещей; но у насъ ничего этого нѣтъ, а просто тираны забавляются своими жертвами: какъ нѣкогда татары обращались съ нами въ Золотой ордѣ, такъ и мы обращаемся до сихъ поръ съ подчиненными нашими!.. Вотъ даю клятву, — продолжалъ Вихровъ: — что бы со мной ни было, куда бы судьба меня ни закинула, но разоблачать и предавать осмѣянію и поруганію всѣхъ этихъ господъ — составить цѣль моей жизни!..

— Все это совершенно справедливо! — подхватилъ инженеръ: — и противъ этого можно только возразить: гдѣ-жъ этого нѣтъ? Вездѣ начальство желаетъ, чтобы подчиненные служили въ ихъ духѣ; вездѣ есть пристрастіе; вездѣ есть корыстолюбіе.

— Какъ вездѣ? — спросилъ прокуроръ. — Ни на одномъ языкѣ слова даже нѣтъ; *взятка*.

— Слова нѣтъ, а самое дѣло есть, — иронически смѣясь инженеръ.

— Нигдѣ такого дѣла нѣтъ, нигдѣ! — воскликнулъ Вихровъ: — извините, Виссаріонъ Ардаліоничъ, я сегодня въ сильно раздраженномъ состояніи — и потому не могу удержаться и приведу вамъ васъ же самихъ въ примѣръ: въ вашемъ домѣ этотъ господинъ губернаторъ... когда вы разговаривали съ нимъ о разныхъ вашихъ упущеніяхъ при постройкѣ дома, онъ какъ бы больше шутя съ вами, находя все это вѣроятно вздоромъ, пустяками, — и въ то же время, меня, человѣка неповиннаго ни въ чемъ и только исполнившаго честно свой долгъ, передаетъ суду; съ такимъ безстыдствомъ поступать въ общественной дѣятельности можно только въ азіатскихъ государствахъ!

Инженеръ весь вспыхнулъ.

— Да вы, можетъ быть, Богъ знаетъ, какъ напутали при исполненіи вашихъ порученій; онъ этимъ и воспользовался — отдалъ васъ подъ судъ.

— Если бы даже я и напуталъ, такъ онъ не долженъ былъ бы смѣть отдавать меня подъ судъ, потому что онъ все-таки зналъ, что я честно тутъ поступалъ!

Пріѣздъ новыхъ гостей прервалъ этотъ разговоръ. Это былъ Кноповъ, который, по обыкновенію, во фракъ и съ прищипленною на борту сабелькою, увѣщенной крестами и медальками, входилъ, переваливаясь съ ноги за ногу, — а за нимъ слѣдовалъ, съ своимъ строгимъ и малоподвижнымъ лицомъ, уже знакомый намъ совѣстный судья.

— Сейчасъ только услыхалъ въ клубѣ о постиг-

шемъ васъ гнѣвъ отъ нашего грознаго царя Ивана, — началъ Кноповъ, относясь къ Вихрову: — и поспѣшилъ вмѣстѣ съ Дмитріемъ Дмитріевичемъ (прибавилъ онъ, указывая на судью) засвидѣтельствовать вамъ свое почтеніе и уваженіе!

Вихровъ поблагодарилъ того и другаго.

— Здравствуйте, молодая юстиція, — продолжалъ Кноповъ, обращаясь къ прокурору: — у нихъ, вѣдь, какъ только родится правовѣдъ, такъ его сейчасъ въ предсѣдательскій мундиръ и одѣваютъ. Мое почтеніе, украшатели городовъ, — сказалъ Петръ Петровичъ и инженеру: — имъ велѣно шоссе исправно содержать, а они вмѣсто того города украшаютъ: строятъ все дома себѣ.

Судья молча и солидно со всѣми раскланялся.

Усѣлись всѣ.

Судья первый началъ говорить.

— На меня губернаторъ тоже написалъ доносъ, — сказалъ онъ Вихрову.

— Это по случаю кандидатуры на мѣсто предсѣдателя? — спросилъ тотъ.

— Да-съ, — продолжалъ судья какимъ-то ровнымъ и металлическимъ голосомъ: — онъ нашелъ, что меня нельзя на это мѣсто утвердить, потому что я къ службѣ нерадивъ, жизни разгульной и въ понятіяхъ вольнодуменъ. Противъ всего этого я имѣю имъ же самимъ данные мнѣ факты. Что я не нерадивъ къ службѣ — это я могу доказать тѣмъ, что послѣ каждой ревизіи моего суда онъ объявлялъ мнѣ печатную благодарность; бывалъ-съ потомъ весьма часто у меня въ домъ; я у него распоряжался на балахъ; былъ приглашаемъ имъ на самыя маленькіе обѣды

его. Какимъ же образомъ онъ это дѣлалъ? Если я человекъ разгульной жизни и вольнодумныхъ мыслей — такихъ людей начальникъ губерніи обыкновенно къ себѣ не приближаетъ и не долженъ приближать. О всемъ этомъ у меня составлены докладныя записки, изъ коихъ одну я подалъ министру внутреннихъ дѣлъ, а другую — министру юстиціи.

— Митя у меня молодецъ! — подхватилъ Кноповъ. — У него и батява былъ такой сутяга: у того Герасимовъ, богатый баринъ, поля собаками помялъ да коровъ затравилъ, тридцать лѣтъ съ нимъ тягался — однако оттягалъ: заставили того заплатить всѣ проторы и убытки...

— Я не то что сутяга, — возразилъ ему судья: — а ужъ, конечно, никому не позволю наступать себѣ на ногу, если я знаю, что я въ чемъ-нибудь правъ!.. Въ этой докладной запискѣ, — продолжалъ онъ снова, относясь къ Вихрову: — я объясню и причины, по которымъ начальникъ губерніи порочить меня. «Для госпожи Пиколовой», я пишу: «выгнаны четыре исправника и замѣнены ея родственниками; за госпожу Пиколову ратманъ за то, что въ лавкѣ у него не повѣрили ей въ долгъ товару, былъ выдержанъ цѣлый мѣсяцъ при полиціи; за госпожу Пиколову господинъ Вихровъ за то, что онъ произвелъ слѣдствіе объ ея родномъ братѣ — не такъ, какъ тому желалось, преданъ теперь суду». Я вотъ нарочно и заѣхалъ къ вамъ, чтобы попросить васъ позволить мнѣ упомянуть также и о васъ.

— Сдѣлайте одолженіе, — подхватилъ Вихровъ.

— Кромѣ того, у меня собраны отъ разныхъ жителей города такого рода записки: «Ахъ, тамъ, по-

жалуйста, устройте балъ у себя, madame Пиколовой такъ хочется потанцовать» или «мы съ madame Пиколовой приѣдемъ къ вамъ обѣдать» и все въ этомъ родѣ. Какъ потомъ будетъ угодно министрамъ — обратитъ на это вниманіе или нѣтъ, но я имъ представляю факты.

— Это, братъ, еще темна вода въ облацѣхъ, что тебѣ министры скажутъ, — подхватилъ Кноповъ: — а вотъ гораздо лучше по-нашему, по-офицерски, поступить: какъ къ нѣкоторымъ полковымъ командирамъ офицеры являлись. «Ваше превосходительство, или берите другой полкъ, или выходите въ отставку, а мы съ вами служить не желаемъ; не дѣлайте ни себя, ни насъ несчастными, потому что въ противномъ случаѣ кто-нибудь изъ насъ по жребію долженъ будетъ вамъ дать въ публичномъ мѣстѣ оплеуху!» — и всегда, вѣдь, выходили; ни одинъ не оставался.

— Губернаторъ и полковой командиръ — двѣ вещи разныя, — возразилъ ему судья: — въ полкахъ все-таки было развито чувство чести!

— Губернаторъ просто назоветъ это скопомъ и донесетъ на васъ, — подхватилъ прокуроръ: — и васъ всѣхъ разошлютъ по дальнимъ губерніямъ.

— Да, пожалуй, разсылай, — эка важность! Народъ-то нынче трусоватъ сталъ, — продолжалъ Петръ Петровичъ, мотнувъ головой: — вонъ какъ встарину прежде дворяне-то были — Бобковъ и Хлопковъ. Разъ они въ чемъ-то разругались на балотировкѣ: «Ты, говоритъ одинъ другому, — не смѣй мнѣ говорить, я два раза въ солдаты былъ разжалованъ!» — «А я, говоритъ другой, — въ рудникахъ на каторгѣ былъ!» — хвастающаго друга передъ другомъ тѣмъ; а

вонъ нынѣшніе-то лнзуны — какъ съѣдутся зимой, баль-костюме сейчасъ надо для начальника губерніи сдѣлать. Онъ меня разъ спрашиваетъ: «Будете вы въ маскарадѣ и какъ замаскируетесь?..» — «Министромъ», говорю. — «Зачѣмъ же, говоритъ, министр?» — «Чтобы чиновниковъ, говорю, — всѣхъ выгнать вонъ». — «Что же, говоритъ, — и меня выгоните?» — «Въ первую голову», говорю. Смѣется, но послѣ того на обѣды пересталъ звать... Однако, моя милая братія, пора намъ и *пуа!* — заключилъ Кноповъ, уже вставая.

— *Пуа?* — спросилъ его вставая Вихровъ.

— *Пуа!*.. непременно *пуа!*... — повторилъ Кноповъ. — Вы, Ѳемида юная, поѣдете съ нами?... Въ клубъ, вѣдь, только! никуда больше!... — сказалъ онъ прокурору.

— Извольте! — отвѣчалъ тотъ.

— А вы, градоукрашатель? — обратился онъ къ инженеру.

— И я поѣду, — отвѣчалъ тотъ.

— Съ васъ непременно — дюжину шампанскаго, — говорилъ Кноповъ: — а то скажу, изъ какаго лѣсу вы подъ городомъ мостъ строили. «Куда это, — говорю, — братцы, вы гнилушки-то эти везете — на заводъ, что-ли, куда-нибудь въ печь?» — «Нѣтъ, говорятъ, — мостъ строить!»

— Ну, ну! всегда одно и то же толкуете! — говорилъ инженеръ, идя за Петромъ Петровичемъ, который выходилъ въ сопровожденіи всѣхъ гостей въ переднюю. Тамъ онъ не утерпѣлъ, чтобы не пошутить съ Груней, у которой едва доставало силенки подать ему его огромную медвѣжью шубу.

— Что вы, милушка, нянюшкой, что-ли, за вашимъ бариномъ ходите? — спросилъ онъ ее.

— Нянюшкой-съ, — пошутила и Груша краснѣя.

— Что же, вы ему спинку и грудку третете? — спрашивалъ Кяповъ.

— Нѣтъ-съ, не тру, — отвѣчала Груня, смѣясь и еще болѣе краснѣя.

— Трите, милушка, трите — это пользительно бываетъ!

Вихровъ, проводивъ гостей, началъ себя чувствовать очень нехорошо. Онъ легъ въ постель; но досада и злоба, доходящія почти до отчаянія, волновали его. Не наиши Мари ему спасительныхъ словъ своихъ, что пріѣдетъ къ нему, — онъ, пожалуй, Богъ знаетъ, на что бы рѣшился.

На другой день онъ всталъ въ лихорадкѣ и весь желтый: у него разлилась страшнѣйшая желчь.

ЛЮДИ СОРОКОВЫХЪ ГОДОВЪ.

РОМАНЪ ВЪ ПЯТИ ЧАСТЯХЪ.

ЧАСТЬ ПЯТАЯ.

I.

Радостныя извѣстія.

Уже около двухъ мѣсяцевъ Вихровъ лежалъ больной. Онъ все почти время проводилъ одинъ; изъ друзей его никого не было въ городѣ: Кноповъ жилъ въ деревнѣ; прокуроръ вмѣстѣ съ совѣтнымъ судьей (и врядъ-ли не за тѣмъ, чтобы помочь тому подшибить губернатора) уѣхалъ въ Петербургъ. Инженеръ тоже повкалъ съ ними, чтобы, какъ онъ выражался, пообдѣлать кой-какія дѣлишки, и такимъ образомъ единственной собесѣдницей героя моего была Груша, очень похорошѣвшая послѣднее время—и начавшая одѣваться совершенно какъ барышня. Она цѣлые дни сидѣла у него въ комнатѣ и щебетала ему, какъ тричка, разныя разности.

Однажды, это было въ пятницу на Страстной не-

дѣлѣ, Вихрью лежалъ, закинувъ голову на подушки ему невольно припоминалась другая, нѣкогда бывшая для него Страстная недѣля, когда онъ жилъ у Крестовниковыхъ: какъ онъ былъ тогда покоенъ, счастливъ; какъ мало еще зналъ всѣхъ гадостей людскихъ; какъ онъ вѣрилъ въ то время въ жизнь, въ правду, въ свои собственные силы; а теперь все это было разбито — и что предстояло впереди, онъ еще и самъ не зналъ хорошенько.

Груша, между тѣмъ, думая, что баринъ скучаетъ, не преминула сейчасъ же начать развлекать его своими разговорами. По случаю такихъ великихъ дней, она попреимуществу старалась говорить о божественномъ.

— А что, баринъ, правда ли, — спросила она: — когда Христось воскресъ, то пришелъ въ адъ и заковалъ сатану?

— Правда, — отвѣчалъ Вихрью: — потому что доброе и великое начало, которое есть во Христѣ, непременно должно было заковать начало злое.

— И что будто бы, баринъ, — продолжала Груша: — цѣпь эту, чтобы разломать ее, дьяволы круглый годъ пилать, — и какъ только самая малость у нихъ останется, съ ушко игольное, вдругъ подойдетъ Христовъ день, пропоятъ «Христось воскресе!» цѣпь опять цѣла и сдѣлается?...

— И это справедливо, — подтвердилъ Вихрью: — злое начало, какъ его ни заковывай, непременно въ жизни человѣческой начнетъ проявляться — и все больше и больше, пока снова не произнесутся слова любви и освобожденія: тогда оно опять пропадетъ...

Но кто-жь тебѣ все это рассказывалъ? — прибавилъ онъ, обращая съ радушіемъ свое лицо къ Грунѣ.

— Да тутъ старушка, баринъ, къ намъ одна въ Воздвиженское ходила: умная этакая, начетчица!... Она еще говорила: какъ Христось тогда сошелъ въ адъ — всѣхъ грѣшниковъ и увелъ съ собою, только одного царя Соломона оставилъ тамъ. «Что-жь, говоритъ, Господи, ты покинулъ меня?» — «А то, говоритъ, что ты своимъ умомъ выходи!» Соломонъ и сталъ проситься у сатаны. Тотъ говоритъ: «хорошо, поклонись только мнѣ!» Что дѣлать царю Соломону? Онъ однако день-другой подумалъ и согласился: поклонился сатанѣ, а самъ при этомъ все держать ручку вверхъ, — и, батюшки, весь адъ всплескалъ отъ радости, что царь Соломонъ сатанѣ поклонился... Тотъ отпускаетъ его; только Соломонъ, какъ на землю-то вышелъ, и говоритъ дьяволамъ, которые его провожали: «я, говоритъ, не сатанѣ вашему кланялся, а Христу; вотъ, говоритъ, и образъ его у меня на большомъ пальцѣ написанъ!...» Это онъ какъ два-то дни думалъ и нарисовалъ себѣ на ногтю образъ Спасителя.

Замѣтивъ при этомъ на губахъ у Вихрова улыбку, Груша приостановилась.

— Что, баринъ, видно, это неправда? — спросила она.

Вихровъ недоумѣвалъ, что ему отвѣчать: разочаровывать Грушу въ этихъ ея вѣрованіяхъ ему не хотѣлось, а оставлять ее при томъ ему тоже было жаль.

— Ну, а сама какъ ты думаешь: правда это или нѣтъ? — спросилъ онъ ее въ свою очередь.

— Миѣ-то, баринѣ, сумнительно, — отвѣчала Груша: — что, неужели, въ аду-то кисти и краски есть, которыми царь Соломонъ образъ-то нарисовалъ.

— Это не то что онъ образъ нарисовалъ, — объяснялъ ей Вихровъ: — онъ въ мысляхъ своихъ только имѣлъ Христа, когда кланялся сатанѣ.

— Такъ, такъ!... — подхватила радостно Груша: — я сама тоже думала, что это онъ только въ миѣниі своемъ имѣлъ; вотъ тоже, какъ и мы, грѣшные, дѣлаемъ одно дѣло, а думаемъ совсѣмъ другое.

— Какое же это ты дѣло дѣлаешь, а думаешь другое? — спросилъ ее Вихровъ.

— Да вотъ, баринѣ, хоть бы то, — отвѣчала Груша, немного покраснѣвъ: — вотъ какъ вы, пока въ деревнѣ жили, заставите бывало меня что-нибудь дѣлать — я и дѣлаю, а думаю не про то; работа то ужъ и неспорится отъ этого.

— Про что-жь ты думаешь?

— А про то, баринѣ (и лицо Груши при этомъ зардѣлось, какъ маковъ-цвѣтъ), что я люблю васъ очень!

— Вотъ какая ты! — проговорилъ Вихровъ.

— Да, баринѣ, очень васъ люблю! — повторила еще разъ Груша и потомъ, истощивъ, какъ видно, весь разговоръ о божественномъ, перешла и на другой предметъ.

— А что, баринѣ, государь Николай Павловичъ померъ ужъ?

— Померъ.

— Теперь, значить, у насъ государь Александръ Николаевичъ.

— Александръ Николаевичъ.

— Онъ, говорятъ, добрый?

— Очень.

Груша, кажется, хотѣла еще что-то спросить; но въ это время послышался звонокъ, затѣмъ говоръ и шумъ шаговъ.

— Это, должно быть, Кноповъ пріѣхалъ, — проговорилъ Вихровъ.

— Онъ и есть, надо быть, — медвѣдь этакой! — сказала Груша, и поспѣшила захватить работу и встать съ своего мѣста.

Въ комнату въ самомъ дѣлѣ входилъ Кноповъ, который, какъ только показался въ дверяхъ, такъ сейчасъ-же и запѣлъ своимъ пріятнымъ густымъ басомъ:

«Волною морскою скрывшаго древле гонителя, мучителя...»

— Что это такое?.. Отъ вечерни, что-ли, вы? — спросилъ его Вихровъ, поднимаясь со своей постели.

— Изъ дому-съ! — отвѣчалъ Петръ Петровичъ и сейчасъ же замѣтилъ, что Груша какъ бы немного пряталась въ темномъ углу.

— Это, сударыня, куда вы ушли? Пожалуйста сюда и извольте садиться на ваше мѣсто! — проговорилъ онъ и подвелъ ее къ тому мѣсту, на которомъ она спдѣла до его прихода.

Груша очень конфузилась.

— Да вы сами-то извольте садиться, — проговорила она.

— Я-то сяду; ты-то садись и не скрывай отъ насъ твоего прелестнаго лица! — проговорилъ Петръ Петровичъ.

— Садись, Груша, ничего!.. — повторилъ ей и Вихровъ.

Груша съла, но все-таки — продолжала конфузиться.

Петръ Петровичъ затѣмъ и самъ, точно ступодовая гиря, опустился на стулъ.

— Съ вѣстями я-съ, съ большими!.. Нашего гонителя, мучителя скрыли, почеркнули — хе, хе, хе!.. И Петръ Петровичъ захохоталъ громчайшимъ смѣхомъ на всю комнату.

— Какого-же? Неужели губернатора нашего? — спросилъ Вихровъ и вспыхнулъ даже въ лицѣ отъ удовольствія.

— Его самага-съ! — подтвердилъ Петръ Петровичъ.

— Но какимъ же это образомъ случилось — и за что?

— Это все Митька, нашъ совѣстный судья — натворилъ: долѣзъ сначала до министровъ, тѣмъ пожаловался; потомъ этотъ молодой генералъ, Абреевъ, что-ли, къ которому вы давали ему письмо, свезъ его къ какой-то важной барынѣ на раутъ. «Вотъ,— говоритъ, вы тому, другому, третьему расскажите о вашемъ дѣлѣ...» Онъ всѣмъ и объяснилъ — и пошелъ трезвонъ по городу!.. Министръ видитъ, что весь Петербургъ кричитъ, — нельзя-жъ подобнаго господина терпѣть на службѣ; — и сдѣлалъ докладъ, что по дошедшимъ неблагопріятнымъ отзывамъ уволить его...

Ко всему этому разсказу Груша внимательнѣйшимъ образомъ прислушивалась.

— Ну, слава тебѣ, Господи! — сказала она и

даже перекрестилась при этомъ: изъ разныхъ отрывочныхъ словъ барина она очень хорошо понимала своимъ любящимъ сердцемъ, какой злодѣй былъ губернаторъ для Вихрова.

— Но знаетъ-ли онъ о своей участи? — спросилъ тотъ Петра Петровича.

— Знаетъ — какже! Я нарочно сегодня заѣзжалъ къ Пиколовымъ — сидятъ оба, плачутъ, мужъ и жена, — ей-богу!.. «Что это, — я говорю невиннѣйшимъ, знаете: голосомъ: — Ивана-то Алексѣевича вытурили, говорятъ, изъ службы?» — «Да, — говорить, энъ не хочетъ больше служить и переѣзжаетъ въ Москву.» — «Какъ же, говорю, вы безъ него скучать будете — и вы-бы переѣзжали съ нимъ въ Москву.» — «У насъ, — говорить, — состоянія нѣтъ на то!» — «Что-жь, говорю, вашему супругу тамъ бы мѣсто найдти; вотъ, говорю, отличнѣйшая тамъ должность открылась: двѣ съ половиной тысячи жалованья, мундиръ 5-го класса, стеречь Минина и Пожарскаго, чтобъ не украли!» — «Ахъ, — говорить, — отъ кого же это зависигъ?» — «Кажется, говорю, отъ оберъ-полицеймейстера». — Повѣрили дурачье этакое!

— Какъ-то мое дѣло теперь повернется — интересно!.. — произнесъ Вихровъ, видимо больше занятый своими мыслями, чѣмъ рассказомъ Кнопова: — я ужъ подалъ жалобу въ Сенатъ.

— Повернется непременно въ вашу пользу. На мѣсто Мохова, говорятъ, сюда будетъ назначенъ этотъ Абреевъ — пріятель вашъ.

— Неужели? — воскликнулъ Вихровъ съ явнымъ удовольствіемъ.

— Онъ, говорятъ, непремѣнно.

— Груша, — слышишь: баринъ твой прежній будетъ сюда назначенъ губернаторомъ.

— Слышу — да-съ! — отвѣчала та тоже радостно: она, впрочемъ, больше всего ужь рада была тому, что прежняго-то злодѣя смѣнили.

— Абреевъ — человекъ отличнѣйшій, честный, свободно-мыслящій, — говорилъ Вихровъ.

— Такъ мнѣ и Митрій Митричъ пишетъ: «человекъ, говоритъ, очень хорошій и воспитанный.»

— Но скажите, пожалуйста, что-же Захаревскіе дѣлаютъ въ Петербургѣ?.. Ни одинъ изъ нихъ мнѣ ни строчки, ни звука не пишетъ, — продолжалъ Вихровъ, видимо повеселѣвшій и разговорившійся.

— Да старшій-то, слышно, въ Петербургѣ и останется; давно ужь ему тоже хотѣлось туда: все здѣсь ниже своего ума находилъ; а младшій, говорятъ, дѣло какое-то торговое беретъ, — продуфъ, вѣдь, малый!..

Въ это время послышался въ передней снова звонокъ.

— Видно, еще кто-то пріѣхалъ! — проговорила Груша и проворно вышла, чтобы посмотрѣть — кто. Вскорѣ она возвратилась: но лицо ея было далеко не такъ весело, какъ было оно за нѣсколько минутъ.

— Это письмо къ вамъ-съ, — сказала она замѣтно сухимъ тономъ, — отъ Марьи Николаевны, надо быть, — прибавила она и какъ будто-бы что-то въ родѣ грустной улыбки промелькнуло у нея на губахъ. Груша, — не смотря на то, что умѣла только читать печатное, — почеркъ Марьи Николаевны знала уже хорошо.

Вихровъ дрожащими руками распечаталъ письмо Мари и началъ его читать.

Мари писала:

«Наконецъ Богъ мнѣ помогъ сдѣлать для тебя хоть что-нибудь: по дѣлу твоему въ Сенатъ я просила нѣсколько сенаторовъ и рассказала имъ все до подробности; оно уже рѣшено теперь и тебя вѣрно освободить отъ суда. По случаю войны, здѣсь всё въ ужасной агитаціи — и ты знаешь вѣроятно изъ газетъ, что нашему бѣдному Севастополю угрожаетъ сильная бѣда; войска наши, одно за другимъ, шлютъ туда; мужа моего тоже посылаютъ на очень важный постъ — и поэтому къ нему очень благосклоненъ министръ и даже спрашивалъ его, не желаетъ-ли онъ что-нибудь поручить ему или о чемъ-нибудь попросить его; мужъ, разумѣется, сначала отказался; но я рѣшилась воспользоваться этимъ — и моему милому Евгенію Петровичу вдунула въ уши, чтобы онъ попросилъ за тебя. Генераль мой сперва отъ этого немножко поморщился; но я ему втолковала, что это онъ дѣлаетъ истинно доброе дѣло. Онъ убѣдился этимъ, попросилъ министра, — и, чрезъ ходатайство того, тебѣ разрѣшено выйти въ отставку и жить въ деревнѣ; о большемъ пока я еще и не хлопотала, потому что, какъ только мужъ уѣдетъ въ Севастополь, я сейчасъ-же ѣду въ имѣніе наше и увижусь съ тобою въ твоёмъ Воздвиженскомъ. Мнѣ иногда казалось, что ты, смотря на мою жизнь, какъ будто-бы спрашивалъ взглядомъ твоимъ: за что я полюбила мужа моего и отдала ему руку и сердце? Исторія этой любви очень проста: онъ тогда только-что возвратился съ Кавказа, слава гремѣла объ его

храбрости, всё товарищи его съ удивленіемъ и восторгомъ говорили объ его мужествѣ и твердости, — голова моя закружилась — и я, забывъ всё другія качества человѣка, видѣла въ немъ только *героя-храбреца*. Въ настоящее время я какъ бы вижу подтвержденіе этой молвы объ немъ: ему уже слишкомъ пятьдесятъ лѣтъ, онъ любитъ меня, сына нашего, — но когда услыхалъ о своемъ назначеніи въ Севастополь, то не только не поморщился, но какъ будто-бы даже помолодѣлъ, расторопнѣй и живѣй сдѣлался — и собирается теперь, какъ онъ выражается, на этотъ *кровавый пиръ* такъ же весело и спокойно, какъ будто-бы онъ ѣхалъ на какой-нибудь самый пріятнѣйшій для него вечеръ; ясно, что *воевать* — это его дѣло, его призваніе, его сущность: онъ — воинъ по натурѣ своей, воинъ органически. — Точно также и тотъ ненавистный капитанъ, который такъ тебѣ не понравился тогда у насъ на вечерѣ. Онъ самъ Христомъ Богомъ упрашивалъ мужа, чтобы тотъ взялъ его съ собою, — и когда Евгенийъ Петровичъ согласился, то надобно было видѣть восторгъ этого господина; о непріятелѣ онъ не можетъ говорить безъ пѣны у рта — и говоритъ, что вся Россія должна вооружиться, чтобы не дать нанести себѣ позора, который задумала ей сдѣлать Франція за 12-й годъ. Все это много помирило меня съ нимъ за его дикія мнѣнія. Нѣтъ сомнѣнія, что онъ — искреннѣйшій патріотъ и любить Россію по своему, какъ только умѣеть. До свиданья, другъ мой!»

— Нѣтъ, въ одинъ день и много ужъ получать

столько счастья! — сказалъ Вихровъ, глядя письмо и ложась отъ душевнаго волненія на постель.

— Что такое еще пишутъ? — спрашивалъ Петръ Петровичъ.

— Пишутъ, во-первыхъ, — отвѣчалъ Вихровъ, растирая себѣ грудь: — что я отъ суда избавленъ.

Груша опять при этомъ потихоньку перекрестилась.

— И мнѣ разрѣшено выйдти въ отставку и ѣхать въ деревню.

Груша вся какъ-бы превратилась въ слухъ.

— И выходите сейчасъ-же! чортъ съ ней, съ этой службой! я самъ, вонъ, въ предводители даже никогда не балотировался, потому что все-таки надобно кланяться разнымъ властямъ. Однако, прощайте, — прибавилъ онъ, замѣтивъ, что у хозяина отъ сильнаго волненія слезы ужъ показывались на глазахъ.

— Нѣтъ, Петръ Петровичъ, вы должны у меня выпить бутылочку шампанскаго.

— А сами вы будете пить со мной? — спросилъ тотъ.

— Самъ я не могу; вы видите, я боленъ.

— Ну-съ, мой милый, у меня всегда было священнѣйшимъ правиломъ, что съ друзьями пить сколько угодно, а одному — ни капли. Au revoir! Успѣемъ еще, спрыснемъ какъ-нибудь! — проговорилъ Петръ Петровичъ, и, поднявшись во весь свой огромный ростъ, потрясъ дружески у Вихрова руку, а затѣмъ онъ повернулся и на своихъ больныхъ ногахъ присѣлъ передъ Грушей.

— Adieu, mademoiselle, — сказалъ онъ.

— *Адѣ, мѣѣ*,— произнесла та, сама тоже присѣдая передъ нимъ.

Петръ Петровичъ повернулся — и молодцовато, и явно модничая, пошелъ въ переднюю, гдѣ не допустилъ Грушу подать ему шинель, а самъ ловко снялъ ее съ вѣшалки и надѣлъ въ рукава.

— Поберегите ваши слабыя силы для вашего слабаго барина,— проговорилъ онъ нѣжнымъ голосомъ Грушѣ.

— Слушаю-съ!— отвѣчала та и, проводивъ гостя, сейчасъ-же поспѣшила къ Вихрову, который настоящимъ уже образомъ рыдалъ.

Груша, съ испуганнымъ лицомъ, остановилась передъ нимъ.

Онъ взялъ ее за руку.

— Что-жь мы, баринъ, и уведемъ отсюда?— спросила она.

— Уведемъ, уведемъ, на слѣдующей же недѣлѣ уведемъ!— отвѣчалъ онъ.

Груша нѣсколько времени какъ бы не рѣшалась его о чемъ-то спросить.

— Вы, баринъ, не вздумайте,— начала она, и при этомъ поблѣднѣла даже отъ страха,— не вздумайте меня съ обозомъ отправить отсюда.

— Нѣтъ, какъ это возможно!— сказалъ Вихровъ.

— Да-съ, гдѣ вамъ этакому больному ѣхать одному — я за вами и похожу!— сказала Груша, вся вспыхнувъ отъ радости.

— И походишь!— говорилъ Вихровъ и слегка притянулъ ее къ себѣ.

Груша сѣла на самый краешекъ постели и принялась нѣжными глазами глядѣть на него.

II.

Старые знакомые.

Опять май и опять Воздвиженское. Вихровъ сидѣлъ на балконѣ и любовался прелестными окрестностями. Онъ сегодня только пріѣхалъ; здоровье его почти совершенно поправилось; никакая мать не могла бы такъ ухаживать за своимъ ребенкомъ, какъ ухаживала за нимъ въ дорогѣ Груша. Чтобы не съѣлъ онъ чего-нибудь тяжелого, она сама приготавливала ему на станціяхъ кушанья; сама своими слабыми рученками стлала ему постель, сторожила его, какъ аргусъ, когда онъ засыпалъ въ экипажѣ, — и теперь, пріѣхавъ въ Воздвиженское, она, какая-то гордая, торжествующая, въ свѣженькомъ холстинковомъ платьѣ, ходила по всему дому и распоряжалась.

Передъ Вихровымъ въ это время стоялъ старикъ, съ сѣдой бородой, въ коротенькой, черной поддевкѣ и въ солдатскихъ, съ высокими голенищами, сапогахъ. Это былъ Симоновъ. Вихровъ, какъ тогда посылали его на службу, сейчасъ же распорядился, чтобы отыскали Симонова, котораго онъ сдѣлалъ потомъ управляющимъ надъ всѣмъ своимъ имѣніемъ. Теперь онъ, по крайней мѣрѣ съ полчаса, разговаривалъ съ своимъ старымъ пріятелемъ, и все ихъ объясненіе больше состояло въ томъ, что они говорили другъ другу нѣжности.

— Никакъ-бы я васъ, Павелъ Михайлычъ, не узналъ, ей-богу! — говорилъ, почти съ какимъ-то восторгомъ глядя на Вихрова, Симоновъ.

— И тебя борода много пзмѣнила, — сказалъ ему тотъ.

— Я бы ее, проклятую, — отвѣчалъ Симоновъ: — никогда и не отпустилъ: терпѣть не могу этой мочалки; да бритву-то, дуракъ этакой, гдѣ-то затерялъ, а другую купить здѣсь, пожалуй, и не у кого.

— Ну, я тебѣ свою подарю.

— Благодаримъ покорно-съ! — отвѣчалъ Симоновъ усмѣхаясь.

— И вообще, если у тебя чего нѣтъ, — продолжалъ Вихровъ: — или ты желаешь прибавки жалованья — скажи! я исполню всѣ твои желанія.

— Нѣтъ-съ, что мнѣ, славу Богу, этого довольно. Я человѣкъ не то что семейный, а одинъ, какъ перстъ, на всемъ свѣтѣ есть!

— Ну, а къ должности управляющаго привыкъ ужь?

— Привыкъ — ничего теперь!... Народъ только нынче ужасно балованный и лѣнивый сталъ. Я, вѣдь, изволите знать, не то что человѣкъ бранчивый, а лѣто-то-лѣтенское что у меня съ ними грѣха бываетъ — и не замолишь, кажется, никогда этого передъ Богомъ.

— Стало быть, столярничать-то, пожалуй, и лучше?

— Да-съ, покойнѣе.

— А помнишь-ли, какъ мы театръ играли? — спросилъ Вихровъ.

— Еще бы-съ! у меня декораціи эти самыя и до сей поры живы.

— Не можетъ быть?

— Живы-съ и декораціи, и картина Всеволода Никандрыча, которую онъ рисовать изволилъ.

— Покажи мнѣ, пожалуйста, какую-нибудь декорацію, — сказалъ Вихровъ, желая посмотрѣть — что это такое было.

— Я ихъ съ рамокъ-то срѣзалъ, на каткахъ онѣ у меня, — говорилъ Симоновъ, и черезъ нѣсколько минутъ бережно принесъ одну лѣсную декорацію и одинъ передній подзоръ, и развѣсилъ все это передъ Вихровымъ.

— Это вы вотъ и изволили рисовать, — сказалъ Симоновъ.

— Да, я, — говорилъ тотъ, припоминая счастливую пору своего дѣтства.

— Я всю жизнь буду ихъ беречь, — продолжалъ Симоновъ и, давъ барину еще нѣкоторое время полюбоваться своимъ прежнимъ рисованіемъ, принялся старательнѣйшимъ образомъ свертывать и декорацію, и подзоръ.

— Тутъ камердинеръ вашъ прежній желаетъ явиться къ вамъ, — прибавилъ онъ съ полуулыбкою.

— Иванъ — это?

— Да-съ.

Вихровъ поморщился.

— А что, какъ онъ велъ себя въ деревнѣ?

— Ничего-съ, сначала-было полѣживался, все на печкѣ лежалъ; но я тоже сталъ ему говорить, что другіе дворовые обижаются: «что, говорятъ, мы работаемъ, а онъ — нѣтъ!» Я, говорю, братецъ мой, поэтому мѣсячины тебѣ выдавать не стану. Испугался этого, сталъ работать.

— Но онъ, я думаю, ничего не умѣетъ?

— Малость самую-съ! За сѣномъ, за дровами, за водой когда съѣздитъ.

— Но не пьянствовалъ-ли онъ?

— Пьянствовать-то, слава Богу, не на что было... платъе, которымъ награжденъ былъ отъ васъ, давно пропилъ; теперь ужъ въ рубищѣ крестьянскомъ ходить... Со слезами на глазахъ просилъ меня, чтобы я доложилъ вамъ о немъ.

— Ну, приведи его.

Симоновъ пошелъ и привелъ Ивана, который въ самомъ дѣлѣ былъ въ рубищѣ. Лицо у него сдѣлалось какъ-то еще глупѣй и сердитѣй и какъ бы перекосилось совсѣмъ на сторону.

Онъ, какъ вошелъ, такъ сейчасъ и поклонился Вихрову въ ноги; того, разумѣется, это взорвало.

— Не унижайся, по крайней мѣрѣ, до мерзости этакой! — воскликнулъ онъ.

Но Иванъ, думая, что баринъ за что-нибудь за другое на него сердится, еще разъ поклонился ему въ ноги и всталъ потомъ въ кроткой и смиренной позѣ.

— Какъ же это ты на меня что-то такое доносить хотѣлъ?— сказалъ Вихровъ, отворачиваясь отъ него: ему противно было даже видѣть его.

— Виновать-съ, — отвѣчалъ Иванъ глухимъ голосомъ.

— Такъ-таки и думалъ донести?

— Да-съ.

Иванъ, видно, рѣшился сдѣлать самое откровенное признаніе.

Вихровъ пожалъ только плечами.

«Стоило-ли сердиться на подобнаго человѣка?!» — подумалъ онъ.

— Ты это хотѣлъ мнѣ мстить за то, что Груша не идетъ за тебя замужъ?

— Да-съ, — отвѣчалъ и на это Иванъ.

— Ну, вотъ, видишь-ли: если ты осмѣлишься адресоваться къ ней съ какими-нибудь разговорами или грубостью, то ужъ не пеняй на меня!

— Какъ возможно-съ теперь мнѣ къ Аграфенѣ Яковлевнѣ съ разговоромъ какимъ идти! — сказалъ Иванъ, плутовато поднимая и опуская глаза: — въ горницѣ только позвольте мнѣ служить; я къ работѣ человѣкъ непривычный.

— То есть, тебѣ здѣсь спать, ничего не дѣлать будетъ удобнѣе, — замѣтилъ Вихровъ: — но за мною ходить не трудись, потому что за мною будетъ ходить мальчикъ Миша.

— Слушаю-съ, — отвѣчалъ Иванъ. — Только вѣдь у меня платья никакого нѣтъ, — прибавилъ онъ нѣсколько ужъ и обиженнымъ голосомъ.

— Знаю — и то знаю, что ты все пропилъ, — произнесъ Вихровъ.

— Я не пропилъ, а износилъ его... Мнѣ ничего съ той поры выдаваемо не было, — проговорилъ Ванька.

— Какъ не было? кафтанъ и полушубокъ тебѣ дали, какъ и прочимъ, — уличилъ его Симоновъ.

— Я-съ не про полушубокъ говорю-съ, — отвѣчалъ ему Иванъ кротко и даже съ прибавленіемъ съ.

— Ну, хорошо, сошьютъ все — ступай!

Иванъ ушелъ, но Симоновъ еще не уходилъ.

— Баринъ тамъ-съ изъ города, — началъ онъ: —

господинъ Живинъ, какъ слухъ прошелъ, что вы пожелаете въ деревню, разъ пять къ намъ въ Воздвиженское заѣзжалъ и все наказывалъ: «какъ вашъ баринъ», говоритъ, «пріѣдетъ, безпремѣнно дайте мнѣ знать сейчасъ!» — прикажете или нѣтъ послать?

— Разумѣется, пошли — и пускай пріѣзжаетъ, когда только захочетъ: я очень радъ буду его видѣть.

Вошла Груша; какъ-то мило, но немножко ужъ гордо склонивъ свою головку на бокъ, она проговорила:

— Старушка Алена Сергѣевна пришла къ вамъ-съ.

— Ахъ, это жена Макара Григорьева — позови ее! — сказалъ Вихровъ.

Груша ушла — и черезъ нѣсколько минутъ робкими и негромкими шагами на балконъ вошла старая-престарая старушка, съ сморщеннымъ лицомъ и съ слезливыми глазами. Какъ водится, она сейчасъ же подошла къ барину и взяла-было его за руку, чтобы поцѣловать, но онъ рѣшительно не далъ ей того сдѣлать; одѣта Алена Сергѣевна была, попрежнему, щепетильнѣйшимъ образомъ, но вся въ черномъ. Супругъ ея, Макаръ Григорьевичъ, съ полгода передъ тѣмъ только умеръ въ Москвѣ.

— Умеръ нашъ съ тобой Макаръ Григорьевичъ! — сказалъ ей Вихровъ, уже получившій о томъ извѣстіе.

— Да-съ, батюшка, изволилъ скончаться! — отвѣчала Алена Сергѣевна, и затѣмъ, громко простонавъ, склонила въ землю, какъ бы въ сильнѣйшей печали, свое старушечье лицо.

— Ты у него въ Москвѣ последнее время жила?

— Да-съ, приказалъ мнѣ прибыть къ нему; почестъ ужь и съ постельки не поднимался при мнѣ, все вода-то ему къ сердцу приливала, а все, судырь, печалился и кручинился о васъ.

— Знаю это я; этакого друга мнѣ, можетъ быть, и не najить больше въ жизни, — проговорилъ Вихровъ — и у него слезы навернулись при этомъ на глазахъ.

— Все со мной разговаривалъ: «Аленушка, говоритъ, что это у насъ съ бариномъ-то случилось?» У насъ, батюшка, — извините на томъ, — слухи были, что аки бы начальство на васъ за что-то разгнѣвалось, и онъ все добивался, за что это на васъ начальство разсердилось. «Напиши, говоритъ, дура, въ деревню — и узнай о томъ!» Ну, а я гдѣ... умѣю-ли писать?

— А жить тебѣ теперь есть чѣмъ, оставилъ онъ тебѣ что-нибудь въ наслѣдство? — спросилъ ее Вихровъ.

— Ну, батюшка, пзвѣстно, какое ужь у насъ, мужиковъ, наслѣдство!

Симоновъ, сбравшійся было совсѣмъ уйдти, при этихъ словахъ Алены Сергѣевны какъ-бы невольно пріостановился и покачалъ только головой.

— Не гнѣви Бога, старуха, не гнѣви! — произнесъ онъ укоряющимъ голосомъ: — кубышку поря-дочную оставилъ онъ тебѣ.

— Ну, да, я, батюшка, и не жалуясь никому, — отвѣчала Алена Сергѣевна, снова потупляя съ грустію лицо свое.

— Еще бы жаловаться-то тебѣ! — произнесъ Симоновъ, уже уходя.

Вихровъ еще нѣсколько времени потолковалъ съ Аленой Сергѣевной, разспросилъ ее — на какомъ кладбищѣ похороненъ Макаръ Григорьевъ, далъ ей денегъ на поминованіе объ немъ, и наконецъ позвалъ Грушу и велѣлъ ей, чтобы она напоила Алену Сергѣевну чаемъ.

— У меня ужъ самоваръ готовъ про нихъ, — отвѣчала та бойко и повела Алену Сергѣевну къ себѣ въ кафишенскую, гдѣ онѣ втроемъ, т. е. Груша, старая ключница и Алена Сергѣевна, усѣлись распивать чай. Вихровъ, перешедшій вскорѣ послѣ того съ балкона въ наугольную, невольно прислушался къ ихъ разговору. Словъ онѣ собственно не слыхалъ, а слышалъ только, что онѣ безпрестанно чичикали, какъ кузнечики какіе; видѣлъ онѣ потомъ, какъ Груша, вся красненькая отъ выпитаго чаю, прошла въ буфетъ и принесла для Алены Сергѣевны водочки, также поднесла рюмочку и старой ключницѣ. Затѣмъ онѣ стали прощаться. Вихровъ слышалъ, какъ онѣ цѣловались и какъ Алена Сергѣевна упрашивала: — «сдѣлайте милость, посѣтите мою вдовью келью!» — «Непремѣнно буду-съ!» — отвѣчалъ ей на это молодой голосъ Груни.

Часовъ въ шесть вечера, когда Вихровъ, соснувъ, вышелъ опять на балконъ, къ нему пріѣхалъ Живинъ.

— Гдѣ онѣ, другъ мой любезный? — говорилъ онѣ, входя почему-то съ необыкновенною живостью; затѣмъ крѣпко обнялъ и поцѣловалъ Вихрова, который при этомъ почувствовалъ, что къ нему на щеку упала какъ-бы слеза изъ глазъ Живина.

— Ну, вотъ, очень радъ. — говорилъ тотъ, уса-

живаясь наконецъ на стулъ противъ Вихрова, — очень радъ, что ты прѣхалъ сюда къ намъ цѣль и невредимъ; но однако, братъ, похудѣлъ же ты и постарѣлъ! — прибавилъ онъ, всматриваясь въ лицо Вихрова.

— Что дѣлать! — отвѣчалъ тотъ, — и самъ, въ свою очередь, тоже всмотрѣлся въ пріятеля. — Но ты, напротивъ, помолодѣлъ и какой-то франтъ сталъ! — прибавилъ онъ.

— Еще бы не франтъ! — отвѣчалъ Живинъ. Онъ, въ самомъ дѣлѣ, былъ даже завитый, напомаженный и надушенный, въ коротенькой, съ явной претензіей на моду, жакеткѣ, въ пестрыхъ лѣтнихъ брючкахъ и въ лакированныхъ ботинкахъ на пуговицахъ.

— Что же ты — или женился, или жениться собираешься? — говорилъ Вихровъ.

— Женюсь, женюсь, отчего-жь намъ и не жениться? — отвѣчалъ Живинъ нѣсколько уже сконфуженнымъ голосомъ.

— Но на комъ-же это? — спросилъ Вихровъ.

— На mademoiselle Захаревской... на Юліи Ардальоновнѣ, — говорилъ съ какими-то перерывами Живинъ.

— Вотъ какъ! — невольно воскликнулъ Вихровъ: — но какъ же и какимъ образомъ это случилось?

— Случилось это, — отвѣчалъ Живинъ, вставъ уже со своего стула и зашагавъ по балкону: — возвратилась она отъ братьевъ, я пришелъ, разумѣется, къ нимъ, чтобы навѣдаться о тебѣ; она, знаешь, такъ это ласково и любезно приняла меня, что я, разумѣется, сталъ у нихъ часто бывать, а тамъ...

слово-за-слово, ну и натопленную печь раскалить опять не трудно — въ сердчишкѣ-то у меня опять прежній пламень вспыхнулъ, — она тоже, вижу, ничего: пріемлетъ благосклонно разныя мои ей заявленія; я подумалъ: «что, молъ, такое?!» — пришелъ разъ домой и накаталъ ей длиннѣйшее письмо: такъ и такъ, желаю получить вашу руку и сердце; ну, и получилъ теперь все оное!

— И отлично это! — подхватилъ Вихровъ: — она — дѣвушка славная: я успѣлъ ее хорошо узнать.

— Ну-да, вѣдь вы больше году въ одномъ городѣ жили, — сказалъ Живинъ опять нѣсколько сконфуженнымъ голосомъ.

— Въ одномъ домѣ даже жили.

— Можетъ быть, она даже влюблена въ тебя была? — подхватилъ Живинъ, опять тѣмъ же сконфуженнымъ голосомъ.

— Никакъ она не могла быть въ меня влюблена, — успокоилъ его Вихровъ: — потому что она постоянно видѣла меня занятаго другаго рода привязанностью.

— А что же, и тамъ развѣ были?

— Разумѣется, были, — отвѣчалъ Вихровъ.

Живинъ опять послѣ этого новеселѣлъ совершенно.

— Я тутъ, братецъ, рассуждаю такимъ образомъ, — продолжалъ онъ: — я — человекъ не блестящій, не богачъ, а потому Юліи Ардалъоновнѣ идти за меня изъ-за вашихъ-нибудь цѣлей не для чего — и если идетъ она, такъ чисто по душевному своему расположенію.

нельзя честно служить!» подумалъ онъ — и въ мысляхъ своихъ представилъ себѣ молодаго человѣка съ волей, съ характеромъ, съ страшнымъ честолюбіемъ, который рѣшился служить, но только честно, и все-таки въ концѣ-концовъ будетъ сломленъ. На эту тему у него сейчасъ же цѣлый романъ образовался въ головѣ. Фигура придуманнаго имъ молодаго человѣка такъ живо нарисовалась въ его воображеніи, что онъ пошелъ въ кабинетъ и сейчасъ же описалъ ее. Онъ чувствовалъ, что каждое слово, которое говорилъ описываемый имъ молодой человѣкъ, сталью крѣпкой отзывалось; но въ то же время Вихровъ съ удовольствіемъ помышлялъ, что и этой силы не достанетъ сдѣлать что-нибудь честное въ службѣ при нынѣшнемъ ея порядкѣ.

Груша, видѣвшая, что баринъ часа четыре уже сидитъ и пишетъ, вошла къ нему.

— Павелъ Михайлычъ, будетъ вамъ сегодня писать, вы и безъ того съ дороги устали! — сказала она.

— И то усталъ, — отвѣчалъ онъ, вставая и въ самомъ дѣлѣ чувствуя даже нервную дрожь.

— Ложитесь-ка лучше баиньки, съ Богомъ! — прибавила она и сама уложила его въ постель, аккуратно укутала одѣяломъ и потихоньку ушла. Притворивъ совсѣмъ дверь въ спальную, она впрочемъ нѣкоторое время оставалась тутъ и прислушивалась.

— Слава Богу, уснулъ, кажется! — проговорила она наконецъ шепотомъ — и на цыпочкахъ ушла въ свою свѣтленькую и частенькую комнату около кафишенской.

III.

Свадьба Живина.

Съ самаго начала своей болѣзни Вихровъ не одѣвался въ свое парадное платье — и теперь, когда въ первый разъ надѣлъ фракъ и посмотрѣлся въ зеркало, такъ даже испугался, до того показался худъ и блѣденъ самому себѣ, а на вискахъ явно видѣлись и серебрились сѣдины; слабъ онъ былъ еще до того, что у него ноги даже дрожали; но, какъ бы то ни было, на свадьбу онъ все-таки поѣхалъ: его очень интересовало посмотрѣть, какъ его встрѣтитъ и какъ отнесется къ нему Юлія.

Дѣвичники въ то время въ уѣздныхъ городкахъ справлялись еще съ нѣкоторою торжественностью. Обыкновенно къ невѣстѣ съѣзжался все ея подружки съ тѣмъ, чтобы повеселиться съ ней въ послѣдній разъ; женихъ привозилъ имъ конфетъ, которыми какъ бы хотѣлъ выкупить у нихъ свою невѣсту. Добродушный и блаженствующій Живинъ закупилъ, разумѣется, цѣлый возъ конфетъ и сверхъ того еще огромные букеты цвѣтовъ для невѣсты и всѣхъ ея подругъ, и вздумалъ было возложить всю эту ношу на Вихрова, но тотъ рѣшительно отказался.

— Убирайся ты, понесу-ли я эту дрянъ?! — сказалъ тотъ ему прямо.

— Экій лѣнивонецъ какой, экій лѣнтая! — укорялъ его Живинъ, и — дѣлать нечего — велѣлъ нести за собою лакею.

Пріѣхали они на Вихрова лошадахъ и въ его

экипажъ, которые, по милости Симонова, были по-прежнему въ отличнѣйшемъ порядкѣ. Варышни-дѣвѣицы были всё уже на-лицо у Юліи — и между всѣми ими только и вертѣлся одинъ кавалеръ, шаферъ Юліи, молоденькій отпускной офицерикъ, самымъ развязнымъ образомъ любезничавшій со всѣми барышнями.

Войдя за Живинымъ, Вихровъ прямо подошелъ къ невѣстѣ.

— Здравствуйте, Павелъ Михайлычъ! — воскликнула та, явно вспыхнувъ и съ видимою поспѣшностью поздоровавшись съ женихомъ.

— Поздравляю васъ! — произнесъ тотъ въ отвѣтъ ей.

— Да, благодарю васъ, — проговорила Юлія и опять такъ-же поспѣшно.

— Павелъ Михайлычъ, здравствуйте! — раздался въ это время изъ-за угла другой голосъ.

Вихровъ обернулся; это говорила mademoiselle Прыхина. Она тоже замѣтно какъ-то осунулась и какъ-то почернѣла, и лицо ея сдѣлалось нѣсколько похожимъ на топоръ.

— Сюда, сюда! — кричала она, показывая на свободный стулъ около себя.

Вихровъ, не находя, о чемъ бы больше говорить съ невѣстой, отошелъ и сѣлъ около Катинь.

Юлія же какъ бы больше механически подавая руку жениху, стала ходить съ нимъ по залѣ — и при этомъ весьма нерѣдко повертывала голову въ ту сторону, гдѣ сидѣлъ Вихровъ. У того, между тѣмъ, сейчасъ же начался довольно интересный разговоръ съ mademoiselle Прыхиной.

— Я только сейчасъ услышала, что вы пріѣхали

въ деревню и будете здѣсь жить, — говорила она, втягивая въ себя воздухъ носомъ: — и мнѣ будетъ еще нужно серьезно объ одной вещи поговорить съ вами!... — прибавила она.

— О какой это? — спросилъ Вихровъ.

— Ну, теперь еще не скажу, а завтра. Будемте лучше говорить объ васъ; отчего вы на здѣшней-то госпожѣ не женились? — прибавила она — и явно своимъ носомъ указала на Юлію.

— Это съ какой стати? — возразилъ ей Вихровъ.

— А съ такой, что когда она ѣхала къ братьямъ, такъ сейчасъ было видно, что она до сумасшествія была въ васъ влюблена, — и теперь-то за этого хомья идетъ вѣроятно отъ досады, что не удалось за васъ.

Дальновидную Катюшу въ этомъ случаѣ было труднѣй обмануть, чѣмъ кого-либо. Она сразу поняла истинную причину рѣшенія Юліи — выйти замужъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ глубоко въ душѣ не одобряла ея выборъ: Живинъ всегда ей казался слишкомъ обыкновеннымъ, слишкомъ прозаическимъ человекомъ.

— Ничего этого никогда не было и быть не могло! — возразилъ ей Вихровъ.

— Ну да, не было, знаю я васъ — и знаю, какой вы хитрый въ этомъ случаѣ человекъ! — отвѣчала она.

Бесѣда ихъ была прервана прїѣздомъ Кергеля. Сей милый человекъ былъ, на этотъ разъ, какой-то растерянный: коричневый фракъ со свѣтлыми пуговицами замѣненъ на немъ былъ чернымъ, поношеннымъ, обдерганнымъ; жилетка тоже была какая-то

шелковенькая и врядъ-ли не худая на карманахъ, и одинъ только хохолокъ былъ, попрежнему, завить. Услышавъ, что на дѣвичникѣ — Вихровъ, онъ прямо подошелъ къ нему.

— Не могу и выразить — какъ я счастливъ, видя васъ снова посреди нашей семьи! — говорилъ онъ, прижимая руку къ сердцу.

— И я также очень радъ, что вижу васъ, — отвѣчалъ Вихровъ, тоже дружески пожимая его руку.

— Здравствуйте! — произнесъ Кергель и mademoiselle Прыхной.

— Здравствуйте! — отвѣчала ему и та совершенно покойнымъ голосомъ. Они давно уже помирлись, и прежнее чувство пылкой и скоро преходящей любви въ нихъ замѣнилось прочнымъ чувствомъ дружбы.

Кергель подсѣлъ третьимъ лицомъ въ ихъ бесѣду.

— Слышали мы, — продолжалъ онъ, обращаясь къ Вихрову: — что надъ вами разразилась гроза; но вы, какъ дубъ могучій, выдержали ее и снова возвратились къ намъ.

— Скорѣй, какъ лоза, изогнулся и выдержалъ бурю, — произнесъ усмѣхаясь Вихровъ.

— Ну-съ, это, я думаю, не въ характерѣ вашемъ, — возразилъ ему Кергель.

— А какъ вы поживаете? — спросилъ его Вихровъ, заинтересованный черезчуръ ужь бѣднымъ туалетомъ пріятеля.

— Что, я какъ поживаю — дурно-съ, очень дурно!.. безъ мѣста, состоянія своего почти не имѣю никакого; надобно бы, конечно, ѣхать въ Петербургъ, но все какъ-то еще собраться не могу.

И Кергель при этомъ горько улыбнулся.

— Monsieur Кергель занималъ такое мѣсто, на которомъ другіе тысячи наживали, а у него сотни рублей не осталось, — произнесла mademoiselle Катись и махнула при этомъ носомъ въ сторону. Какъ и всѣхъ своихъ друзей, она и Кергеля въ настоящее время хвалила и превозносила до небесъ.

— Ста рублей не осталось, — повторилъ за ней и тотъ искреннѣйшимъ голосомъ.

— Но какое же мѣсто вы желали бы имѣть? — спросилъ его Вихровъ.

— Всякое, какое дало бы мнѣ кусокъ хлѣба, — отвѣчалъ Кергель, разводя руками.

— Вотъ видите что, — началъ Вихровъ: — губернаторомъ въ ту губернію, въ которой я служилъ, назначенъ мой хорошій знакомый, прежній владѣлецъ Воздвиженскаго, — и если я ему напишу, то онъ послушается, кажется, моею рекомендаціею.

Покуда Вихровъ говорилъ это, Кергель и mademoiselle Катись превратились все въ вниманіе.

— Вы бы сдѣлали для меня истинное благодѣяніе, — произнесъ первый, не зная, кажется, какъ и выразить овладѣвшее имъ чувство благодарности.

— Павелъ Михайлычъ вѣроятно и сдѣлаетъ это по своей добротѣ! — подхватила и Катись какимъ-то ужъ повелительнымъ голосомъ.

— Непремѣнно сдѣлаю, завтра же напишу, — сказалъ Вихровъ.

Кергель поблагодарилъ его только уже кивкомъ головы.

Къ этой группѣ наконецъ подошла невеста съ женихомъ. Юлія нѣсколько времени стояла передъ

ними молча. Она явно выказывала желаніе поговорить съ Вихровымъ. Тотъ понялъ это и всталъ.

— Я вашего батюшки не вижу, — сказалъ онъ, въ самомъ дѣлѣ замѣтивъ, что онъ до сихъ поръ еще не видалъ старика.

— Онъ такъ слабъ, что ужъ и не выходитъ изъ своей комнаты, — отвѣчала она. — Вотъ такъ — одна-однихонька и выхожу замужъ, — прибавила она, — и Вихровъ замѣтилъ, что у нея при этомъ какъ-будто бы навернулись слезы. Въ это время они шли уже вдвоемъ по залѣ.

— Ну что жъ, зато вы выходите за отличнѣйшаго человѣка, — сказалъ ей негромко Вихровъ.

— Дай Богъ, чтобы я-то была достойна его, — сказала Юлія: — конечно, я ужъ не могу принести ему ни молодого сердца, ни свѣжаго чувства, но по крайней мѣрѣ буду ему покорна и честно исполню свой долгъ.

При этомъ Юлія такъ дергала свою жемчужную нитку, что та лопнула у ней и жемчугъ разсыпался. Вихровъ нагнулся и хотѣлъ-было поднять.

— Не трудитесь, человѣкъ подберетъ! Подбери! — сказала она почти съ капимъ-то презрѣніемъ проходившему лакею. Тотъ собралъ и подалъ. Она бросила жемчугъ въ пепельницу и снова обернулась къ продолжавшему все еще стоять около нея Вихрову.

— Я Живина предпочла другимъ, потому что онъ все-таки человѣкъ одинакихъ съ вами убѣжденій, — проговорила она.

— Вы и не ошибетесь въ немъ, — сказалъ онъ на это ей глухимъ голосомъ.

Въ день свадьбы Вихровъ чувствовалъ какую-то тревогу и какъ бы ожидалъ чего-то; часа въ четыре онъ поѣхалъ къ жениху; того засталъ тоже въ тревогѣ и даже расплаканнымъ; бывшего тамъ Кергеля — тоже серьезнымъ и, повчерашнему, въ свернѣйшемъ его фрачишкѣ: онъ былъ посаженнымъ отцомъ у Живина и благословлялъ того.

Наконецъ они отправились въ знакомый намъ соборъ; Вихровъ поѣхалъ потомъ за невѣстой. Ту вывели какія-то двѣ полныя дамы; за ними шла Катись, расфранченная, но съ цѣлыми потоками слезъ по щекамъ, которыя врядъ-ли не были немножко и подрумянены.

Когда невѣсту привезли въ церковь, то ее провели на лѣвую сторону, а женихъ стоялъ на правой. Вихрову было тяжело видѣть эту церемонію. Онъ очень хорошо понималъ, что пріятель его въ этомъ случаѣ сильнѣйшимъ образомъ обманывался, да врядъ-ли не обманывалась и невѣста, думавшая и желавшая честно исполнить свой долгъ передъ мужемъ. По возвращеніи свадебнаго поѣзда домой, молодые сначала сходили къ отцу, потомъ подали шампанское — и пошли радостныя поздравленія съ поцѣлуями и со слезами. Поздравилъ также и Вихровъ молодую, которая на этотъ разъ обнаружила какой-то стыдъ передъ нимъ: ей, кажется, по преимуществу, совѣстно было того, что потомъ съ ней поспѣдуетъ.

— Какъ къ вамъ идетъ вашъ брачный вуаль! — сказалъ онъ ей, чтобы что-нибудь сказать.

— Да! — отвѣчала она, краснѣя и нутупяя голову.

Вихровъ вскорѣ послѣ того хотѣлъ-было и уѣхать; но за нимъ зорко слѣдила mademoiselle Прыхина. Какимъ-то ворономъ мрачнымъ ходила она по залѣ и, какъ только замѣтила, что Вихровъ одинъ, подошла къ нему и сказала ему почти строгимъ голосомъ:

— Когда вы поѣдете домой, то возьмите меня съ собой въ коляску. Мнѣ надобно вамъ многое рассказать.

— Что такое? — спросилъ Вихровъ, начинавшій уже нѣсколько и пугаться ея словъ.

— Тамъ скажу, ужо! — прибавила Катись еще болѣе мрачнымъ голосомъ.

Вихровъ сейчасъ же послѣ того собрался — и когда раскланялся съ молодыми и вышелъ въ переднюю, то mademoiselle Катись, въ бурнусѣ и шляпкѣ, дождалась уже его тамъ. Безъ всякаго приглашенія, она сѣла первая въ его коляску и, когда они отъѣхали, начала нѣсколько насмѣшливымъ голосомъ:

— Вы теперь ѣдете со свадьбы отъ одной вашей жертвы — не почувствуете-ли, можетъ быть, жалости къ другой вашей жертвѣ?

— Къ какой моей другой жертвѣ? — спросилъ ее Вихровъ.

— Къ Фатѣевой.

Вихровъ посмотрѣлъ на нее.

— Вы, кажется, сами о ней перемѣнили мнѣнiе? — спросилъ онъ ее.

— Богъ съ ней, какое бы объ ней ни было мое мнѣнiе, но она умираетъ теперь.

— Умираетъ? — спросилъ Вихровъ.

— Въ страшнѣйшей чахоткѣ; вчерашнiй день,

какъ я увидала васъ, мнѣ сейчасъ же пришла въ голову мысль, что не подѣйствуетъ ли благотѣтельно на нее, если она увидитъ васъ, — и сегодня я была у ней. Она въ восторгѣ отъ этого свиданія, и вы непременно должны ѣхать къ ней.

Вихрова точно княжалою ударило въ сердце это извѣстіе.

— Послушайте, я самъ теперь измученъ и истерзанъ нравственно и физически; мнѣ очень тяжело будетъ это сдѣлать.

— Вы должны ѣхать къ ней — это вашъ долгъ, — повторила Катишь какимъ-то гробовымъ голосомъ: — черезъ недѣлю, много черезъ двѣ она умретъ.

Совѣтъ Вихрову говорила, что въ самомъ дѣлѣ онъ долженъ былъ это сдѣлать.

— Но для чего она, попреимуществу, желаетъ видѣть меня? — спросилъ онъ.

— Да чтобы полюбоваться вотъ на милыя черты, — отвѣчала Катишь и съ какимъ-то озлобленіемъ развела руками.

— Но, вѣдь, для нея не я одинъ представляю милыя черты!

— Тсъ, тише! Не смѣйте этого говорить про умирающую! — перебила его басомъ Катишь: — то-то и несчастье наше, что ваши-то черты милѣй, видно, всѣхъ были и незамѣнимы ужъ ничѣмъ.

Понятно, что добрая Катишь все уже простила Фатѣевой — и попрежнему ее любила.

— Гдѣ же она живетъ? — спросилъ Вихровъ.

— Я вамъ покажу; завтра въ одиннадцать часовъ заѣзжайте ко мнѣ — и поѣдемте вмѣстѣ. Теперь еще о

Кергелъ: написали вы объ немъ губернатору, или нѣтъ?

— Нѣтъ еще.

— Сегодня же извольте сейчасъ написать;— приказывала Катишь: — и кромѣ того: отсюда сестеръ милосердія вызываютъ въ Севастополь, — попросите губернатора, чтобы онъ опредѣлилъ меня туда; я желаю идти.

— Съ какой же цѣлью?

— Съ такой же, что не желаю, во-первыхъ, обременять старика-отца, у котораго и службы теперь нѣтъ.

Катишь и никогда почти не обременяла его, и жила всегда — или своими трудами, или подарками отъ своихъ подругъ.

— Наконецъ это и интересно очень: война, ружья, пальба, можетъ быть убьютъ меня. Сегодня же напишите! — заключила она, выдѣвая наконецъ изъ экипажа передъ своимъ домомъ.

Вихровъ очутился на этотъ разъ подъ какимъ-то обаяніемъ mademoiselle Катишь. Приѣхавъ домой, онъ сейчасъ же написалъ письмо къ Абрееву — какъ объ ней, такъ и о Кергелѣ, выразившись о послѣднемъ, что «если вашему превосходительству желательно имѣть честнаго чиновника, то отвѣчаю вамъ за г-на Кергеля, какъ за самого себя»; а Катишь онъ рекомендовалъ такъ: «дѣвица эта, при весьма некрасивой наружности, самыхъ высокихъ нравственныхъ качествъ».

IV.

Свиданіе съ Фатѣвой.

На другой день, какъ нарочно, стояла мрачная, сырая погода. У Вихрова было очень не хорошо на душѣ. Главное, его беспокоило то, что о чемъ будетъ съ нимъ говорить Фатѣва? Не станетъ ли она ему говорить о прежнихъ его чувствахъ къ ней, укорять его?... но во всякомъ случаѣ это свиданіе будетъ вѣроятно нѣсколько сантиментальное. Тому, что будто бы madame Фатѣва была очень больна, какъ говорила mademoiselle Прыхина, — Вихровъ не совсѣмъ вѣрилъ; вѣроятно, сія достойная дѣвица, по пылкости своего воображенія, много тутъ прибавляла. Часу въ одиннадцатомъ однако онъ велѣлъ заложить экипажъ и поѣхалъ въ городъ. Катинь уже ожидала его въ небольшой залцѣ своего дома и была, попрежнему, совсѣмъ готова — въ шляпкѣ и бурнусѣ. Съ тѣмъ же серьезнымъ лицомъ, какъ и вчера, она сѣла въ экипажъ и начала приказывать кучеру, куда ѣхать: «направо, налѣво!» — говорила она повелительнымъ голосомъ.

Вихровъ при этомъ неволью замѣтилъ, что они проѣхали всѣ большія улицы — и на самомъ почти выѣздѣ изъ города вѣхали въ глухой и грязный переулокъ и остановились передъ небольшимъ домикомъ.

— Въ какомъ захолустѣ она живетъ! — проговорилъ онъ.

— Да, она немножко нуждается въ средствахъ, —

отвѣчала Катись. — Хорошо то по крайней мѣрѣ, — продолжала она, вводя Вихрова по небольшой лѣсенкѣ, — что Клеопатра приучитъ меня къ званію сестры милосердія.

— Приучитъ? — повторилъ Вихровъ.

— Да, я, вѣдь, у нея провожу все дни мои и ночи — и только вотъ на свадьбу Юліи выпорхнула отъ нея.

Потомъ они вошли въ крошечное, но чистенькое зальце, повернули затѣмъ въ наугольную комнату, всю устланную ковромъ, гдѣ увидали Клеопатру Петровну сидящею около постели въ креслахъ; одѣта она была съ явнымъ кокетствомъ: въ новенькомъ платьѣ, съ чистенькими воротничками и нарукавничками, съ безукоризненно-причесанною головою; когда же Вихровъ взглянулъ ей въ лицо, то чуть не вскрикнулъ: она — мало того что была худа, но какъ бы изглодана болѣзнію и, какъ ему показалось, на лбу у ней выступалъ уже предсмертный, лихорадочный потъ.

— Благодарю васъ, что вы пріѣхали ко мнѣ, — говорила мадаме Фатѣва, привставая немного со своихъ креселъ, и сама при этомъ нѣсколько покраснѣла въ лицѣ.

— Еще бы не пріѣхать! — подхватила Катись: — однако вы сегодня изволите сидѣть, а не лежать! — прибавила она Фатѣвой.

— Это вотъ я для него встала, — отвѣчала та, показывая съ улыбкою на Вихрова.

— Зачѣмъ же для меня? Бога ради, лягте! — произнесъ тотъ.

— Нѣтъ, я не на столько больна — могу еще си-

дѣтъ, — возразила Фатѣева: — ну, садитесь, только поближе ко мнѣ.

Вихровъ сѣлъ очень близко около нея.

Катишь держала себя у подруги своей, какъ въ очень знакомомъ ей пепелищѣ: осмотрѣла — все ли было въ комнатѣ прибрано, переглядѣла всѣ лекарства, затѣмъ ушла въ сосѣднюю, заднюю комнату и начала о чемъ-то продолжительно разговаривать съ горничной Фатѣевой. Она, конечно, сдѣлала это съ цѣлю, чтобы оставить Вихрова съ Фатѣевой наединѣ, и полагала, что эти два, нѣкогда обожавшія другъ друга, существа непременно пожелаютъ поцѣловаться между собой — такъ какъ поцѣлуй *mademoiselle* Прыхина считала высшимъ блаженствомъ, какое только существуетъ для челоуѣка на землѣ; но Вихровъ и *madame* Фатѣева и не думали поцѣловаться.

— Давно ли вы больны? — спросилъ ее тотъ.

— Мѣсяца два или даже больше, — отвѣчала съ какой-то досадою Фатѣева: — и главное, меня въ деревню не пускаютъ; ну, здѣсь какой ужъ воздухъ! во-первыхъ: городъ; потомъ: стоятъ на озерѣ вредныя испаренія разныя, и я чувствую, что мнѣ дышать здѣсь нечѣмъ!..

— Но нельзя же вамъ быть безъ докторскаго надзора.

— Мнѣ рѣшительно не нужно доктора, рѣшительно! — возражала Фатѣева: — у меня ничего нѣтъ, кромѣ какъ лихорадка отъ этого сыраго воздуха — маленькій ознобъ и жаръ я чувствую, и больше ничего — это на свѣжемъ воздухѣ сейчасъ пройдетъ.

— Но здѣсь все-таки скорѣе пройдетъ при помощи медна, — говорилъ ей Вихровъ.

— Никогда! — возражала Фатѣева: — потому что я душевно здѣсь гораздо болѣе разстроена; у меня въ деревнѣ идетъ полевая работа, кто же за ней присматриваетъ? Я все, вѣдь, сама — и вездѣ одна.

— Ну, Богъ съ нею, съ полевой работаю!

— Какъ, другъ мой, Богъ съ нею? я только этимъ и живу. Мнѣ на дняхъ вотъ надо вносить въ Опекунскій совѣтъ.

— Вы объ этомъ не беспокойтесь: вы пришлите мнѣ сказать — сколько и когда вамъ надо заплатить въ совѣтъ, я и пошлю.

— Merci за это, но еще кромѣ того, — продолжала madame Фатѣева видимо безпokoйнымъ голосомъ: — мнѣ маленькое наслѣдство въ Малороссіи послѣ дяди досталось; надобно бы было ѣхать получать его, а меня не пускаетъ ни этотъ докторъ, ни эта несносная Катишь.

— Чѣмъ несносная Катишь, чѣмъ! — говорила та, входя въ это время въ воннату.

— Тѣмъ, что не пускаешь меня въ Малороссію.

— Успѣешь еще съѣздить, когда совѣмъ поправишься, — отвѣчала та какъ бы совершенно равнодушнымъ голосомъ.

— Да у васъ никогда не выздоровѣешь: все будете вы говорить, что больна.

— Ей всего недѣли двѣ осталось жить, а она думаетъ ѣхать въ Малороссію, — шепнула Катишь Вихрову; у него, впрочемъ, ужь и безъ того какъ ножомъ рѣзала душу вся эта сцена.

— А какъ тамъ, Вихровъ, въ моемъ новомъ имѣньяцѣ, что мнѣ досталось, — хорошо! — воскликнула Клеопатра Петровна: — май мѣсяцъ всегда въ Малороссіи бываетъ превосходный; усадьба у меня на крутой горѣ — и прямо съ этой горы въ рѣву, — вода въ рѣкѣ чудная — стану купаться въ ней, ахъ, отлично! потомъ буду ѣсть арбузы, вишни; жажда меня эта проклятая не будетъ мучить тамъ, и какъ бы мнѣ теперь пить хотѣлось!

— Выпей аршаду! — сказала ей Прыхина.

— Нѣтъ, гадокъ онъ мнѣ — не хочу!

— Расскажите ей что-нибудь интересное; не давайте ей много самой говорить! Ей не велятъ этого, — шепнула Прыхина Вихрову.

— Что же ей рассказывать, я, ей-богу, не знаю! — отвѣчалъ ей тоже шепотомъ Вихровъ.

— Ну да что-нибудь, досадный какой! — возразила ему Прыхина. — Павелъ Михайловичъ хочетъ тебѣ рассказать про свою жизнь и службу, — сказала она вслухъ Фатѣевой.

— Что же онъ хочетъ рассказать? — спросила та.

— Ну, рассказывайте! — обратилась къ нему настойчиво Прыхина.

Вихровъ рѣшительно не находилъ, что ему рассказать.

— Что же мнѣ такое рассказать вамъ? — какъ бы спросилъ онъ.

— Что же, вы побѣдъ тамъ много имѣли? — спросила его сама уже Фатѣева.

Вихровъ и на это не зналъ — что отвѣчать. Онъ поспѣшилъ, впрочемъ, взглянуть на Прыхину. Та легонько, но отрицательно, покачала ему головой.

— Какія мои побѣды? старь я для этого становлюсь, — отвѣчалъ онъ.

— Ну, не очень еще, я думаю, старь, — возразила съ улыбкой Фатѣева. — Въ той губерніи, гдѣ были вы, и Цапкинъ, кажется, служитъ? — прибавила она, нахмуривая уже свои брови.

— Тамъ же, — отвѣчалъ Вихровъ потупляясь.

Mademoiselle Прыхина при этомъ даже нѣсколько сконфузилась.

— Что же, вы видали его? — продолжала Фатѣева.

— Видѣлъ разъ.

— Перемѣнился онъ или нѣтъ?

— Мало, бакенбарды только отпустилъ.

— Мнѣ сказывали, — продолжала Фатѣева съ грустной усмѣшкой, — что жена его поколачиваетъ.

Понятно, что Клеопатра Петровна о всѣхъ своихъ сердечныхъ отношеніяхъ говорила совершенно свободно — врядъ ли въ глубинѣ души своей не сознавала, что для нея все уже кончено на свѣтѣ, и если предавалась иногда матеріальнымъ заботамъ, то въ этомъ случаѣ въ ней чисто говорилъ одинъ только животный инстинктъ всякаго живаго существа, желающаго и стремящагося сохранить и обезпечить свое существованіе.

— При его ростѣ это не мудрено, — отвѣчалъ ей Вихровъ.

— Да, росту, да и души, пожалуй, онъ — небольшой, — произнесла какъ-то протяжно Клеопатра Петровна. — А помните ли, — продолжала она, — какъ мы въ карты играли? — давайте теперь въ карты играть, а то мнѣ какъ-то очень скучно!

— Но тебѣ не вредно развѣ это будетъ? — спросила ее Прыхина.

— Нисколько, мнѣ скука вреднѣе всего!.. а вы будете со мной играть? — прибавила она, обращаясь къ Вихрову.

— Если вы хотите, — отвѣчалъ ей тотъ.

— Ну, такъ вотъ мы и станемъ втроемъ играть, — продолжала Клеопатра Петровна: — только вы выйдите на минутку, я платьѣ распушу немножко, а то я очень ужъ для васъ выфрантилась, — ступайте, я сейчасъ позову васъ.

Вихровъ съ Катиньшъ вышли въ залу — у этой доброй дѣвушки сейчасъ же слезы показались на глазахъ.

— Какова, а? — спросила она, указывая головой на дверь Клеопатры Петровны: — видѣть ее не могу, и все фантазируетъ: и то-то она сдѣлаетъ, и другое. — Ужъ вы, Вихровъ, ѣздите къ ней почаще, — прибавила она.

— Непремѣнно, — отвѣчалъ онъ, исполненный почти рыданій въ душѣ.

— Потому что докторъ мнѣ сказывалъ, — продолжала Катиньшъ: — что она можетъ еще пожить нѣсколько времени, если окружена будетъ все пріятными впечатлѣніями; а чего же ей пріятнѣе, какъ не видѣть васъ!

На этихъ словахъ въ залу вошла знакомая Вихрову Марья, глаза у которой сдѣлались совсѣмъ оловянными и лицо сморщилось.

— Что, Маша, забыла ужъ моего Ивана? — не утерпѣлъ и пошутилъ съ ней Вихровъ.

— Ну его къ туду, судирѣ Богъ съ нимъ! — от-

въчала она:— пожалуйста-съ, васъ проситъ Клеопатра Петровна.

— Вы старайтесь ей проигрывать, у ней теперь денегъ нѣтъ — и это будетъ ее волновать, если она будетъ проигрывать, — шепнула Вихрову Катишь.

Когда они возвратились къ Клеопатрѣ Петровнѣ, она сидѣла ужъ за карточнымъ столомъ, заутанная въ шаль. На первыхъ порахъ Клеопатра Петровна принялась играть съ большимъ одушевленіемъ: она обдумывала каждый ходъ, мастерски разыгрывала каждую пгру; но Вихровъ отчасти съ умысломъ, а частію и отъ неумѣнья и разсѣянности, съ самаго же начала сталъ страшно проигрывать. Катишь тоже подбрасывала больше карты, главное же вниманіе ея было обращено на больную, чтобы та не очень ужъ агитировалась.

— Какъ, однако, вы дурно играете! — воскликнула Клеопатра Петровна Вихрову.

— Да, я давно ужъ не играла — и, кромѣ того, несчастливъ очень — ничего не идетъ.

— Зато вы въ любви счастливы, — произнесла опять съ какою-то горькою усмѣшкою Клеопатра Петровна.

Вихровъ на это промолчалъ — и даже немного потупился.

— А вотъ я такъ наоборотъ: въ картахъ счастлива, зато въ любви несчастлива, — прибавила съ прежнею горькою ироніею Фатѣва.

— Счастлива и ты, — подхватила Прыхина.

— Кто же меня еще любить? Развѣ вотъ онъ еще немножко любить, — проговорила Клеопатра Петровна, указывая на Вихрова.

— И онъ любить, — отвѣчала Катишь. — Вѣдь, вы любите ее? — отнеслась она къ Вихрову.

— Люблю, — отвѣчалъ онъ — и слезы противъ воли послышались въ его голосѣ.

— Нѣтъ, ужь нынче не любить, — подхватила Фатѣва. — Однако будетъ играть! мнѣ что-то очень не хорошо!... — прибавила она, влады арты и отодвигая отъ себя столъ.

— Конечно, будетъ! — подхватила Прыхина уже встревоженнымъ голосомъ.

— Будетъ сегодня! — повторила еще разъ Фатѣва, протягивая Вихрову руку.

— Ну, такъ я уѣду, а вы отдохните, — говорилъ онъ, пожимая ей руку.

— Да, я отдохну; только вы смотрите же, пріѣзжайте ко мнѣ скорѣ!

— Непремѣнно пріѣду, — отвѣчалъ онъ.

— Какъ можно скорѣ! — повторила Фатѣва.

— Да поцѣлуйтесь же, Господи, на прощанье-то! гадко, вѣдь, видѣть даже васъ!.. — воскликнула Катишь, видя, что Вихровъ стоитъ только передъ Фатѣвой и пожимаетъ ей руку.

— Ну, поцѣлуйтесь! — произнесла и та съ улыбкою.

— Поцѣлуйтесь! — сказалъ и Вихровъ.

Они поцѣловались — и оба при этомъ немного сконфузились.

Катишь вышла провожать Вихрова на крыльцо.

— Въ самомъ дѣлѣ, поскорѣ пріѣзжайте; ей очень недолго осталось жить, — проговорила она мрачнымъ голосомъ и стоя со сложенными на груди руками, пока Вихровъ садился въ экипажъ.

Случалось-ли съ вами, читатель, чтобы около васъ умирало близкое вамъ существо? Не правда-ли, что при этомъ, кромѣ мучительнѣйшаго чувства жалости, васъ начинаетъ терзать то, что всѣ ваши маленькія вины и проступки, которые вы, можетъ быть, совершили противъ этого существа, вырастаютъ въ вашемъ воображеніи до ужасающей величины? Вамъ кажется, будто вы-то именно и причина, что пропадаетъ и погибаетъ молодая жизнь, и вы (по крайней мѣрѣ думается вамъ такъ) готовы были бы лучше сами умереть за эту жизнь; но ничто ужъ тутъ не поможетъ: ядъ смерти разрушаетъ дорогое вамъ существованіе и оставляетъ вашу совѣсть страдать всю жизнь оттого, что несправедливо и нечестно, и жестоко поступали вы противъ этого существа. Въ такого именно рода чувствованіяхъ возвратился герой мой домой. Его, по обыкновенію, встрѣтила улыбающаяся и цвѣтущая счастіемъ Груша.

— Гдѣ это, баринъ, такъ долго вы были?— спросила она.

— У Фатѣвой,—отвѣчалъ Вихровъ безъ всякой осторожности.

— Вотъ у кого! — произнесла Груша протяжно и затѣмъ почти сейчасъ же ушла отъ него изъ кабинета.

Вихровъ цѣлый вечеръ послѣ того не видалъ ее и невольно обратилъ на это вниманіе.

— Груша! — крикнулъ онъ.

Та что-то не показывалась.

— Груша! — повторилъ онъ громче и ужъ нѣсколько строго.

— Сейчас! — отвѣчала та явно неохотнымъ то-

номъ и затѣмъ пришла къ нему. Вихровъ очень хорошо видѣлъ по ея личику, что она дулась на него.

— Это что такое значить? — спросилъ онъ ее.

— Что такое значить? — спросила Груша въ свою очередь.

— А то, что вы гнѣваетесь, кажется, на меня.

— Нѣтъ-съ, — отвѣчала та. — Что вамъ гнѣвъ-то мой!? — прибавила она, немного помолчавъ.

— А то, что ты вздоръ думаешь: я ѣздилъ къ Клеопатрѣ Петровнѣ чисто по чувству состраданія. Она скоро, вѣроятно, умретъ.

— Умретъ, да, какъ же!... Нѣтъ еще, поживетъ!... — почти воскликнула Груша.

— Нѣтъ, умретъ! — прикрикнулъ на нее съ своей стороны Вихровъ. — А ты не смѣй такъ говорить! Ты оскорбляешь во мнѣ самое святое, самое скорбное чувство, — пошла!

Груша струсила и ушла.

У.

Похороны.

Вихрову не удалось въ другой разъ побывать у Клеопатры Петровны. Не прошло еще и недѣли, какъ онъ получилъ отъ Катишь запечатанное черною печатью письмо:

«Добрый Пивель Михайловичъ», писала она не столь уже бойкимъ почеркомъ: «нашего общаго друга въ прошедшую ночь совершенно неожиданно не стало

на свѣтѣ. Мы съ ней еще не спали, а сидѣли и разговаривали объ васъ. Она меня просила, чтобы я поутру послала сказать вамъ, чтобы вы непременно прїѣзжали играть въ карты; вотъ вы и прїѣдете къ ней, но на другаго рода карты,— карты страшныя, тяжелыя!... Вдругъ она приподнялась на постели, обняла меня, вскрикнула и лежала уже бездыханная въ моихъ объятіяхъ... Вообразите мой ужасъ: я сама закричала какъ сумасшедшая, едва дозвалась людей и положила трупъ на постель. Все кончено! Упокой Господи душу усопшей рабы твоей! Пишу это письмо къ вамъ на разсвѣтѣ; солнце только-что еще показалось, но наше дорогое солнце никогда не взойдетъ для насъ!...» На этомъ мѣстѣ видно было, что дѣлый ливень слезъ упалъ на бумагу.

«Снаряжать ея похороны прїѣзжайте завтра же и денегъ съ собой возьмите. У нея всего осталось 5 рублей въ бумажникѣ. Хорошо, что васъ ангел-хранителя Богъ послалъ, а то я ужь одна потерялась бы!»

«Ваша Катишь».

Вихровъ, прочитавъ это письмо, призвалъ Грушу и показалъ ей его.

— Вотъ ты говорила, что не умретъ; умерла — радуйся! — сказалъ онъ ей досадливымъ голосомъ.

Груша только ужь молчала и краснѣла въ лицѣ. Вихровъ всѣ эти дни почти не говорилъ съ нею. На этотъ разъ она наконецъ не вытерпѣла и бросилась дѣловать его руку и плечо.

— Виновата, баринъ, виновата, — говорила она. Вихровъ подѣловалъ ее въ голову.

— Ну, то-то же, впередъ такого вздора не думай! — проговорилъ онъ.

— Не буду, баринъ, — отвѣчала Груша; а потомъ, помолчавъ нѣсколько, прибавила:

— Миѣ можно, баринъ, сходить къ нимъ на похороны-то?

— За чѣмъ же тебѣ?

— Да вотъ я говорила-то про нихъ; вѣдь, это грѣшно: я хотъ помолюсь за нихъ, — отвѣчала Груня.

— Если съ этою цѣлю, а не изъ пустаго любопытства, то ступай! — разрѣшилъ ей Вихровъ.

Послѣ того онъ, одѣвшись въ черный фракъ и жилетъ, поѣхалъ.

Въ маленькомъ домикѣ Клеопатры Петровны окна были выставлены и горѣли большія мѣстныя свѣчи. Войдя въ зальцо, Вихровъ увидѣлъ, что на большомъ столѣ лежала Клеопатра Петровна; она была въ бѣломъ висейномъ платьѣ и съ цвѣтами на головѣ. Сама съ закрытыми глазами, блѣдная и сухая, какъ бы сдѣланная изъ кости. Видъ этотъ показался ему ужасенъ. Пользуясь тѣмъ, что въ залѣ никого не было, онъ подошелъ, взялъ ее за руку, которая едва послушалась его.

— Клеопатра Петровна, — сказалъ онъ вслухъ, — если я въ чемъ виноватъ передъ вами, то повѣрьте мнѣ, что мученьями моей совѣсти по крайней мѣрѣ въ настоящую минуту я наказанъ, сторицею! — и потомъ онъ наклонился и сначала поцѣловалъ ее въ голову, лобъ, а потомъ и въ губы.

Катишь, догадавшись по экипажу Вихрова, что онъ пріѣхалъ, вышла къ нему изъ сосѣдней комнаты. Выраженіе лица ея было печально, но торжественно.

— Клеопатра всегда желала быть похороненною въ ихъ приходѣ, рядомъ съ своимъ мужемъ. «Если, говоритъ, мы несогласно жили съ нимъ въ жизни, то пусть хоть на страшномъ судѣ явимся вмѣстѣ передъ Богомъ!» — проговорила Катишь, и, кажется, врьдъ-ли не сама все это придумала, чтобы хоть этимъ немного помирить Клеопатру Петровну съ ея мужемъ: она не только въ здѣшней, но и въ будущей даже жизни желала устроить счастье своихъ друзей.

— Съѣздите теперь къ этимъ господамъ, у которыхъ дроги, и скажите, чтобы ихъ отпустили въ деревню, и мнѣ тоже дайте денегъ; здѣсь надобно сдѣлать кой-какія распоряженія.

Вихровъ далъ ей денегъ и съѣздилъ какъ то механически къ господамъ, у которыхъ дроги, — сказалъ имъ, что надо, и возвратился опять въ свое Воздвиженское. Лежащая на столѣ, вся въ обломъ и въ цвѣтахъ, Клеопатра Петровна ни на минуту не оставляла его воображенія. На другой день онъ опять какъ-то машинально поѣхалъ на выносъ тѣла и засталъ, что священники были уже въ домикѣ, а на дворѣ стояла цѣлая гурьба соборныхъ пѣвчихъ. Катишь желала какъ можно параднѣе похоронить свою подругу. Гробъ она также заказала пренарядный.

— Ничего, растряхайте-ка вашъ кармашекъ! — она стбитъ, чтобы вы ее съ почетомъ похоронили, — говорила она Вихрову. Гробъ между тѣмъ подняли. Священники запѣли, запѣли и пѣвчіе, и все это пошло въ сосѣднюю приходскую церковь. Шлепая по страшной грязи, Катишь шла по срединѣ улицы и

вела только что не за руку съ собой и Вихрова; а потомъ, когда гробъ поставленъ былъ въ церковь, она отпустила его и велѣла пріѣзжать ему на другой день часамъ къ девяти на четверкъ, чтобы послѣ службы проводить гробъ до деревни.

Вихровъ снова возвратился домой какимъ-то окаменѣлымъ. Теперь у него въ воображеніи безпрестанно рисовался гробъ и положенные на него цвѣты.

Поутру онъ, часу въ девятомъ, пріѣхалъ въ церковь. Кромѣ Катишь, которая была въ глубокомъ траурѣ и съ плерезами, онъ увидѣлъ тамъ Живина съ женою.

— Умерла, братъ,— проговорилъ тотъ какимъ-то глухимъ голосомъ.

— Да, умерла,— повторилъ Вихровъ.

Юлія только внимательно смотрѣла на Вихрова. Живинъ, замѣтивши, что пріятель былъ въ мрачномъ настроеніи, сейчасъ же, разумѣется, пожелалъ утѣшить его, или, лучше сказать, пооблилъ его холодною водою.

— Послѣдній-то обожатель ея, г-нъ Ханнинъ, говорятъ, и не былъ у нея, пока она была больна,— сказалъ онъ.

Вихрову досадно и непріятно было это слышать.

— Ну, не время говорить подобныя вещи,— сказалъ онъ.

Въ половинѣ обѣдни въ церковь вошелъ Кергель. Онъ не былъ на этотъ разъ такой растерянный; напротивъ, взоръ у него горѣлъ радостью, хотя сообразно печальной церемоніи онъ и старался имѣть печальный видъ. Онъ сначала очень усердно помо-

лился передъ гробомъ и потомъ,— замѣтивъ Вихрова, видимо не удержался и подошелъ къ нему.

— Спѣшу позать вашу руку и поблагодарить васъ,— сказалъ онъ и, взявъ руку Вихрова, съ чувствомъ пожалъ ее.

— Что такое? за что?— спросилъ его тотъ.

— Отъ его превосходительства Сергѣя Григорьяча (имя Абреева) присланъ мнѣ запросъ черезъ полицію, чтобы я прислалъ мой формулярный списокъ для опредѣленія меня въ полицмейстеры.

— Вотъ какъ!— произнесъ Вихровъ съ удовольствіемъ:— значить, письмо подѣйствовало!

— Да какъ же, помилуйте!— продолжалъ Кергель съ какимъ-то даже трепетомъ въ голосъ:— я никакъ не ожидалъ и не надѣялся быть когда-нибудь полицмейстеромъ— это такая почетная и видная должность!.. Конечно, я всю душу и сердце положу за его превосходительство Сергѣя Григорьяча, но и тѣмъ вѣроятно не сѣмью возблагодарить ни его, ни васъ!.. А мнѣ еще и Катеринѣ Дмитріевнѣ надобно передать радостное для нея извѣстіе,— прибавилъ онъ, послѣ нѣсколькихъ минутъ молчанія и рѣшительно, кажется, не могшій совладать съ своимъ нетерпѣніемъ.

— А развѣ и объ ней есть запросъ?— спросилъ Вихровъ.

— И объ ней, и она навѣрно будетъ опредѣлена,— отвѣчалъ Кергель, и, осторожно перейдя на ту сторону, гдѣ стояла Катинь, подошелъ къ ней и началъ ей передавать пріятную новость; но Катинь была не такова: когда она что-нибудь дѣлала для

другихъ, то о себѣ въ эти минуты совершенно забывала.

— Ну, послѣ какъ-нибудь расскажете, мнѣ не до того, — отвѣчала она — и все вниманіе ея было обращено на церемонію отпѣванія.

Въ одномъ изъ угловъ церкви Вихровъ увидалъ также и Грушу, стоявшую тамъ вся въ черномъ и усерднѣйшимъ образомъ кланявшуюся въ землю: она себя въ самомъ дѣлѣ считала страшно согрѣшившею противъ Клеопатры Петровны.

Когда, наконецъ, окончилась вся эта печальная церемонія и гробъ поставили на дроги, Живинъ обратился къ Вихрову:

— А ты поѣдешь провожать до деревни?

— Да, — отвѣчалъ тотъ мрачно.

— Прощайте, Вихровъ, — сказала ему Юлія съ какимъ-то особеннымъ удареніемъ. — Я сегодня убѣдилась, что у васъ прекрасное сердце.

Кергель, между тѣмъ, какъ бы почувствовавъ уже въ себѣ нѣсколько будущаго полицмейстера, сталъ шумно распорядиться экипажами. Однимъ велѣлъ подѣхать, другимъ отѣхать, дрогамъ тронуться.

Катишь все время сохраняла свой печальный, но торжественный видъ. Усѣвшись съ Вихровымъ въ коляску, она съ важностью кивнула всѣмъ прочимъ знакомымъ головою, и затѣмъ они поѣхали за гробомъ.

Вскорѣ послѣ того пришлось имъ проѣхать Пустыя Поля, вѣхали потомъ и въ Зенковскій лѣсъ, — и Вихровъ неволью припомнилъ, какъ онъ по этому же пути ѣздилъ къ Клеопатрѣ Петровнѣ — къ живой,

пылкой, со страстію и нѣжностью его ожидающей, а теперь что случилось съ нею — страшно и подумать! Какъ бы дорого теперь далъ герой мой, чтобы сразу у него все вышло пзъ головы — и прошедшее, и настоящее!

— Послѣдній ужъ разъ я ѣду по этой дорожкѣ, — проговорила вдругъ Катишь, залившись горькими слезами. Вихровъ взглянулъ на нее — и тоже не утерпѣлъ и заплакалъ.

— Ну, будетъ, пощадите меня, — сказалъ онъ, взявъ и сжимая ея руку.

— Я очень рада, что хоть вы одни понимаете, какъ можно было любить эту женщину, — бормотала Катишь, продолжая плакать; она въ самомъ дѣлѣ любила Клеопатру Петровну больше всѣхъ подругъ своихъ. Послѣ той размолвки съ нею, о которой когда-то Катишь писала Вихрову, она сама первая пришла къ ней и попросила у ней прощенія. Въ Гороховѣ ихъ ожидала уже вырытая могила; опустили туда гробъ, священники отслужили панихиду — Вихровъ съ Катишь поѣхали назадъ домой. Всю дорогу они, исполненные своихъ собственныхъ мыслей, молчали, и только при самомъ концѣ ихъ пути Катишь заговорила:

— Кергель сказывалъ, что меня непременно опредѣлятъ въ сестры милосердія; ну, я покажу, какъ русская дама можетъ быть стойка и храбра, — заключила она и молодцовато махнула головою.

Вихровъ всю почти ночь послѣ того не спалъ — и все ходилъ взадъ и впередъ по кабинету.

— Я, рѣшительно я убилъ эту женщину! — Женись я на ней, она была бы счастлива и здорова, —

говорилъ онъ — и это почти была правда. Послѣ окончательной разлуки съ нимъ, Клеопатра Петровна явно не стала уже заботиться ни о добромъ имени своемъ, ни о здоровьѣ, — ей все сдѣлалось равно.

VI.

Одно за однимъ.

Тяжелое душевное состояніе съ Вихровымъ еще продолжалось; онъ радъ даже былъ, что Мари, согласно своему обѣщанію, не пріѣзжала еще въ ихъ края. У нея былъ боленъ сынъ ея, и она никакъ не могла выѣхать изъ Петербурга. Вихровъ понималъ, что пріѣздъ ея будетъ тяжелъ для Груши, а онъ не хотѣлъ уже видѣть жертвъ около себя — и готовъ былъ лучше Богъ знаетъ отъ какого блаженства отказаться, чтобы только не мучить тѣмъ другихъ. Переписка, впрочемъ, между имъ и Мари шла постоянная; Мари, между прочимъ, съ величайшимъ восторгомъ увѣдомила его, что повѣсть его изъ крестьянскаго быта, за которую его когда-то сослали, теперь напечаталась и производитъ страшный фуроръ, и что даже въ самыхъ модныхъ салонахъ, гдѣ и порусски почти говорить не умѣютъ, читаются его сказанія про мужиковъ и бабъ, и отовсюду слышатся восклицанія: *«c'est charmant! Comme c'est vrai! comme c'est poétique!»*

«Ты себѣ представить не можешь», — заключала Мари, — «какъ измѣнилось здѣсь общественное мнѣніе: надъ солдатчиной и шагистикой смѣются, о мужикахъ русскихъ выражаются почти съ благоговѣніемъ.

Что крѣпостное право будетъ уничтожено — это уже рѣшено; но говорятъ многіе, коренныя преобразованія будутъ въ судахъ и въ финансахъ. Дай-то Богъ, авось мы доживемъ до того, что намъ будетъ возможно не боясь *честно* говорить и не стыдясь *честно* жить.» По газетамъ Вихровъ тоже видѣлъ, что всюду курили еиміамъ похвалъ его произведенію. Встрѣтъ моего писателя такой успѣхъ въ пору его болѣе молодую, онъ бы сильно его порадовалъ; но теперь, послѣ столькихъ лѣтъ почти непрерывныхъ душевныхъ страданій, онъ какъ-бы отупѣлъ ко всему — и удовольствіе свое выразилъ только тѣмъ, что принялся сейчасъ же за свой вновь начатый романъ и сталъ его писать съ необыкновенной быстротой; а чтобы освѣжаться отъ умственной работы, онъ придумалъ ходить на охоту — и это на него благотворно дѣйствовало: послѣ каждой такой прогулки онъ возвращался домой здоровый, покойный и почти счастливый. Въмѣсто Живина, который все время вродолжалъ сидѣть съ женой и амурничать, Вихровъ сталъ брать съ собой Ивана. Этотъ Санхо-Панса его юности велъ себя послѣднее время прекрасно: былъ постоянно трудолюбивъ, трезвъ и даже опрятенъ, и почти что уменъ. Стрѣлялъ онъ тоже порядочно — и выучился этому отъ нечего дѣлать, когда бариномъ сосланъ былъ въ деревню.

Каждый почти день, Вихровъ съ ружьемъ за плечами и въ сопровожденіи Ивана, тоже вооруженнаго, отправлялся за рябчиками въ довольно мрачный лѣсъ, который какъ-то больше гармонировалъ съ душевнымъ настроеніемъ героя моего, чѣмъ подозерные луга. Вихровъ почти наизусть выучилъ всю

эту дорогу: вотъ пройдетъ мимо гуменъ Воздвиженскаго — и по ровной, глинистой дорогѣ начнетъ подниматься на небольшой взлобокъ, съ котораго не надолго бываетъ видно необыкновенно красивую колокольню села Богоявленія; потомъ путь идетъ подъ гору къ небольшому мостику, отъ котораго недалеко растутъ двѣ очень вѣтвистыя березы; затѣмъ опять надо идти въ гору. Вихровъ всегда задыхался при этомъ; но вотъ наконецъ и воротца въ лѣсъ. Иванъ, когда они подходили къ нимъ, уходилъ немного впередъ и отворялъ воротца, подъ которыми постоянно была лужа грязи. Пройдя ихъ, сейчасъ же можно было поворачивать въ лѣсъ. Идя въ чащѣ елокъ, на вершины которыхъ Иванъ внимательнѣйшимъ образомъ глядѣлъ, чтобы увидѣть на нихъ рябчика или тетерева, Вихровъ невольно помышлялъ о томъ, что вотъ тамъ идетъ слава его произведенія, тамъ происходитъ война, смерть, кровь, сколько оскорбленныхъ самолюбій, сколько горькихъ слезъ матерей, супруговъ, а онъ себѣ хоть и грустный, но спокойный, гуляетъ въ лѣсу. На одну изъ ближайшихъ ко входу въ лѣсъ колодъ Вихровъ обыкновенно садился отдыхать; а Иванъ, въ почтительной позѣ, устанавливался недалеко отъ него — и Вихровъ всякій разъ, хоть и не совсѣмъ ласковымъ голосомъ, — говорилъ ему:

— Садись, чтожъ ты стоишь!

И Иванъ садился, но все-таки продолжалъ держать себя въ нѣсколько трусливой позѣ. Наконецъ, Вихрову этотъ подобострастный видъ его сталъ наскучать — и онъ рѣшился ободрить его, хоть и предчувствовалъ, что Иванъ послѣ того сейчасъ же носъ

подыметъ и, пожалуй, опять пьянствовать начнетъ; но, какъ бы то ни было, онъ разъ сказалъ ему:

— Иванъ, что жъ ты не женишься?

— На комъ жениться-то! — отвѣчалъ Иванъ, потупляясь немного.

Баринъ въ этомъ случаѣ попалъ въ самую завѣтную его мечту.

— Хорошія-то невѣсты за меня не пойдутъ, а на худой-то что жениться!

— Да вѣдь невѣсты всѣ одинаково хороши!

— Нѣтъ-съ, разница большая, — отвѣчалъ Иванъ ухмыляясь: — за меня было, вонъ, поповна даже шла-съ.

— Ну такъ что же?

— Да говоритъ: «есть у тебя сто рублей денегъ, такъ пойду за тебя,» а у меня какія-жъ деньги!

И въ голосъ Ивана Вихровъ явно почувствовалъ укоръ себѣ, зачѣмъ онъ ему не приготовилъ этихъ ста рублей.

— Что-жъ, она хороша лицомъ?

— Нѣтъ, изъ лица она не такъ чтобы очень красива, — отвѣчалъ Иванъ. Поповна была просто дурна и глупа очень.

— Такъ чѣмъ же она тебѣ нравится?

— Да тѣмъ, что попочетнѣе, все не мужичка простая.

— И ты бы на ней съ большимъ удовольствіемъ женился?

— Да-съ, — отвѣчалъ Иванъ, опять ухмыляясь.

— Ну, хорошо, сватайся! я тебѣ дамъ сто рублей.

Иванъ что-то молчалъ.

— Когда же ты будешь свататься? — спросилъ Вихровъ, думая, что не нагаля-ли все это Иванъ.

— Да вотъ-съ тутъ какъ-нибудь, — отвѣчалъ Иванъ, опять какъ-то нерѣшительно; у него мгновенно уже все перевернулось въ головѣ: «зачѣмъ жениться теперь, лучше бы баринъ просто далъ сто рублей», думалъ онъ.

— Ну, женись, женись! — повторилъ съ усмѣшкою Вихровъ.

— Слушаю-съ! — отвѣчалъ Иванъ, и, будучи все-таки очень доволенъ милостями баряна, рѣшился въ мысляхъ еще усерднѣе служить ему, и, когда они возвратились домой, Вихровъ по обыкновенію сѣлъ въ кабинетъ писать свой романъ, а Иванъ усѣлся въ лакейской и старательнѣйшимъ образомъ принялся приводить въ порядокъ разныя охотничьи принадлежности: протеръ и прочистилъ ружья, зарядилъ ихъ, сталъ потомъ починивать патронташъ.

Къ нему вошла Груша.

— А что, барину къ ужину есть дичь? — сказала она.

— Есть, надо быть-съ! — отвѣчалъ Иванъ, сейчасъ же вскакивая на ноги: онъ все время былъ чрезвычайно почтителенъ къ Грушѣ — и относился къ ней совершенно какъ бы она барыня его была.

— Дай-ка, умѣю ли я стрѣлять, — сказала она, взявъ одно ружье; ей свучно, изволите видѣть, было: баринъ все занимался, и ей хоть бы съ кѣмъ-нибудь хотѣлось поболтать.

— Такъ, что ли, стрѣляютъ? — спросила она,

прикладывая ружье къ половинѣ груди и наклоняя потомъ къ нему свою голову.

— Нѣтъ-съ, не такъ-съ, а вотъ какъ-съ — надо къ щекаѣ прикладывать, — проговорилъ Иванъ и, схвативъ другое ружье, прицѣлился изъ него и, совершенно ошалѣлый отъ того, что Груша заговорила съ нимъ, прицѣлившись языкомъ, притопнулъ ногой и тронулъ язычекъ у ружья. То сейчасъ же выстрѣлило; Груша страшно при этомъ вскрикнула:

— Что такое? — проговорилъ Иванъ, весь поблѣднѣвъ.

— То, что ты меня застрѣлилъ, — проговорила Груша, опускаясь на стоявшій около нея стулъ.

Кровь текла у нея по всему платью.

— Что за выстрѣлъ? — воскликнулъ и Вихровъ, страшно перепуганный и однимъ прыжкомъ, кажется, перескочившій изъ кабинета въ лакейскую.

Тамъ Иванъ, попрежнему, стоялъ онѣмѣлый, а Груша сидѣла, наклонившись.

— Что такое у васъ? — повторилъ еще разъ Вихровъ.

— Это я, батюшка, выстрѣлила, — поспѣшила отвѣчать Груша: — шалила, да и выстрѣлила въ себя; маленько, кажется, понала; за докторомъ, батюшка, поскорѣе пошлите...

— Доктора скорѣй, доктора! — кричалъ Вихровъ.

Мальчикъ Миша, тоже откуда-то появившійся, побѣжалъ за докторомъ.

— Но куда ты въ себя выстрѣлила и какъ ты могла въ себя выстрѣлить? — говорилъ Вихровъ, подходя къ Груши и разрывая на ней платье.

— Вотъ тутъ, кажется, въ бокъ лѣвый, — отвѣчала Груша.

— Но ты тутъ не могла сама себѣ выстрѣлить! — говорилъ Вихровъ, ощупывая дрожащею рукою ея рану. — Ужь это не ты ли, злодѣй, сдѣлалъ? — обратился онъ къ стоявшему все еще на прежнемъ мѣстѣ Ивану и не выпуская Груши изъ своихъ рукъ.

— Я-съ это, виновать! — отвѣчалъ тотъ сдуру.

— А, такъ вотъ это кто и что!... — заревѣлъ вдругъ Вихровъ, оставляя Грушу и выходя на средину комнаты: ему пришло въ голову, что Иванъ нарочно изъ мести и ревности выстрѣлилъ въ Грушу.

— Ну, такъ погоди же, постой, я и съ тобой рассчитаюсь! — кричалъ Вихровъ и взялъ одно изъ ружей: — стой вотъ тутъ у притолка, я тебя сейчасъ самого застрѣлю: пусть меня сошлютъ въ Сибирь, но кровь за кровь, злодѣй ты этакій!

— Батюшка, баринъ, не дѣлайте этого, не дѣлайте! — кричала Груша.

— Нѣтъ, никто меня теиерь не остановитъ отъ этого! — кричалъ Вихровъ и сталъ прицѣливаться въ Ивана, который смиренно прижался къ косяку и закрылъ только глаза.

Напрасно Груша молила и стонала.

— Дай только въ лобъ нацѣлиться, чтобы вѣрный былъ выстрѣлъ, — шипѣлъ Вихровъ и готовъ былъ спустить курокъ, но въ это время вбѣжалъ Симоновъ — и самъ Богъ, кажется, надоумилъ его догадаться, въ чемъ тутъ дѣло и что ему надо было

предпринять: онъ сразу же побѣжалъ къ Вихрову — и что есть силы ударилъ его по рукѣ; ружье у того выпало, но онъ снова было бросился за нимъ — Симоновъ однако схватилъ его сзади за руки.

— Чортъ ты этакой, убѣги, спрячься скорѣй! — закричалъ онъ Ивану.

Тотъ дѣйствительно повернулся и побѣжалъ — и забѣжалъ въ самую даль поля и сѣлъ тамъ въ рожь.

Симоновъ, между тѣмъ, продолжалъ бороться съ Вихровымъ.

— Нѣтъ, я его поймаю и убью! — больше стоналъ тотъ по-звѣриному, чѣмъ говорилъ.

— Нѣтъ-съ, не уйдете-съ, не убьете-съ! — стоналъ въ свою очередь Симоновъ.

Но Вихровъ конечно бы вырвался изъ его старческихъ рукъ, если бы въ это время не вошелъ случайно прѣхавшій Кергель.

— Батюшка, подсобите связать барина, — закричалъ ему Симоновъ, — а то онъ либо себя, либо Ивана убьетъ... Кергель, и не понявшій сначала что случилось, бросился сначала однако помогать Симонову. Оба они скрутили Вихрову руки назадъ и понесли его въ спальню; бѣлая пѣна клубомъ шла у него изо рта, глаза какъ бы окаменѣли и сдѣлались неподвижными. Они бережно уложили его на постель. Вихровъ явно былъ въ совершенномъ безпамятствѣ. Набѣжавшiя, между тѣмъ, въ горницу дворовыя женщины стали хлопотать около Груши. Дивуясь, и охая, и приговаривая: «Матери мои, Господи, отцы наши святые!» — онѣ перенесли ее въ

ея комнату. Кергель прибѣжалъ тоже посмотрѣть Грушу — и къ ужасу своему увидѣлъ, что рана у ней была опасна, а потому сейчасъ же поспѣшилъ свезти ее въ своемъ экипажѣ въ больницу; но тамъ ей мало помогли. къ утру Груша умерла, давъ отъ себя показаніе, что Иванъ выстрѣлилъ въ нее совершенно нечаянно.

Симоновъ, опасаясь, что когда Вихровъ опомнится, такъ опять, пожалуй, спроситъ Ивана, попросилъ исправника, чтобы тотъ, пока дѣло пойдетъ, посадилъ Ивана въ острогъ. Иванъ впрочемъ и самъ желалъ того.

У Вихрова докторъ призналъ воспаленіе въ мозгу и весьма опасался за его жизнь — тѣмъ болѣе, что тотъ все продолжалъ быть въ безпамятствѣ. Его очень часто навѣщали, хотя почти и не видали его, Живинъ съ женою и Кергель; но кто болѣе всѣхъ доказалъ ему въ этомъ случаѣ дружбу свою, такъ это Катись: услыхавъ о несчастномъ убійствѣ Груши и о постигшей Вихрова болѣзни, она сейчасъ же явилась къ нему уже въ коричневомъ костюмѣ сестеръ милосердія, въ чепчикѣ и пелерникѣ и даже съ крестомъ на груди. Сейчасъ же приняла весь домъ подъ свою команду и ни одной душѣ не позволяла ходить за больнымъ, а все — даже черныя обязанности — исполняла для него сама. Черезъ недѣлю, когда докторъ очень ужъ сталъ опасаться за жизнь больного, она разспросила людей, кто у Павла Михайлыча ближайшіе родственники, — и когда ей сказали, что у него всего только и есть сестра — генеральша Эйсмондъ, а Симоновъ, всегда обыкновенно отвозившій письма на почту, сказалъ

ей адресъ Марьи Николаевны, Катись не преминула сейчасъ же написать ей письмо и изложила его весьма ловко:

«Ваше превосходительство!» писала она своимъ бойкимъ почеркомъ: «письмо это пишетъ къ вамъ женщина, сидящая день и ночь у изголовья вашего умирающаго родственника. Не буду описывать вамъ причину его болѣзни; скажу только, что онъ напуганъ былъ выстрѣломъ, который сдѣлалъ одинъ злодѣй лакей и убилъ этимъ выстрѣломъ одну изъ горничныхъ.»

Катись очень хорошо подозрѣвала о нѣкоторыхъ отношеніяхъ Груши къ Вихрову; но, имѣя привычку тщательнѣйшимъ образомъ скрывать подобныя вещи, она, разумѣется, ни однимъ звукомъ не хотѣла намекнуть о томъ въ письмѣ къ Марьѣ Николаевнѣ. Темное, но гениальное чутье Катись говорило ей, что между madame Эйсмондъ и monsieur Вихровымъ врядъ ли нѣтъ чего-нибудь, по крайней мѣрѣ, нѣкоторой нравственной привязанности; такъ зачѣмъ же было смущать эти отношенія разнымъ вздоромъ? Себя она тоже по этому поводу какъ бы старалась нѣсколько выгородить.

«Не заподозрите, Бога ради», писала она далѣе въ своемъ письмѣ, «чтобы *любовь* привела меня къ одру вашего родственника; между нами существуетъ одна только святая и чистая дружба;— очень сожалью, что я не имѣю портрета, чтобы послать его къ вамъ, изъ котораго вы увидали бы, какъ я безобразна и съ какимъ ужаснымъ носомъ, изъ чего вы можете убѣдиться, что всѣ мужчины могутъ только ко мнѣ пылать дружбою!»

Сдѣлавшись сестрой милосердія, Катишь начала нисколько не конфузясь и совершенно безпощадно смѣяться надъ своей наружностью. Она знала, что теперь уже блистала нравственнымъ достоинствомъ. Къ письму вышеизложенному она подписалась:

«Сестра милосердія,
«Екатерина Прыхина».

VII.

Петербургская гостья и Катишь.

Было часовъ шесть вечера. По главной улицѣ уѣзднаго городка шибко ѣхала на четверкѣ почтовыхъ лошадей небольшая, но красивая дорожная карета. Рядомъ съ кучеромъ, на широкихъ козлахъ, помѣщался благообразный лакей въ военной формѣ. Онъ, какъ только еще вѣхали въ городъ, обернулся и спросилъ ямщика:

— Что жь, мнѣ сбѣгать къ смотрителю и попросить, чтобы вы же и довели насъ до Воздвиженскаго?

— Я же и доведу, — отвѣчалъ ямщикъ: — всего версты двѣ: генеральшу важно докачу; на водку бы только дала!

— Дадутъ-съ, — отвѣчалъ лакей и, какъ только подѣхали къ почтовой станціи, сейчасъ же соскочилъ съ козелъ, сбѣгалъ въ домъ и, возвратясь оттуда и снова вскакивая на козлы, — крикнулъ: — «позволили, пошелъ!»

Ямщикъ тронулъ.

— Ну, слава Богу, что не задержали! — слышался тихій голосъ въ каретѣ. Это ѣхала или, лучше сказать, скакала день и ночь изъ Петербурга въ Воздвиженское Мари. Съ ней ѣхалъ и сынокъ ея, только-что еще выздоровѣвшій, мальчикъ лѣтъ десяти.

Когда экипажъ началъ наконецъ взбираться въ гору, Мари не утерпѣла и, выглянувъ въ окно кареты, спросила:

— Это Воздвиженское?

— Оно самое-съ! — отвѣчалъ ямщикъ и что есть духу понесся.

— Господи, какъ-то я его застаю! — говорила Мари нерѣшительнымъ голосомъ и вся поблѣднѣвъ при этой мысли.

Въ Воздвиженскомъ въ это время Вихровъ, придши уже въ себя и будучи только страшно слабъ, лежалъ, опустивъ голову на подушки; худъ и блѣденъ онъ былъ, какъ мертвецъ, и видно было, что мысли одна другой мрачнѣе проходили постоянно въ его головѣ. Онъ не спрашивалъ ни о томъ, что такое съ нимъ было, ни о томъ — жива ли Груша. Онъ, кажется, все это самъ ужъ очень хорошо зналъ — и только не хотѣлъ разспросами еще болѣе растравлять своихъ душевныхъ ранъ; ходившей за нимъ безусловно Катишь онъ ласково, по временамъ, улыбался, пожималъ у нея иногда руку; но какъ она сдѣлаетъ для него, что нужно, онъ сейчасъ и попроситъ ее не беспокоиться и уходить: ему вообще, кажется, тяжело было видѣть людей. Катишь, немножко уже начинавшая и обижаться такимъ молчаливымъ обращеніемъ ея кліента, по обыкновенію, чтобы развлечь себя, выходила и садилась на балконъ

и принималась любоваться окрестными видами; на этотъ разъ тоже, сидя на балконѣ и завидѣвъ въѣзжавшую на дворъ карету, она прищурила глаза, повела нѣсколько своимъ носомъ и затѣмъ, поправивъ на себѣ торопливо бѣлую пелеринку и крестъ, поспѣшно вышла на крыльцо, чтобы встрѣтить прѣхавшую особу.

— Это я знаю, кто прѣхалъ! — говорила она, не безъ лукавства, идя въ переднюю.

Мари входила уже на лѣстницу дома, держа сына за руку: она замѣтно была сильно встревожена. Катись, дожидавшаяся ея на верхней ступени, модно присѣла передъ ней.

— Я, кажется, имѣю удовольствіе видѣть ея превосходительство г-жу Эйсмондъ? — проговорила она, по обыкновенію въ носъ.

— Да, — отвѣчала Мари. — Но скажите, что же больной нашъ? — прибавила она дрожащимъ голосомъ.

— Опасность миновалась: слабъ еще, но не опасенъ, — отвѣчала съ важностью Катись. — Прошу васъ въ гостиную, — заключила она, показывая Мари на гостиную.

Та вошла туда какъ-то несовсѣмъ охотно.

— А могу я его видѣть? — прибавила она тѣмъ же безпокойнымъ голосомъ.

— О, нѣтъ, нѣтъ, — воскликнула Катись совсѣмъ ужъ въ носъ: — такая нечаянность можетъ его встретить.

Никакъ не ожидая, что Мари сама прѣдетъ, Катись и не говорила даже Вихрову о томъ, что писала къ ней.

— А вы вотъ посидите тутъ, — продолжала она простодушнымъ и очень развязнымъ тономъ: — отдохните немножко, выкушайте съ дороги чайку, а я схожу да приготовлю его на свиданіе съ вами. Это вашъ сынокъ, конечно? — заключила Катишь, показывая на мальчика.

— Да, сынъ мой, — отвѣчала Мари.

— Прелестный мальчекъ! — одобрила mademoiselle Катишь: — теперь вотъ еще извольте мнѣ приказать: какъ вамъ угодно почивать — однѣмъ, или съ вашимъ малюткой?

Какую цѣль Катишь имѣла сдѣлать подобный вопросъ — неизвѣстно; но Мари онъ почему-то сконфузиль.

— Это все-равно, онъ можетъ спать и со мной, а если въ отдѣльной комнатѣ, такъ я просила бы только, чтобы не такъ далеко отъ меня.

— Такъ вотъ какъ мы сдѣлаемъ, — отвѣчала ей Катишь: — я вамъ велю поставить кровать въ комнатѣ покойной Александры Григорьевны — такъ генеральша генеральшино мѣсто и займетъ, а малютку вашего положимъ, гдѣ спалъ бывало Сергѣй Григорьичъ — губернаторъ ужъ теперь, слышали вы?

— Да, слышала.

— Я вотъ по милости его и ношу этотъ почетный орденъ! — прибавила Катишь и указала на крестъ свой. — Сейчасъ вамъ чаю подадутъ! — заключила она и ушла.

Мари, оставшись одна, распустила ленты у дорожнаго чепца, разстегнула даже у горла платье — и на глазахъ ея показались слезы; видно было, что рыданія душили ее въ эти минуты; сынокъ ея, усѣв-

шійся противъ нея, смотрѣлъ на нее какъ бы съ нѣкоторымъ удивленіемъ.

Катишь, между тѣмъ, какъ кошка, хитрой и лукавой походкой вошла въ кабинетъ къ Вихрову. Онъ, при ея входѣ, приподнялъ нѣсколько свою опущенную голову.

— Вы покрѣпче, кажется, сегодня, — произнесла она, какъ бы и обыкновеннымъ голосомъ и только потирая немного руки.

— Кажется, — отвѣчалъ Вихровъ довольно мрачно.

— Пора, пора! что это молодой человекъ все валяется! — говорила Катишь, покачивая головой: — вотъ другія бы и дамы къ вамъ пріѣхали — но нельзя, не прилично, все въ халатѣ лежите.

— Что же, это Живина, что-ли, хотѣла пріѣхать? — спросилъ Вихровъ.

— Ахъ, сдѣлайте милость, о madame Живиной извольте отложить попеченіе — она теперь въ восторгѣ отъ своего мужа, а прежде точно что была въ васъ влюблена; но, впрочемъ, найдутся, можетъ быть, и другія, которыя не менѣе васъ любятъ, по крайней мѣрѣ родственной любовью.

— Кто же это: вы, что-ли?

— Я что... я буду васъ любить — какъ только вы прикажете, — произнесла Катишь. — Есть и поинтереснѣе меня.

— Я не знаю, что вы такое говорите! — произнесъ Вихровъ съ нѣкоторой ужь досадой.

— А то, что шутки въ сторону, въ самомъ дѣлѣ одѣньтесь... Петербургская одна дама пріѣхала къ вамъ.

— Кто такая? Мари, что-ли? — произнесъ Вихровъ, приподнимая

— Разумѣется, Марья Николаевна, кому же больше! — сказала Катишь.

— Господи! да гдѣ же она, просите ее! — сказали Вихровъ какимъ-то уже ребяческимъ голосомъ.

— Нельзя ей сейчасъ сюда! — возразила Катишь урезонивающимъ тономъ: — во-первыхъ, она сама съ дороги переодѣвается и отдыхаетъ; а потомъ, вы п себя-то приведите хоть сколько-нибудь въ порядокъ — смотрите, какой у васъ хаосъ! — продолжала Катишь и начала прибирать на столѣ, складывать въ одно мѣсто раскиданное платье; наконецъ взяла гребенку и подала ее Вихрову, непременно требуя, чтобы онъ причесался.

— Мари приѣхала, Мари! — повторялъ между тѣмъ тотъ, какъ бы про себя и замѣтно обрадованный и оживленный этимъ извѣстіемъ; но потомъ вдругъ, какъ бы вспомнивъ что-то, снова нахмурился и сказалъ Катишь: — а Груши нѣтъ, конечно, въ живыхъ?

— Нѣтъ, померла, — отвѣчала та торопливо.

Вихровъ при этомъ поднялъ только глаза на небо.

— Тутъ все, кажется, теперь прилично, — проговорила Катишь, — обведя глазами всю комнату и затѣмъ пошла къ Мари.

— Пожалуйте, просить васъ теперь къ себѣ, — сказала она той.

Мари пошла; замѣшательство ея все болѣе и болѣе увеличивалось.

— А мнѣ, татап, можно къ дядѣ? — спросилъ его сынъ.

— Нѣтъ, нельзя, — отвѣчала ему почти съ досадой Мари.

— Ты послѣ, душенька, къ дяденькѣ пойдешь, — объяснила ему наставническимъ голосомъ Катишь.

Мари вошла проворно въ кабинетъ Вихрова.

— Воже мой, какъ ты похудѣла! — сказала она сильно испуганнымъ голосомъ.

— Да, порядочно! — отвѣчалъ ей Вихровъ, взявъ и цѣлуя ея руку.

— Были бы кости, а мясо наведемъ, — подхватила шедшая тоже за Мари Катишь; потомъ она подвинула Мари кресло, — и та сѣла на него.

— Но скажи, что такое съ тобой случилось — простудился что-ли ты? Неужели тебя зтотъ несчастный выстрѣлъ такъ испугалъ? — говорила Мари.

— Тутъ много былъ причинъ; я и до того еще себя не такъ хорошо чувствовала... А что супругъ вашъ? — прибавилъ Вихровъ, желая, кажется, прекратить разговоръ о самомъ себѣ.

— Онъ въ Севастополѣ.

— Въ Севастополѣ? — воскликнула радостнымъ голосомъ Катишь: — гдѣ и я скоро буду!.. заключила она, поднявъ съ гордостью носъ.

— Да, — продолжала Мари: — и пишетъ, что они живутъ рѣшительно въ жерлѣ огненномъ; цѣлые дни на нихъ сыплется градъ пуль и ядеръ — ужасно! Я къ тебѣ съ сыномъ прѣвхала, — присовокупила она.

— Съ Женичкой? Ахъ, покажите мнѣ его.

— Я сейчасъ его приведу, — сказала Катишь и пошла, но не сейчасъ привела мальчика, а медлила — и медлила съ умысломъ. У Катишь, какъ мы знаемъ, была страсть покровительствовать тому, что — она полагала — непременно должно было произойти между Вихровымъ и Мари.

Тѣ, оставшись вдвоёмъ, замѣтно конфузились одинъ другаго: письмами они уже сказали о взаимныхъ чувствахъ; но какъ было начать объ этомъ разговоръ на словахъ? Вихровъ, очень еще слабый и больной, только съ любовью и нѣжностію смотрѣлъ на Мари; а та спдѣла передъ нимъ, потупя глаза въ землю, — и видно было, что если бы она всю жизнь просидѣла тутъ, то сама первая никогда бы не начала говорить о томъ. Катишь, рѣшившая въ своихъ мысляхъ, что довольно уже долгое время медлила, ввела наконецъ ребенка.

— Ну, поди сюда, мой милый! — сказалъ ему Вихровъ, и, когда Женичка подошелъ къ нему, онъ поцѣловалъ его, и ему невольно при этомъ припомнился покойный Есперъ Ивановичъ и самъ онъ въ дѣтствѣ своемъ. Мальчикъ конфузливо сѣлъ около кровати на стулъ, который тоже подвинула ему Катишь.

Разговоръ мало какъ-то клеился.

— Я, какъ сюда ѣхала, — начала наконецъ Мари: — такъ, разумѣется, спрашивала обо всѣхъ здѣшнихъ, — и мнѣ на послѣдней станціи сказали, что Клеопатра Петровна въ нынѣшнемъ году умерла.

— Да, умерла! — отвѣчалъ нахмуриваясь Вихровъ.

— Покончила свои страдальческіе дни! — подхватила Катишь.

— А вы, кажется, были ея пріятельницей? — спросила ее Мари вроткимъ голосомъ.

— Я была ея другъ! — подхватила Катишь какимъ-то строгимъ басомъ. Она за что-то считала Мари не совсѣмъ правой противъ Клеопатры Петровны.

Разговоръ на этомъ мѣстѣ опять пріостановился.

— Вы, надѣюсь, — заговорилъ уже Вихровъ, видимо мучимый какой-то мыслию: — надѣюсь, что ко мнѣ пріѣхали не на короткій срокъ?

— На мѣсяць, на два, если только ты не соскучишься, — отвѣчала покраснѣвъ Мари.

— Я-то соскучусь, Господи! — произнесъ Вихровъ, и голосъ его при этомъ какъ-то особенно прозвучалъ.

— Но какъ же мы, однако, будемъ проводить наше время? — продолжалъ онъ. — Мы, конечно, будемъ съ вами въ карты играть, какъ въ Петербургѣ собирались.

— Въ карты играть, — говорила Мари: смущеніе въ ней продолжалось сильное.

— Но чѣмъ же молодца этого занять? — сказалъ Вихровъ, показывая на мальчика.

— Пусть себѣ гуляетъ; ему физическія упражненія предписаны: бѣганье, верховая ѣзда, купанье, — отвѣчала Мари.

— А, въ такомъ случаѣ, мы должны сдѣлать нѣкоторое особое распоряженіе. Я тебя, мой другъ, поручу одному старику, который тебѣ все это устроитъ. Потрудитесь послать ко мнѣ Симонова! — прибавилъ Вихровъ, обращаясь къ Катинѣ.

Та вышла и сейчасъ же привела Симонова.

— Вотъ это, братецъ, сынъ одного заслуженнаго генерала, который теперь въ Севастополѣ. Про Севастополь слышалъ?

— Наслышанъ, ваше высокоблагородіе; война сильная, говорятъ, тамъ идетъ.

— Ну, такъ ты вотъ этого мальчика займи: да-

вай ему смирную лошадь вататься; покажи, гдѣ у насъ купанье — не глубокое; вели ему сдѣлать городки, свайку: пусть играетъ съ деревенскими мальчишками.

— Мерсі, дядя! — воскликнулъ вдругъ мальчикъ, крайне, кажется, обрадованный всѣми распоряженіями.

— Слушаю, ваше высокоблагородіе, все будетъ сдѣлано, — проговорилъ и Симоновъ очень то же довольнымъ голосомъ. — А когда вамъ что понадобится, то извольте кликнуть старика Симонова, — прибавилъ онъ, почти съ какимъ-то благоговѣніемъ обращаясь къ мальчику.

— Ну, ты можешь теперь уходить, — сказала ему Катишь.

Симоновъ тотъ часъ же ушелъ.

— Вы, кажется, распорядились и достаточно устали, — обратилась она къ Вихрову: — да и вамъ, я думаю, пора чаю накушаться и поужинать.

— Поужинайте, кухня! — сказалъ ей Вихровъ.

— Хорошо, — отвѣчала та и вмѣстѣ съ сыномъ ушла.

Въ залѣ они увидѣли параднѣйшимъ образомъ накрытый столъ съ чаемъ и съ легкимъ ужиномъ. Это все устроила та же Катишь: она велѣла ключницѣ вынуть серебро, лучший чайный сервизъ, придти прислуживать генеральшиѣ — всей, какая только была въ Воздвиженскомъ, комнатной прислугѣ.

Вскорѣ послѣ того гости и хозяйева спали уже мертвымъ сномъ. На другой день Катишь почему-то очень рано проснулась; все подошла у себя въ

комнатѣ и вообще была какая-то встревоженная, и потомъ, когда Мари вышла въ гостиную, она явилась къ ней. Глаза Катишь были полнехоньки при этомъ слезъ.

— Марья Николаевна, — начала она взволнованнымъ голосомъ: — я теперь вручаю вамъ моего больного — а мнѣ ужъ позвольте отправиться въ Севастополь.

— Но зачѣмъ же такъ поспѣшно? — возразила было Мари.

— Невозможно мнѣ долѣе оставаться, — отвѣчала какимъ-то даже жалобнымъ голосомъ Катишь: — я ужъ два предписанія получила, не говорила только никому, — присоветовала она, какъ-то лукаво поднимая брови.

Катишь въ самомъ дѣлѣ получила два требующія ее предписанія, но она все-таки хотѣла прежде походить за своимъ близкимъ ей больнымъ, а потомъ уже ѣхать на службу.

— Если такъ, то конечно, — отвѣчала Мари: — я только буду просить васъ найти тамъ моего мужа и поклониться ему отъ меня.

— Сочту это за пріятнѣйшую и непремѣннѣйшую для себя обязанность, — отвѣчала Катишь, модно раскланиваясь передъ Мари, и затѣмъ, съ тѣмъ же нѣсколько торжественнымъ видомъ, пошла и къ Вихрову.

— Ну, Павелъ Михайлычъ, — начала съ вновь выступившими на глазахъ слезами, — теперь есть кому за вами присмотрѣть, а меня ужъ пустите въ Севастополь мой.

— Очень жаль, — отвѣчалъ онъ. — Только по-

звольте!.. — прибавилъ онъ и, торопливо вставъ съ постели, торопливо надѣвъ на себя халатъ и туфли, подошелъ къ столу и вынулъ оттуда триста рублей.

— Позвольте мнѣ по крайней мѣрѣ презентовать вамъ на дорогу.

— Низачто, низачто! — воскликнула было Катишь.

— Въ такомъ случаѣ вы меня обидите; я разсержусь и опять занемогу.

— Но, вѣдь, и вы меня обижаете.... и вы обижаете! — говорила Катишь.

— Ей-богу, разсержусь, — повторилъ еще разъ Вихровъ, въ самомъ дѣлѣ сердитымъ голосомъ и подавая Катишь деньги.

— Повинуюсь вамъ, хоть и съ неудовольствіемъ! — сказала наконецъ она, принимая деньги, и затѣмъ поцѣловала Вихрова въ губы, перекрестила его и, войдя снова къ Маріи, попросила еще разъ не оставлять больнаго, простилась потомъ съ горничными дѣвушками — и при этомъ рѣздала имъ по крайней мѣрѣ рублей двадцать. Катишь была до глупости щедра, когда у нея появлялись хоть какія-нибудь деньги. Собравъ наконецъ свой скарбъ, она ушла пѣшкомъ въ городъ, не велѣвъ себѣ даже заложить экипажа. Въ послѣднихъ главахъ мы съ умысломъ говорили нѣсколько подробнѣе о сей милой дѣвицѣ для того, чтобы раскрыть полнѣе ея добрую душу, скрывавшуюся подъ столь некрасивой наружностью.

VIII.

Охота съ острогой.

Пріѣздъ Мари благотвительно подѣйствовалъ на Вихрова: въ недѣлю онъ почти совсѣмъ поправился, началъ гораздо больше ѣсть, лучше спать и только посѣдѣлъ весь на вискахъ. Хозяинъ и гостя цѣлые дни проводили вмѣстѣ: Мари первое время читала ему вслухъ, потомъ просматривала его новый романъ, но чѣмъ самое большое наслажденіе доставляла Вихрову — такъ это игрой на фортепіано. Мари постоянно занималась музыкой — и послѣднее время несравненно стала лучше играть, чѣмъ играла въ дѣвущкахъ. По цѣлымъ вечерамъ Вихровъ, полулежа въ залѣ на канале, слушалъ игру Мари и смотрѣлъ на нее. Мари была уже лѣтъ тридцати пяти; собой была она довольно худощава; прежняя миловидность перешла у нея въ какую-то пріятную осмысленность; Мари очень стала походить на англичанку — и при этомъ какая-то тихая грусть (выраженіе, нѣсколько собственное Есперу Ивановичу) какъ-бы отражалась во всей ея фигурѣ. Изъ постороннихъ посѣтителей въ Воздвиженское пріѣзжали только Живины, но и тѣ всего одинъ разъ: Юлія, услыхавъ о пріѣздѣ Мари къ Вихрову, воспыкала нетерпѣніемъ взглянуть на нее — и поэтому подговорила мужа, въ одно утро, ѣхать въ Воздвиженское, какъ-бы за тѣмъ, чтобы навѣстить больнаго, у котораго они давно уже не были.

Пріѣздъ ихъ нѣсколько сдѣлалъ Вихрова. По-

знакомивъ обѣихъ дамъ между собою и потомъ воспользовавшись тѣмъ, что Мари начала говорить съ Живинимъ, онъ поспѣшилъ отозвать Юлію Ардальоновну немножко въ сторону.

— Я надѣюсь, что вы не рассказали вашему мужу о томъ, что я вамъ когда-то говорилъ о Мари, — сказалъ онъ.

Юлія посмотрѣла на него какъ-бы съ удивленіемъ.

— Почему-жь вы думаете, что я такъ откровенна съ мужемъ: у васъ у самихъ моя тайна — гораздо поважнѣе той, — проговорила она.

— Да, пожалуйста; не говорите ему... тѣмъ болѣе, что все, что я вамъ тогда говорилъ... все это вздоръ.

Юлія при этомъ всникнула.

— Зачѣмъ же вы этотъ вздоръ мнѣ говорили — чтобы отъ меня только спастись? — проговорила она насмѣшливымъ и обиженнымъ голосомъ.

— Нѣтъ, не потому, а потому что тогда, можетъ быть, это и такъ было; но теперь этого нѣтъ, — говорилъ совершенно растерявшійся Вихровъ.

Юлія пожала при этомъ плечами.

— Не понимаю я васъ! — сказала она.

— Послѣ, какъ-нибудь, я вамъ все объясню, — говорилъ Вихровъ.

— Хорошо! — отвѣчала Юлія, опять съ усмѣшкою, и затѣмъ подошла и сѣла около madame Эймондъ, чтобы невнимательнѣе ее рассмотреть: наружность Мари ей совершенно не понравилась; но она хотѣла испытать ее умственно — и для этой цѣли заговорила съ ней о литературѣ (Юлія единственнымъ мѣриломъ ума и образованія жен-

щины считала то, что говорить-ли она о русскихъ журналахъ и какъ говорить.)

— Какъ ожила нынче литература, узнать нельзя, — начала она прямо.

Мари, кажется, удивилась такому предмету разговора — и ничего съ своей стороны не отвѣчала.

— Это такой идетъ протестъ противъ всѣхъ и всего, и все кресчендо, и кресчендо!.. — проговорила Юлія.

Мари и на это ничего не говорила.

— Введеніе этого политическаго интереса въ литературу — такъ подняло ея умственный уровень! — отзывивалась Юлія.

Вышедши замужъ она, день ото дня, все больше и больше начинала говорить о разныхъ отвлеченныхъ и даже научныхъ предметахъ, и все болѣе и болѣе отборными фразами, — и приводила тѣмъ въ несказанный восторгъ своего добрѣйшаго супруга.

— Я не нахожу, чтобы этотъ умственный уровень такъ ужь очень поднялся, — возразила наконецъ Мари.

— Вы не находите? — спросила Юлія, немного даже вспыхнувъ.

— Онъ, кажется, совершенно такой же, какъ и былъ.

— Но гдѣ же онъ лучше? онъ въ европейскихъ литературахъ, я думаю, не лучше и не выше.

Мари при этомъ слегка улыбнулась.

— Все-таки онъ тамъ, я думаю, поопытнѣй и поискуснѣй, — возразила она.

— Я не знаю, — продолжала Юлія, все болѣе и болѣе краснѣя въ лицѣ: — за иностранными литера-

турами я не слѣжу; но мнѣ въ нынѣшней нашей литературѣ по преимуществу дорого то, что въ ней всѣ эти насущные вопросы, которые душили и давали русскую жизнь, поднимаются и разрабатываются.

— Что поднимаются, это правда, но чтобъ разрабатывались — этого не видать; скорѣе же это дѣлается въ правительственныхъ сферахъ, — проговорила Мари.

— Ха, ха, ха! — захохотала Юлія: — хороша разработка можетъ быть между чиновниками!.. Нѣтъ ужъ, madame Эйсмондъ, позвольте вамъ сказать: у меня у самой отецъ былъ чиновникъ и два брата теперь чиновниками — и я знаю, что это за господа, и вотъ вышла за моего мужа, потому что онъ хоть и служитъ, но онъ не чиновникъ, а человѣкъ!

— Каковы, я думаю, чиновники въ странѣ, таковы и литераторы, — ужъ нарочно кажется поддразнивала Юлію Мари.

— Павелъ Михайловичъ! — воскликнула та, обращаясь къ Вихрову: — поблагодарите вашу кузину за сравненіе; она говоритъ, что вы, литераторъ, и какой-нибудь плутишка чиновникъ — одно и то же!

— Я не говорю о дарованіяхъ и писателяхъ; дарованія во всѣхъ родахъ могутъ быть прекрасныя и замѣчательныя; но собственно масса и толпа литературная, я думаю, совершенно такая же, какъ и чиновничья.

Юлія понять не могла, что такое говоритъ Мари: въ своей провинціальной простотѣ она всѣхъ писателей и издателей и редакторовъ уважала безразлично.

— Прежде, когда вотъ онъ только-что вступалъ еще на литературу, — продолжала Мари, указывая глазами на Вихрова, — когда заниматься ею было не только что не очень выгодно, но даже не совсѣмъ безопасно, — тогда, дѣйствительно, являлись въ литературѣ люди, которые имѣли истинное къ ней призваніе и которымъ было что сказать; но теперь, когда это дѣло начинаетъ становиться почти спекуляціей, за него, конечно, взялось много господъ далеко неблагоприятнаго свойства.

— Но, *madame* Эйсмондъ! — воскликнула Юлія: — наша литература такъ еще молода, что она не могла предъявить такихъ грязныхъ явленій, какъ это есть, можетъ быть, на западѣ.

— То-то есть, что и у насъ начинаетъ быть похуже еще западнаго! — отвѣчала Мари; ее, по преимуществу, возмущалъ пошлый и бездарный тонъ тогдашнихъ петербургскихъ газетъ.

Вихровъ слушалъ обѣихъ дамъ съ полуулыбкою, но Живинъ, напротивъ, весь былъ вниманіе: ему нравилось и то, что говорила жена, и то, что говорила Эйсмондъ; но дамы, напротивъ, сильно не понравились другъ другу, и Юлія даже, по этому случаю, имѣла маленькую ссору съ мужемъ..

— Что это за госпожа?.. — сказала она, пожимая плечами, когда они сѣли въ экипажъ, чтобы ѣхать домой.

— Что за госпожа!.. Женщина, какъ видно, умная! — отвѣчалъ Живинъ.

— Чѣмъ?... чѣмъ?.. — спросила рѣзко Юлія: — чтобы быть названной *умною женщиной*, надобно сказать что-нибудь умное.

— Она неглупо и говорила, — возразилъ ей опять кротко мужъ.

— Она мало что говорила неумно, но она подло говорила: для нея становой приставъ и писатель — одно и то же. Эта госпожа, должно быть, страшная консерваторша; но, впрочемъ, что-же и ожидать отъ жены какого-нибудь господина-генерала; но главное — Вихровъ, Вихровъ тутъ меня удивляетъ, что онъ въ ней нашелъ! — воскликнула Юлія, забывъ отъ волненія даже сохранить повѣренную тайну.

Мари, въ свою очередь, тоже не совсѣмъ благосклонно отзывалась о Живинои; сначала она, разумѣется, ни слова не говорила, но когда Вихровъ съ улыбкой спросилъ ее:

— А какъ вамъ понравилась супруга моего пріятеля?

Онъ бы въ настоящую минуту низачто не признался Мари, что это была та самая дѣвушка, о которой онъ когда-то писалъ, потому что Юлія показала ему самому на этотъ разъ просто противною.

— Она, должно быть, ужасная провинціалка: у нея какой-то рѣзкій тонъ, грубыя манеры! — отвѣчала та.

— И какую чепуху все высокопарную несетъ! — произнесъ Вихровъ.

— Ну, да это-то ужъ Богъ съ ней: всѣ мы, женщины, обыкновенно мыслями страдаемъ; по крайней мѣрѣ держала бы себя нѣсколько поскромнѣе.

Покуда шла такимъ образомъ жизнь въ Воздвиженскомъ, больше всѣхъ ею, какъ и надобно было ожидать, наслаждался Женичка. Онъ дѣльные дни путешествовалъ съ Симоновымъ по полямъ и по лугамъ. Въ Петербургѣ для укрѣпленія мускуловъ его учили гимнастикѣ, и онъ вздумалъ упражняться этой же гимнастикой и въ деревнѣ, нарисовалъ Симонову столбъ, на которой лазять, лѣстницу, по которой всходятъ; Симоновъ сейчасъ же все это и устроилъ ему, и мало того: самъ даже сталъ лазить съ нимъ, но ноги у него были старческія — и потому онъ обрывался и падалъ. Особенно Женичку забавляло то, когда Симоновъ, подражая ему, лѣзъ на гладкій столбъ — и только заберется до половины, а тамъ не удержится и начнетъ спускаться внизъ. Женичка покатывался при этомъ со смѣху: одно только маленькому шалуну не нравилось — что бочажокъ, куда онъ ходилъ купаться, былъ очень ужъ мелокъ.

— Симонушко, пойдемъ на озеро и тамъ купаемся! — сказалъ онъ ему однажды.

— Нѣтъ, что тамъ купаться — грязно, да и тинисто очень, — возразилъ ему Симоновъ. — А вотъ лучше что!... — продолжалъ старый запотройщикъ: — ужо вечеромъ выпроситесь у маменьки и у дяденьки на озеро — на лодкѣ съ острогой рыбу половить.

— Ахъ, это отлично! я сейчасъ же и попрошусь! — воскликнулъ Женичка — и съ разгорѣвшимися уже глазами побѣжалъ въ горницу.

— Дядя, мамаша! — кричалъ онъ: — отпустите меня сегодня вечеромъ съ острогой рыбу ловить.

— Что такое, съ какой острогой? — спросила Мари, совершенно не понявъ его просьбы.

— Мы, мамаша, рыбы вамъ наловимъ, — толковалъ ей мальчикъ.

Мари все-таки не понимала.

— Это дѣйствительно довольно пріятная охота, — принялся объяснять ей Вихровъ: — ѣдутъ по озеру въ лодкѣ, у которой на носу горитъ смола и освѣщаетъ такимъ образомъ внутренность воды, въ которой и видно, гдѣ стоитъ рыба въ ней и спитъ: ее и бьютъ острогой.

— Отпусти, мамаша! — приставалъ между тѣмъ къ Маріи ребенокъ.

— Нѣтъ, одного тебя пустить не удобно, — возразилъ ему Вихровъ: — потому что все-таки будешь ночью одинъ на водѣ.

— Но я, дядя, съ Симоновымъ поѣду.

— Все это я знаю; но вотъ что, Мари, не поѣхать ли и намъ тоже съ ними? — проговорилъ Вихровъ: ему очень улыбалась мысль проѣхать съ ней по озеру въ темную ночь.

— Хорошо, — отвѣчала она.

— Ну, поди же и позови сюда Симонова, — сказалъ Вихровъ Женичкѣ.

Тотъ благимъ матомъ побѣжалъ и привелъ съ собой за руку стараго воина.

— Вотъ видишь что... — обратился къ тому Вихровъ: — поди и найми ты намъ лодку большую, широкую; мы хотимъ сегодня поохотиться съ острогой.

— Теперь отличное время-съ, самое настоящее! — подхватилъ съ удовольствіемъ Симоновъ.

— Ну, такъ ступай!

— Слушаю-съ!—отвѣчалъ Симоновъ и проворно ушелъ.

Женичка выпросился вмѣстѣ съ нимъ на озеро и побѣжалъ за нимъ.

Вихровъ и Мари снова остались вдвоемъ.

Героя моего послѣднее время сжигало нестерпимое желаніе сказать Мари о своихъ чувствахъ; въ настоящую минуту, на примѣръ, онъ сидѣлъ противъ нея — и съ какимъ бы восторгомъ бросился передъ ней, обнялъ бы ея колѣни, а между тѣмъ онъ принужденъ былъ сидѣть въ скромнѣйшей и приличнѣйшей позѣ, и вести холодный, родственннй разговоръ, — все это начинало ужъ казаться ему просто глупымъ: «хоть пьяну бы, что ли, напиться», думалъ онъ: «чтобы посмѣлѣе быть!»

Женичка, впрочемъ, вскорѣ возвратился и объявилъ, что все было нанято, — и только оставалось желать, чтобы это несносное солнце поскорѣ садилось; но вотъ и оно сѣло. У крыльца стояла уже коляска парою; въ нее сѣли Женичка, Вихровъ и Мари, а Симоновъ помѣстился на козлахъ. Сей почтенный воинъ выбралъ самое сухое мѣсто, чтобы господамъ выдти и сѣсть въ лодку, которая оказалась широчайшею, длиннѣйшею и даже крашеною. Лодочникъ стоялъ на носу. Вихровъ сѣлъ управлять рулемъ. Мари очень боялась, когда она вошла въ лодку — и та закачалась.

— Да садитесь около меня, рядомъ со мной, — сказалъ ей Вихровъ.

Мари сѣла. Лавочка была не совсѣмъ длинная и просторная, такъ что Мари совсѣмъ прижалась къ Вихрову, но все-таки боялась.

— Погодите, я стану васъ поддерживать, — сказалъ онъ и взялъ ее легонько за талию.

Однако Мари все еще боялась.

— Ну, дайте и руку вашу.

Мари подала и руку.

Женичка, какъ только вскочилъ въ лодку, сейчасъ же убѣжалъ къ лодочнику и сталъ съ любопытствомъ смотрѣть, какъ тотъ разводилъ на носу огонь. Симоновъ, обернувшись спиной къ Вихрову и Мари, сѣлъ грести. Лодка тронулась.

Мракъ уже совершенно наполнилъ воздухъ; на носу лодки горѣло довольно большое пламя смолы.

— Мамаша, въ водѣ все видно! — кричалъ Женичка, смотря въ воду: — вотъ, мамаша, трава какая большая! А это, мамаша, ракъ должно быть?

— Это — ракъ, — подтвердилъ лодочникъ. — Тише, баринъ, не кричите, — прибавилъ онъ виолголоса: — это щука, надо быть, стоитъ!.. какая матерая — чортъ!

— Мнѣ ее и колотить? — спросилъ мальчикъ шепотомъ.

— Нѣтъ, ужъ я лучше, а то она у васъ увернется, — проговорилъ лодочникъ и мгновенно опустил острогу внизъ. Щука сейчасъ-же очутилась послѣ того на поверхности воды; Симоновъ поймалъ ее руками; Женичка вырвалъ ее у него и, едва удерживая въ своихъ рученкахъ скользкую рыбу, побѣжалъ къ матери.

— Мамаша, смотрите какая щука! — кричалъ онъ.

— Хорошо! — отвѣчала ему мать, почему-то сильно сконфуженнымъ голосомъ.

Женичка опять ушелъ на носъ. Ночь все больше

и больше воцарялась; небо хоть было и чисто, но темно, и только звѣзды блистали мѣстами.

Мари находилась почти что въ объятіяхъ Вихрова.

— Ангель мой, вы мнѣ ниразу еще не повтори́ли того, о чемъ писали, — шепталъ онъ ей.

— Я?..— говорила Мари, отворачиваясь отъ него.

— Да!.. Но теперь, по крайней мѣрѣ, скажите, что любите меня!— продолжалъ Вихровъ.

— А что же? Неужели ты не видишь этого?..— отвѣчала Мари, и сама трепетала всѣмъ тѣломъ.

Вихровъ крѣпко прижалъ ее къ себѣ. Онъ только и видѣлъ предъ собою ея бѣлое лицо, окаймленное чернымъ кружевнымъ вуалемъ.

— Мамаша! еще шука!— кричалъ ребенокъ съ кормы.— Дай, эту я ударю! — выпросилъ онъ у дочника острогу, ударилъ ею и не попалъ.

— Вотъ, баринъ, и не попали,— сказалъ ему дочникъ.

— Ну, больше ужъ я не буду бить, ты бей! — сказалъ Женья и опять принялся глядѣть внимательно въ воду. Симоновъ сталъ весломъ направлять лодку къ другому мѣсту. На кормѣ, между тѣмъ, происходило неумолкаемое шептаніе.

— Ты будешь меня любить вѣчно, всегда? — говорила Мари.

— Я никого кромѣ тебя и не любилъ никогда,— отвѣчалъ Вихровъ.

— Ну, смотри же; я на страшно-тяжелый шагъ для тебя рѣшилась: ты, можетъ быть, и не воображаешь, какъ для меня это трудно и мучительно....

— Но неужели-же, Мари, душить въ себѣ всякое чувство — лучше? — шепталъ Вихровъ.

— Почти что лучше! — отвѣчала она.

Вихрову, наконецъ, все еще слабому послѣ болѣзни, отъ озерной сырости сдѣдалось немного и холодно-вато.

— Однако, не пора ли и домой — я начинаю чувствовать дрожь, — проговорилъ онъ.

— Хорошо! — отвѣчала Мари.

Она, кажется, не помнила, гдѣ она и что съ ней происходитъ.

— Домой! — крикнулъ Вихровъ Симонову.

— Мало что-то нынче рыбы! — произнесъ тотъ.

— Мало, — подтвердилъ и лодочникъ.

— А сколько камушковъ въ водѣ, — сказалъ Женичка, еще разъ заглянувъ въ воду, и вскорѣ затѣмъ всѣ вышли на берегъ и, прежнимъ порядкомъ усѣвшись въ экипажъ, возвратились домой.

Тамъ ихъ въ залѣ ожидалъ самоваръ. Мари поспѣшила сѣсть около него. Она была блѣдна, какъ полотно. Вихровъ сѣлъ около нея. Женья принялся болтать и съ жадностью ѣсть съ чаемъ сухари, а потомъ зазѣвалъ.

— Я, мамаша, спать хочу, — попросилъ онъ уже самъ.

— Хорошо, — отвѣчала Мари съ какимъ-то трепетомъ въ голосъ. — Пойдемъ, я велю тебя уложить, — прибавила она и пошла за ребенкомъ.

— Мари, вы еще вернетесь?.. я спать не хочу! — крикнулъ ей Вихровъ.

— Пожалуй... вернусь... — говорила, какъ бы неторопясь и раздумывая, Мари.

— Я въ кабинетѣ буду васъ ожидать, — продолжалъ Вихровъ.

— Хорошо, — отвѣчала опять неторопливо Мари, и черезъ нѣсколько времени какой-то робкой походкой прошла въ кабинетъ.

IX.

Отъѣздъ Мари и судьба Ивана.

Точно по огню для Вихрова пробѣжали эти дватри мѣсяца, которые онъ провелъ потомъ въ Воздвиженскомъ съ Мари: онъ съ восторгомъ смотрѣлъ на нее, когда они поутру сходились чай пить; съ восторгомъ видѣлъ, какъ она, точно настоящая хозяйка, за обѣдомъ разливала горячее; съ восторгомъ и подолгу взглядывалъ на нее, играя съ ней по вечерамъ въ карты. Самое лицо ея казалось ему окруженнымъ какимъ-то блестящимъ ореоломъ. Мари въ свою очередь, кажется, точно то же самое чувствовала въ отношеніи его. Какъ величайшую тягость, они оба вспомнили, что имъ еще надо съѣздить къ Живинымъ и отплатить имъ визитъ, потому что Юлія Ардальоновна, бывши въ Воздвиженскомъ, прямо объяснила, что насколько она была у Вихрова, настолько и у madame Эйсмондъ.

Въ одно утро, наконецъ, Вихровъ и Мари поѣхали къ нимъ вдвоемъ въ коляскѣ. Герой мой и тутъ, глядя на Марп, утопалъ въ восторгѣ — и она съ какой-то неудержимой любовью глядѣла на него.

Юлія Ардальоновна обрадовалась пріѣзду madame

Эйсмондъ, потому что онъ удовлетворилъ ея самолюбіе. Что же касается до самого Живина, то онъ пришелъ въ несказанный восторгъ, увидѣвъ у себя въ домѣ Вихрова.

— Ты, вѣдь, у меня у женатаго еще въ первый разъ, посмотри мое помѣщеніе, — сказалъ онъ и повелъ пріятеля показывать ему довольно нарядно убранную половину ихъ.

— Что-жь, и отлично! ты, значитъ, теперь у пристани.

— Да, слава Богу, — отвѣчалъ Живинъ, почти набожнымъ тономъ. — А ты у этой барыни — не у пристани? — прибавилъ онъ не совсѣмъ смѣло и съ усмѣшкой.

— О, вздоръ какой! — произнесъ съ неудовольствіемъ Вихровъ и поспѣшилъ возвратиться въ гостиную къ дамамъ. Ему ужъ и скучно стало безъ Мари, и опять захотѣлось смотрѣть на нее. Мари, тоже хоть на мгновеніе, но безпрестанно взглядывала на ту дверь, въ которую онъ ушелъ. Вихровъ, войдя въ гостиную, будто случайно сѣлъ около Мари — и она сейчасъ же поблагодарила его за то взоромъ, хоть и разговаривала въ это время очень внимательно съ Юліей. Отъ той, конечно, не скрылись всѣ эти переглядыванія — и досада неволью закралась въ ея душу; ее главное удивляло — что могло такъ плѣнить Вихрова въ Мари. Она въ ней только и видѣла одно достоинство, что та одѣвалась прекрасно: но это чисто зависѣло отъ модистки, а не отъ какихъ-нибудь личныхъ достоинствъ женщины. Подъ вліяніемъ этихъ почти невольныхъ ощущеній,

ей захотѣлось немножко посмѣяться надъ Вихровымъ.

— Вы, Павелъ Михайловичъ, — отнеслась она къ нему: — рѣшительно не старѣетесь: прежде вы были какой-то хандрющій, скучающій, а теперь, напротивъ, какъ-будто бы одушевлены чѣмъ-то.

Вихровъ посмотрѣлъ на нее сердито: онъ думалъ, что она хочетъ выдать тайну его, и обозлился на нее.

— А вы такъ, наоборотъ, старѣетесь очень, — проговорилъ онъ.

— Почему же вы это заключаете? — спросила Юлія, покраснѣвъ въ лицѣ.

— Потому, что болтушкой становитесь, — сказалъ онъ.

— Ахъ, какъ это хорошо: какой милый комплиментъ я отъ васъ получила! — воскликнула въ свою очередь обозлившаяся Юлію.

Гости потомъ еще весьма не долгое время просидѣли у Живинныхъ: сначала Мари взглянула на Вихрова; тотъ понялъ ее — и они сейчасъ же поднялись. При прощаніи, когда Живинъ говорилъ Вихрову, что онъ на-дняхъ же будетъ въ Воздвиженскомъ, Юлія молчала какъ рыба.

— Я до того, кажется, теперь дошла, — начала Мари, когда они поѣхали: — что рѣшительно никого не могу видѣть изъ постороннихъ.

— Да и я тоже, — подхватилъ Вихровъ, — и Богъ знаетъ, когда любовь сильнѣй властвуетъ человѣкомъ: въ лѣта ли его юности, или въ возрастѣ, клонящемся уже къ старости — врядъ-ли не въ послѣднемъ случаѣ.

— Ты думаешь? — спросила Мари.

— Болѣе чѣмъ думаю, увѣренъ въ томъ, — подхватилъ Вихровъ.

— Дай-то Богъ! — сказала Мари.

Дома мои влюбленные обыкновенно послѣ ужина, когда весь домъ укладывался спать, выходили сидѣть на балконъ. Ночи все это время были теплыя до духоты. Вихровъ, обыкновенно бралъ съ собой сигару и усаживался на мягкомъ диванѣ, а Мари помѣщалась около него и, по большей части, склоняла къ нему на плечо свою голову. Разговоры въ этихъ случаяхъ происходили между ими самыя задушевиѣйшіе. Вихровъ откровенно рассказалъ Марі всю исторію своей любви къ Фатѣевой, рассказалъ и о своихъ отношеніяхъ къ Грушѣ.

— Зачѣмъ же эти отношенія существовали, если, по твоимъ словамъ, ты въ это время любилъ другую женщину? — спросила Мари съ нѣкоторымъ укоромъ.

— Но развѣ иначе могло быть?... могло быть иначе?... — спрашивалъ въ свою очередь Вихровъ.

— Да, но ты только сильно ужъ очень пораженъ былъ смертію этой дѣвочки.

— Очень естественно: это не то, что обыкновенная смерть случилась, а вдругъ какъ бы громомъ она меня поразила.

— А если бы этой смерти не послѣдовало, и передъ вами очутилось бы двѣ женщины — вамъ бы неловко было! — замѣтила не безъ лукавства Мари.

— Очень бы; но что-жъ дѣлать? съ сердцемъ не совладаешь! — нельзя же было чисто для чувственныхъ отношеній побороть въ себѣ нравственную привязанность. <http://rcin.org.pl>

Мари на это съ удовольствіемъ улыбнулась ему.

— А что, скажи, кромѣ меня и мужа ты никого не любила? — спросилъ ее однажды Вихровъ.

— Господи Боже мой — какъ тебѣ не грѣхъ и дѣлать мнѣ подобный вопросъ? Если бы я кого-нибудь любила, я бы его и любила! — отвѣчала Мари нѣсколько даже обиженнымъ голосомъ.

— А мужа ты давно разлюбила? — продолжалъ Вихровъ.

— Разумѣется, не со вчерашняго дня, — сказала съ грустною усмѣшкою Мари.

— Мнѣ, признаюсь, — какъ ты тамъ ни объясняй, что онъ былъ кавказскій герой, — всегда казалось и будетъ казаться непонятнымъ, за что ты въ него влюбилась.

— Очень просто, тогда военные были въ модѣ: на меня — дѣвчонку это и подѣйствовало; кромѣ того всѣ говорили, что у него сердце прекрасное.

— Все это совершенно справедливо, но вѣдь онъ глупъ ужасно.

— Нѣтъ, онъ не то что глупъ, но онъ не образованъ настоящимъ образомъ, — а этого до свадьбы я никакъ не могла замѣтить, потому что онъ держалъ себя всегда сдержанно, прекрасно танцевалъ, говорилъ по-французски; потомъ-то ужъ поняла, что этого мало — и у насъ чтó вышло: то, что онъ любилъ и чему симпатизировалъ, это еще я понимала; но онъ уже мнѣ никогда и не въ чемъ не сочувствовалъ — и я не знаю, сколько я способовъ изобрѣтала, чтобы помирить какъ-нибудь наши взгляды. Но, чтобы заставить его смотрѣть на вещи, какъ я смотрѣла, его просто надобно было учить; а чтобы

я смотрѣла по его, мнѣ нужно было... хвастливо даже сказать... поглупѣть, опозлѣть, разучиться всему, чему меня учили — и, видитъ Богъ, я тысячу разъ проклинала это образованіе, которое дали мнѣ... Зачѣмъ оно мнѣ?... Оно изломало только мою жизнь!

— А скажите, ангель мой, зачѣмъ вы тогда вдругъ такъ неожиданно уѣхали изъ Москвы за-границу? — спросилъ Вихровъ.

— Отъ тебя бѣжала, — отвѣчала Мари: — и что я тамъ вынесла — ужасъ! Ничто не занимаетъ, все противно — и одна только мысль, что я тебя никогда больше не увижу, постоянно грызеть; наконецъ не выдержала — и тоже въ одинъ день собралась, и вернулась въ Петербургъ, и стала разыскивать тебя: посылала въ адресный столъ, писала, чтобы тоже сдѣлали и въ Москвѣ; только вдругъ пріѣзжаетъ Абреевъ и рассказалъ о тебѣ: онъ какимъ-то ангеломъ-благовѣстникомъ показался мнѣ... Я сейчасъ же написала къ тебѣ...

— А я къ вамъ!...

— А ты ко мнѣ, да еще и съ сочиненіемъ своимъ, которое окончательно помutilo мнѣ голову.

— Однако вы на мое послѣднее и рѣшительное письмо довольно долго не извоили отвѣчать.

— Легко мнѣ было отвѣчать на него!... Я недѣли двѣ была какъ сумасшедшая: отказаться отъ этого счастья — не хватило у меня силъ; идти же на него — надобно было забыть, что я жена живаго мужа, мать дѣтей; женщинамъ, хоть сколько-нибудь понимающимъ свой долгъ, не легко на подобный поступокъ рѣшиться!... Нужно очень любить чело-
вѣка и очень ему вѣрить, для того это дѣлаешь...

Вихровъ утопалъ въ блаженствѣ, слушая послѣднія слова Мари.

Но счастья вѣчнаго нѣтъ на землѣ: въ сентябрѣ мѣсяцѣ получено наконецъ было отъ генерала письмо, первое еще по прїѣздѣ Мари въ деревню.

«Милая Машурочка!»

«Я три раза раненъ — и вотъ причина моего молчанія; но нынѣ, благодаря Бога, я уже поправляюсь, и знакомая твоя дѣвица, госпожа Прыхина, теперешняя наша сестра милосердія, ходитъ за мной, какъ дочь родная; недѣльки черезъ три я думаю выѣхать въ Петербургъ, куда и тебя, моя Машурочка, прошу прибыть и уврачевать раны старика. Севастополь нашъ сданъ!... ни раны, ни увѣчья насъ, оставшихся въ живыхъ, ни кости падшихъ братій нашихъ, ни одиннадцать мѣсяцевъ осады, въ продолженіе которыхъ въ насъ, какъ въ земляной мшень, жарила почти вся Европа изъ всѣхъ своихъ пушекъ, — ничто не помогло, и все пошло къ чорту... Нашего милаго капитана не то что убили, а разорвали, кажется, на десять частей; онъ являлъ чудеса храбрости: солдаты обыкновенно стаскивали его съ батарей, потому что онъ до тѣхъ поръ разговаривалъ съ непріателемъ пушкою, что портилъ даже орудіе — миръ праху его! это былъ истинный русакъ. Если я не доѣду до Петербурга и умру, то скажи сыну, что отецъ его умеръ, какъ храбрый солдатъ.»

Прочитавъ это письмо, Мари сначала поблѣднѣла, потомъ, оиустивъ письмо на колѣни, начала вдругъ истерически рыдать.

— Что такое съ вами?—спросилъ Вихровъ и поспѣшилъ ей подать воды.

— Нѣтъ, не надо!—отвѣчала Мари, отстраняя отъ себя стаканъ.—Прочти вотъ лучше!—прибавила она и подала ему письмо мужа.

Вихровъ прочелъ, письмо и его тоже встревожило и нѣсколько кольнуло.

— Что-жь васъ такъ особенно ужъ напугало? — произнесъ онъ не безъ ѣдкости:—Евгеній Петровичъ пишетъ, что здоровье его поправилось.

— Ахъ, не это меня встревожило!—воскликнула Мари.

— Но что же такое — я ужъ и не понимаю, — сказалъ Вихровъ.

— То, что я должна ѣхать и встрѣтиться съ нимъ,—произнесла Мари:—наконецъ съ тобой придется разстаться.

— Зачѣмъ же разставаться?—я поѣду за вами же, — возразилъ Вихровъ.

— Нѣтъ, Поль, пощади меня! — воскликнула Мари:—дай мнѣ прежде уѣхать одной, выдержать эти первыя ужасныя минуты свиданія, наконецъ — оглядѣться, осмотрѣться, попривыкнуть къ нашимъ новымъ отношеніямъ... Я не могу вообразить себѣ, какъ я взгляну ему въ лицо. Это ужасно! Это ужасно!...—повторяла нѣсколько разъ Мари.

Эти слова ея очень огорчили Вихрова.

— Что же я тутъ буду дѣлать одинъ — я съума сойду!—проговорилъ онъ почти отчаяннымъ голосомъ.

— Но это не долго, другъ ты мой, можетъ-быть, какой-нибудь мѣсяць, два; а потомъ я тебѣ и напишу, чтобы ты <http://rain.org.pl>

— Во всякомъ случаѣ,— продолжалъ Вихровъ:— я одинъ безъ тебя здѣсь не останусь — уѣду хоть къ Абрееву, кстати онъ звалъ меня даже на службу къ себѣ.

— Уѣзжай къ Абрееву!— подтвердила и Мари.— А на меня ты не сердись, что я этимъ письмомъ такъ встревожилась?— прибавила она уже ласково.

— Нисколько.... за что-жь тутъ сердиться? — отвѣчалъ Вихровъ, но не совсѣмъ повидимому искренно.

— Нѣтъ, я знаю очень хорошо, что ты немножко сердись — и тебѣ это непріятно; но честію тебя завѣряю, что тутъ кромѣ чувства совѣсти ничего другаго нѣтъ.

— Очень вѣрю и даже высоко цѣню въ тебѣ это чувство: оно показываетъ, что ты — въ высшей степени женщина честная!

По расчету времени, Мари можно было еще пробыть въ Воздвиженскомъ около недѣли; но напрасно мои влюбленные старались забыть все и предаться только счастію любви: мысль о предстоящей разлукѣ отравляла ихъ каждую минуту, такъ что Мари однажды сказала:

— Нѣтъ, ужъ тыпусти меня лучше, я уѣду!

— Уѣзжай!— подтвердилъ и Вихровъ.

Въ одинъ изъ предпоследнихъ дней отъѣзда Мари, къ ней въ комнату вошла съ какимъ-то особенно таинственнымъ видомъ ея горничная.

— Васъ прикащикъ Симоновъ желаетъ видѣть,— проговорила она.

— Позови его сюда.

Симоновъ вошелъ: лицо его было неспокойно.

— Тутъ-съ, вотъ, есть Иванъ, что горничную убилъ у насъ, — началъ онъ, показывая въ сторону головой: — онъ въ острогѣ содержался; теперь это дѣло рѣшили, чтобы ничего ему, и выпустили... Онъ тоже воротиться сюда по глупости боится. «Что, говоритъ, мнѣ идти опять подъ гнѣвъ барина!.. лучше позволили бы мнѣ — я въ солдаты продамся, меня покупаютъ».

— Пусть себѣ и продается — Богъ съ нимъ! — отвѣчала Мари.

— Да, вѣдь, бумагу тоже насчетъ этого ему надобно дать; я не смѣю теперь и доложить о томъ барину, какъ бы не встревожить ихъ тѣмъ.

— Хорошо, я, пожалуй, ему скажу, — проговорила Мари.

— Сдѣлайте милость! — вы все, вѣдь, умнѣе нашего сумѣете это сказать, — подхватилъ радостнымъ голосомъ Симоновъ.

— Сегодня же скажу, — отвѣчала Мари и въ самомъ дѣлѣ сейчасъ же пошла къ Вихрову.

— Ивана этого выпустили; онъ найденъ невиннымъ, — начала она: — но онъ самъ желаетъ наказать себя и продается въ солдаты; позволь ему это!

— Богъ съ нимъ! — отвѣчалъ Вихровъ: — пускай съ собой дѣлаетъ, что хочетъ.

— Ну, такъ надобно позвать Симонова, — произнесла Мари; но Симоновъ дождался уже у двери и держалъ даже бумагу въ рукахъ.

— Войди! — сказала Мари, увидѣвъ его.

Симоновъ вошелъ.

— Иванъ въ солдаты желаетъ уйти? — спросилъ его Вихровъ.

— Да-съ, очень, слезно меня просилъ о томъ, — отвѣчалъ Симоновъ.

— Дай мнѣ бумагу; я подпишу ему, — сказалъ Вихровъ.

Симоновъ подалъ.

Вихровъ подписалъ.

— Такъ его на этой же недѣлѣ и ставить будутъ-съ, — произнесъ Симоновъ.

— Хоть сегодня же! — разрѣшилъ Вихровъ.

Симоновъ ушелъ.

Дня черезъ два, на главной улицѣ маленькаго уѣзднаго городка, произошли два событія: во-первыхъ, четверней на почтовыхъ пронеслась карета Мари; Мари сидѣла въ ней, не смотря на присутствіе горничной, вся заплаканная; Женя тоже былъ заплаканъ: ему грустилъ всего было разстаться съ Симоновымъ; а второе — то, что къ зданію присутственныхъ мѣстъ два нарядные мужика подвели наряднаго Ивана.

Онъ былъ замѣтно выпивши и съ сильно перекошеннымъ лицомъ. Они все трое прямо полѣзли было на лѣстницу, но солдатъ ихъ остановилъ.

— Погодите, вызовутъ, не ваша еще череда.

Мужики и Иванъ остановились на крыльцѣ; наконецъ, съ лѣстницы сбѣжалъ голый человѣкъ. «Не приняли! не приняли!» — кричалъ онъ, прихлопывая себя, и въ такомъ видѣ хотѣлъ было даже выбѣжать на улицу; но тотъ же солдатъ его опять остановилъ.

— Дьяволъ этакой, одѣнся, прежде чѣмъ бѣжать-то! — сказалъ онъ.

Парень проворно надернулъ на себя штанишки, рубашку и, все-таки не надѣвъ кафтана и захвативъ его только въ руки, побѣжалъ на улицу.

— Хлоикова! — раздался голосъ съ верху.

Иванъ вздрогнулъ. Это была его фамилія — и его вызывали.

Нарядные мужики ввели его въ сѣни и стали раздѣвать его. Иванъ дрожалъ всѣмъ тѣломъ. Когда его совсѣмъ раздѣли, то повели вверхъ по лѣстницѣ; Иванъ продолжалъ дрожать. Его ввели наконецъ и въ присутствіе. Предсѣдатель сталъ опрашивать; у Ивана стучали зубы — онъ не въ состояніи даже былъ отвѣчать на вопросы. Докторъ осмотрѣлъ его всего, потрепалъ по спинѣ, по животу.

— Этотъ малый славный! — сказалъ онъ.

Иванъ только дико посмотрѣлъ на него.

Его подвели подъ мѣрку.

— Четыре и три четверти! — дискантомъ произнесъ стоявшій у мѣры солдатъ.

— Лобъ! — крикнулъ предсѣдатель.

— Лобъ! — крикнулъ за нимъ и солдатъ — и почти выпихнулъ Ивана въ сосѣднюю комнату. Тамъ дали ему надѣть только рубашку и мгновенно остригли подъ гребенку.

— Желаемъ службы благополучной и здоровья! — сказалъ ему приюльникъ, тоже солдатъ.

Иванъ продолжалъ дико смотрѣть на него; затѣмъ его снова выпустили въ сѣни и тамъ надѣли на него остальное платье; онъ вышелъ на улицу и сѣлъ на тумбу. Къ нему подошли его хозяева, за которыхъ онъ шелъ въ рекруты.

— Благодаримъ покорно-съ!— говорили они, неуклюже протягивая къ нему руки для пожатія.

— Ничего-съ!...— отвѣчалъ имъ что-то и Иванъ. Страхъ отнялъ у него и послѣднее сознание: онъ, повидимому, никакъ не ожидалъ, чтобы его забили.

Х.

Гуманный губернаторъ.

Часовъ въ десять утра къ тому-же самому постоялому двору, къ которому Вихровъ нѣкогда подвезенъ былъ на фельдъегерской тележкѣ, онъ въ настоящее время подѣхалъ въ своей коляскѣ четверней. Молодой лакей его Михайло, бывший нѣкогда комнатный мальчикъ, а теперь малый лѣтъ восемнадцати, франтовато одѣтый, сидѣлъ рядомъ съ нимъ. — Полагая, что всѣ злокачества Ивана произошли отъ того, что онъ былъ крѣпостной, Вихровъ отпустилъ Михайла на волю (онъ былъ родной братъ Груши) и теперь держалъ его какъ нанятаго.

Когда въѣхали на дворъ подъ ворота, Михайло проворно выскочилъ изъ экипажа, сбѣгалъ на верхъ, отыскалъ тамъ номеръ и пригласилъ барина.

Вихровъ вошелъ: оказалось, что это былъ тотъ самый номеръ, въ которомъ онъ въ первый пріѣздъ свой останавливался.

Вихровъ послалъ въ ту-же самую цирюльную за цирюльникомъ для себя, и тотъ же самый цирюльникъ пришелъ къ нему. (Въ провинціи рѣдко и не скоро мѣняются всѣ публичные предметы.) Вихровъ

и на этотъ разъ заговорилъ съ цирюльникомъ о губернаторѣ.

— Ну, а нынѣшній губернаторъ каковъ? — спросилъ онъ.

— Генералъ обходительный, очень даже! — отвѣчалъ цирюльникъ. (Онъ противъ прежняго моднѣй еще, кажется, сталъ говорить.)

— А гдѣ же прежній?

— Въ Москвѣ онъ жилъ.

— А дама его сердца?

— Попервоначалу она тоже съ нимъ уѣхала; но, видно, безъ губернаторства-то денегъ у него немножко въ умаленіи сдѣлалось, она пзъ-за него другаго стала имѣть. Это его очень тронуло, и одинъ разъ такъ, говорятъ, этимъ огорчился, что крикнулъ на нее за то, упалъ и мертвъ очутился; но и ей тоже не далъ Богъ за то долгаго вѣву: другой-то этотъ самый ее бросилъ; она третьяго, четвертаго, и при такомъ пути своей жизни будетъ ли прокъ, — померла, говорятъ, тоже нынѣшней весной!

«Сколько изъ тѣхъ людей», — невольно подумалось Вихрову, «которыхъ онъ за какіе-нибудь три, четыре года зналъ молодыми, цвѣтущими, здоровыми, теперь лежало въ могилахъ!» При этой мысли онъ взглянулъ и на себя въ зеркало: голова его была сѣда, лицо испещрено морщинами; на лбу выступили желчныя пятна, точно лѣтъ двадцать или тридцать прошло съ тѣхъ поръ, какъ онъ пріѣхалъ въ этотъ городъ, въ первый разъ еще въ жизни столь сильно потрясенный.

— А гдѣ Захаревскіе? — спросилъ онъ въ заключеніе цирюльника.

— Старшій-то въ Петербургъ остался, — большое мѣсто тамъ получилъ; а младшій гдѣ-то около Варшавской желѣзной дороги заводъ, что-ли, какой-то завелъ!... Сильно, говорятъ, богатѣеть — и въ здѣшнихъ-то мѣстахъ сколько, вѣдь, онъ тоже денегъ наприобрѣлъ — ужасно много!

Вихровъ, по старому знакомству, далъ цирюльнику на чай три рубля серебромъ, чѣмъ тотъ, оставшись крайне доволенъ, самодвижимъ образомъ раскланялся съ нимъ и ушелъ.

Герой мой одѣлся и поѣхалъ къ губернатору.

Каждая улица, каждый переулокъ, каждая тумба, мимо которыхъ онъ проѣзжалъ, были до гадости ему знакомы; но вотъ завиднѣлось вдали и крыльцо губернаторскаго дома, выкрашенное краской подъ шатерьъ.

Сколько разъ и съ какимъ тяжелымъ чувствомъ подъѣзжалъ Вихровъ къ этому крыльцу, да и онъ-ли одинъ: я думаю, всѣ чиновники и всѣ обыватели то же самое чувствовали! Ему ужасно захотѣлось поскорѣй увидать, какъ себя Абреевъ держалъ на этомъ посту.

Въ передней, изъ которой шла парадная лѣстница, онъ не увидѣлъ ни жандарма, ни полицейскаго солдата, а его встрѣтилъ благообразный швейцаръ; лѣстница вся уставлена была цвѣтами.

— Сергѣй Григорьевичъ принимаетъ? — спросилъ Вихровъ.

— Принимаетъ-съ! пожалуйста вверхъ, — отвѣчалъ какимъ-то необыкновенно ласковымъ голосомъ швейцаръ: ему врядъ-ли не приказано было какъ можно вѣжливей принимать посѣтителей.

Вихровъ пошелъ и въ той залѣ, гдѣ нѣкогда репетировался «Гамлетъ», онъ тоже не увидалъ ни адъютанта, ни чиновника, а только стояли два лакея въ черныхъ фракахъ, и на вопросъ Вихрова: дома ли губернаторъ?—они указали ему на совершенно отворенный кабинетъ.

Вихровъ вошелъ и увидѣлъ, что Абреевъ (по-прежнему очень красивый изъ себя) разговаривалъ съ сидѣвшей противъ него на стулѣ, бѣдно-одѣтой дамой-старушкой.

— А, Павелъ Михайловичъ! — воскликнулъ онъ, увидѣвъ Вихрова:— какъ я радъ васъ видѣть; но только двѣ, три минуты терпѣнья, кончу вотъ съ этой госпожей...

Вихровъ нарочно отошелъ въ самый дальній уголъ.

— Ваше превосходительство, — говорила старушка:— мнѣ никакого сладу съ нимъ нѣтъ! прямо безъ стыда требуетъ: «отдайте, говорить, маменька, мнѣ состояніе ваше!» — «Ну, я говорю, если ты промотаешь его?» — «А вамъ, говорить, что за дѣло? Состояніе у всѣхъ должно быть общее!» — Ну, дамыли, я батюшка, состояніе мое, цѣлымъ вѣкомъ нажитое, — мотать!

Абреевъ усмѣхнулся на это.

— Что жъ я для васъ въ этомъ случаѣ могу сдѣлать? — спросилъ онъ.

— Да вы, батюшка, вызовите его къ себѣ, — продолжала старушка:— и пугните его хорошенько... «Я-моль, тебя въ острогъ посажу за то, что ты матери не считаешь!..»

— Никакого права не имѣю даже вызвать его къ

себѣ! Вамъ гораздо бы лучше было обратиться къ какому-нибудь другу вашего дома, или наконецъ къ предводителю дворянства, которые бы внушили ему болѣе честныя правила, а никакъ ужъ не ко мнѣ, представителю только полицейско-хозяйственной власти въ губерніи! — говорилъ Абреевъ: онъ, видимо, наследовалъ отъ матери сильную склонность выражаться нѣсколько свысока.

— Ваше превосходительство, въ комъ же намъ и защиты искать! — возражала старушка; — я вонъ тоже съ покойнымъ моимъ мужемъ неудовольствія имѣла (пилъ онъ очень, и буенъ въ этомъ видѣ былъ), сколько разъ къ Ивану Алексѣевичу обращалась; онъ его иногда по недѣлѣ, по двѣ въ частномъ домѣ держалъ.

Абреевъ опять пожалъ плечамъ.

— То было, сударыня, время, а теперь другое! — произнесъ онъ.

— Времена, ваше превосходительство, все одни и тѣ же... Я конечно что, какъ мать, не хотѣла было и говорить вамъ: онъ при мнѣ, при сестрахъ своихъ кричитъ, что Бога нѣтъ!

— И въ этомъ случаѣ вините себя: зачѣмъ вы его такъ воспитали.

— Что же я его воспитала: я его въ гимназіи держала до 5-го класса, а тутъ самъ же не хотѣлъ учиться; сталъ себя считать умнѣй всѣхъ.

— Попросите теперь священника, духовника вашего, чтобы онъ направилъ его на болѣе прямой путь.

— Послушаетъ-ли ужъ онъ священника, — воз-

разила съ горькою усмѣшкою старушна:—коди начальство настоящее ничего не хочеть съ нимъ дѣлать, что-же можетъ сдѣлать съ нимъ священникъ?

Абреевъ и на это только усмѣхнулся и молчалъ; молчала также нѣкоторое время и старушка, замѣтно недовольная имъ.

— Извините, что обезпокоила васъ, — произнесла она наконецъ, привставая.

— Извинюсь и я, что ничѣмъ не въ состояніи помочь вамъ, — отвѣчалъ ей Абреевъ, вѣжливо раскланиваясь.

Старушка ушла.

Сергѣй Григорьевичъ сейчасъ-же обратился къ Вихрову.

— Я надѣюсь, что вы пріѣхали раздѣлить со мной тяжелое бремя службы, — сказалъ онъ.

— Нѣтъ, Сергѣй Григорьевичъ, — возразилъ Вихровъ:— я просто пріѣхалъ повидаться съ вами и пожить здѣсь нѣкоторое время.

— А, это еще любезнѣе съ вашей стороны, — подхватилъ Абреевъ, крѣпко и дружески пожимая его руку.

Въ это время въ кабинетъ вошелъ молодой человекъ и не очень, какъ видно, умный изъ лица, въ пиджакъ, съ усами и бородой.

— Сергѣй Григорьевичъ, — сказалъ онъ совершенно фамильярно Абрееву:— у васъ тутъ осталось предписаніе министра?

— Нѣтъ, — отвѣчалъ Абреевъ.

— Да какъ-же нѣтъ, оно у васъ на столѣ должно быть, — продолжалъ молодой человекъ, и началъ безъ всякой церемоніи рыться на губернаторскомъ

столъ, однако бумаги онъ не нашель.— Въ канцеляріи она, вѣроятно, — заключилъ онъ и ушелъ.

Вихровъ въ эти минуты невольно припомнилъ свое служебное время и свои отношенія къ начальству, и въ душѣ похвалилъ Абреева.

— Это, вѣроятно, вашъ правитель канцеляріи? — спросилъ онъ.

— Да, — отвѣчалъ тотъ: — когда меня назначили сюда, я не хотѣлъ брать какого-нибудь стараго дѣльца; а именно хотѣлъ имѣть около себя человѣка молодаго, честнаго, симпатизирующаго всѣмъ этимъ новымъ идеямъ, особенно въ виду освобожденія крестьянъ.

— А ужь есть объ этомъ мысль?

— Больше, чѣмъ мысль; коммисія особая на-дняхъ объ этомъ откроется!

— То-то мою повѣсть изъ крестьянскаго быта пропустили, — проговорилъ Вихровъ.

— Читалъ я ее; прекрасная вещь, прекрасная! — сказалъ Абреевъ.

На эти слова его одинъ изъ лакеевъ вошелъ и доложилъ:

— Преосвященнѣйшій владыко пріѣхалъ!

— Проси въ гостиную! — проговорилъ торопливо Абреевъ: — pardon! — обратился онъ къ Вихрову и вслѣдъ затѣмъ сейчасъ-же прибавилъ: — надѣюсь, что вы сегодня пріѣдете ко мнѣ обѣдать?

— Очень радъ! — отвѣчалъ Вихровъ.

Они разстались. Проходя залу, Вихровъ увидѣлъ входящаго архіерея. Запахъ духовъ чувствительно раздался за нимъ.

Вихровъ уѣхалъ въ свой номеръ.

Объединенное общество Абреева собралось часамъ

къ 5-ти и сидѣло въ гостиной: черноглазая и чернобровая супруга его замѣтно пополнила и, кажется, немножко поумнѣла; она разговаривала съ Вихровымъ.

— Вы изъ Петербурга теперь? — спрашивала она его своимъ мятымъ языкомъ.

— Нѣтъ, изъ деревни, — отвѣчалъ Вихровъ.

— Что же вы въ деревнѣ и живете?

— Да, жилъ.

— А теперь гдѣ же будете жить? — продолжала хозяйка.

— Теперь вѣроятно буду жить въ Петербургѣ, — отвѣчалъ Вихровъ, рѣшительно недоумѣвавшій, зачѣмъ это ей такъ подробно нужно знать, а между тѣмъ онъ невольно прислушивался къ довольно оживленному разговору, который происходилъ между Абреевымъ и его правителемъ канцеляріи.

— Тутъ-съ дѣло не въ справедливости, — толковалъ съ важностію молодой человѣкъ, — а въ принципѣ.

Фигура Абреева выражала вся какъ-бы недоумѣніе.

— Какимъ же образомъ писать это въ донесеніи, когда всѣ факты говорятъ противное? — произвелъ онъ.

— Факты представляютъ временную, случайную справедливость, а принципъ есть представитель вѣчной и высшей справедливости, — возражалъ ему правитель канцеляріи.

Абреевъ все-таки, какъ видно, недоумѣвалъ.

— Поставьте вопросъ такъ-съ! — продолжалъ правитель канцеляріи, и затѣмъ началъ ужъ что-то такое тише говорить, такъ что Вихровъ разслушать

даже не могъ, тѣмъ болѣе, что изъ залы послышались ему какъ-бы знакомые, сильные шаги. Вихровъ съ любопытствомъ взглянулъ на дверь, и это въ самомъ дѣлѣ входилъ Петръ Петровичъ Кноповъ, а за нимъ слѣдовалъ самолюбивый Дмитрій Дмитричъ, бывший совѣстный судья, а нынѣ предсѣдатель палаты.

Абреевъ нарочно пригласилъ ихъ, какъ пріятелей Вихрова.

— Знакомить, кажется, нечего! — сказалъ онъ всѣмъ съ улыбкою.

— Знаемъ-съ другъ друга, знаемъ-съ, — подхватилъ Кноповъ, цѣлуясь съ Вихровымъ.

Предсѣдатель тоже съ нимъ расцѣловался.

— Что, батюшка, другъ мой милый, — продолжалъ Петръ Петровичъ плачевнымъ голосомъ: — нянюшка-то твоя умерла, застрѣдилъ, говорятъ, ее какой-то негодяй?

Вихрова эти слова разсердили.

— Такими вещами не шутятъ! — проговорилъ онъ.

— Не шучу, а плачу, увѣряю тебя! — произнесъ Петръ Петровичъ, и обратился уже къ губернаторшѣ:

— Никакъ, ваше превосходительство, не могу я здѣсь найти этого прекраснаго плода, который ѣлъ въ дѣтствѣ и который, кажется, называется *мишь-мишь* или *мишь-мишь*?

— Ахъ, это намъ изъ Астрахани возли съ шепталой, — подхватила съ видимымъ удовольствіемъ хозяйка.

— Ваше превосходительство, — отнесся Кноповъ

уже къ самому Абрееву:— по случаю пріѣзда моего друга Павла Михайловича Вихрова, который, вѣроятно, ѣдетъ въ Петербургъ, я привезъ три карикатуры, которыя и попрошу его взять съ собой и отпечатать тамъ.

— Какія же это? — спросилъ Абреевъ, подходя къ столу, около котораго усѣлся Петръ Петровичъ. Къ тому же столу подошли: предсѣдатель, Вихровъ и молодой правитель канцеляріи. Кноповъ вынулъ изъ кармана, бережно сложенные, три рисунка.

— Первая изъ нихъ, — началъ онъ всхлипывающимъ голосомъ и утирая кулакомъ *будто-бы* слезы:— посвящена памяти моего благодѣтеля, Ивана Алексѣевича Мохова; вотъ нарисована его могила, а рядомъ съ ней и могила *madame* Пиколовой. Петька Пиколовъ, супругъ ея (онъ теперь, каналья, безъ просыпу день и ночь пьетъ), стоитъ надъ этими могилами пьяный, плачетъ и говоритъ къ могилѣ жены: „ты для меня трудилась на *поль чести!*..“ — „а ты!.. — къ могилѣ Ивана Алексѣевича:— на *поль труда и пота!*“

— Я не понимаю этого, — сказала хозяйка, раскрывая на него свои большіе черные глаза:— что такое на *поль чести?*

— Честно ужъ очень она трудилась для него, и деньги вырабатывала, — отвѣчалъ Кноповъ.

— Не понимаю, — повторила хозяйка. — Ну, а это что-же опять на *поль труда и пота*, — продолжала она.

— Вѣдь трудно, знаете, въ нѣкоторыя лѣта трудиться, — объяснилъ ей Кноповъ.

— Не понимаю, произнесла еще разъ губернаторша.

— Ну, и не трудитесь все понимать, — перебилъ ее мужъ: — вторая карикатура...

— Вторая карикатура на друга моего Митрія Митрича, — отвѣчалъ Кюповъ: — это вотъ онъ хватаетъ за овалду пассажира и тащитъ его на пароходъ той компаніи, которой акціи у него, а то такъ-то никто не ѣздитъ на ихъ пароходахъ.

— Тебѣ хорошо смѣяться! — произнесъ со вздохомъ предсѣдатель.

— Наконецъ третья каррикатура собственно на васъ, ваше превосходительство! — воскликнулъ Кюповъ.

— Покажите! — сказалъ Абреевъ, а самъ впрочемъ немножко покраснѣлъ.

— Это вотъ, изволите видѣть, вы!... похожи?

— Похожъ!

— А передъ вами пьяный и растерзанный городской; вы стоите отъ него, отвернувшись, и говорите: «мой милый другъ, застегнись, пожалуйста, а то мнѣ, какъ начальнику, неловко тебя видѣть въ этомъ видѣ» — и всѣ эти три карпкатуры будутъ названы: *свобода нравовъ*.

— Такою карикатурою, какую вы нарисовали на Сергѣя Григорыча, — вмѣшался въ разговоръ правитель канцеляріи: — каждый скорѣе можетъ гордиться; это не то, что если бы представить кого-нибудь, что онъ бьетъ своего подчиненнаго.

— Да, вѣдь, это смотря по вкусу, — отвѣчалъ ему Петръ Петровичъ: — кто любить самъ бить, тотъ-бы

этимъ обидѣлся; а кто любить, чтобы его били, тотъ этимъ возгордится.

— Эхъ, топ cher, топ cher!— воскликнулъ со вздохомъ и ударивъ Кнопова по плечу губернаторъ: —на всѣхъ не угодишь! Пойдемте лучше обѣдать!— заключилъ онъ, и всѣ за нимъ пошли.

Обѣдъ былъ прекрасно сервированъ и прекрасно приготовленъ. Нѣсколько выпитыхъ стакановъ вина замѣтно одушевили хозяйна. Когда встали изъ-за стола и всѣ мужчины перешли въ его кабинетъ пить кофе и курить, онъ разлегея красивымъ станомъ своимъ на диванъ.

— Удивительное дѣло!— началъ онъ, съ замѣтною горечью:— ума, кажется, достаточно у меня, чтобы занимать мою должность; взятокъ я не беру; любовницы у меня нѣтъ; а между тѣмъ, я очень хорошо вижу, что въ обществѣ образованномъ и необразованномъ меня не любятъ! Вонъ Петръ Петровичъ, какъ умный человекъ, скорѣе попалъ на мою слабую сторону: я дѣйствительно слабъ слишкомъ, слишкомъ мягокъ; а другимъ я все-таки кажусь тираномъ: я требую, чтобы вносили недоимки — я тиранъ! чтобы не закрывали смертоубійствъ — я тиранъ! Я требую, чтобы хоть на главныхъ-то улицахъ здѣшняго города было чисто — я тиранъ.

— Этимъ вы не за себя наказуетесь! Въ обществѣ ненависть къ администраторамъ — историческая, за разныхъ прежнихъ воеводъ и намѣстниковъ!— сказалъ какъ бы въ утѣшеніе Абрееву его юный правитель канцеляріи.

— Не знаю, это такъ-ли-съ!— началъ говорить Вихровъ (ему очень ужъ противна показалась эта

битая и избитая фраза молодого правителя канцеляріи, которую онъ однако произнесъ такимъ вѣщимъ голосомъ, какъ бы самъ только вчера открылъ это):— и врядъ ли тѣ воеводы и намѣстники были такъ дурны. Я, когда вышелъ изъ университета, то много занимался русской исторіей, и меня всегда и больше всего поражала эпоха междуцарствія: — страшная пора — Москва безъ царя, непріятель и непріятель всякій: поляки, украинцы и даже черкесы, — въ самомъ центрѣ государства; Москва приказываетъ, грозитъ, молитъ къ Казани, къ Вологдѣ, къ Новгороду, отовсюду молчаніе, и потомъ вдругъ, какъ-бы мгновенно пробудилось сознаніе опасности; все разомъ встало, сплотилось, въ годъ какой-нибудь вышвырнули непріятеля, и покуда, замѣтите, шла вся эта неурядица, самымъ правильнымъ образомъ просходились суды, собирались подати, формировались новыя рати, и врядъ ли это не народная наша черта: мы не любимъ приказаній; намъ не по сердцу черезчуръ бдительная опека правительства; отнустя насъ посвободишь, можетъ быть, мы и сами пойдёмъ по тому же пути, который намъ указываютъ; но если же заставятъ насъ идти, то непременно возопіемъ, оттуда же, мнѣ кажется, происходитъ и ненависть ко всякаго рода воеводамъ.

Рѣчь эта Вихрова почему-то ужасно понравилась правителю канцеляріи.

— Я съ вами совершенно согласенъ, совершенно! — подхватилъ онъ.

— А я такъ ничего и не понялъ, что онъ говорилъ! — сказалъ Петръ Петровичъ, осмотрѣвъ всѣхъ присутствующихъ насмѣшливымъ взглядомъ: — ты,

Митрій Митричъ, поняль?—спросилъ онъ предсѣдателя.

— Отъ-чего-жь не понять! — отвѣчалъ тотъ, немало впрочемъ сконфузясь.

— Врешь, не поняль, — подхватилъ Кноповъ.

— Понять очень просто: что русскій человекъ къ порядку не склоненъ, и не любитъ его, — пояснилъ Абреевъ.

— Нѣтъ-съ, это не то, что не любовь къ порядку, а скорѣй—стремленіе къ децентрализаціи!— объявилъ ему опять его юный правитель.

Вихровъ, между тѣмъ, утомленный съ дороги, сталъ раскланиваться. Абреевъ упросилъ его непременно пріѣхать вечеромъ въ театръ; Петръ Петровичъ тоже обѣщался туда прибыть, предсѣдатель тоже. Молодой правитель канцеляріи пошелъ провожать Вихрова до передней.

— Я всегда былъ вашъ читатель, — сказалъ онъ, пожимая ему руку, — и конечно во многомъ съ вами не согласенъ; но все-таки не могу вамъ не передать моего уваженія.

Герой около этого времени напечаталъ еще нѣсколько своихъ новыхъ вещей.

— И вотъ ваше мнѣніе, которое вы сейчасъ высказали, показываетъ, что вы славянофилъ, — продолжалъ молодой человекъ.

— Можетъ быть, и славянофилъ! — отвѣчалъ ему Вихровъ. Онъ очень ужъ хорошо видѣлъ, что молодой человекъ принадлежалъ къ разряду тѣхъ маленькихъ людишекъ, которые съ ногъ до головы начинены разнаго рода журнальными и газетными фразами и сентенціями и которыми они необыкновенно

спѣшатъ подѣлиться съ каждымъ встрѣчнымъ и поперечнымъ, дабы показать, что и они тоже умные и образованные люди.

— Это единственная изъ всѣхъ старыхъ русскихъ литературныхъ партій, которую я уважаю! — заключилъ съ важностію молодой человѣкъ.

«Очень нужно этимъ партіямъ твое уваженіе и неуваженіе!» — подумалъ Вихровъ и поспѣшилъ уѣхать.

XI.

Скорби гуманнаго губернатора.

Бдучи въ театрѣ, Вихровъ вспомнилъ, что у него въ этомъ городѣ еще есть пріятель — Кергель, а потому, войдя въ губернаторскую ложу, гдѣ засталъ Абреева и его супругу, онъ первое же слово — спросилъ его:

— А что, скажите, гдѣ Кергель?

— А вотъ онъ, — отвѣчалъ Абреевъ, показывая головой на стоявшаго въ первомъ ряду креселъ военнаго.

— Вы его въ военнаго преобразили?... — спросилъ Вихровъ.

— Да, непременно просилъ, — «въ полувоенной формѣ меня», — говоритъ, «подчиненные будутъ менѣ слушаться!» а главное, я думаю, чтобы больше нравиться женщинамъ.

— А онъ этимъ занимается до сихъ поръ?

— Только этимъ и занимается, больше ничѣмъ — рѣшительно *Сердечкинъ*. Теперь, вотъ, влюбленъ въ

эту молоденькую актрису, п цѣлые дни сидитъ у нея, пишетъ ей стихи! Вы хотите его видѣть?

— Очень!

Абреевъ позвалъ лакея, и велѣлъ тому пригласить къ нему полиціймейстера. Услыхавъ зовъ губернатора, Кергель сейчасъ-же побѣжалъ и молодецки влетѣлъ въ ложу; но, увидѣвъ передъ собою Вихрова, весь исполнился удивленія.

— Какими судьбами!— воскликнулъ онъ и началъ Вихрова цѣловать такъ громко, что губернаторша даже обернулась. Кергель сейчасъ-же отдалъ ей глубокой поклонъ. Онъ и за ней былъ-бы не прочь приволокнуться, но боялся губернатора.

— А вы все пожираете глазами madame Соколову? (фамилія актрисы)— спросилъ его Абреевъ.

— По обязанности службы я надо всѣмъ долженъ наблюдать, — отвѣчалъ Кергель.

— Вы скорѣе во вредъ вашей службѣ очень ужъ усердно наблюдаете за г-жею Соколовой.

— Нельзя же, — она дѣвушка молодая, одинокая, пріѣхала въ незнакомый городъ!— нельзя же не оберегать ее, — отшучивался Кергель.

Кергель, изъявивши еще разъ свой восторгъ Вихрову, что встрѣтился съ нимъ, снова спѣшилъ уйти внизъ, чтобы быть ближе къ предмету страсти своей.

— Да поспидите тутъ, — сказалъ было ему Абреевъ.

— Нѣтъ ужъ, позвольте мнѣ туда, — сказалъ Кергель, и мгновенно исчезъ.

— Попробовалъ-бы съ Иваномъ Алексѣвичемъ полиціймейстеръ такъ пошутить!... — неволью вырвалось у Вихрова.

— Но и я скоро буду дѣлать ему замѣчанія; невозможно въ такія лѣта такъ дурачиться,— произнесъ какъ-бы и сердитымъ голосомъ Абреевъ.

На сценѣ между тѣмъ, по случаю пріѣзда петербургскаго артиста, давалъ піэсу: «*Свои люди сочтемся!*» Петербургскій артистъ игралъ въ этой піесѣ главную роль *Подхалюзина*. Бездарнѣе и отвратительнѣе сыграть эту роль было невозможно, хотя артистъ и старался говорить нѣкоторыя характерныя фразы громко, держалъ извѣстнымъ образомъ купечески большой палецъ на рукѣ, ударялъ себя при патетическихъ восклицаніяхъ въ грудь, и прикладывалъ въ чувствительныхъ мѣстахъ руку къ виску, но все это выходило только кривляканіемъ и кривляваньемъ самой грубой и неподвижной натуры, такъ что артистъ, видимо, родился таскать кули съ мукою, но никакъ ужъ не на театрѣ играть.

Вихровъ видѣть его не могъ.

— Какъ онъ ужасно играетъ!— говорилъ онъ, невольно отворачиваясь отъ сцены.

— Онъ мало что актеръ скверный, — сказалъ Абреевъ:— но какъ и человѣкъ, должно быть, наглый. На дняхъ явился ко мнѣ, привезъ мнѣ кучу билетовъ на свой бенефисъ и требуетъ, чтобы я раздавалъ ихъ. Я отвѣчалъ ему, что не имѣю на это ни времени, ни желанія. Тогда онъ, пользуясь слабостью Кергеля къ mademoiselle Соколовой, навалилъ на него эти билеты, — ужасный господинъ!

Вихровъ, между тѣмъ, съ грустію смотрѣлъ на сцену: тамъ каждый актеръ и каждая актриса только и хлопотали о томъ, чтобы какъ-нибудь сказать поестественнѣе, даже писать и ѣсть они старались

такъ же продолжительно, какъ продолжительно это дѣлается въ дѣйствительной жизни;—никому и въ голову не приходило, что у сцены есть точно дѣйствительность, только своя, особенная, одной ей принадлежащая. Въмѣсто прежняго раздѣленія актеровъ на злодѣевъ, на первыхъ трагиковъ, первыхъ комиковъ, раздѣленія все-таки болѣе серьезнаго, потому что оно основывалось на психической сторонѣ человѣка,—вся труппа теперь составлялась такъ: я играю купцовъ, онъ мужиковъ, третій баръ, а что добрые-ли это люди, злые-ли, дурные, никто объ этомъ думушки не думалъ. Вихровъ очень хорошо видѣлъ въ этомъ направленіи, что скоро и очень скоро театръ сдѣлается одною пустою и даже не совсѣмъ веселою забавой и совершенно перестанетъ быть тѣмъ нравственнымъ и умственнымъ образователемъ, какимъ онъ былъ въ святыя времена Мочалова, Щепкина и даже Каратыгина, потому что тѣ стремились выразить передъ зрителемъ человѣка, а не сословіе, и не только что смѣшили, но и плакать заставляли зрителя!

Возвратившись изъ театра въ свой неприглядный номеръ, герой мой предался самымъ грустнымъ мыслямъ: между нимъ и Мари было условлено, что онъ первоначально спроситъ ее письмомъ, когда ему можно будетъ пріѣхать въ Петербургъ, и она ему отвѣтитъ, и что еще отвѣтитъ... такъ что въ этой перепискѣ по крайней мѣрѣ съ мѣсяць пройдетъ; но чѣмъ-же занять себя въ это время? Съ теперешнимъ обществомъ города онъ совершенно не былъ знакомъ. Изъ старыхъ-же знакомыхъ Кноповъ, съ своимъ ничего наразбирающимъ зубоскальствомъ, по-

казался ему на этотъ разъ противенъ, Кергель крайне пошлъ, а самъ Абреевъ нѣсколько скучновать, п сѣдовласый герой мой, раздумавъ обо всемъ этомъ, невольно склонилъ голову на руки и началъ потихоньку плакать. При такомъ душевномъ настроеніи онъ, разумѣется, не спалъ всю ночь, и только было часамъ къ десяти, страшно утомленный, онъ началъ забываться, какъ вдругъ услышалъ женскій голосъ:

— Ничего, я подожду, посижу тутъ! — говорила какая-то дама его Михайлу.

Вихровъ, къ ужасу своему и сквозь сонъ еще, созналъ, что это былъ голосъ г-жи Огаркиной, супруги становаго.

«Зачѣмъ это она пришла ко мнѣ», думалъ онъ, желая въ это время куда-нибудь провалиться. Первое его намѣреніе было продолжать спать; но это оказалось совершенно невозможнымъ, потому что становиха, усѣвшись въ сосѣдней комнатѣ на диванъ, — начала безпрестанно ворочаться, пыхтѣть, кашлять, такъ что онъ наконецъ не вытерпѣлъ и, наскоро одѣвшись, вышелъ къ ней изъ спальни: лицо у него было страшно сердитое; но становиха этимъ, кажется, нисколько не смутилась.

— Что, батюшка, больно долго спишь? — спросила она его самымъ фамильярнымъ голосомъ.

— Ахъ, это вы! что вамъ угодно отъ меня? — спросилъ ее въ свою очередь, сколько возможно сухо, Вихровъ.

— Что угодно? — Повидаться съ тобой пришла. Что, надолго-ли сюда пріѣхалъ?

— Завтра ѣду, — отвѣчалъ Вихровъ и далъ себѣ

клятву строжайшимъ образомъ приказать Михайлу ни подъ какимъ видомъ не принимать г-жи Огаркиной.

— Ну, если завтра, такъ это еще ничего. Я-бы и не знала, да сынишко у меня гимназистъ былъ въ театрѣ и говоритъ мнѣ: „въ театрѣ, говоритъ, маменька, былъ сочинитель Вихровъ и въ ложѣ сидѣлъ у губернатора!“ Ахъ, думаю, соколъ ясный, опять къ намъ прилетѣлъ, сегодня пошла да и отыскала.

Вихровъ на все это молчалъ.

— Губернаторъ-то, видно, знакомый тебѣ, пріятель, что-ли? — продолжала становая разпрашивать.

— Знакомый, — отвѣчалъ Вихровъ угрюмо.

— Ну, такъ вотъ что, онъ вытурилъ мужа моего вонъ. Попроси, чтобы онъ опять взялъ его на службу.

— Никакого права я не имѣю просить его ни о комъ и ни о чемъ, — отвѣчалъ Вихровъ.

— Да полно! что за пустяки: никакого права не имѣю! Что у тебя языкъ отломится отъ слова-то, что-ли?... Неужели и въ самотко не попросишь?

— И въ самомъ дѣлѣ не прошу.

— За это тебѣ Вогъ самому счастья-то не дастъ въ жизни; смотри-ка, какой старый, престарый сталъ.

Вихровъ молчалъ.

— Намъ съ мужемъ пить — ѣсть нечего, — безъ шутокъ! — продолжала становая, думая этимъ его разжалобить.

Но Вихровъ продолжалъ молчать.

— Что онъ другихъ-то становыхъ терпитъ? Развѣ

они лучше мужа-то моего? Попрося, сдѣлай милость, душенька!

— Не стану я просить, отвязитесь вы отъ меня! — крикнулъ, наконецъ, Вихровъ, окончательно выведенный изъ себя.

— Ну, паря, люди нынѣ стали, — продолжала становая, но уходить, кажется, все-таки не думала.

— Михайло, — крикнулъ Вихровъ: — дай мнѣ шубу и палку, я сейчасъ пойду.

— Куда-же это идешь? — спросила становая, нѣсколько уже и сконфуженная такимъ оборотомъ дѣла.

— Куда нужно, — отвѣчалъ тотъ, проворно надѣвая шинель и уходя изъ своего номера.

— Такъ не скажешь губернатору? — крикнула ему вслѣдъ становиха.

— Нѣтъ, не скажу! — отвѣчалъ Вихровъ, садясь на перваго попавшагося извозчика, и велѣлъ себя везти, куда только онъ захочетъ.

— Тѣфу, окаянный человекъ! — проговорила становиха и пошла, какъ-бы не солоно хлебавъ, по тротуару.

Къ вечеру, впрочемъ, въ герое моемъ поутихла злоба противъ нея, такъ что онъ, прїѣхавъ къ Абрееву, рассказалъ тому въ комическомъ видѣ всю эту сцену и даже прибавилъ:

— Дѣйствительно, я думаю, другіе становые не лучше же его!

— Во-первыхъ, все-таки получше; а во-вторыхъ, супругъ такихъ не имѣютъ, такъ что они въ стану вдвоемъ управляли и грабили!

Вихровъ ничего не нашелся возражать про-

тивъ этого. Абреевъ потомъ, какъ-бы вспомнивъ что-то такое, прибавилъ:

— Ко мнѣ сейчасъ почтмейстеръ завѣзжалъ и привезъ письмо на ваше имя, которое прислано до востребованія; а потомъ ему писало изъ Петербурга начальство его, чтобы онъ вручилъ его вамъ тотчасъ, какъ вы явитесь въ городъ.

Вихровъ догадался, что письмо это было отъ Мари; онъ дрожащими руками принялъ его отъ Абреева и поспѣшно распечаталъ его. Мари писала ему:

«Мой дорогой другъ! Я выдержала первую сцену свиданія съ извѣстнымъ тебѣ лицомъ — ничего, выучилась притворяться и дольше быть и не видѣть тебя я не могу. Приѣзжай сейчасъ; а тамъ что будетъ, то будетъ.

«Твоя Мари».

— Вѣроятно, пріятное письмо? — спросилъ Абреевъ, видя, что лицо Вихрова заблестало восторгомъ.

— Очень! Завтра я ѣду въ Петербургъ.

— Зачѣмъ же такъ скоро? погостите еще у насъ.

— Нѣтъ, мнѣ нужно получить тамъ довольно значительныя деньги и сдѣлать нѣкоторыя распоряженія по своему имѣнью, — болталъ что-то такое Вихровъ, почти обезумѣвшій отъ радости. Ему казалось, что всѣ страданія его въ жизни кончились, и впереди предстояла только блаженная жизнь около Мари. Онъ нарочно просидѣлъ цѣлый вечеръ у Абреева, чтобы хоть немного отвлечь себя отъ переживаемой имъ радости. Абреевъ, напротивъ, былъ

если не грустенъ, то серьезенъ и чѣмъ-то недоволенъ.

— Завидую вамъ, что вы ѣдете въ Петербургъ, — проговорилъ онъ.

— Что же, надоѣла, видно, провинціальная жизнь? — спросилъ Вихровъ.

— Не то что жизнь провинціальная, но эта служба проклятая — какое обстоятельство у меня вышло: этотъ вотъ мой правитель канцеляріи, какъ сами вы, конечно, замѣтили, человекъ умный и образованный, но онъ писать совсѣмъ не умѣетъ: пустой бумаженки написать не можетъ.

— Онъ не привыкъ еще, вѣроятно, къ тому.

— Нѣтъ, не то что не привыкъ, а просто у него голова мутна: напичкаетъ въ бумагу и того, и сего, а что сказать надобно, — того не скажетъ — и при этомъ самолюбія громаднѣйшаго: не только ужъ изъ своихъ подчиненныхъ ни съ кѣмъ не совѣтуется, но даже, когда я ему начну говорить, что это не такъ, онъ отвѣчаетъ мнѣ на это грубостями.

— Что же вамъ съ нимъ перемониться, перемните его.

— Не могу я этого сдѣлать, — отвѣчалъ Абреевъ: — потому что я все-таки взялъ его изъ Петербурга и завезъ сюда, а потомъ кѣмъ я замѣню его? Прежнихъ взяточниковъ я брать не хочу, а молодежь: вотъ видѣли у меня старушку, которая жаловалась мнѣ, что сынъ ея только что не бьетъ ее и требуетъ у ней состоянія, говоря, что всѣ имнія должны быть общія; всѣ они въ такомъ же родѣ; но сами согласитесь, что съ такими госпо-

дамы дѣлать какое-нибудь серьезное дѣло — невозможно!

Вихровъ грустно усмѣхнулся.

— Удивительное дѣло, какой у насъ все безобразный характеръ принимаетъ, — проговорилъ онъ.

— Да, а въ тоже время, — подхватилъ Абреевъ: — мы имѣемъ обыкновеніе повально обвинять во всемъ правительство; но что же это такое за абстрактное правительство, скажите, пожалуйста? Оно беретъ своихъ агентовъ изъ того общества, и если они являются въ службѣ негодяями, лѣнтяями, дураками, то они таковы же были и въ частной своей жизни, и поэтому обществу нечего кивать на Петра, надобно посмотреть на себя, каково оно! Я вотъ очень желаю имѣть умнаго правителя канцеляріи и распорядительнаго полиціймейстера; но гдѣ жь я ихъ возьму? Въ Петербургъ нуждаются въ людяхъ, не то что въ провинціяхъ.

Вихровъ былъ почти согласенъ съ Абреевымъ.

При прощаніи, онъ просилъ его передать поклонъ Кнопову, предсѣдателю и Кергелю и извиниться передъ ними, что онъ не успѣлъ у нихъ быть.

— А желаете съ женой проститься? — спросилъ его уже самъ Абреевъ.

— О, непременно! — воскликнулъ Вихровъ, совершенно и забывшій о существованіи madame Абреевой.

Абреевъ провелъ его на половину своей супруги.

— Что прикажете сказать отъ васъ Петербургу; не скучаете-ли вы? — спросилъ Вихровъ губернаторшу, чтобы что-нибудь ей сказать.

— Нѣтъ, не скучаю! Кланяйтесь отъ меня Петербургу, — какъ-то простонала она.

— Она вездѣ жить можетъ! — подхватилъ Абреевъ, и горькая усмѣшка какъ бы невольна промелькнула на его красивомъ лицѣ.

XII.

Генераль Эйсмондъ.

Вихровъ, по приѣздѣ своемъ въ Петербургъ, сейчасъ же написалъ Мари письмо, и спрашивалъ ее: когда онъ можетъ быть у нихъ. Мари на это отвѣчала, что она и мужъ ея очень рады его видѣть и просятъ его приѣхать къ нимъ въ тотъ же день часамъ къ девяти вечера, тѣмъ болѣе, что у нихъ соберутся кое-кто изъ ихъ знакомыхъ, весьма интересующіеся съ нимъ познакомиться. Изъ словъ Мари, что она и мужъ ея очень рады будутъ его видѣть, Вихровъ понялъ, что съ этой стороны все обстояло благополучно; но какіе это были знакомые ихъ, которые интересовались съ нимъ познакомиться, этой фразы онъ рѣшительно не понялъ! Надобно сказать, что Эйсмондъ также, какъ нѣкогда на Кавказѣ, заслужилъ и въ Севастополѣ имя храбрѣйшаго генерала; больно и израненный, онъ почти нервый изъ севастопольскихъ героевъ возвратился въ Петербургъ. Общество приняло его съ энтузіазмомъ: ему давали обѣды, говорили спичи; назначенъ онъ былъ на покойное и почетное мѣсто, получилъ большую аренду. Все это

сильно утѣшало генерала. Онъ нанялъ, какъ самъ выражался, со своей Машурочкою, отличную квартиру на Англійской набережной и установилъ у себя *jous fixes*. Вечеръ, на который они приглашали Вихрова, былъ именно ихъ установленнымъ вечеромъ. Когда тотъ пріѣхалъ къ нимъ, то засталъ у нихъ нѣсколько военныхъ въ мундирахъ и нѣсколько штатскихъ въ черныхъ фракахъ и въ безукоризненномъ бѣльѣ. Всѣ они стояли кучками, и съ явнымъ уваженіемъ къ дому, потихоньку разговаривали между собой. Въ гостиной Вихровъ наконецъ увидѣлъ небольшую, но довольно толстенькую фигуру самого генерала, который сидѣлъ на покойныхъ, мягкихъ креслахъ, въ разстегнутомъ видѣ-мундирѣ, безъ всякихъ орденовъ, съ однимъ только на шеѣ Георгіемъ за храбрость. Рукавъ на правой рукѣ у него былъ разрѣзанъ и связанъ ленточками. Узнавъ Вихрова, Эйсмондъ радостно воскликнулъ:

— А, мой милѣйшій родственничекъ, здравствуйте!

Мари только послѣднее время довольно ясно объяснила ему, что Вихровъ имъ родственникъ, и даже очень близкій, — по Есперу Ивановичу.

— Супруга моя цѣлый мѣсяць у васъ прогостила! — продолжалъ генералъ.

— Д-да! — протянулъ Вихровъ.

Мари прогостила у него два съ половиною мѣсяца; но генералу, видно, было сказано, что только мѣсяць.

Вслѣдъ затѣмъ вбѣжалъ Женичка, и бросился обнимать Вихрова.

— Здоровъ ли, дядя, Симоновъ? — спросилъ онъ прежде всего.

— Здоровъ, — отвѣчалъ ему тотъ.

Мари, тоже вышедшая въ это время изъ заднихъ комнатъ, увидавъ Вихрова, вскрикнула даже немного, какъ-бы вовсе не ожидая его встрѣтить.

— Ахъ, Поль! Это ты! Здравствуй, — говорила она и видимо старалась, по своей прежней манерѣ, относиться къ нему, какъ къ очень еще молодому человѣку, почти что мальчику; но сама вмѣстѣ съ тѣмъ была пресконфуженная и пресмѣшная.

Вихровъ усѣлся около генерала, а Женичка всталъ около дяди и даже обнялъ было его: но Евгений Петровичъ почему-то не позволилъ ему тутъ оставаться.

— Нечего тебѣ здѣсь дѣлать, ступай, ступай! — проговорилъ онъ ему.

— Но, папа, я хочу тутъ быть! — сказалъ ребенокъ капризно.

— Послѣ тутъ побудешь — ступай! повторилъ отецъ уже строго.

Женичка, нехотя, отошелъ отъ нихъ.

Евгений Петровичъ сейчасъ-же обратился къ Вихрову и обратился съ какимъ-то таинственнымъ видомъ:

— Жена мнѣ сказывала, что вы были тяжело больны!

— Очень! — отвѣчалъ тотъ, не догадываясь еще, къ чему можетъ клониться подобный разговоръ.

— И по лицу видно: ужасно похудѣли и постарѣли, — продолжалъ генералъ съ участіемъ.

— Я и до сихъ-поръ еще нехорошо себя чувствую, — отвѣчалъ Вихровъ.

— Что мудренаго, что мудренаго, — произнесъ генераль и впалъ въ какое-то раздумье.

— А вы сильно были ранены? — спросилъ его Вихровъ послѣ нѣкотораго молчанія.

Генераль усмѣхнулся.

— Три раза каналы задѣвали, сначала въ ногу; потомъ руку вотъ очень сильно раздробило; наконецъ въ животѣ пуля была; къ тяжело раненымъ причисленъ, по первому разряду, и если бы не эта дѣвица Прыхина, знакомая ваша, пожалуй бы, и живъ не остался: день и ночь сторожила около меня!... Дай ей Богъ царство небесное!... Всегда буду помнить ея!

— А развѣ она померла?... — воскликнулъ Вихровъ.

— Какъ-же съ!... Геройскаго духу была дѣвица!... И насъ вѣдь, знаете, не столько огнемъ и мечемъ морили, сколько тифомъ; такое прекрасное было содержаніе и помѣщеніе... ну, и другія сестры милосердія не очень охотились въ тифозныя, солдатскія палатки: она первая вызвалась; «буду, говоритъ, служить русскому солдату, и въ три дня послѣ того, какъ пить дала: заразилась, и жизнь покончила!...

Вихровъ слушалъ генерала, потупивъ голову.

— Жена мнѣ еще сказывала, — продолжалъ между тѣмъ Евгеній Петровичъ, опять ужъ тайно и даже наклоняясь къ уху Вихрова, — что васъ главнымъ образомъ потрясло нечаянное убійство одной близкой вамъ женщины?

— Д-да! — протянулъ опять Вихровъ.

— И что же, вы привязаны къ ней были серьезно,

или только, знаете, это было одна шалость? — продолжалъ разспрашивать Эйсмондъ.

— Нѣтъ, — это была очень серьезная привязанность, — отвѣчалъ Вихровъ, понявъ наконецъ, зачѣмъ обо всемъ этомъ было сообщено генералу, и въ какомъ духѣ надобно было отвѣчать ему.

— Маша мнѣ такъ и говорила; но, вѣдь, у васъ, мнѣ сказывали, тоже кой-какія отношенія были и съ г-жей Фатѣевой?

— Это ужь давно кончилось, — сказалъ Вихровъ.

— Такъ это, значитъ, потомъ?

— Потомъ, — отвѣчалъ Вихровъ.

— Я воображаю, какъ эта смерть, да еще нечаянная должна была васъ поразить: эти раны, я такъ понимаю, потруднѣй залѣчиваются, чѣмъ вотъ такаія! И генераль почти съ презрѣніемъ указалъ на свою раненую руку.

Вихровъ молчалъ: ему какъ-то ужь сдѣлалось совѣстно слушать простодушныя и довѣрчивыя рѣчи воина.

Въ это время къ нимъ подошла Мари съ двумя молодыми людьми, изъ которыхъ одинъ былъ штатскій, а другой военный.

— Вотъ *monsieur* Сивцовъ и *monsieur* Кругеръ желаютъ съ тобой познакомиться, — говорила она Вихрову, не глядя на него и показывая на стоявшихъ за ней молодыхъ людей, а сама, попрежнему, была пресмѣшная.

— Ваши произведенія дѣлаютъ такой фуроръ, — началъ штатскій молодой человекъ, носящій, кажется, фамилію Кругера.

— Я всегда не могу оторваться, когда начну чи-

тать какую-нибудь вашу вещь, — подхватилъ и военный — Сивцовъ.

Вихровъ, по наружности, слушалъ эти похвалы довольно равнодушно; но въ самомъ дѣлѣ онъ очень ему льстили, и онъ вошелъ въ довольно подробный разговоръ съ молодыми людьми, изъ котораго узналъ, что оба они были сами сочинители: штатскій писалъ статьи изъ политической экономіи, а военный — очерки послѣдней Турецкой войны, въ которой онъ участвовалъ; по нѣкоторымъ мыслямъ и по нѣкоторымъ выраженіямъ молодыхъ людей, Вихровъ уже не сомнѣвался, что оба они были самые невинные писатели; Мари, между тѣмъ, обратилась къ мужу.

— Ты будешь сегодня въ карты играть? — спросила она.

— Буду! — отвѣчалъ онъ.

— Господа, хотите играть въ карты? — отнеслась Мари къ двумъ, пожилымъ генераламъ, начинавшимъ ужъ и позѣвывать отъ скуки — тѣ, разумѣется, изъявили величайшую готовность. Мари же сейчасъ всѣхъ ихъ усадила: она, кажется, дѣлала это, чтобы имѣть возможность поговорить посвободнѣй съ Вихровымъ; но это ей не совсѣмъ удалось, потому что въ залу вошелъ еще новый гость, довольно высокій, блѣдурыи съ просѣдью мужчина, и со звѣздой.

Вихрова точно кольнуло что-то неприятное въ сердце — это былъ Плавинъ. Онъ гордо раскланялся съ нѣкоторыми молодыми людьми и прямо подошелъ къ хозяину.

— Вашему превосходительству мой поклонъ! — произнесъ онъ ему, какимъ-то почти обязательнымъ тономъ.

— Очень радъ васъ видѣть, очень радъ!— произнесъ, въ свою очередь, радушно Евгений Петровичъ, привставая немного и пожимая Плавину руку, который вслѣдъ затѣмъ сейчасъ-же замѣтилъ и Вихрова.

— Боже мой, кого я вижу!— произнесъ онъ, но тоже покровительственнымъ тономъ:— выпустили наконецъ васъ, освободили?

— Освободили, — отвѣчалъ ему насмѣшливо Вихровъ.

— Но что вы однако тамъ дѣлали?— продолжалъ Плавинъ.

— Служилъ, работалъ по службѣ.

— Работали!— переспросилъ Плавинъ, поднимая какъ бы въ удивленіи вверхъ свои брови.

— Работалъ!... Наградъ вотъ только и звѣздъ, какъ вы, никакихъ не получалъ, — отвѣчалъ Вихровъ.

— О, это очень естественно: мы люди земли, и намъ нужны звѣзды земныя, а вы — поэты, можете ихъ срывать съ неба!— произнесъ Плавинъ и затѣмъ, повернувшись на своихъ высокихъ каблукахъ, сталъ разговаривать съ Мари.

— Въ пятницу-съ я былъ въ театрѣ, прослушалъ божественную Бозио, и думалъ васъ тамъ встрѣтить, — началъ онъ.

— Я почти не бываю въ оперѣ, — отвѣчала ему Мари довольно сухо.

— Если не для оперы, то, по крайней мѣрѣ, для вашихъ знакомыхъ вамъ бы слѣдовало это дѣлать, чтобы имъ доставить удовольствіе иногда встрѣчаться съ вами!— проговорилъ Плавинъ.

— Я не имѣю такихъ знакомыхъ, — сказала Мари.

— Какъ знать, какъ знать!...— произнесъ Плавинъ, ударяя себя шляпой по ногъ.

Вихровъ очень хорошо видѣлъ, что бывший пріятель его находился въ какомъ-то чаду самодовольства — но что-жь могло ему внушить это? Неужели чинъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника и станиславская звѣзда?

— Чѣмъ этотъ господинъ такъ ужь очень важничаетъ?— не утерпѣвъ онъ и спросилъ Мари, когда они на нѣсколько минутъ остались вдвоемъ.

— Ахъ, онъ теперь большой дѣятель по всѣмъ этимъ реформамъ,— отвѣчала она:— за самаго передоваго человѣка считается; прямо министрамъ говорить: «вы, ваше высокопревосходительство, я на столько васъ уважаю, не позволяйте себѣ этого сдѣлать!»

Вихровъ усмѣхнулся.

— Но онъ все-таки холопъ въ душѣ,—я ему никакъ не повѣрю въ томъ!...— воскликнулъ онъ:— потому что двадцать лѣтъ канцелярской службы не могутъ пройти для человѣка безнаказанно: они непременно приучаютъ его мелко думать и не совсѣмъ благородно чувствовать.

— Еще-бы!— подхватила и Мари: — онъ просто, какъ умный человѣкъ, понялъ, что пришло время либеральничать, и либеральничаетъ, не онъ тутъ одинъ, а цѣлая фаланга ихъ; точно флюгера повертываются и становятся подъ вѣтеръ — гадко даже смотрѣть!

За ужиномъ Плавинъ повелъ себя еще страннѣе: два пожилые генерала начали съ Евгеніемъ Петро-

вичемъ разговаривать о Севастополѣ. Плавинъ нѣ-
которое время прислушивался къ нимъ.

— А что, ваше превосходительство, Кошка этотъ—
очень храбрый матросъ?— спросилъ онъ Эйсмонда
какъ бы изъ любопытства, а въ самомъ дѣлѣ съ явно
насмѣшливою цѣлю.

Евгеній Петровичъ ничего этого, разумѣется, не
понялъ.

— Тутъ не одинъ былъ Кошка,— отвѣчалъ онъ
простодушно:— ихъ, можетъ быть, были сотни, ты-
сячи!.... Что такое наши солдатики выдѣлывали —
уму невообразимо; иду я разъ около траншеи, и вижу
взводъ идетъ съ этимъ покойнымъ моимъ капитаномъ
съ вылазки, слышу,— кричитъ онъ: «Гдѣ Петровъ?...
убить Петровъ?» Никто не знаетъ; только вдругъ
минуть черезъ пять, какъ изъ-подъ земли является
Петровъ. «Гдѣ былъ?»— «Да я, говоритъ, ваше вы-
сокородіе, на мѣсто вылазки бѣгалъ, трубку тамъ
обронилъ, и забылъ.»— А, какъ это вамъ покажется?

Старые генералы при этомъ только съ удоволь-
ствіемъ качнули другъ другу головами, и пріятно
улыбнулись.

— Храбрость конечно качество весьма почтенное!—
опять вмѣшался въ разговоръ Плавинъ:— но почему
же такъ ужъ и трусливость презирать; она такъ
свойственна всѣмъ людямъ благоразумнымъ и не-
сумасшедшимъ...

— Трусовъ за то презираютъ-сь, — отвѣчалъ
Эйсмондъ съ удареніемъ:— что трусь думаетъ и за-
ботится только о себѣ, а храбрый о государѣ
своемъ и объ отечествѣ.

— Но неужели же, ваше превосходительство,

вамъ самому никогда не случалось струсить, — возразилъ ему Плавинъ.

— Что вы называете трусить, — возразидь ему въ свою очередь Эйсмондъ: — если то, чтобы я избѣгалъ какихъ-нибудь опасныхъ порученій, изъ страха не выполнялъ приказаній начальства, отступалъ, когда можно еще было держаться противъ непріятеля, въ этомъ, видитъ Богъ и моя совѣсть, я никогда не былъ повиненъ; но что непріятно всегда бывало, особенно въ этой проклятой Севастопольской жарнѣ: бомбы нижутъ вверхъ, словно ракеты на фейерверкѣ, тутъ видишь кровь, тамъ мозгъ человѣческой, тамъ стонуть, — такъ не то что ужь самъ, а лошадь подь тобой дрожить и прыгаетъ ушами, видѣвши и, можетъ быть, понимая, что тутъ происходитъ.

— Ну, а что это, — началъ опять Плавинъ, — за пѣсня была въ Севастополѣ сложена: «Какъ четвертаго числа, насъ нелегкая несла горы занимать!»

Эйсмондъ этими словами его уже и обидѣлся.

— Пѣсни можно сочинять всякія-съ!... — отвѣчалъ онъ ему съ удареніемъ: — а надобно самому тутъ быть и понюхать, чѣмъ пахнетъ. Бывало, въ насъ жарятъ, какъ въ стадо барановъ, загнанное въ загородь, а намъ и отвѣчать нечѣмъ, потому что у насъ пороху зерна нѣтъ; тутъ не то что ужь отъ картечи, а отъ одной злости умрешь.

Во всемъ этомъ разговорѣ Плавинъ казался Викрову противень и омерзительнень. «Только въ вѣкъ самыхъ извращенныхъ понятій, — думалъ почти съ бѣшенствомъ герой мой: — этотъ министерскій выводокъ, этотъ фигляръ новыхъ идей, — смѣетъ и можетъ насмѣхаться надъ <http://voim.org.ru> действительно по-

служившимъ своему отечеству.» Когда Эйсмондъ кончилъ говорить, онъ не вытерпѣлъ и произнесъ на весь столъ громкимъ голосомъ:

— Севастополь такое событіе, какого міръ еще не представлялъ: выдержать одиннадцать мѣсяцевъ осады противъ нынѣшнихъ оружій — это посерьезнѣй будетъ, чѣмъ защита Сарагоссы, а между тѣмъ та міровой славой пользуется, и только тупое и желчное пониманіе вещей можетъ кому-нибудь позволить о защитникахъ Севастополя отзываться не съ благоговѣніемъ.

Плавинъ, не смотря на все стараніе совладать съ собой, вспыхнулъ при этихъ словахъ Вихрова.

— Вѣроятно объ нихъ никто иначе и не отзываеся!— произнесъ онъ.

— Я только того и желаю-съ!— отвѣчалъ ему Вихровъ: — потому что какъ бы эти люди тамъ ни дѣйствовали: умно-ли, глупо-ли, но они дѣйствовали... (никто у нихъ не смѣетъ отнять этого!) дѣйствовали *храбро* и своими головами спасли наши потроха, а потому когда они возвратились къ намъ, еще нахнушіе порохомъ и съ не засохшей кровью ранъ, въ Москвѣ прекрасно это поняли; тамъ поклонялись имъ въ ноги, а здѣсь, кажется, это не такъ!

— Точно такъ же и здѣсь!— сказалъ Плавинъ, придавая себѣ такой видъ, что какъ будто-бы онъ и не понимаетъ, изъ-за чего Вихровъ такъ горячится.

— Очень радъ, если такъ!— сказалъ тотъ, отворачиваясь отъ него.

— Не знаю-съ!— вмѣшался въ ихъ разговоръ Евгеній Петровичъ, благоговѣнно поднимая вверхъ свои глаза, уже наподнившіеся слезами:— кланяться-ли

намъ надо, или даже ругнуть насъ слѣдуетъ, но знаю только одно, что никто изъ насъ, тамъ бывшихъ, ни живъ остаться, ни домой вернуться не думалъ,— а потому никто никакой награды въ жизни сей не ожидалъ, а если и чаялъ ее, такъ въ будущей!....

Въ остальную часть ужина Плавинъ продолжалъ нагло и смѣло себя держать; но все-таки видно было, что слова Вихрова сильно его осадили. Очувтившись съ героемъ своимъ, когда всталъ изъ-за стола, нѣсколько въ отдаленіи отъ прочихъ, онъ не утерпѣлъ и сказалъ ему насмѣшливо:

— Васъ провинція рѣшительно перевоспитала; вы сдѣлались какимъ-то патриотомъ!

— Я всегда имъ и былъ, и не имѣю обыкновенія по господствующимъ модамъ мѣнять моихъ шкуръ,— отвѣчалъ ему грубо Вихровъ.

— А! а я васъ совсѣмъ инымъ разумѣлъ!— протянулъ Плавинъ, и потомъ, помолчавъ, прибавилъ:— я надѣюсь, что вы меня посѣтите!

— Если позволите,— отвѣчалъ Вихровъ, потупляя глаза: мысленно, въ душѣ онъ рѣшился не быть у Плавина.

— Прошу васъ!— повторилъ тотъ и, распростившись съ хозяевами, сейчасъ-же уѣхалъ. Прочимъ всѣмъ гостямъ Плавинъ мотнулъ только головой.

Вихровъ и Мари, замѣтившіе это, невольно пересмѣхнулись между собою. Они на этотъ разъ остались только вдвоемъ въ залѣ.

— Но когда мы, однако, увидимся съ вами? — проговорилъ Вихровъ.

— Въ четвергъ.... мужъ будетъ въ совѣтѣ, и по

томъ въ клубъ обѣдать.... я буду цѣлый день одна....— говорила Мари, какъ-бы и не глядя на Вихрова, и какъ-бы говоря самую обыкновенную вещь.

Вслѣдъ затѣмъ ее позвалъ мужъ. Она пошла къ нему. Вихровъ сталъ прощаться съ ними.

— Извольте къ намъ чаще ѣздить — вотъ что-съ! — сказалъ ему генералъ и взялъ при этомъ руку жены и сталъ ее цѣловать. Мари и Вихровъ оба вспыхнули, и герой мой въ первый еще разъ въ жизни почувствовалъ или даже понялъ возможность чувства ревности любимой женщины къ мужу. Онъ поспѣшилъ уѣхать, но въ воображеніи его ему невольно стали представляться сцены, возмущающія его до глубины души и унижающія женщину, Богъ знаетъ до чего, а между тѣмъ весьма возможныя и почти неотклонимыя для бѣдной жертвы!

XIII.

Вечеръ у Плавина.

Время шло быстро: извѣстность героя моего, какъ писателя, съ каждымъ днемъ росла все болѣе и болѣе, а вмѣстѣ съ тѣмъ увеличивалось къ нему и вниманіе Плавина, съ которымъ онъ иногда встрѣчался у Эйсмондовъ; наконецъ однажды онъ отвелъ его даже въ сторону.

— Послушайте, Вихровъ, что вы сердитесь, что-ли, на меня за что-нибудь? — спросилъ онъ его почти огорченнымъ голосомъ.

— За что мнѣ на васъ сердиться? — возразилъ тотъ, конфузясь въ свою очередь.

— Да какъ-же, вы глазъ не хотите ко мнѣ показать — прїѣзжайте, пожалуйста, ко мнѣ въ четвергъ вечеромъ; у меня соберется нѣсколько весьма интересныхъ личностей.

— Хорошо!... — протянулъ Вихровъ. Впрочемъ, по поводу этого посѣщенія все-таки посовѣтовался прежде съ Мари.

— Поѣзжай, — сказала она ему: — онъ очень участвовалъ, когда мы хлопотали о твоёмъ освобожденіи.

— Но я тамъ вѣроятно найду все чиновниковъ — что мнѣ съ ними дѣлать? о чемъ бесѣдовать?

— Можетъ быть, найдешь кого-нибудь и знакомаго — одинъ вечеръ куда ни шель!

— И то дѣло! — согласился Вихровъ и въ назначенный ему день поѣхалъ.

Плавинъ жилъ на казенной квартирѣ, съ мраморной лѣстницей и съ казеннымъ, благообразнымъ швейцаромъ; самая квартира, какъ можно было судить по первымъ комнатамъ, была огромная, превосходно меблированная... Маленькое общество хозяина сидѣло въ его библіотекѣ, и первый, кого увидалъ тамъ Вихровъ — былъ Заминъ; не смотря на столько лѣтъ разлуки, онъ сейчасъ-же его узналъ. Заминъ былъ такой-же неуклюжій, какъ и прежде, только больше еще растолстѣлъ, обросъ огромной бородицей и былъ уже въ несовершенно изорванномъ пальто.

— Какими судьбами вы здѣсь? — воскликнулъ Вихровъ.

Заминъ дружески и сильно пожалъ ему руку.

— Вотъ тутъ по крестьянскому дѣлу меня пригласили, — отвѣчалъ онъ.

— По крестьянскому? — спросилъ съ удовольствіемъ Вихровъ.

— Да, у насъ, вѣдь, что на лунѣ дѣлается, лучше знаютъ, чѣмъ нашего-то мужичка, — проговорилъ не громко Замиръ и захохоталъ.

— Здравствуйте, Вихровъ! встрѣтилъ и Плавинъ совершенно просто и дружески Вихрова. (Онъ самъ, какъ и всѣ его гости были въ простомъ, широкомъ пальто, такъ что Вихрову сдѣлалось даже неловко отъ того, что онъ пріѣхалъ во фракъ.)

— Г-нъ Пѣнинъ! — отрекомендовалъ ему потомъ Плавинъ какого-то молодого человѣка. — А это вотъ пианистъ Кольбертъ, а это художникъ Рагуза! — заключилъ онъ, показывая на двухъ остальныхъ своихъ гостей, изъ которыхъ Рагуза оказался съ корявымъ лицомъ, щетинистой бородой, шершавыми волосами и съ мрачнымъ взглядомъ; пианистъ-же Кольбертъ, напротивъ, былъ съ добродушною, жи-довскою фізіономією, съ чрезвычайно прямыми ушами и съ такими-то выпѣтшими глазами, какъ-будто бы они сдѣланы у него были не изъ живаго роговика, а изъ полинялой бумаги.

Все общество сидѣло за большимъ зеленымъ столомъ. Вихровъ постарался помѣститься рядомъ съ Заминымъ. До его прихода бесѣдой видимо владѣлъ художникъ Рагуза. Малороссъ-ли онъ былъ, или полякъ, — Вихровъ еще недоумѣвалъ; но только сразу-же въ акцентѣ его рѣчи и въ тонѣ его голоса ему послышалось что то непріятное и противное.

— Я написалъ теперь картину: *Избиеніе поль-*

ских патриотовъ подъ Прагой, а ее мнѣ, помилуйте! не позволяютъ поставить на выставку! — кричалъ Рагуза на весь домъ.

— Это почему? — спросилъ его какъ-бы съ удивленіемъ Плавинъ.

— Говорятъ — это оскорбленіе національнаго чувства Россіи; да помилуйте, говорю, господа, я изображаю тутъ дѣйствія вашего великаго Суворова! — кричалъ Рагуза.

— Но вы, конечно, тутъ представляете, — замѣтилъ ему тонко Плавинъ: — не торжество побѣдителя, а нравственное торжество побѣжденныхъ.

— Я представляю дѣло, какъ оно было, а тутъ пусть публика сама судить! — вопилъ Рагуза.

— Удивительное дѣло: у насъ, кажется, все запрещаютъ и не позволяютъ! — произнесъ какъ-бы съ нѣкоторою даже гордостью молодой человѣкъ.

При всѣхъ этихъ переговорахъ Заминъ сидѣлъ, понуривъ голову.

— А что, этотъ господинъ, — спросилъ его потихоньку Вихровъ, показывая на Рагузу: — въ самомъ дѣлѣ живописецъ, или только мошенникъ?

— Только мошенникъ, надо быть! — отвѣчалъ спокойнѣйшимъ голосомъ Заминъ.

— А картина у него дѣйствительно нарисована?

— Не показываетъ; жалуется только вездѣ, что на выставку ее не принимаютъ.

— Искусство наше, — закричалъ между тѣмъ снова Рагуза: — должно служить, какъ и литература, обличеніемъ; все должно быть направлено на то, чтобы поднять наше самосознаніе.

— Въ чемъ же это самосознаніе должно состоять,

какъ посмотришь на вашу картину? — возразилъ ему Заминь: — въ томъ, что нашъ Суворовъ злодѣй, а поляки — мученики?

— Оно должно состоять, — кричалъ Рагуза, замѣтно уклоняясь отъ прямого отвѣта: — когда великія идеи ослабѣваютъ и міръ пошлѣетъ, когда великія націи падаютъ и угнетаются, и нѣтъ великихъ людей, тогда всѣ искусства должны порицать это время упадка.

— Но почему же именно нашему времени вы приписываете такое паденіе? — вмѣшался въ разговоръ Плавинъ, который, какъ видно, уважалъ настоящее время.

— Потому что, — кричалъ Рагуза: — въ мірѣ нѣтъ великихъ идей! когда была религія всѣми почитаема — живопись стояла около религіи...

— Ваша живопись стояла не около религіи, а около папства и латинства, — возразилъ ему рѣзко Заминь.

— Живопись всегда стояла около великой идеи религіи — этого только въ Россіи не знаютъ!

— Чѣмъ это? Тѣмъ развѣ, что Рафаэль писалъ въ мадоннахъ своихъ любовницъ, — возразилъ ему насмѣшливо Заминь.

— Онъ писалъ не любовницъ, а высочайшій идеаль женщины, — кричалъ Рагуза: — и писалъ святыхъ угодниковъ.

— Да, какъ же, угодниковъ, — портреты съ папъ — хороши угодники, — возражалъ ему низкой октавой Заминь. Онъ ненавидѣлъ католичество, а во имя этого отвергалъ даже заслуги живописи и Рафаэля.

— Вы были за-границей, видѣли религіозныя картины? — допрашивалъ его Рагуза.

— Нѣтъ, не былъ, да и не поѣду — какого мнѣ чорта тамъ не видать! — пробасилъ Заминъ.

— Видать есть многое, многое! — вскрикивалъ съ какимъ-то даже визгомъ Рагуза, такъ что Вихровъ не въ состояннн былъ болѣе переносить его голоса. Онъ всталъ и вышелъ въ другую комнату, которая оказалась очень большимъ заломъ. Вслѣдъ за нимъ вышелъ и Плавинъ, за которымъ, робко выступая, появился и пианистъ Кольбертъ.

— Этотъ господинъ, — началъ Плавинъ, видимо разумѣя подъ этимъ Рагузу: — завзятый въ душѣ полякъ.

— Полякъ-то онъ, полякъ, только не живописецъ, кажется: тѣ всѣ какъ-то обыкновенно бываютъ добродушнѣе, — возразилъ ему Вихровъ.

— Нѣтъ, отъ чего же, и онъ рисуетъ! — сказалъ, но какъ-то не совсѣмъ увѣренно Плавинъ (крикъ изъ бібліотеки, между тѣмъ, слышался все сильнѣе). — Я боюсь, что они когда-нибудь подерутся другъ съ другомъ, — прибавилъ онъ.

— И хорошо бы сдѣлалн, — сказалъ Вихровъ: — потому что Заминъ такъ приѣдетъ вашего Рагузу, что ужъ тотъ больше съ нимъ спорить не посмѣетъ.

— Ну, нѣтъ, зачѣмъ же; нужно давать волю всякимъ убѣжденіямъ, — проговорилъ Плавинъ: — однако позвольте, я, попреимуществу, вотъ васъ хотѣлъ познакомить съ Мануиломъ Моисеевичемъ! — прибавилъ онъ, показывая на смотрѣвшаго на нихъ съ чувствомъ Кольберта и какъ бы не смѣвшаго приблизиться къ нимъ.

Вихровъ еще разъ съ тѣмъ раскланялся.

— Г. Кольбертъ собственно пианистъ; но онъ желаетъ быть композиторомъ, — говорилъ Плавинъ.

— Monsieur Вихровъ, сами согласитесь, — началъ почти какимъ-то жалобнымъ голосомъ Кольбертъ: — быть только таперомъ, исполнителемъ...

— Званье незавидное, — поддержалъ и Вихровъ.

— И потому, monsieur Вихровъ, я желалъ бы написать оперу, и рѣшительно не знаю какую. При этомъ Кольбертъ какъ-то стыдливо потупилъ свои безцвѣтные глаза, а Вихровъ въ свою очередь недоумѣвалъ — зачѣмъ и для чего онъ словно бы на что-то вызываетъ его.

— Г. Кольбертъ, — началъ объяснять за него Плавинъ: — собственно хочетъ посвятить себя русской музыкѣ, а потому вотъ и просилъ меня познакомить его съ людьми, знающими русскую жизнь, и главнымъ образомъ съ русскими писателями, которые посовѣтовали бы ему, какой именно сюжетъ выбрать для оперы.

— Господи помилуй! — воскликнулъ Вихровъ: — я думаю, всякій музыкантъ прежде всего самъ долженъ имѣть въ головѣ сюжетъ своей оперы; либретто тутъ вещь совершенно второстепенная.

— Но, monsieur Вихровъ, я желалъ бы имѣть сюжетъ совершенно русскій; къ русскимъ мотивамъ я уже частію прислушался; я, напримѣръ, очень люблю вашъ русскій колокольный звонъ; потомъ я жилъ все лѣто у графа Заводскаго — вы не знакомы?

— Нѣтъ, — отвѣчалъ Вихровъ.

— У нихъ все семейство очень музыкальное, и я записалъ тамъ много пѣсень; но нѣкоторыя мнѣ по-

казались очень странны, и я бы вотъ желалъ съ вами посовѣтоваться.

— Сдѣлайте одолженіе, — сказалъ Вихровъ.

— Вотъ я записалъ, напริมѣръ, — продолжалъ будущій русскій композиторъ, проворно вынимая изъ бокового кармана свою записную книжку: — русскую пѣню — это пѣли настоящіе мужики и бабы.

« Душа-ль моя, душенька, душа милъ, сердечный другъ » — прочиталъ Кольбертъ, нетвердо выговаривая даже слова.

— Ну, первое слово я знаю: душа; а душенька — это имя?

— Какъ имя? — воскликнули въ одинъ голосъ Плавинъ и Вихровъ.

— У Богдановича есть сочиненіе — « Душенька ».

— Нѣтъ, тутъ просто уменьшительное отъ слова « душа » — и есть повтореніе того же слова, только въ ласкательной формѣ, — объяснилъ Вихровъ.

— А, monsieur! понимаю, — поблагодарилъ Кольбертъ: — теперь милъ; отчего же не милый?

— Для стиха, сокращенное прилагательное, — объяснилъ еще разъ Вихровъ.

— Да, вотъ что, — согласился и Кольбертъ.

— Но почему вамъ, при вашихъ видимо небогатыхъ свѣдѣніяхъ въ русскомъ пѣснопѣніи, непременно хочется посвятить себя русской музыкѣ?

— Monsieur Вихровъ, въ иностранной музыкѣ было такъ много великихъ композиторовъ, что посреди ихъ померкнешь; но Россія не имѣла еще ни одного великаго композитора.

— А Глинка-то нашъ! — возразилъ Вихровъ.

— Monsieur Вихровъ, мнѣ говорили очень умные

люди, что опера Глинки испорчена сюжетомъ: въ ней выведена пассивная страсть, а не активная, и что на этомъ драмъ нельзя строить.

— Не знаю, можно ли на пассивныхъ страстяхъ строить драмы или нѣтъ — это еще споръ! Но знаю только одно, что опера Глинки и по сюжету, и по музыкѣ есть высочайшее и народнѣйшее произведение.

— Вы думаете? — спросилъ какъ-бы съ нѣкоторымъ недоумѣніемъ Кольбертъ.

— Думаю! — отвѣчалъ Вихровъ и потомъ, видя передъ собою жалкую фигуру Кольберта, онъ не утерпѣлъ и прибавилъ:—но что вамъ за охота оперу писать?.. попробовали бы сначала себя въ небольшихъ романахъ русскихъ.

— Нѣтъ, мнѣ бы уже хотѣлось оперу написать, — отвѣчалъ тотъ робко, но настойчиво.

Въ это время споръ въ кабинетѣ уже кончился. Оба противника вышли въ залу, и Заминъ подошелъ къ Вихрову, а Рагуза къ хозяину.

— Что, наговорились? — спросилъ его тотъ.

— Мы уже съ господиномъ Заминымъ дали слово не разговаривать другъ съ другомъ, — прокричалъ Рагуза.

— А что это за музыкантъ? — спросилъ Вихровъ Замина, воспользовавшись тѣмъ, что Кольбертъ отошелъ отъ нихъ.

— Жиденокъ одинъ, ищущій свободнаго рынка для сбыта разной своей музыкальной дряни, — отвѣчалъ тотъ.

— Вихровъ! — крикнулъ въ это время Плавинъ Вихрову.

Тотъ обернулся къ нему.

— Помните-ли, какъ вы угощали меня представлѣніями милѣйшаго нашего Замина? — проговорилъ Плавинъ: — и я васъ хочу угостить тѣмъ же: вотъ господинъ Пѣнинъ (и Плавинъ при этомъ указалъ на пятаго своего гостя, молодаго человѣка, вышедшаго тоже въ залу); онъ талантъ въ этомъ родѣ замѣчательный. Спойте, милѣйшій, вашу превосходную пѣсенку про помѣщиковъ.

Молодой человѣкъ, съ явнымъ восторгомъ, сѣлъ за фортеціано и сейчасъ же запѣлъ сочиненную около того времени пѣсенку.

«Насъ помѣщики душили!» Плавинъ восторженнѣйшимъ образомъ слушалъ, музыкантъ Кольбертъ—тоже; Рагуза, врядъ-ли только ненарочно, громко повторялъ: «о!.. какъ это вѣрно, какъ справедливо!» Заминъ и Вихровъ молчали. Окончивши пѣсенку, молодой человѣкъ какъ бы спрашивалъ взоромъ Плавина, что еще тотъ прикажетъ представить ему.

— Канканъ, Пѣнинъ, представьте, канканъ! — разрѣшилъ ему тотъ.— И юноша сейчасъ же вышелъ на середину залы, выгнулся всѣмъ тѣломъ, заложилъ пальцы рукъ за проймы жилета и началъ неблагопристойнымъ образомъ ломаться. У Плавина даже любострастіемъ какимъ-то разгорѣлись глаза. Вихрову было все это скучно, а Замину омерзительно, такъ что онъ отплевывался. Вслѣдъ затѣмъ юноша, по приказанію хозяина, представилъ еще пьянаго департаментскаго сторожа и даже купца съ Шукина двора; но все это какъ-то выходило у него ужасно бездарно, несмѣшно и видимо, что все было заинтересо-

важное, а не свое. Вихровъ наконецъ всталъ и началъ прощаться съ хозяиномъ.

— Вѣдь хорошо?—спросилъ тотъ его, показывая глазами на молодого человѣка, все еще стоявшаго посреди залы и, кажется, желавшаго что-то еще представить.

— Нѣтъ, напротивъ, очень не хорошо! — отвѣчалъ ему тотъ откровенно.

Вмѣстѣ съ Вихровымъ сталъ прощаться и Замиръ съ Плавинымъ. Обоихъ ихъ хозяинъ проводилъ до самой передней и когда онъ возвратился въ залу, то Пѣвнинъ обратился было къ нему:

— А вотъ, Всеволодъ Никандровичъ, я еще видѣлъ...

— Нѣтъ, будетъ ужъ сегодня, довольно, — обрѣзалъ его Плавинъ, и велѣдъ затѣмъ, нисколько не церемонясь, обратился и къ прочимъ гостямъ:—Adieu, господа! я поусталъ уже, а завтра мнѣ рано вставать.

Гости нисколько, какъ видно, не удивились такимъ его словамъ, а поспѣшили только поскорѣе съ нимъ раскланяться и отправиться домой.

Вихровъ и Замиръ шли мрачные по Невскому проспекту.

— Что это за сборища онъ у себя дѣлаетъ?—спрашивалъ первый.

— Какъ же, вѣдь либераль, передовой человѣкъ и меценатъ,—отвѣчалъ почти озлобленнымъ голосомъ Замиръ.

— Значить, мы съ вами поѣтому и попали къ нему?

— Поѣтому,—отвѣчалъ Замиръ.

— А скажите вотъ еще: что за народъ здѣсь во-

обще? меня ужасно это поражаетъ: во-первыхъ, всѣ говорятъ о чемъ вамъ угодно, и всѣ видимо не понимаютъ того, что говорить!

— Мозги здѣсь у всѣхъ жидки; пшъ на болотинѣ-то этакой развѣ можетъ вырости настоящій человекъ!.. такъ, какіе-то все ягели и дудки!.. — объяснилъ Замяинъ.

XIV.

Т а й н ы я м у ч е н і я.

Герой мой обыкновенно каждый день, поработавъ утромъ дома, часу во второмъ отправлялся къ Эйсмондамъ. Генерала въ это время никогда почти не было дома; онъ, по его словамъ, гулялъ все по Невскому, хоть на Невскомъ его никто никогда не встрѣчалъ. Обѣдалъ Вихровъ тоже по большей части у Эйсмондовъ: Мари благоразумно говорила, что зачѣмъ же ему одному держать хозяйство или ходить обѣдать по отелямъ, тогда какъ у нихъ прекрасный поваръ, и они ему очень рады будутъ. Генераль, съ своей стороны, тоже находилъ эту мысль совершенно справедливою.

Послѣ обѣда Евгенийъ Петровичъ обыкновенно спалъ часа по три. Женичка дома не жилъ: мать отдала его въ одинъ изъ лучшихъ пансіоновъ и сама къ нему очень часто ѣздила, но къ себѣ не брала; такимъ образомъ Вихровъ и Мари все почти время проводили вдвоемъ — и только вечеромъ, когда генераль просыпался, Вихровъ садился съ нимъ играть въ пикетъ; но и тутъ Мари или сидѣла около нихъ

съ работой, или просто смотрѣла имъ въ карты. Такая жизнь влюбленныхъ могла бы, кажется, по-честья совершенно счастливою; но на самомъ дѣлѣ это было далеко не такъ: лицо моего героя было постоянно мрачно. Онъ (и это особенно стало проявляться въ немъ въ послѣднее время) какъ-то сухо началъ встрѣчаться съ Мари, односложно отвѣчалъ на ея вопросы; сидя съ ней рядомъ, онъ глядѣлъ все больше въ сторону и явно дѣлалъ видъ, что занятъ чѣмъ-то другимъ, но никакъ ужь не ею. Мари, въ свою очередь, съ каждымъ днемъ все больше и больше худѣла — и въ отношеніи Вихрова обнаруживала если не страхъ, то какую-то конфузливость, а иногда и равнодушіе къ нему. Причина всему этому заключалась въ томъ, что съ самаго пріѣзда Вихрова въ Петербургъ между имъ и Мари происходили и недоразумѣнія, и неудовольствія; онъ въ первый разъ еще любилъ женщину въ присутствіи мужа и поэтому страшно, мучительно ее ревновалъ — ревновалъ физически, ревновалъ и нравственно, но всего этого высказывать прямо никогда не рѣшался: ему казалось, что этимъ чувствомъ онъ унижаетъ и себя, и Мари, и онъ ограничивался тѣмъ, что каждодневно страдалъ, капризничалъ, говорилъ Мари колкости, осыпалъ старика генерала (въ его, разумѣется, отсутствіи) насмѣшками... Мари все это очень хорошо видѣла и понимала, что происходитъ въ душѣ нѣжно-любимаго ею человѣка; но рѣшительно недоумѣвала, какъ и чѣмъ было помочь тому; къ мужу она была дѣйствительно почти нѣжна, потому что считала это долгомъ для себя, своей неотклонимой обязанностью, чтобы хоть сколько-нибудь

заслужить передъ нимъ свой проступокъ. Физическую ревность Вихрова она конечно могла бы успокоить однимъ словомъ; но какъ было заговорить о томъ, когда онъ самъ не начиналъ!...

Однажды послѣ обѣда Вихровъ усвѣлся передъ каминомъ, а Мари зачѣмъ-то вышла въ заднія комнаты. Вихровъ сидѣлъ довольно долгое время, потомъ сталъ понемногу кусать себѣ губы: явно, что терпѣніе его начинало истощаться; наконецъ онъ всталъ, прошелся какимъ-то большимъ шагомъ по комнатѣ и взялся за шляпу, съ цѣлью уйти; но Мари въ это мгновеніе возвратилась, и Вихровъ остался на своемъ мѣстѣ, точно прикованный, шляпы своей однако не выпускалъ еще изъ рукъ. Взглянувъ ему въ лицо, Мари на этотъ разъ испугалась даже не на шутку — до того оно было ожесточенное и сердитое.

— Развѣ ты ужъ уходишь?—спросила она, потупляясь передъ нимъ.

Подъ вліяніемъ ея голоса Вихровъ какъ бы невольно опустился на прежнее мѣсто передъ каминомъ. Мари же отошла и сѣла на свое обычное мѣсто передъ рабочимъ столикомъ — она уже ожидала, что ей придется выслушать нѣсколько, какъ она выражалась, проклятій. Вихровъ въ послѣднее время дѣйствительно въ присутствіи ея безпрестанно проклиналъ и себя, и свою жизнь, и свою злосчастную судьбу.

— Гдѣ это вы все были?—спросилъ онъ ее на этотъ разъ какимъ-то глухимъ голосомъ и не обращая своего лица къ ней.

— У Евгенія Петровича въ комнатѣ — онъ что-то

нехорошо себя чувствуетъ, — отвѣчала Мари: лгать въ этомъ случаѣ она считала постыднымъ для себя.

— Но за обѣдомъ онъ кушалъ какъ волъ, — проговорилъ Вихровъ.

Мари при этомъ немного вспыхнула отъ досады.

— Нѣтъ, онъ очень немного ѣлъ, — возразила она.

Вихровъ снова началъ кусать себѣ губы и подрягивать досадливо ногой.

— Вы свое вниманіе къ нему до того простираете, что, когда онъ и здоровешенекъ, вамъ все представляется, что онъ боленъ: вы черезчуръ себя-то ужъ попусту волнуете, вамъ самимъ это можетъ быть вредно! — проговорилъ ядовито Вихровъ.

— Ахъ, вредно мнѣ, только не то! — негромко воскликнула Мари.

— Что же такое вамъ вредно? — спросилъ насмѣшливо Вихровъ.

— Вредно, что очень ужъ глупо и безразсудно люблю тебя.

— Что же вамъ мѣшаетъ обратиться къ вашему благоразумію и начать полную тихаго семейнаго счастья жизнь? Ужъ, конечно, не я!... — проговорилъ Вихровъ, и въ голосъ его явно послышались рыданія.

Мари видѣла, что онъ любитъ ее въ эти минуты до безумія, до сумасшествія; она сама пылала къ нему не меньшею страстью, и готова была броситься къ нему на шею и задушить его въ своихъ объятіяхъ; но, по свойству-ли русской женщины, или по личной, врожденной стыдливости своей, ничего этого не сдѣлала и устремила только горящій нѣжностью взоръ на Вихрова, и проговорила:

— А для тебя развѣ не тяжело это будетъ?

— Нѣтъ, даже легко!... легко даже!— воскликнулъ Вихровъ и, вставъ снова со стула, началъ ходить по комнатѣ:— переносить долѣе то, что я переносилъ до сихъ поръ, я не могу!... одна глупость моего положенія можетъ cadaго свести съ ума!... я какъ сумасшедшій какой бѣгу сюда каждый день— и зачѣмъ? чтобы видѣть вашу счастливую семейную жизнь и мѣшать только ей.

— Но что же дѣлать со всѣмъ этимъ? какъ помочь тому?— спросила Мари.

— Помочь однимъ можно: оставьте вашего мужа и уѣдьте за границу, а то двумъ богамъ молиться невозможно, да и не совсѣмъ хорошо.

При этихъ словахъ Вихрова (онъ въ первый еще разъ высказалъ такое желаніе) Мари поблѣднѣла.

— Это, значитъ, положить вѣчный позоръ на свою голову!...— проговорила она.

— Какой же тутъ позоръ особенный — очень ужъ вы, видно, дорожите настоящимъ вашимъ положеніемъ.

— О, нисколько!— воскликнула Мари:— если бы дѣло было только во мнѣ, то я готова была бы рабой твоей назваться, а не только что женщиной любящей тебя — но отъ этого зависитъ спокойствіе и честь другихъ людей...

Вихровъ при этомъ вопросительно взглянулъ на Мари.

— Спокойствіе и честь моего сына и мужа, — заключила Мари.

— Если вы спокойствіе этихъ людей ставите

выше моего спокойствія, то тутъ, разумѣется, и разговаривать нечего, — проговорилъ Вихровъ.

— Ты все сердишься и не хочешь согласиться со мной, что я совершенно права, — и повѣрь мнѣ, что ты самъ гораздо скорѣе разлюбишь меня, когда весь мой міръ въ тебѣ заключится; мы съ тобой не молоденькіе, должны знать и понимать сердце человѣческое.

— Да-съ, все это прекрасно, но дѣлится вашимъ чувствомъ съ кѣмъ бы то ни было — мнѣ слишкомъ тяжело; я болѣе двухъ лѣтъ приучаю себя къ тому, и не могу привыкнуть.

— Я чувствомъ моимъ ни съ кѣмъ и не дѣлюсь; оно всецѣло принадлежитъ тебѣ.

— Всецѣло?.. нѣтъ, Мари! — воскликнулъ Вихровъ, и потомъ, замѣтно сдѣлавъ надъ собой большое усиліе, онъ началъ негромко: — я, безъ самаго тяжелаго, самаго уязвляющаго, оскорбляющаго меня чувства, не могу себѣ вообразить минуты, когда вы принадлежите кому-нибудь другому, кромѣ меня!

Мари покраснѣла.

— Такой минуты нѣтъ и не существуетъ, — проговорила она.

— Есть, Мари, есть!.. — воскликнулъ Вихровъ: — и тѣмъ ужаснѣе, что вы, какъ и всѣ, я думаю, женщины, не сознаете, до какой степени въ этомъ случаѣ вы унижаете себя!

Мари еще болѣе покраснѣла.

— Я сказала тебѣ и повторяю еще разъ, — продолжала она, спокойнымъ, впрочемъ, голосомъ: — что такой минуты нѣтъ!

Вихровъ вопросительно посмотрѣлъ на Мари.

— Какимъ же образомъ это могло такъ устроиться? — сказалъ онъ.

— А такимъ, — отвѣчала она: — вамъ, мужчинамъ, Богъ далъ много ума, а намъ, женщинамъ, — хитрости.

— Интересно это знать — скажите!

— Ни за что! больше того, что я тебѣ сказала, ты не услышишь отъ меня.

— Ну, въ такомъ случаѣ я вамъ не вѣрю.

— Можете вѣрить и не вѣрить! и неужели ты думаешь, что еслибы существовало что-нибудь подобное, такъ я осталась бы въ теперешнемъ моемъ положеніи?

— Но что же бы вы сдѣлали такое?

— А то, что прямо бы сказала, что люблю другаго, и потому — хочетъ онъ для нашего сына скрыть это, пусть скрываетъ, — а не хочетъ, то тогда я уѣду отъ него.

— Но теперь подобной надобности не предстоить, значить?

— Нисколько!

— Ну, пожалуйста ко мнѣ за то! — проговорилъ Вихровъ, протягивая къ ней руки.

Мари подошла къ нему, онъ обнялъ ее и сталъ цѣловать ее въ грудь.

— Человѣкъ рѣшительно тотъ же звѣрь!.. Повѣришь-ли, что я теперь спокойнѣй, счастливѣе сталъ!.. — говорилъ Вихровъ.

Мари на это только улыбнулась и покачала головой.

— Но я все-таки тебѣ не вовсемъ еще вѣрю! — прибавилъ онъ. <http://rcin.org.pl>

— Не знаю, какъ мнѣ тебя ужь и увѣрить, — отвѣчала Мари, пожимая плечами.

— Но кромѣ того, другъ мой, — продолжалъ Вихровъ, снова обнимая Мари: — мнѣ скучно иногда бываетъ до обиженства, до отчаянія!.. Душа простору проситъ, хочется развернуться, сказать всему: чортъ возьми!

— Развернись, если такъ тебѣ этого хочется, — проговорила Мари нѣсколько уже и обиженнымъ голосомъ.

— Да, не одному, Мари, а съ тобой, съ одной тобой въ мірѣ! Съѣдимъ сегодня хоть въ оперу вдвоемъ; не все же забавляться картами.

— Пожалуй, только все-таки надобно сказать мужу и предупредить его, чтобы не показалось ему это страннымъ.

— Опять мужу! — воскликнулъ Вихровъ. — Дѣлайте вы все это, но не говорите по крайней мѣрѣ о томъ мнѣ!

— Хорошо, не буду говорить, — отвѣчала Мари съ улыбкою.

Вскорѣ послѣ того послышался кашель генерала. Мари пошла къ нему.

— А я съ Полемъ ѣду въ театръ, — сказала она довольно рѣшительнымъ голосомъ.

— А! — произнесъ генераль почти съ удовольствіемъ: — и я бы, знаете, съ вами поѣхалъ охотно!

Мари внутренно обмерла.

— Какъ же тебѣ ѣхать! — сейчасъ чувствовалъ ознобъ, и выѣзжать на воздухъ — это сумасшествіе! — воскликнула она.

— Ну, ну, не поѣду! — согласился генераль.

Черезъ полчаса Мари съ Вихровымъ отправились

въ наемной вaretъ въ оперу. Давали «Норму». Вихровъ всегда восхищался этой оперой; Мари тоже. Съ перваго удара смычка они оба погрузились въ полное упоеніе.

— Это единственная, кажется, опера, которой сюжетъ превосходенъ, — говорилъ Вихровъ, когда кончился первый актъ и опустился занавѣсъ.

— Онъ очень естественъ и правдоподобенъ, — подхватила Мари.

— Мало того-съ! — возразилъ Вихровъ: — онъ именно остановился на той границѣ, которой требуетъ музыка, потому что не ушелъ, какъ это бываетъ въ большей части оперъ, въ небо, т. е. въ безмыслицу, и не представляетъ черезчуръ ужъ близкой намъ дѣйствительности. — Мы съ этой реализаціей въ искусствѣ, — продолжалъ онъ: — чортъ знаетъ до чего можемъ дойти. При мнѣ у Плавина одинъ господинъ доказывалъ, что современная живопись должна принять одинъ только обличительный, сатирический характеръ; а другой — музыкантъ — съ чужаго, разумѣется, голоса говорилъ, будто-бы опера Глинки испорчена тѣмъ, что ее всю проникаетъ пассивная страсть, а не активная.

— Это что такое, я ужъ и не понимаю? — спросила Мари.

— А то, что въ ней выведена любовь къ царю, а не эгоистическая какая-нибудь страсть: любовь, ревность, ненависть.

— Ну, а всѣ революціонныя оперы — онъ тоже основаны на пассивной страсти, на любви къ отечеству, — подхватила Мари.

— Совершенно справедливо! — воскликнулъ Вих-

ровъ: — и кромѣ того, я вполне убѣжденъ, что изъ жизни, на примѣръ, первобытныхъ христіанъ, дѣйствовавшихъ чисто ужь изъ пассивной страсти, могутъ быть написаны и превосходныя оперы, и превосходныя драмы!

— Миѣ въ Нормѣ, — продолжала Мари послѣ втораго уже акта: — по преимуществу нравится она сама; я какъ-то ужасно ей сочувствую и понимаю ее.

— Потому что вы сами на нее похожи, — сказалъ Вихровъ.

— Я! — спросила Мари, уставляя на него свои большіе, голубые глаза.

— Да, вы! Чѣмъ Норма привлекательна? Это сочетаніемъ въ себѣ свѣта и тьмы: она чиста, свята и недоступна для всѣхъ, и одинъ только въ мірѣ человѣкъ знаетъ, что она грѣшна!

— А, вотъ что! — произнесла Мари и покраснѣла ужь немного: — это, однако, значитъ быть добродѣтельной по наружности — качество не весьма похвальное.

— Вы не то что добродѣтельны по наружности, а вы очень ужь приличны; но какъ бы то ни было, поѣдьте отсюда къ Дону ужинать.

Мари опять уставила на него свои большіе глаза.

— Что-же это: душа простору хочетъ? — сказала она.

— Душа простору хочетъ, — отвѣчалъ Вихровъ.

— Хорошо, поѣдемъ! — согласилась Мари, и послѣ спектакля они въ самомъ дѣлѣ отправились къ Дону, гдѣ Вихровъ заказалъ хорошій ужинъ, потребовалъ шампанскаго, заставилъ Мари выпить его цѣлые два стакана; самъ выпилъ бурды двѣ. Раз-

говоръ между ними сталъ дѣлаться все болѣе и болѣе одушевленнымъ и откровеннымъ.

— Ты, пожалуй, когда такъ будешь кутить, такъ и другаго рода развлеченія захочешь, — проговорила Мари.

— Какого-же?

— Развлеченія полюбить другую женщину.

— Очень можетъ быть, — отвѣчалъ Вихровъ откровенно.

— Но въ такомъ случаѣ, пожалуйста меня не обманывай, а скажи лучше прямо.

— Никакъ не скажу, потому что если бы этого рода и случилось развлеченіе, то оно будетъ чисто-временное; оиять къ вамъ-же вернусь.

— Ну, это Богъ знаетъ, ты самъ еще не знаешь того.

— Совершенно знаю, потому что совершенно убѣжденъ, что больше всѣхъ женщинъ люблю васъ.

— Но за что же именно?

— Вотъ ужъ этого никакъ не могу объяснить: за то, вѣроятно, что это была первая любовь, которой мы врядъ-ли не остаемся вѣрными всю жизнь.

— А я думала, что немножко и за другое, — произнесла Мари.

— А именно?

— За согласіе во взглядахъ и убѣжденіяхъ...

— Можетъ быть и то! — подхватилъ Вихровъ.

Когда они сѣли въ карету, онъ велѣлъ кучеру ѣхать не на Литейную, гдѣ жилъ генералъ, а къ себѣ на квартиру.

— И это тоже душа простора просить? — спросила его еще разъ Мари.

— И это тоже! — отвѣчалъ Вихровъ.

Мари возвратилась домой часу во второмъ. Генераль собирался уже совсѣмъ лечь спать.

— Гдѣ это ты такъ долго была? — спросилъ онъ ее съ нѣкоторымъ безпокойствомъ.

— Къ Донону ужинать съ Подемъ заѣзжали, — отвѣчала она, проходя мимо его комнаты, но не заходя къ нему.

— А, это хорошо! что-жь вы ужинали? — спросилъ ее генераль.

— Да я и не знаю, все очень вкусныя вещи.

— Тамъ славно кормятъ, славно; надобно и мнѣ туда съ Эммой съѣздить! — произнесъ генераль вполголоса и затѣмъ задулъ свѣчу, отвернулся къ стѣнѣ и заснулъ мирнымъ сномъ.

XV.

Другаго рода вечеръ у Плавина.

Передъ масленицей Эйсмондъ и Вихровъ одновременно получили отъ Плавина печатные приглашительные билеты, которыми онъ просилъ ихъ посѣтить его 11-го числа февраля, въ 10 часовъ вечера.

— Это, надо быть, именины его будутъ, — сказалъ генераль.

— Вѣроятно, — отвѣчалъ Вихровъ.

— А что, вы поѣдете?

— Не думаю!

— Ну, нѣтъ: что, поѣдете, онъ человекъ почтенный, а 11-го числа заѣду къ вамъ и непременно утащу васъ.

Последнее время генераль замѣтно заискивалъ въ Вихровѣ и какъ-бы даже старался снискать его интимную дружбу. 11-го числа часовъ въ 9 вечера онъ дѣйствительно заѣхалъ къ нему, завитой и на помаженный, въ полномъ генеральскомъ мундирѣ, въ лентѣ и въ звѣздѣ.

— Пора, пора! — говорилъ онъ, какъ то сѣменя ногами и имѣя въ одно и тоже время какой-то вѣтренный и сконфуженный видъ.

Вихровъ ушелъ къ себѣ въ спальню одѣваться.

— Пожалуй, надобно будетъ бѣлый галстукъ надѣть? — спросилъ онъ отсюда.

— Непремѣнно съ! — отвѣчалъ генераль, охорашиваясь передъ зеркаломъ и замѣтно оставаясь доволенъ своею физиономіею. — У него все будетъ знать, — прибавилъ онъ:

— Знать? — переспросилъ Вихровъ.

— Да-съ! сенаторы и министры считаютъ за честь у него быть.

— Вотъ какъ! — произнесъ герой мой, и (здѣсь я не могу скрыть) въ душѣ его пошевелилось невольное чувство зависти къ прежнему своему сверетнику. «За что же, за что воздаютъ почести этому человѣку?» — думалъ онъ самъ съ собой.

Въ каретѣ генераль, когда они поѣхали, тоже все какъ-то поеживался, откашливался; хотѣлъ, какъ видно, что-то такое сказать и не находилъ; впрочемъ и пространство, которое имъ надобно было проѣхать до квартиры Плавина, было слишкомъ небольшое, а лошади несли ихъ быстро, такъ что черезъ какія-нибудь минуты они очутились уже у подъѣзда знакомаго намъ казеннаго дома.

Генераль довольно легко выскочилъ изъ кареты; въ сняхъ передъ зеркаломъ онъ еще разъ поправилъ маленькимъ гребешкомъ свой хохолокъ и сталъ взбираться на лѣстницу, Вихровъ слѣдовалъ за нимъ. Когда они потомъ отворили двери въ квартиру къ Плавину, то Вихрова обдало какой-то совсѣмъ не той атмосферой, которую онъ чувствовалъ, въ первый разъ бывши у Плавина. Въ залѣ онъ увидѣлъ, что по тремъ ея стѣнамъ стояли, а гдѣ и сидѣли господа во фракахъ, въ бѣлыхъ галстукахъ и всѣ почти въ звѣздахъ, а около четвертой, задней стѣны ея шель буфетъ съ фруктами, оршадомъ, лимонадомъ, шампанскимъ; около этого буфета, также какъ и у всѣхъ дверей, стояли ливрейные лакеи въ чулкахъ и башмакахъ. «Что такое, гдѣ мы это!» — подумалъ Вихровъ.

Самого Плавина онъ увидѣлъ стоящимъ въ дверяхъ гостиной, высоко и гордо поднявшимъ свою красивую бѣлокурую голову и тоже въ звѣздѣ и въ бѣломъ галстукѣ.

Когда Вихровъ подошелъ къ нему поклониться, Плавинъ дружески, но замѣтно свысока и очень недолго пожалъ ему руку. Генералу-же онъ пожалъ руку гораздо попродолжительнѣе и даже сказалъ при этомъ что-то такое смѣшное, такъ что старикъ махнулъ только рукою и пошелъ далѣе въ гостиную. Между гостями Плавина было очень много статсъ-секретарей, нѣсколько свитскихъ генераловъ и даже два, три генераль-адъютанта и одинъ товарищъ министра. Вихровъ началъ уже чувствовать, что онъ обмираетъ въ этомъ обществѣ: съ кѣмъ заговорить, что съ собой дѣлать — онъ рѣшительно не находилъ...

вдругъ вдали, въ углу гостиной онъ увидѣлъ и узналъ, къ величайшему восторгу своему, еще памятное ему лицо Марьеновскаго. Какъ въ якорю спасенія своего, бросился онъ къ нему, и, даже не совсѣмъ соблюдая приличіе, во весь голосъ закричалъ ему:

— Марьеновскій, здравствуйте! узнаете ли вы меня?

Самъ Марьеновскій былъ уже совсѣмъ сѣдой и нѣсколько даже сгорбленный старикъ; но тоже со звѣздой и въ бѣломъ галстухѣ. Видно было, что служебные труды и петербургскій климатъ много, если не совсѣмъ разбили его здоровье. Всмотрѣвшись въ лицо героя моего, онъ тоже воскликнулъ:

— Боже мой! кажется, господинъ Вихровъ!

— Точно такъ, — отвѣчалъ тотъ, и оба пріятеля, не стѣсняясь тѣмъ, что были на модномъ раутѣ, расцѣловались между собой.

— Я давно слышалъ, что вы здѣсь, но рѣшительно не зналъ — гдѣ васъ найти, — говорилъ Марьеновскій.

— А я такъ и не зналъ, что вы здѣсь, — говорилъ Вихровъ: — но вы конечно служите здѣсь?

— Да, я тоже вмѣстѣ съ другими занимаюсь по устройству новыхъ судебныхъ учреждений.

— И слава Богу, что васъ выбрали! — воскликнулъ Вихровъ: — человека болѣе достойнаго для этого трудно было и найти; но сядемте однако; здѣсь можно, надѣюсь, сидѣть?

— Можно! — отвѣчалъ Марьеновскій, и оба пріятеля усѣлись нѣсколько въ сторонѣ.

— Прежде всего объясните вы мнѣ, — началъ Вихровъ: — какъ вы знакомы съ здѣшнимъ хозяиномъ?

— Кто-жь съ нимъ не знакомъ въ мірѣ служебномъ и дѣловомъ! — отвѣчалъ съ усмѣшкою Марьеновскій: — но скажите лучше, какъ *вы* съ нимъ знакомы?

— Очень просто: онъ товарищъ мнѣ по гимназіи; я вмѣстѣ съ нимъ жилъ...

— Вотъ что!... — произнесъ Марьеновскій: — онъ впрочемъ и безъ этого любитъ быть знакомымъ съ артистами и писателями.

— Но неужели же онъ въ самомъ дѣлѣ государственный человѣкъ?

— Еще какой! на петербургскій ладъ, разумѣется.

— То есть, умѣетъ поддѣлываться къ начальству.

— О, Господи! про какія вы ветхія времена говорите!... Нынѣ не то-съ! надобно являть въ себѣ человѣка, сочувствующаго всѣмъ предстоящимъ перемѣнамъ, понимающаго ихъ, но въ тоже время невыпускающаго изъ виду и другія государственныя цѣли — каковъ и есть г. Плавинъ.

— Но въ сущности однако что-же онъ?

— Въ сущности ничего! господинъ, кажется, очень любящій комфортъ и удобства жизни и визнавшій способъ показывать въ себѣ человѣка весьма способнаго.

— Но въ чемъ же именно эти способности его состоятъ? — продолжалъ спрашивать Впхровъ.

— Главное, я думаю, въ томъ, что все эти новыя предположенія, которыя однихъ пугаютъ и смущаютъ, а другими не совсемъ сразу понимаются, онъ такъ ихъ съумѣетъ понизить и объяснить, что ихъ сейчасъ-же уразумѣютъ и перестаютъ пу-

гаться. Онъ въ этомъ отношеніи очень полезенъ, потому что многое бы не прошло, что проходить черезъ посредство его.

— Но зато и вреденъ тѣмъ, что оно проходитъ такъ, какъ онъ понимаетъ.

— Да, по большей части далеко не такъ, какъ было въ началѣ, и удивительное дѣло: онъ, кажется, кандидатъ здѣшняго университета?

— Кандидатъ! — подхватилъ Вихровъ.

Марьеновскій пожалъ плечами.

— Учили что-ли ихъ очень плохо; но, вѣрьте, онъ ничего не знаетъ: все что говоритъ — это больше выслушанное или наканунѣ только вычитанное; а иногда такъ проврется, что отъ него пахнетъ необразованіемъ.

— Именно необразованіемъ, — подхватилъ Вихровъ.

— Пахнетъ необразованіемъ, — повторилъ еще разъ и какъ-то досадливо Марьеновскій.

— А скажите, нѣтъ-ли у васъ въ товариществѣ Захаревскаго — правовѣда?

— Нѣтъ, но онъ служитъ въ другомъ мѣстѣ и занимаетъ очень видную должность.

— Онъ очень честный человекъ... и юристъ, должно быть, хорошій.

— Да, только внѣшній отчасти, не глубокій.

— И вы видаетесь иногда съ нимъ?

— Очень часто даже!

— Не передадите-ли вы ему, что я здѣсь и очень желалъ бы съ нимъ повидаться, а потому онъ или самъ бы побывалъ у меня, или я бы приѣхалъ къ нему, а вотъ и адресъ мой!

— Непремѣнно скажу, и я, думаю, даже вмѣстѣ съ нимъ и приѣду къ вамъ.

— Пожалуйста! — воскликнулъ Вихровъ, крѣпко пожимая его руку.

Марьеновскій послѣ того всталъ.

— Ну, я и домой, мнѣ еще работать надо, — сказалъ онъ и потихоньку вышелъ изъ гостиной.

По уходѣ его, Вихровъ опять очутился въ совершенномъ одиночествѣ. Подъ вліяніемъ всего того, что слышалъ отъ Марьеновскаго, онъ уставилъ почти озлобленный взглядъ на хозяина, попрежнему гордо стоявшаго и разговаривавшаго съ двумя-тремя самыми важными его гостями.

«Неужели же никогда этотъ господинъ не обличится», думалъ онъ, «и общество не пойметъ, что онъ вовсе не высоко-даровитая личность, а только нахаль и человѣкъ энергическій?» Воздавая оно всё эти почести Марьеновскому, Вихровъ кромѣ удовольствія ничего бы не чувствовалъ; но тутъ ему было завидно и досадно.

Посреди такого размышленія къ нему подошелъ Эйсмондъ.

— А что, не пора-ли намъ и по домамъ? — шепнулъ онъ ему.

— Съ великою радостью, — отвѣчалъ Вихровъ, и оба они, тоже потихоньку, выбрались изъ комнатъ и отправились.

— Поѣдемте къ Донону ужинать, — вотъ гдѣ вы съ женой ужинали? — сказалъ какъ-то особенно развязно генералъ.

— Хорошо! — согласился Вихровъ.

Генераль бойко и потирая съ удовольствіемъ руки вошелъ въ отель.

— Водки, братецъ, намъ поскорѣе, водки! — говорилъ онъ, садясь передъ однимъ столикомъ. — Садитесь и вы, пожалуйста, — прибавилъ онъ Вихрову.

Тотъ усѣлся противъ него.

— Ну-съ, что же намъ съѣсть? жена очень хвалила, вы тогда ужинали: салатъ изъ ершей. Сдѣлай намъ салатъ изъ ершей!

— Слушаю-съ, — отвѣчалъ ему лакей.

— Потомъ котлеты, что-ли, паровыя.

— Не прикажете-ли бараньи котлеты?.. есть настоящая кушелевская баранина.

— Давай, давай; въ клубъ ѣдалъ кушелевскую баранину, хороша очень!

Затѣмъ они начали ужинать; генераль спросилъ шампанскаго, и когда уже порядочно было съѣдено и выпито, онъ началъ какъ бы заискивающимъ голосомъ:

— Я вотъ, Павелъ Михайловичъ, давно хотѣлъ съ вами поговорить объ одной вещи: вы вотъ и родственникъ моей женѣ и дружны съ ней очень, не знаете-ли, что за причина, что она повременамъ бываетъ очень печальна?

— Совершенно не знаю и даже не замѣчалъ, чтобы она была особенно печальна, — отвѣчалъ Вихровъ, немного уже и сконфуженный этимъ вопросомъ.

— Есть это, есть! дѣло въ томъ, что вы и сами въ отношеніи тамъ одной своей привязанности были со мной откровенны, и потому я хочу говорить съ вами прямо: у меня есть тамъ на сторонѣ одна гос-

пожа, и я все думаю, что не это-ли жену огорчаетъ...

— Зачѣмъ же у васъ это есть? — спросилъ Вихровъ полушутя, полусерьезно.

— Есть, потому что это необходимо должно быть!..

И затѣмъ генеральъ наклонился къ Вихрову и шепнулъ ему что-то такое совсѣмъ ужъ на ухо.

— Ну, и что же? — спросилъ тотъ, въ свою очередь, какимъ-то захлебывающимся голосомъ.

— А то, что я человѣкъ; по пословицѣ: «не тутъ, такъ тамъ!» Ну, и она знаетъ теперь, что это существуетъ.

— И, вѣроятно, совершенно васъ прощаетъ?

— То-то мнѣ кажется, что нѣтъ; знаете, какъ женщины по-своему понимаютъ: если, дескать, нельзя, такъ и нигдѣ нельзя. Повывѣдайте у ней какъ-нибудь объ этомъ издалека и скажите мнѣ.

— Хорошо! — отвѣчалъ Вихровъ.

Болѣе пріятнаго открытія, какое въ настоящую минуту сдѣлалъ ему генеральъ, для него не существовало на свѣтѣ.

— И что жъ, хорошенькая у васъ эта особа? — спросилъ онъ его.

— Хорошенькая, прехорошенькая! — воскликнулъ Евгеній Петровичъ съ загорѣвшимися уже взоромъ. — Заѣдемте теперь къ ней, — прибавилъ онъ: выпитое для большей откровенности вино замѣтно его охмѣлило.

— Но теперь поздно! — возразилъ Вихровъ. Ему, впрочемъ, самому хотѣлось взглянуть на эту особу.

— Ничего, можетъ быть еще пустить; люди

знакомые, поѣдте! — говорилъ самодовольно генераль.

Они поѣхали. На Мѣщанской они взобрались на самый верхній этажъ, и въ одну дверь генераль позвонилъ. Никто не отвѣтилъ. Генераль позвонилъ еще разъ уже посильнѣй; слышались наконецъ шаги.

— Wer ist da? — слышался женскій голосъ.

— Это я, отпирайте, — говорилъ генераль не со всѣмъ ужь смѣлымъ голосомъ.

— Спать уже давно; нельзя! — отвѣчалъ опять тотъ же голосъ.

— Да отворите, прошу васъ, — упрашивалъ генераль.

Шаги куда-то удалились, потомъ снова возвратились, и затѣмъ началось неторопливое отпирание дверей. Наконецъ, наши гости были впущены. Вихровъ увидѣлъ, что имъ отворила дверь некрасивая горничная; въ маленькомъ залцѣ уже горѣли двѣ свѣч. Генераль вошелъ развязно, какъ человекъ, привыкшій къ этимъ мѣстамъ.

— А къ Эммѣ Николаевнѣ можно? — спросилъ онъ въ то же время робко горничную.

— Можно, чай, — отвѣчала та сердито.

Генераль на цыпочкахъ прошелъ въ слѣдующую комнату, и, какъ слышно, просилъ Эмму Николаевну выйти въ залу. Та наконецъ проговорила:

— Ну, ступайте, приду! — И вскорѣ затѣмъ вышла, съ сильно растрепанной головой. Она была довольно молода и недурна собой. — Ну, что вамъ еще надо? — спросила она генерала.

— А вотъ — <http://rcin.org.pl> — позвольтебъ представить моего

пріятеля!— проговорилъ старикъ, показывая на Вихрова.

— Ну, что же, только и есть? — спросила Эмма насмѣшливо генерала.

— Только вотъ желалъ познакомиться его съ тобой.

— О, глупости какія! Поѣзжайте, пожалуйста; домой; ей-богу, спать хочется! — проговорила Эмма, зѣвая во весь ротъ.

— Поѣдемте въ самомъ дѣлѣ, — подхватилъ Вихровъ: — она спать хочетъ.

— Никогда не ѣздитъ по вечерамъ, а тутъ вдругъ ночью пріѣхалъ, — проговорила Эмма, зѣвая снова.

— Хорошо, уѣдемъ; прощай, прощай, дай ручку поцѣловать! — говорилъ старикашка.

— Ну, на! — сказала Эмма, протягивая ему руку. Генералъ съ чувствомъ поцѣловалъ ее.

Наконецъ они снова выбрались съ Вихровымъ на свѣжій воздухъ: имъ надобно было ѣхать въ разныя стороны.

— Что, не дурна? — спросилъ съ удовольствіемъ генералъ.

— Очень, — подхватилъ Вихровъ.

— Характерна только, — прибавилъ генералъ.

— Характерна? — переспросилъ Вихровъ.

— У, не приведи Богъ! — отвѣчалъ старикъ, сядя въ карету.

XVI.

Чета Живинныхъ.

Однажды Вихровъ, идя по Невскому, увидѣлъ, что навстрѣчу ему идутъ какія-то двѣ не совсѣмъ

обычныя для Петербурга фигуры: мужчина въ фуражкѣ съ кокардой и въ черномъ, нескладномъ, чиновничьемъ, съ свѣтлыми пуговицами, пальто, и женщина въ сѣромъ и тоже нескладномъ бурнусѣ, въ маленькой пастушечьей соломенной шляпѣ и съ короткими волосами. Сойдясь съ этими лицами, Вихровъ обрадовался и удивился: это были Живинъ и супруга его Юлія Ардальоновна, которая очень растолстѣла и была съ какимъ-то кислымъ и непріятнымъ выраженіемъ въ лицѣ, по которому, пожалуй, можно было заключить, что она страдала; но только врядъ-ли эти ея страданія возбуждали бы въ комъ-нибудь участіе, потому что Юлія Ардальоновна до того подурнѣла, что сдѣлалась совершенно такою же, какою нѣкогда была ея маменька, т. е. похожею на огромную, нескладную тумбу. Самъ Живинъ тоже сильно постарѣлъ, обрюзгъ и, какъ видно, не мало перенесъ горя.

— Давно-ли ты здѣсь и ради какихъ дѣлъ? — спросилъ его Вихровъ и почти старался не видѣть madame Живину: такое тяжелое и непріятное впечатлѣніе произвела она на него.

— Да вотъ пріѣхалъ, — отвѣчалъ Живинъ: — ищу мѣста по новымъ судебнымъ учрежденіямъ.

— И конечно получишь его; ты такъ этого заслуживаешь, — а вы въ первый разъ еще въ Петербургѣ? — спросилъ Вихровъ Юлію Ардальоновну, чувствуя, что онъ долженъ-же былъ о чемъ-нибудь заговорить съ ней.

— Нѣтъ, я ужъ не въ первый разъ, — отвѣчала она. Встрѣча съ Вихровымъ, кажется, не произвела на нее никакого впечатлѣнія, и какъ-будто-бы даже

она за что-то сердилась на него или даже презирала его. — Теперь я только проѣздомъ здѣсь и ѣду за границу, — прибавила она.

Живинъ при этихъ словахъ жены потупился.

— За границу! — повторилъ Вихровъ. — Что-жь, вы тамъ будете лѣчиться? — спросилъ онъ, не безъ внутренняго смѣха, глядя на ея массивную фигуру.

— Миѣ не отъ чего лѣчиться, — отвѣчала Юлія Ардальоновна, понявъ, повидимому, соль его вопроса: — я ѣду такъ; надоѣло ужъ все смотрѣть на русскую гадость и мерзость.

«Ну, изъ этой гадости конечно ужъ ты сама — первая!» — подумалъ про себя Вихровъ — и какъ ни мало онъ былъ щепетилень, но ему все-таки сдѣлалось не совсѣмъ ловко стоять среди бѣлаго дня на Невскомъ съ этими черезчуръ ужъ провинціальными людьми, которые видимо обращали на себя вниманіе проходящихъ, и особенно madame Живина, мимо которой самые скромные мужчины проходя невольно дѣлали удивленныя фізіономіи и потупляли глаза.

— Что-жь мы однако тутъ стоимъ на дорогѣ! — сказалъ онъ, желая куда-нибудь отойти не въ столь многолюдное мѣсто.

— Да зайдемъ ко миѣ; я недалеко тутъ живу... — сказалъ какъ-то робко Живинъ. Вообще видно было, что онъ очень обрадовался встрѣчѣ съ пріятелемъ, и въ то-же время какъ-то конфузился и робѣлъ передъ нимъ.

— Съ большимъ удовольствіемъ, — поспѣшилъ ему отвѣтить Вихровъ.

— А ты тоже домой пойдешь? — спросилъ Живинъ жену.

— Домой! — сказала она, и вмѣстѣ съ тѣмъ гордо и съ презрѣніемъ отвѣтила взглядомъ проходившему мимо ея гвардейскому улану, явно уже сдѣлавшему ей гримасу.

Живины жили, какъ оказалось, въ Перинной линіи, въ гостиницѣ: по грязной лѣстницѣ они вошли съ своимъ гостемъ въ грязный корридоръ и затѣмъ въ довольно маленькій, темный номеръ. Здѣсь, между разными, довольно ветхими дорожными принадлежностями и раскиданнымъ платьемъ, Вихровъ увидалъ на обычномъ диванѣ передъ столомъ овчинный женскій тулупъ. Юлія Ардальоновна, скинувъ съ себя бурнусъ и свою пастушескую шляпку, съ пылающимъ и багровымъ отъ ходьбы лицомъ, сѣла на этотъ именно диванъ и только немножко поотодвинула отъ себя вонючій тулупъ. Вихрову показалось, что въ ней пропало даже столь свойственное всѣмъ женщинамъ чувство брезгливости.

— Скажи, пожалуйста, — обратился онъ снова къ Живину (съ Юліей онъ рѣшительно не въ состояніи былъ говорить): — гдѣ живетъ Иларіонъ Ардальоновичъ Захаревскій и видишься-ли ты съ нимъ?

— Какъ же, вотъ онъ и хлопочетъ для меня о мѣстѣ.

— Я просилъ одного господина передать ему, что я здѣсь и что очень бы желалъ повидаться съ нимъ.

— И онъ мнѣ тоже говорилъ; но занятъ ужасно, почти никуда кромѣ службы и не выѣзжаетъ.

— Но я самъ-бы къ нему прѣхалъ, боюсь только, чтобы не помѣшать ему.

— А вотъ видишь что! — отвѣчалъ Жививъ, соображая: — въ пятницу въ Петербургъ возвратится Виссаріонъ, и они уже непременно дѣльный вечеръ будутъ дома... Хочешь, я заѣду за тобой и поѣдемъ?

— Очень радъ; но откуда же Виссаріонъ возвращается?

— Съ Юга, подряды тамъ беретъ—милліонеръ, вѣдь, теперь.

— Слышалъ это я; службу, значитъ, онъ оставилъ?

— Давно!... «Стоитъ,— говоритъ,—руки въ грошахъ марать, да еще попреки получать; хватать, такъ хватать милліончики!»

— А Иларіонъ Ардальоновичъ богатъ?

— У того ничего нѣтъ; зато тайный совѣтникъ, съ анненской звѣздой.

Во всемъ этомъ разговорѣ о братьяхъ Юлія Ардальоновна не приняла никакого участія, какъ будто-бы говорилось о совершенно-постороннемъ и нисколько не занимающемъ ее предметѣ. Впхровъ опять почувствовалъ необходимость хоть о чемъ-нибудь поговорить съ ней.

— Что-жь вы намѣрены дѣлать заграницей и куда именно ѣдете? — спросилъ онъ ее, дѣлая надъ собой почти усиліе.

— Дѣлать за границей многое можно, — отвѣчала ему съ усмѣшкой Юлія Ардальоновна: — я поселюсь въ Лондонѣ или Швейцаріи, потому что тамъ все-таки посвободнѣй человѣку дышется!

— Но долго-ли же вы намѣрены пробыть заграницей?

— Не знаю!

Вихровъ очень ясно видѣлъ, что у Живина съ женой что-то нехорошее происходило, и ему тяжело стало долѣе оставаться у нихъ. Онъ взялся за шляпу.

Юлія очень холодно, въ знакъ прощанія, мотнула ему головой; самъ же Живинъ пошелъ провожать его до лѣстницы.

— Такъ ты въ пятницу заѣдешь ко мнѣ? — говорилъ ему Вихровъ.

— Непремѣнно! — отвѣчалъ Живинъ: — и я заѣду къ тебѣ пораньше; мнѣ обо многомъ надобно поговорить и посоветоваться съ тобой...

Въ пятницу онъ дѣйствительно явился, не запоздавъ.

— Гдѣ-же живетъ Иларіонъ Ардальоновичъ? — спросилъ его Вихровъ.

— Вмѣстѣ съ Виссаріономъ: у того свой домъ, дворцу другому не уступитъ.

— Ну, а какъ твои денежные дѣлшки? — сказалъ Вихровъ, чтобы какъ-нибудь склонить разговоръ на семейную жизнь Живина.

— А такія, — отвѣчалъ Живинъ, — что если не дадутъ службы, то хоть топись.

— Но какимъ-же это образомъ?... ты за женой, вается, взялъ порядочное состояніе, — потомъ служилъ все.

— Изъ женинаго состоянія я ничего не взялъ; оно все цѣло и при ней; а мое, что было, все съ ней прожилъ.

— Что-же она... не хозяйка, что-ли?

На это Живинъ махнулъ только рукой и вздохнулъ.

— И говорить мнѣ ужъ объ этомъ грустно! — произнесъ онъ.

— Мнѣ она самому показалась на этотъ разъ какою-то странною, — продолжалъ Вихровъ.

Живинъ грустно усмѣхнулся.

— А все благодаря русской литературѣ и вамъ, господамъ русскимъ писателямъ, — проговорилъ онъ почти озлобленнымъ тономъ.

— Да что же тутъ русская литература и русскіе писатели — чѣмъ виноваты? — спросилъ Вихровъ, догадываясь ужъ впрочемъ, на что намекаетъ Живинъ.

— А тѣмъ, — отвѣчалъ тотъ прежнимъ-же озлобленнымъ и огорченнымъ тономъ: — что она теперь не женщина стала, а какое-то чудовище: въ Бога не вѣруетъ, брака не признаетъ, собственности тоже, Россію ненавидитъ.

— Что за глупости такія! — воскликнулъ Вихровъ, въ первый еще разъ видѣвшій на опытъ — до какой степени модныя идеи Петербурга проникли уже и въ провинцію.

— Нѣтъ, не глупости! — воскликнулъ въ свою очередь Живинъ: — прежде, когда вотъ ты, а потомъ и я женившись — держали ее на Пушкинскомъ идеалѣ, она была женщина совсѣмъ хорошая; а тутъ какъ ваши петербургскіе поэты стали воспѣвать только что не публичныхъ женщинъ, а критика — ругать всю Россію наповаль, она и спятила, сбилась съ панталыку: сначала объявила мнѣ, что любитъ другаго; ну, ты знаешь, какъ я всегда смотрѣлъ на

эти вещи. «Очень жаль, — говорю, — но во всякомъ случаѣ ни стѣснять, ни мѣшать вамъ не буду!»

— Кого-жь это она полюбила?

— Полячишку тутъ одного, и я дѣйствительно плюнулъ на все и даже, чтобъ ее-же не закидали грязью въ обществѣ, не расходился съ нею и порывалъ все своимъ именемъ! Но она этимъ не ограничилась. Нынѣшней весной заявила мнѣ, что совсѣмъ уѣзжаетъ за границу.

— Совсѣмъ? — воскликнулъ Вихровъ.

— Да, эмигрировать хотеть, и, разумѣется, каналья этотъ всему этому ее научаетъ, чтобы обо-
братъ и бросить потомъ.

— Очень немудрено!...

— Непремѣнно такъ, потому что самъ ты разсуди: онъ — малый еще молодой, а она, вѣдь, ужъ не молода и изъ себя некрасива.

При этихъ словахъ пріятели Вихровъ потушился. «Она не то что не красива, она ужасна!» подумалъ онъ про себя.

— А между тѣмъ этотъ господинъ притворяется, что страстно влюбленъ въ нее, — и все это потому, что у ней есть 25 тысячъ серебромъ своихъ денегъ, которые были въ оборотахъ у Виссаріона и за которые тотъ ни много, ни мало платилъ намъ по 20 процентовъ, — гдѣ найдешь такое помѣщеніе денегъ? Вдругъ она, не говоря ни слова, пишетъ обоимъ братьямъ, что наши семейныя отношенія стали таковы, что ей тяжело жить не только что въ одномъ домѣ со мной, но даже въ одной странѣ, а потому она хотеть взять свой капиталъ и уѣхать съ нимъ за границу. Иларіонъ написалъ ей на это очень дру-

жеское письмо, въ которомъ упрасивалъ и умолялъ ее разсудить и одуматься, а Виссаріонъ прямо ей отвѣчалъ, что какія-бы тамъ у нея со мной ни были отношенія — это не его дѣло; но что денегъ онъ для ея же будущаго спокойствія не дастъ ей!.. Она на это взбѣсилась, командировала своего возлюбленнаго въ Петербургъ, дала ему полную довѣренность; а тотъ съ большаго-то ума и подалъ векселей ко взысканію, да еще и съ представленіемъ кормовыхъ денегъ. Виссаріонъ ничего не знаетъ, вдругъ къ нему является полиція: пожалуйте деньги, а то не угодно-ли въ тюрьму!.. тотъ, разумѣется, ужасно этимъ обидѣлся, вышвырнулъ эти деньги, и теперь, вотъ какъ мы пріѣхали сюда, ни тотъ, ни другой братъ ея и не принимаютъ.

— Печальная исторія!

— Да, невеселая! и у насъ по губерніи-то не то что съ одной моей супругой это случилось, а, можетъ быть, десятка два-три женщинъ свертѣлось такимъ образомъ съ кругу — и все-таки, опять повторяю, нынѣшняя скверная литература тому причиной.

— Это и прежде бывало, безъ всякой литературы, что ты! — воскликнулъ Вихровъ.

— Бывало, да все какъ-то поскромнѣй! — возразилъ Живинъ: — стыдились какъ-то этого; а теперь дѣлаютъ съ ^{какимъ}какимъ-то нахальствомъ, какъ-будто-бы даже гордятся этимъ; но поѣдемъ, однако, — пора!

— Пора! — подтвердилъ и Вихровъ.

Оба брата Захаревскихъ занимали одну квартиру, но съ двумя совершенно отдѣльными половинами, и сходились только или обѣдать въ общую

столовую, или по вечерамъ—въ общую богато-убранную гостиную, гдѣ и нашли ихъ наши гости. Оба они очень обрадовались Вихрову. Иларіонъ Захаревскій еще больше похудѣлъ и былъ какой-то мрачный: служебное честолюбіе, какъ видно, не переставало его грызть и врядъ-ли въ то же время вполне удовлетворялось; а Виссаріонъ едѣлся какъ-то еще яснѣе, опредѣленнѣе и законченнѣе. Между Вихровымъ и Иларіономъ Захаревскимъ сейчасъ же затѣялся дружественный разговоръ; они вспомнили старое время, ругнули его и похвалили настоящее.

— Да,—говорилъ Иларіонъ:—много воды утекло съ тѣхъ поръ, какъ мы съ вами не видались, да не меньше того, пожалуй, и перемѣнъ въ Россіи надѣялось: уничтожилось крѣпостное право, установилось земство, открываются новыя судебныя учрежденія, дѣлаются желѣзныя дороги.

При этомъ перечнѣ Виссаріонъ только слегка усмѣхнулся: противъ уничтоженія крѣпостнаго права онъ ничего обыкновенно не возражалъ: «чортъ съ нимъ, съ этимъ правомъ,—говорилъ онъ,—которое въ сущности никогда и не было никакимъ правомъ, а разводило только пьяную, лѣнивую дворовую челядь»; про земство онъ тоже ничего не говорилъ и про себя считалъ его за совершеннѣйшій вздоръ; но новыхъ судебныхъ учреждений онъ рѣшительно не могъ переваривать.

— У здѣшнихъ мировыхъ судей,—обратился онъ къ Вихрову:—такое заведено правило, что если вы генералъ или вообще какой-нибудь порядочный человекъ, то при всякомъ разбирательствѣ вы виноваты; но если же вы дворянинъ, лакей или, еще больше того,

какой-нибудь пьяный пейзажъ, то что бы вы ни надѣлали, вы правы!... такого правосудія, я думаю, и при Шемякѣ не бывало!

Виссаріона самого, по случаю его столкновенія съ рабочими, нѣсколько разъ ужъ судили — и надобно сказать, что несовсѣмъ справедливо обвиняли.

— Это временное заблужденіе, которое потомъ пройдетъ, — возразилъ ему Вихровъ.

— Нѣтъ-съ, не пройдетъ, потому что все такъ ужъ къ тому и подстроено; скажите на милость, гдѣ это видано: какому-то господину въ его единственномъ лицѣ вдругъ предоставлено право судить меня и присудить, если только онъ пожелаетъ того, ни много, ни мало, какъ на три мѣсяца въ тюрьму.

— Во-первыхъ, это вездѣ есть! — началъ ему возражать серьезнымъ и даже нѣсколько строгимъ голосомъ Иларіонъ Захаревскій: — во-вторыхъ, тебя судить не какой-то господинъ, а лицо, которое общество само себѣ выбрало въ судьи; а въ третьихъ, если лицо это будетъ къ тебѣ почему-либо несправедливо, ты можешь дѣло свое перенести на мировой съѣздъ...

— А на мировомъ-то съѣздѣ кто же судить? — возразилъ насмѣшливо Виссаріонъ: — тѣ же судьи: сегодня, напримѣръ, Петръ разсматриваетъ рѣшеніе Гаврилы; а завтра Гаврило — рѣшеніе Петра; обоюдная порука — такъ на кой имъ чортъ отмѣнять рѣшеніе другъ друга?

— Но вы забываете, что все это дѣлается публично, — возразилъ ему Вихровъ: — а на глазахъ публики кривить душой не совсѣмъ удобно.

— Кривятъ же однако нѣсколько не стѣсняются

этимъ!... или теперь вотъ ихъ прокурорскій надзоръ, — продолжалъ Виссаріонъ, показывая уже прямо на брата: — я рѣшительно этого не понимаю — ка-кимъ образомъ каковой-нибудь кабинетный господинъ можетъ слѣдить за преступленіями въ обществѣ, тогда какъ онъ носу изъ своей камеры никуда не показываетъ, — и выходитъ такъ, что полиція что хочетъ имъ дать — даетъ, а чего не хочетъ — скрываетъ.

— Но какъ же по вашему надо было сдѣлать? — или оставить такъ, какъ прежде было? — спросилъ не безъ ироніи Вихровъ.

— Я не знаю, какъ это надо было сдѣлать, — возразилъ Виссаріонъ: — я не специалистъ въ этомъ; но говорю, что такъ, какъ сдѣлано — это бессмыслица!

Все сужденіе брата Иларіонъ слушалъ съ немного насмѣшливой улыбкой, но при этихъ словахъ рассердился на него.

— У васъ-то, по вашему желѣзно-дорожному дѣлу, я думаю, больше смысла, — проговорилъ онъ.

— Я нисколько и не говорю про то; я тутъ не чиновникъ, не распорядитель, не благоустроиватель Россіи: я купецъ, и для меня оно имѣетъ смыслъ, потому что очень мнѣ выгодно.

— Хорошо отношеніе къ странѣ своей! — сказалъ Вихровъ.

— А я вотъ какъ наживусь, такъ и поблагодарю мою страну: устрою въ ней какое-нибудь учебное или богоугодное заведеніе, а мнѣ за это дадутъ чинъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника! — подхватилъ Виссаріонъ и захохоталъ.

Иларіонъ въ это время обратился къ Живину.

— Твое назначеніе завтра, я думаю, состоится,— и тебя даже здѣсь въ Петербургѣ оставляютъ.

— Въ Петербургѣ!... — воскликнулъ Живинъ: — ну, вотъ за это мерсі! — прибавилъ онъ по-французски и далѣе затѣмъ, не зная чѣмъ выразить свою благодарность, подошелъ почти со слезами на глазахъ и поцѣловалъ Иларіона въ плечо. Тотъ самъ послѣшилъ поцѣловать его въ голову.

— А что, супруга отправилась уже за границу?— спросилъ его Виссаріонъ.

— Отправилась вчерашній день,— отвѣчалъ Живинъ.

— И господинъ Клоповскій тоже?

— Тоже!

Виссаріону, кажется, очень хотѣлось поговорить объ этомъ дѣлѣ съ Вихровымъ; но онъ на этотъ разъ удержался можетъ быть потому, что Иларіонъ при самомъ началѣ этого разговора взглянулъ на него недовольнымъ взглядомъ.

Побесѣдовавъ еще нѣкоторое время, Вихровъ и Живинъ отправились наконецъ домой; послѣдній, кажется, земли подъ собой не чувствовалъ по случаю своего назначенія на службу — да еще и въ Петербургѣ.

— Я много въ жизни вынесъ неудачъ и несчастій, — толковалъ онъ Вихрову, идя съ нимъ: — но теперь почти за все вознагражденъ; ты разсуди: я не уменъ очень, я не Богъ знаетъ какой юристъ, у меня нѣтъ связей особенныхъ, а меня назначили!... За что же? За то, что я всегда былъ честенъ во всю мою службу.

— За то только! — подтвердилъ ему и Вихровъ.

— А, вѣдь, братъ, ежели есть въ странѣ это явленіе, такъ спокойнѣй и отраднѣй становится жить!... Одна только, Господи помилуй! — продолжалъ Живинъ какъ-бы со смѣхомъ: — супруга моя не одѣнила во мнѣ ничего; а еще говорила, что она честность въ мужчинѣ предпочитаетъ всему.

Вихровъ при этомъ усмѣхнулся.

— Она, кажется, и сама не знаетъ, что предпочитаетъ и что презираетъ, — проговорилъ онъ.

— Именно такъ! — согласился и Живинъ.

XVII.

Аристократъ и демократъ.

Въ одно утро Вихровъ прошелъ къ Мари и засталъ у ней, сверхъ всякаго ожиданія, Абреева. Евгенія Петровича, по обыкновенію, дома не было: шаловливый старикъ окончательно проводилъ все время у своей капризной Эммы.

— Давно-ли и надолго-ли? — говорилъ Вихровъ, дружески пожимая руку Абреева.

— Приѣхалъ весьма недавно, — отвѣчалъ тотъ: — но надолго-ли — это опредѣлить весьма трудно — всего вѣроятнѣе навсегда!

— А службу, что-же, оставили?

— Оставилъ, — отвѣчалъ Абреевъ съ улыбкою и потупляя свои красные глаза.

— Не вытерпѣли, видно?

— Отчасти я не вытерпѣлъ, а отчасти и меня не вытерпѣли, — продолжалъ онъ съ прежней улыбкой.

— Васъ?—спросилъ не безъ удивленія Вихровъ:— за послабленіе, вѣроятно?

Абреевъ пожалъ плечамп.

— Ей-богу, затрудняюсь — какъ вамъ отвѣчать. Можетъ быть, за послабленіе, а вмѣстѣ съ тѣмъ и за строгость. — Знаете что, — продолжалъ онъ уже серьезнѣе:—можно имѣть какую угодно систему—самую строгую, тираническую, потомъ самую гуманную, широкую: всегда найдутся люди, весьма честные, которые часто изъ своихъ убѣжденій будутъ выполнять ту и другую; но когда вамъ сегодня говорятъ: «крути!», завтра «послабляй!», послѣ-завтра опять: «крути!..»

— Какъ же, такъ прямо и пинуть: «крути и послабляй?»—вмѣшалась въ разговоръ Мари.

— О, нѣтъ! — произнесъ Абреевъ: — но это вы сейчасъ чувствуете по тону получаемыхъ бумагъ, бумагъ, надъ которыми, ей-богу, иногда приходилось цѣлые дни просиживать, чтобы понять, что въ нихъ сказано!.. На каждой строчкѣ: *но, впрочемъ, хотя...* а что именно—этого-то и не договорено, и изъ всего этого вы могли вывести одно только заключеніе, что вы должны были имѣть *жельзную руку, но мягкую перчатку.*

— Это что такое?—спросила Мари съ нѣкоторымъ уже удивленіемъ.

— А то, — отвѣчалъ Абреевъ съ усмѣшкой; — чтобы вы управляли строго, твердо; но чтобы общество не чувствовало этого.

— Но какъ же оно не будетъ этого чувствовать?—опять спросила она.

— Отчасти можно было этого достигнуть,—отвѣ-

чалъ Абреевъ съ гримасой и пожимая плечами: — если бы въ одномъ дѣлѣ нажать, а въ другомъ слегка уступить: словомъ, наполеоновская система или, какъ прекрасно это прозвали здѣсь въ Петербургѣ, — вилянье въ службѣ; но такъ какъ я никогда не былъ партизаномъ подобной системы и искренность всегда считалъ лучшимъ украшеніемъ всякаго служебнаго дѣйствія, а потому вѣроятно и не угождалъ во многихъ случаяхъ.

Проговоря это, Абреевъ замолчалъ; молчали и его слушатели.

— Когда я принималъ губернаторство, — снова началъ онъ, уже гордо поднимая свою голову: — вы знаете — это было въ самый моментъ перелома системъ, и тогда дѣйствительно на это поприще вступило весьма много просвѣщенныхъ людей; но сонмъ ихъ, скажу прямо, въ настоящее время все больше и больше начинаетъ рѣдѣть.

— Губернаторамъ теперь, я думаю, дѣлать нечего, потому что у нихъ все отнимаютъ, — заговорилъ наконецъ и Вихровъ.

— Напротивъ, болѣе чѣмъ когда-либо, — возразилъ ему Абреевъ: — потому что одно отнимаютъ, а другое даютъ, и главное, при этой перетасовкѣ господствуетъ во всемъ рѣшительно какой-то первобытный хаосъ, который былъ вѣроятно при созданіи вселенной — и который, можетъ быть, и у насъ потому существуетъ, что совершается образованіе новыхъ государственныхъ формъ. Губернаторъ рѣшительно не знаетъ — съ кого и что спросить, кому и что приказать, и кромѣ того его сношенія съ земствомъ и съ новыми судебными учрежденіями.... вездѣ

онъ долженъ не превысить власти и въ то же время не уронить достоинства администраціи.

Витіеватыя и изысканныя фразы Абреева — и фразы не совсѣмъ умнаго тона — неприятно рѣзали ухо Вихрова.

— А что вашъ правитель канцеляріи?—спросилъ онъ его, чтобы свести разговоръ съ государственныхъ предметовъ на болѣе изменную почву.

При этомъ вопросѣ Абреевъ весь даже вспыхнулъ.

— Здѣсь, въ Петербургѣ, литераторствуетъ!—говорилъ онъ, потрясая своей красивой ногой.

— Литераторствуетъ? — спросилъ Вихровъ.

— Очень много даже — и все исключительно променя.

— Какъ, про васъ! — воскликнулъ Вихровъ.

Мари тоже уставила на Абреева удивленные глаза.

— Единственно про меня — и что дурно, такъ въ этомъ случаѣ онъ мстить мнѣ, кажется, желаетъ.

— А! вы вѣрно отказали ему отъ мѣста?

— Да, — продолжалъ Абреевъ: — но я вынужденъ былъ это сдѣлать: онъ до того въ дѣлахъ моихъ зафантазировался, что я самъ могъ изъ-за него подпасть серьезной отвѣтственности; а потому я позвалъ его къ себѣ и говорю: «Николай Васильичъ, мы на столькихъ пунктахъ расходимся въ нашихъ убѣжденіяхъ, что я рѣшительно нахожу невозможнымъ продолжать нашу совмѣстную службу!» — «И я, говоритъ, то-же!» «Но, я говорю: такъ какъ я сдвинулъ васъ изъ Петербурга, съ вашего пепелища, гдѣ бы вы вѣроятно въ это время нашли болѣе приличное вашимъ способностямъ занятіе, а потому позвольте вамъ окупить вашъ обратный путь въ Петербургъ и предложить

вамъ получать лично отъ меня то содержаніе, которое получали вы на службѣ, до тѣхъ поръ пока вы не найдете себѣ новаго мѣста!» Онъ поблагодарилъ меня за это, взялъ жалованье за два года даже впередъ и уѣхалъ... Кажется, разстались дружелюбно!.. Но вдругъ въ одной петербургской газеткѣ вижу, что я описанъ въ самомъ каррикатурномъ видѣ, со всѣми моими привычками, съ моимъ семействомъ, съ моими кучерами, лакеями!.. Что писалъ это тотъ господинъ—сомнѣваться было нечего, потому что тутъ говорилось о такихъ вещахъ, о которыхъ онъ только одинъ зналъ. Я сначала разсмѣялся этому, думая, что всякому человѣку можетъ выпасть на долю столкнуться съ негодяемъ; но потомъ, когда я увидѣлъ, что этотъ пасквиль съ восторгомъ читается въ томъ обществѣ, для котораго я служилъ, трудился, — что тѣ же самые люди, которыхъ я ласкалъ, въ нуждахъ и огорченіяхъ которыхъ всегда участвовалъ, которыхъ наконецъ кормилъ такъ, какъ они никогда не ѣдали, у меня передъ глазами передаютъ другъ другу эту газетку, — это меня взорвало и огорчило!.. Я тутъ-же сказалъ самъ себѣ: «я всю жизнь буду служить моему государю и ни одной минуты русскому обществу!» — что и исполнилъ теперь.

— Очень ужъ вы, господа, щекотливы, — произнесъ Вихровъ: — посмотрите на англійскихъ лордовъ—на нихъ пишутъ и пасквили, и каррикатуры, а они себѣ стоятъ какъ дубы и продолжаютъ свое дѣло дѣлать.

— Прекрасно-съ! — возразилъ Абреевъ: — англійскіе лорды, встрѣчая насмѣшки и порицанія, находятъ въ то-же время защиту и поддержку въ своей партіи; мы же въ комъ ее найдемъ?.. Въ непосредственномъ

начальствѣ нашемъ, что-ли? — заключилъ онъ съ насмѣшкою и хотѣлъ, кажется, еще что-то такое пояснить, но въ это время раздались шаги въ залѣ. Всѣ обернулись — это входилъ Плавинъ.

— Васъ ищу-съ, васъ! — говорилъ онъ, торопливо поздоровавшись съ хозяйкою дома и съ Вихровымъ и прямо обращаясь къ Абрееву.

— Къ вашимъ услугамъ! — отвѣчалъ тотъ съ обычной своей вѣжливостію.

Плавинъ сѣлъ прямо противъ Абреева.

— Правда, что вы вышли въ отставку? — спросилъ онъ его.

— Совершенная правда! — отвѣчалъ тотъ.

Плавинъ пожалъ плечами.

— Но, mon cher, какъ хотите! — воскликнулъ онъ: — при всемъ моемъ уваженіи къ вамъ, я долженъ сказать, что это просто дѣтскій капризъ съ вашей стороны.

— Вы полагаете? — спросилъ Абреевъ, нѣсколько уже и обиженнымъ голосомъ.

— Болѣе чѣмъ полагаю, увѣренъ въ томъ! — отвѣчалъ настойчиво Плавинъ.

— Значить, вы не знаете всѣхъ причинъ, побудившихъ меня подать въ отставку, — произнесъ Абреевъ, грустно пожимая плечами.

— По крайней мѣрѣ тѣ, о которыхъ мнѣ говорили, именно показываютъ, что это чистѣйшій капризъ: оставить службу изъ-за того, что тамъ кто-то такой что-то написалъ или нарисовалъ... — говорилъ Плавинъ.

— Да-съ! это только одно! — возразилъ Абреевъ: — но тутъ есть еще другое, гораздо поваж-

нѣй; вы знаете, что я всегда былъ съ вами человѣкъ одномыслящій.

— Знаю! — подтвердилъ Плавинъ одобрительно.

— Знаете, что отъ эмансипаціи я по своимъ имѣніямъ ничего не проигралъ, но напротивъ выигралъ.

— Знаю, — повторилъ еще разъ Плавинъ.

— Значитъ, никакой мой личный интересъ не былъ тутъ затронутъ; но когда я въ отчетѣ долженъ былъ написать о состояніи ввѣренной мнѣ губерніи, то я прямо объявилъ, что послѣ эмансипаціи помѣщики до крайности обѣднѣли, мужики всѣ передѣлились и спились, и хлѣбопашество упало.

Плавинъ захохоталъ.

— Вы не имѣли права этого написать, никакого права не имѣли на то! — воскликнулъ онъ.

— Какъ, я не имѣлъ права, когда я видѣлъ это собственными глазами? — проговорилъ Абреевъ.

— Ну, и что жъ изъ того, что вы видѣли собственными глазами?... Все-таки въ этомъ случаѣ вы передаете ваши личные впечатлѣнія, никакъ не болѣе! — возразилъ Плавинъ: — тогда какъ для этого вы должны были бы собрать статистическія данныя — и по нимъ уже дѣлать заключеніе.

— Какія же это статистическія данныя? — спросилъ Абреевъ, удивленный и какъ бы нѣсколько опѣшенный этой мыслию, которая, какъ-видно, не приходила ему въ голову.

— А такія-съ! — отвѣчалъ съ докторальною важною Плавинъ: — какъ богаты были помѣщики до эмансипаціи и насколько они стали бѣднѣй послѣ нея? Сколько народъ выпивалъ до освобожденія и сколько — теперь, и какъ велика была средняя цифра урожая

до 61-го года и какая — въ настоящее время?.. И на все это именно по этимъ статистическимъ даннымъ я и могу вамъ отвѣчать, что помѣщики нисколько не разорились, а только состоянія ихъ ликвидировались и уяснились, и они лишились возможности, посредствомъ пинговъ и колотковъ, дѣлать разные переборы; а если народъ и выпилъ вина больше, чѣмъ прежде выпивалъ, такъ это слава Богу! въ этомъ его единственное удовольствіе въ жизни состоитъ!

— Странное удовольствіе! — замѣтилъ Абреевъ.

— Точно такое же, какъ и наше — объѣдаться за обѣдомъ и держать французенокъ на содержаніи, — замѣтилъ не безъ колкости Плавинъ.

— Но народъ это дѣлаетъ безъ всякой мѣры; иногда цѣлая деревня валяется пьяная по канавамъ, идетъ на-четверенькахъ пить въ другую деревню, — проговорилъ Абреевъ.

— Да вамъ-то что за дѣло до этого! — прикрикнулъ ужъ на него Плавинъ: — если вамъ кажется некрасиво это, то не смотрите и отворачивайтесь, — и почему вы знаете, что народу также, можетъ быть, противно и ненавистно видѣть, какъ вы ѣдите въ вашихъ коляскахъ; однако, онъ пока не мѣшаетъ вамъ этого дѣлать.

— Я тутъ говорю не про собственное чувство, — сказалъ Абреевъ: — а то, что это вредно въ санитарномъ отношеніи и для самого народа.

— А развѣ объѣдаться обѣдами и услаждаться послѣ оныхъ французенками — менѣе вредно въ санитарномъ отношеніи? — спросилъ насмѣшливо Плавинъ.

Абреевъ усмѣхнулся.

— Это дѣлаетъ такое небольшое число людей, что все равно, что бы они ни дѣлали, — сказалъ онъ.

— Какъ все равно? напротивъ, эти люди должны являть собою примѣръ воздержанія, трудолюбія, ума, образованія, — перечислялъ насмѣшливо Плавинъ.

Абреевъ на это ничего уже не возражалъ.

— Что-же касается до хлѣбопашества — продолжалъ Плавинъ: — то, извините меня, это чистѣйшій вздоръ; по тѣмъ же именно статистическимъ даннымъ и видно, что оно увеличилось, потому что вывозъ за границу хлѣба сталъ больше, чѣмъ былъ прежде.

— Но какимъ же образомъ это могло случиться? — возразилъ Абреевъ, пожмая плечамп. — Всѣ помѣщпки хозяйства свои или уничтожили, или сократили на половину; крестьяне, между тѣмъ, весьма мало увеличили свои запашки.

— Это все-таки вы говорите ваши личные впечатлѣнія — опять вамъ повторяю, — еказалъ Плавинъ.

— Нѣтъ, это никакъ не личные впечатлѣнія, — продолжалъ Абреевъ, краснѣя даже въ лицѣ: — это самымъ строгимъ, логическимъ путемъ можно доказать изъ примѣра Англїи, которая ясно показала, что хлѣбопашество, какъ и всякое торговое предпрїятіе, можетъ совершенствоваться только знаніемъ и капиталомъ. Но гдѣ-же нашъ крестьянинъ возьметъ все это? Землю онъ знаетъ пахать, какъ пахалъ ее, я думаю, еще Адамъ; капиталу у него нѣтъ для покупки машинъ.

— У него нѣтъ, но у общины онъ есть, — возразилъ Плавинъ.

Абреевъ при этомъ окончательно вспыхнулъ.

— Объ общинѣ я равнодушно слышать не могу, —

заговорилъ онъ прерывающимся отъ волненія голосомъ и видимо употребляя надъ собой всѣ усилія, чтобы не сказать чего-нибудь рѣзкаго: — эту общину выдумали въ Петербургѣ и навязали ее народу; онъ ее не любитъ, тяготеетъ ею — потому что, очень естественно, всякій человѣкъ желаетъ имѣть прочную собственность и отвѣчать только за себя!

— Общину выдумали, во-первыхъ, не въ Петербургѣ, — началъ ему отвѣчать въ явно насмѣшливомъ тонѣ Плавинъ: — а скорѣй — въ Москвѣ; но и тамъ ее не выдумали, потому что она долгое время существовала у нашего народа, была имъ любима и охраняема; а то, что вы говорите, какъ онъ не любитъ ее теперь, то это опять только одинъ вашъ личный взглядъ!

— Видитъ-же Богъ! — воскликнулъ Абреевъ, сдѣлавшійся изъ пунцоваго уже блѣднымъ: — то, что я вамъ говорю, это скажетъ вамъ въ любой деревнѣ каждый мужикъ, каждая женщина каждый ребенокъ!

Плавинъ на это только пожалъ плечами и придалъ такое выраженіе лицу, которымъ явно хотѣлъ показать, что съ человѣкомъ, который свои доказательства основываетъ на божбѣ, спорить нечего.

— Меня тутъ тѣ больше всего ажитируетъ, — продолжалъ Абреевъ, обращаясь уже болѣе къ Мари: — что изъ какой-то модной идеи вамъ не хотятъ вѣрить, васъ не хотятъ слушать, когда вы говорите самыя святыя, самыя непреложныя истины.

— Я тоже думаю, что община и круговая порука несовсѣмъ любимы народомъ, — проговорила та.

— Ненавидимы, madame, ненавидимы! — воскликнулъ Абреевъ: — вотъ вы, Павелъ Михайлычъ, — про-

должалъ онъ, относясь уже къ Вихрову:— русскій литераторъ и, какъ кажется, знаете русскій народъ,— скажите, правду-ли я говорю?

— Ей-богу, не знаю-съ! послѣ 60-года я почти не видалъ народа, — отвѣчалъ тотъ уклончиво.

— А я видѣлъ-съ его!... я эти послѣдніе три года почти жилъ съ народомъ!—горячился Абреевъ, и потомъ, какъ-бы вспомнивъ свой обычный свѣтскій тонъ, онъ вдругъ приостановился на нѣкоторое время и прибавилъ гораздо уже болѣе мягкимъ тономъ Маря:

— Pardon, madame!...— мы, я думаю, наскучили вамъ нашимъ споромъ.

— Напротивъ,— возразила та.

— Но, во всякомъ случаѣ,—позвольте уже вамъ пожелать добраго утра,—продолжалъ онъ, вставая передъ Маря.

Та привѣтливо съ нимъ раскланялась.

Вихрову Абреевъ пожалъ дружески руку и протянулъ ее также и Плавину.

— А мы съ вами все-таки будемъ спорить всюду и вездѣ! — произнесъ тотъ, съ небольшимъ отѣнкомъ насмѣшливости.

— Будемъ-съ спорить! — отвѣчалъ ему Абреевъ и уѣхалъ.

Плавинъ нѣкоторое время послѣ того какъ-бы усмѣхался про себя.

— Отличный господинъ! — заговорилъ онъ, явно разумѣя подъ именемъ *господина* — Абреева: — но вотъ пріѣхалъ сюда и сразу попалъ въ партію крупныхъ землевладѣльцевъ.

— Я рѣшительно не знаю, неужели существуетъ такая партія и съ какой цѣлью? — спросила Мари.

— Очень сильная даже, — отвѣчалъ почти таинственно Плавинъ, и затѣмъ, посидѣвъ еще нѣкоторое время и сказавъ будто къ слову, что на дняхъ онъ получилъ аренду тысячъ въ восемьдесятъ, раскланялся и отправился на Невскій походить до обѣда.

— Отчего ты Абрееву не отвѣтилъ на его вопросъ? — спросила Мари тотчасъ-же, какъ остались они вдвоемъ съ Вихровымъ.

— Ну, что тутъ имъ отвѣчать, Вогъ съ ними! — произнесъ онъ съ улыбкою.

— Это два полюса, — продолжала Мари: — одинъ — аристократъ, а другой — демократъ!

— Не то что аристократъ и демократъ, — началъ Вихровъ: — а одинъ — военный и съ состояніемъ, а потому консерваторъ; а другой — штатскій и еще добивающійся состоянія, а потому радикалъ.

— Но, во всякомъ случаѣ, мнѣ Абреевъ, какъ человѣкъ, гораздо болѣе нравится, чѣмъ Плавинъ, — проговорила Мари.

— Какъ это судить! — сказалъ Вихровъ: — если брать удобство и пріятность сношеній, то конечно: Абреевъ — человѣкъ добрый, благородный, деликатный; Плавинъ же дерзокъ, нахаль, какъ всѣ выскочки; лично я его терпѣть не могу, но все-таки долженъ сказать, что онъ, хоть и внѣшняя, можетъ быть, но сила!.. Я даже увѣренъ, что онъ никакихъ своихъ убѣжденій не имѣетъ, но зато, разъ усвоивъ что-нибудь чужое, онъ уже будетъ работать какъ волъ, и ни передъ чѣмъ не остановится. Онъ еще мальчишкой разъ, въ гимназій захотѣлъ играть на

театрѣ: сегодня задумалъ, завтра началъ приводить въ исполненіе, а черезъ недѣлю мы ужь играли на театрѣ... Абреевъ же, по моему, олицетворенное безсиліе. Онъ, помани мое слово, будетъ брать двадцать еще службъ на себя, вездѣ будетъ очень благороденъ, очень обидчивъ; но врядъ-ли гдѣ-нибудь и какое-нибудь дѣло подвинетъ впередъ — и всѣ господа этого рода таковы: не образованны что-ли они очень — или очень ужь выродились — но это рѣшительно какой-то неумѣлый народъ!

— Умѣютъ и они одно дѣло дѣлать, — перебила Мари.

— Какое? — спросилъ Вихровъ.

— Интриговать другъ противъ друга: это, я тебѣ скажу, такое вѣчное и непрерывное подшибанье одинъ другаго, такая скачка вперегонку за крестами и чинами, что, ей-богу, они мнѣ кажутся иногда сумасшедшими.

— Ну, въ Россіи это вовсе не сумасшествіе, — возразилъ Вихровъ: — потому что, какъ въ государствѣ, все еще немножко азіатскомъ, это имѣетъ еще огромное значеніе.

— Пожалуй, что это такъ!.. — согласилась Мари: — и, знаешь, этого рода чиновлюбцевъ и крестолубцевъ очень много ѣздитъ къ мужу — и, прислушиваясь къ нимъ, я рѣшительно недоумѣваю, чтó-же такое наша матушка Россія: въ самомъ-ли дѣлѣ она страна демократическая, какъ понимаютъ ее нынче, или военная держава, какъ разумѣли ее прежде, — и въ чемъ состоитъ вкусъ и геній нашего народа?

Вихровъ усмѣхнулся.

— Геній нашего народа, — началъ онъ отвѣ-

чать, — пока выразился только въ необыкновенно здоровомъ умѣ — и вслѣдствіе этого въ сильной устойчивости; въ насъ нѣтъ ни французской галантерейности, ни глубокомыслія нѣмецкаго, ни предпримчивости англійской, но мы очень *благообразны* и *разсудительны*: насъ ничѣмъ нельзя очень порадовать, но зато ничѣмъ и не запугаешь. Мы строимъ наше государство медленно, но изъ хорошаго матеріала; удерживаемъ только настоящее, и все ложное и фальшивое выкидываемъ. Что нашъ аристократизмъ и демократизмъ совершенно миражныя всѣ явленія, въ этомъ сомнѣваться нечего; сколько вотъ я ни ѣздилъ по Россіи и ни прислушивался къ кореннымъ и любимымъ понятіямъ народа, по моему мнѣнію, въ ней не должно быть никакого дѣленія на сословія — и она должна быть, если можно такъ выразиться, по преимуществу государствомъ хорошимъ, гдѣ каждый пѣлъ-бы во весь свой, полный, естественный голосъ и въ совокупности выходило-бы все это согласно... Этому свойству русскаго народа мы видимъ безпрестанное подтвержденіе въ жизни: у насъ есть хоровыя пѣсни, хоровыя пляски, хоровыя гулянья... У насъ нѣтъ, напримѣръ, единичныхъ хорошихъ голосовъ; но зато у насъ хоръ русской оперы, я думаю, первый въ мірѣ. У насъ — превосходная придворная капелла; у каждаго архіерея — отличный хоръ пѣвчихъ.

— Ты и на государственное устройство переносишь это свойство? — спросила Мари.

— Неиремѣнно такъ! — воскликнулъ Вихровъ: — ты смотри: черезъ всю нашу исторію у насъ не только что нѣтъ рѣзко и долго стоящихъ на виду

личностей, но даже партіи долговластвующей; какъ которая заберетъ очень ужь силу и начнетъ самовластвовать, такъ народъ и отвернется отъ нея, потому что *всякій пой въ свой голосъ и друиыхъ не перекрикивай!*

— Какъ нѣтъ личностей!—воскликнула Мари: — а Владиміръ, а Грозный, а Петръ...

— То — цари, это другое дѣло, — возразилъ ей Вихровъ: — народъ нашъ такъ понимаетъ, что царь можетъ быть и тиранъ, и ангелъ доброты, все приѣмлется съ благодарностью въ силу той идеи, что онъ посланникъ и помазанникъ Божій. Хорошъ онъ — это милость Божія, худъ — наказанье отъ него!

— Это у всѣхъ, я думаю, молодыхъ народовъ такъ! — замѣтила Мари.

— Можетъ быть, — продолжалъ Вихровъ: — но все-таки нашъ идеалъ цари мнѣ кажется лучше, чѣмъ былъ онъ на западѣ: тамъ, во всѣхъ ихъ старыхъ легендахъ, ихъ кѣнигъ — непременно храбрѣйшій витязь, который всѣхъ сильнѣй, больше всѣхъ можетъ выпить, съѣсть; у насъ-же, напротивъ, нашъ любимый князь — князь ласковый, — къ которому потому и сошлись все богатыри земли Русской, — князь въ совѣтѣ мудрый, на судѣ правый.

Мари хотѣла что-то такое на это сказать, но пріѣхалъ Евгеній Петровичъ, и продолжать при немъ далѣе разговоръ о такихъ отвлеченныхъ предметахъ было совершенно невозможно, потому что онъ на первыхъ-же словахъ обрѣзалъ-бы и сказалъ, что все это — глупости.

XVIII.

Пирушка.

Въ концѣ мая Эйсмонды переселились въ Парголово, или, лучше сказать, одна Мари переехала туда. Генераль-же, подъ разными предлогами, безпрестанно оставался въ Петербургѣ. Вихровъ тоже поселился черезъ два-три дома отъ нихъ. Собственно онъ и уговорилъ Мари взять дачу въ Парголовѣ, потому что тамъ же жилъ и Марьеновскій. Герой мой день ото дня исполнялся все болѣе и болѣе уваженіемъ къ сему достойному человѣку. Такой эрудиціи, такого трудолюбія и вмѣстѣ съ тѣмъ такой скромности Вихровъ еще и не встрѣчалъ ни въ комъ. Онъ просто замескивалъ въ Марьеновскомъ за его высокія душевныя качества. Тотъ въ свою очередь тоже, кажется, начиналъ любить его: почти каждый вечеръ сходились они въ Парголовскомъ саду и гуляли тамъ, предаваясь безконечнымъ разговорамъ. Въ одну изъ такихъ прогулокъ они разговорились о томъ, что вотъ оба они старѣются и имъ приходится время уступить свое мѣсто другимъ, молодымъ дѣятелямъ.

— Удивительное дѣло, — сказала Вихровъ: — какимъ образомъ это такъ случилось, что пріатели мои, съ которыми я сблизался въ юности, всѣ явились потомъ болѣе или менѣе общественными людьми: не говоря ужъ, на примѣръ, объ васъ, о Плавинѣ, но даже какой-нибудь Заминъ — и тотъ играетъ роль, какъ глашатай народныхъ нуждъ и желаній.

Захаревскій, вотъ вы сами говорите, серьезнѣйшій человѣкъ изъ всѣхъ своихъ товарищей... Абреева я самъ наблюдалъ, какой онъ добрый и благонамѣренный администраторъ былъ—словомъ, всѣхъ есть за что помянуть добрымъ словомъ!

— Зачѣмъ же вы себя-то исключаете изъ этого числа?—замѣтилъ ему съ улыбкою Марьеновскій.

— Я не исключаю, — отвѣчалъ Вихровъ сконфузившись: — и знаете что! — продолжалъ онъ потомъ торопливо:—мнѣ иногда приходитъ въ голову нестерпимое желаніе, чтобы всѣмъ намъ сверстникамъ собраться и отпраздновать наше общее душевное настроеніе. Общество, Богъ знаетъ, будетъ-ли еще вспоминать насъ, будетъ-ли благодарно намъ; по крайней мѣрѣ мы сами похвалимъ и поблагодаримъ другъ друга.

— Мысль не дурная!—сказалъ Марьеновскій.

— Значитъ, вы будете участвовать въ такой пирушкѣ, если она затѣется, — спросилъ Вихровъ, съ разгорѣвшимися уже отъ одушевленія глазами.

— Всенепремѣнно!—отвѣчалъ Марьеновскій.

— Въ такомъ случаѣ, я надняхъ же поѣду собирать и другихъ господъ,—говорилъ Вихровъ, совершенно увлеченный этою новою мыслию.

Вечеромъ въ тотъ день онъ зашелъ къ Мари и рассказалъ ей о затѣваемомъ вечерѣ.

— Но кто же именно у васъ будетъ участвовать на немъ, и въ честь чего онъ будетъ устроенъ? — спросила та.

— А въ честь того, — отвѣчалъ Вихровъ: — что наше время, какъ, можетъ быть, не безызвѣстно вамъ, знаменательно прогрессомъ. Мы въ послѣднія

пять дѣтъ, говоря высокопарнымъ слогомъ, шагнули гигантски впередъ: у насъ уничтожено крѣпостное право, устроены на новыхъ порядкахъ суды, умѣренъ произволъ администраціи, строятся всюду желѣзныя дороги — и для всѣхъ этихъ преуспѣяній мы будемъ имѣть въ нашемъ маленькомъ собраніи по представителю: у насъ будетъ и новый судья Марьеновскій, и новый, высокоприличный администраторъ Абреевъ, и представитель народа Заминъ, и прокурорскій надзоръ въ особѣ любезнѣйшаго Захаревскаго, и даже предприниматель по желѣзнодорожному дѣлу друг мой Виссаріонъ Захаревскій.

— Складно! — подхватила Мари: — а ты, разумѣется, будешь участвовать, какъ писатель.

— Я какъ писатель; но кромѣ того я желалъ бы, чтобъ въ этомъ обѣдѣ участвовалъ и Евгений Петровичъ.

— Но ему-то съ какой стати? — возразила Мари.

— Какъ представителю севастопольскихъ героевъ. Эти люди, я полагаю, должны быть чествуемы на всѣхъ русскихъ общественныхъ празднествахъ.

— Не знаю — согласится-ли онъ, — проговорила Мари и какъ-то особенно протянула эти слова.

На другой день Вихровъ зашелъ къ нимъ, чтобы пригласить самого генерала; но, къ удивленію его, тотъ отказался на-отрѣзъ.

— Но отчего же вы не хотите участвовать? — спросилъ его Вихровъ.

— А оттого-съ, — отвѣчалъ Евгений Петровичъ: — что я человекъ старый, можетъ быть, даже отсталый; вы тамъ будете все народъ ученый, высоко-

умный; у васъ будетъ своя бесѣда, свои разговоры, что-жь я тутъ буду какъ пятое колесо въ колесницѣ!

— Напротивъ!..—возразилъ было Вихровъ.

— Нѣтъ, пожалуйста, оставьте меня въ покоѣ!— перебилъ его рѣзко Евгений Петровичъ. Его отваривала въ этомъ случаѣ Мари: она все утро передъ тѣмъ толковала ему, что такъ какъ онъ никогда особенно не сочувствовалъ всѣмъ этимъ реформамъ, то ему и быть на обѣдѣ, устраиваемомъ въ честь ихъ, не совсѣмъ даже честно... Тронуть же Евгения Петровича за эту струну—значило прямо поднять его на дыбы. Онъ лучше желалъ прослыть вандаломъ, стародумомъ, но не человѣкомъ двуличнымъ. Мари въ свою очередь отваривала его изъ боязни, чтобъ онъ, по своему простодушію, не проговорился какъ-нибудь на этомъ обѣдѣ и не смутилъ бы тѣмъ всего общества; но признаться въ этомъ Вихрову ей было совѣстно.

Прочія лица, приглашенныя Вихровымъ къ празднованію обѣда, всѣ сейчасъ же и съ полною готовностію согласились—и больше всѣхъ въ этомъ случаѣ изъявили удовольствіе Виссаріонъ Захаревскій.

— Гдѣ-жь мы будемъ обѣдать? — спросилъ онъ.

— Да, пожалуй, хоть у Донона можно,—сказалъ Вихровъ.

— У Донона, такъ у Донона!..—подхватилъ Виссаріонъ:—но кто-жь особенно будетъ распоряжаться этимъ обѣдомъ?

— Я не знаю, если никто не возьмется, такъ мнѣ, пожалуй, придется,—отвѣчалъ подумавъ Вихровъ.

— Я возьму на себя, если только мнѣ это позволите!—произнесъ скороговоркою Виссаріонъ: — я въ

этомъ тоже кой-что знаю: хорошаго мало въ жизни сдѣлалъ, а вѣдалъ порядочно.

— Сдѣлайте милость, вамъ всё будутъ очень благодарны!—воскликнулъ Вихровъ.

— Съ большимъ удовольствіемъ сдѣлаю эту милость; но сколько-же вы однако предполагаете, чтобъ сошло съ лица на этотъ обѣдъ? — ирисовокунилъ Виссаріонъ, любившій въ каждомъ дѣлѣ рѣшать прежде всего денежный вопросъ.

— Я полагаю, чтобы не по очень высокой цѣнѣ, потому что между нами будутъ люди весьма недостаточные: Заминъ, вашъ Живинъ, Марьеновскій даже.

— По пяти рублей съ виномъ съ лица немного?—спросилъ съ улыбкою Виссаріонъ.

— Очень даже!.. обѣдъ при этомъ, пожалуй, выйдетъ очень плохъ.

— Обѣдъ выйдетъ первый сортъ — за это я ужъ ручаюсь; только Абрееву не говорите объ нашемъ уговорѣ, а то онъ, пожалуй, испугается дешевизны и не пріѣдетъ.

— Хорошо!—сказалъ Вихровъ. Онъ почти догадывался, какого рода штуку хочетъ совершить Захаревскій.

Дней черезъ нѣсколько къ Дону собралось знакомое намъ общество: Абреевъ былъ въ полной мундирной формѣ; Плавинъ — въ бѣломъ галстукѣ и звѣздѣ; прочія лица — въ черныхъ фракахъ и бѣлыхъ галстукахъ; Виссаріонъ, съ бѣлой розеткой распорядителя, безпрестанно перебѣгалъ изъ занятаго нашими посѣтителями салона въ буфетъ и изъ буфета — въ салонъ. Столъ былъ уже накрытъ; на хрусталь-

ныхъ вазахъ возвышались фрукты, въ числѣ которыхъ между прочимъ виднѣлась цѣлая гора ананасовъ.

Абреевъ сначала почти механически взялъ со стола карточку обѣда и началъ ее просматривать, но чѣмъ далѣе ее читалъ, тѣмъ болѣе и болѣе выражалось на лицѣ его вниманіе.

— Обѣдъ, кажется, намъ не дурной предстоитъ, — сказалъ онъ, обращаясь къ Плавину.

— Зачѣмъ-же дурной? Захаревскій мнѣ говорилъ, что обѣдъ будетъ хорошій, — отвѣчалъ тотъ какъ-то разсѣянно и затѣмъ, обращаясь какъ-бы ко всему обществу, громко сказалъ: — а кто-жъ господа, будетъ ораторомъ нашего обѣда?

— Мнѣ ужъ позвольте рѣчь держать, — подхватилъ Вихровъ: — такъ какъ нѣкоторымъ образомъ я затѣялъ этотъ обѣдъ, то и желаю на немъ высказать нѣсколько моихъ мыслей...

— Вихровъ и долженъ говорить, Вихровъ! — подхватили прочіе.

Плавинъ ничего противъ этого не возразилъ; но по холодному выраженію его лица можно было судить, что врядъ ли не самъ онъ приготовлялся говорить на этомъ обѣдѣ.

Когда сѣли за столъ, Вихровъ тоже взглянулъ на карточку и потомъ сейчасъ-же, обратясь къ Виссаріону Захаревскому, — спросилъ его:

— А сколько вы своихъ за обѣдъ приплатили?

— Что, вздоръ!

— Нѣтъ, сколько однако?

— Рублей по 35 на человѣка.

Вихровъ покачалъ головой.

— Это гадко даже — проѣдать столько въ одинъ часъ, — проговорилъ онъ.

— Нѣтъ, ничего, пріятно!

Видимо, что Шлавинъ и Абреевъ съ перваго-же блюда начали блаженствовать, и только повременамъ переглядывались между собой и произносили немногосложныя похвалы каждому почти блюду; Марьеновскій ѣлъ совершенно равнодушно; Живинъ — очень робко, и даже нѣкоторыя кушанья не умѣлъ какъ взять, и рѣшительно, кажется, не зналъ — что такое онъ ѣстъ; за то Заминъ вкушалъ все съ какимъ-то омерзѣніемъ.

— Вотъ жеванины-то этой проклятой навалили, ѣшь да еще деньги плати за нее! — говорилъ онъ, кладя себѣ въ ротъ божественный пудингъ изъ протертаго свиного мяса.

Герой мой замѣтно былъ безпокоенъ и, кажется, гораздо больше, чѣмъ обѣдомъ, былъ занятъ предстоящей ему минутою сказать рѣчь. Наконецъ, передъ жаркимъ, когда разлито было шампанское, онъ поднялся на ноги и заговорилъ:

«Милостивые государи!

«Всѣ мы, здѣсь собравшіеся на наше скромное празднество, проходили въ жизни совершенно разные пути — и всѣ мы имѣемъ одну только общую черту, что въ большей или меньшей степени принадлежимъ къ эпохѣ нынѣшнихъ преобразованій. Конечно, въ этой громадной перестройкѣ принимали участіе сотни гораздо болѣе сильнѣйшихъ и замѣчательныхъ дѣятелей; но и мы, смѣю думать, имѣемъ право причислить себя къ сонму ихъ, потому что всегда, во

всѣ минуты нашей жизни, были искренними и безкорыстными хранителями того маленькаго огонька русской мысли, который въ пору нашей молодости чуть-чуть и то воровски тлѣлъ, — того огонька, который въ настоящее время разгорѣлся въ великое пламя всеобщаго государственнаго переустройства).

Негромкія: «хорошо!» «браво!» «очень хорошо!»

«Да, милостивые государи, эти реформы обдумывались и облюбились не въ палатахъ тогдашнихъ государственныхъ мужей, а на вышкахъ и въ подвалахъ, въ бѣдныхъ студенческихъ квартирахъ и по скромнымъ гостинимъ литераторовъ и ученыхъ. Я помню, на примѣръ, какъ нашъ почтенный Викторъ Петровичъ Заминъ, самъ бѣднякъ и почти безъ пристанища, всей душой своей только и болѣлъ, что о русскомъ крестьянницѣ, — какъ Николай Петровичъ Живинъ, служа стряпчимъ, ничего въ мірѣ не производилъ съ такимъ ожесточеніемъ, какъ извѣстную фразу въ студенческой пѣснѣ: «Pereat justitia!» — какъ Всеволодъ Никандрычъ, компрометируя себя вѣроятно на своемъ служебномъ посту, ненавидѣлъ и возмущался крѣпостнымъ правомъ!.. (При этомъ на лицѣ Вихрова промелькнула какъ бы легкая улыбка. Самъ-же Плавинъ держалъ высоко и гордо свою голову и на лицѣ своемъ не выражалъ ничего.) «Не забыть мнѣ, милостивые государи, и того», — продолжалъ Вихровъ: «какъ нѣкогда блестящій и свѣтскій полковникъ обласкалъ и заступился за меня, бѣднаго и гонимаго литератора, — какъ меня — потомъ въ цѣломъ городѣ только и опривѣствовали именно за то, что я былъ гонимый литераторъ — это два брата Захаревскіе: одинъ изъ нихъ былъ

прокуроръ и бился до послѣднихъ силъ съ деспотомъ губернаторомъ, а другой — инженеръ, который давно уже бросилъ мелкое поприще чиновника и даровито принялся за дѣло предпринимателя»... Сказать что-либо еще въ пользу Виссаріона Захаревскаго Вихровъ рѣшительно не находился. «А васъ какимъ словомъ опривѣтствовать» обратился онъ затѣмъ къ Марьеновскому: «я уже и не знаю: вашей высоко-полезной, высоко-скромной и честной дѣятельности мы можемъ только удивляться и завидовать въ лучшемъ значеніи этого слова!.. Всѣ эти черты, которыя я перечислилъ изъ нашей прошедшей жизни, даютъ намъ, кажется, право стать въ число людей сороковыхъ годовъ!..»

Проговоря это, Вихровъ поклонился и сѣлъ.

— Bravo, прекрасно, прекрасно! — раздалось уже громко со всѣхъ сторонъ.

Вслѣдъ за тѣмъ сейчасъ-же всталъ на ноги Абреевъ и, поднимая бокаль, проговорилъ:

— Первый тостъ, господа, я предлагаю за здоровье Государя Императора!.. Онъ тоже — человѣкъ сороковыхъ годовъ! — прибавилъ онъ уже вполголоса.

— Ура, ура! — раздалось со всѣхъ сторонъ.

— Ура! — кричалъ Вихровъ громче всѣхъ. — Такой искренній и знаменательный тостъ государь, я думаю, не часто получалъ: это мысль привѣтствовать и благодарить своего осуществителя!

— Ура!... ура!... — раздалось снова.

— Теперь, господа, собственно за людей сороковыхъ годовъ! — продолжалъ Абреевъ.

— Ура, ура, ура!

— За здоровье собственно насъ — собравшихся!

— Ура, ура!

— Хотѣлъ было я, господа, — началъ Вихровъ, снова вставая на ноги: — чтобъ въ нашемъ обѣдѣ участвовалъ старшій, израненный Севастополецъ, но онъ не поѣхалъ. Все-таки мы воздадимъ честь сева-стопольскимъ героямъ; они только своей нечеловѣческой храбростію спасли наше отечество: тамъ, начиная съ матроса Кошки до Корнилова, всѣ были Леониды при Формопилахъ, — ура великимъ Севастопольцамъ!

— Ура! ура! — повторили за нимъ и прочіе самымъ одушевленнымъ образомъ.

По окончаніи тостовъ стали уже просто пить: кто шампанское, кто ликеръ, кто коньякъ. Плавинъ, кажется, остался несовсѣмъ доволенъ тѣмъ, что происходило за обѣдомъ, потому что, — не дождавшись даже, чтобы встали изъ-за стола, и похваливъ только слегка Вихрову его рѣчь, — онъ раскланялся со всеми общимъ поклономъ и уѣхалъ: врядъ ли онъ не счелъ, что лично ему на этомъ обѣдѣ оказано мало было почести, тогда какъ онъ въ сущности только себя да, пожалуй, еще Марьеновскаго и считалъ дѣятелями въ преобразованіяхъ. Живинъ тоже свучалъ, или по крайней мѣрѣ сильно конфузился видѣннаго имъ общества: очень ужъ оно ему важнымъ и чиновнымъ казалось. Онъ все почти время старался быть или около Захаревскихъ, или около Вихрова, какъ людей болѣе ему знакомыхъ. Заминъ, между тѣмъ, сильно подпившій, сдѣпился съ Абреевымъ, который по своему обыкновенію очень деликатно осмѣлился заступиться за дворянство, говоря, что эти люди служили престолу и отечеству.

— Ну, да, какъ же, престолу и отечеству! Себѣ въ карманъ! — возразилъ ему Заминь.

— Однако, въ 12-мъ году они служили не себѣ въ карманъ, — сказала ему, въ свою очередь, Абреевъ: — они отдавали на службу дѣтей своихъ, своихъ крестьянъ, сами жгли свое имущество.

— Да развѣ въ 12-мъ году дворянство выгнало Французовъ?!... — воскликнулъ въ удивленіи Вихровъ: — мужики да бабы — вотъ кто ихъ выгналъ! — присовокупилъ онъ.

— Однако, подъ Смоленскомъ и подъ Бородинымъ не мужики же и бабы выдерживали сраженія.

— Да ужъ и не дворяне, а солдаты.

— Но этихъ солдатъ пріучили и руководили дворяне.

— Какъ же дворяне!... солдаты дворянъ учили — это такъ!

Абреевъ противъ этого ничего уже не сказалъ, а пожалъ только плечами.

Заминь обыкновенно кромѣ мужиковъ ни въ какихъ другихъ сословіяхъ никакихъ достоинствъ не признавалъ: баринъ, по его словамъ, былъ глупъ, чиновникъ — плутъ, а купецъ — кулакъ. Покончивъ съ Абреевымъ, онъ принялся спорить съ Иларіономъ Захаревскимъ, доказывая, что нашъ народный самосудъ есть высочайшій и справедливѣйшій судъ.

— Но какимъ же образомъ — высочайшій? — возразилъ ему Захаревскій: — народъ не имѣетъ очень многихъ юридическихъ свѣдѣній, необходимыхъ для судей.

— Всѣ имѣетъ, всѣ! — кричалъ Заминь съ блистающими глазами и выпивая по крайней мѣрѣ уже десятую рюмку коньяку.

Виссаріонъ Захаревскій въ это время окончилъ хлопоты съ обѣдомъ и видя, что Марьеновскій сидитъ одинъ-одинешенекъ смиренно въ углу, счелъ не лишнимъ занять его: онъ его попреимуществу уважалъ за чинъ тайнаго совѣтника.

— Какого это Севастопольца Вихровъ хотѣлъ привести на обѣдъ?—спросилъ онъ, чтобы о чемъ-нибудь только заговорить съ нимъ и подсаживаясь къ нему.

— Эйсмонда, вѣроятно, — отвѣчалъ съ небольшою улыбкою Марьеновскій.

— А!... Да, вѣдь, у него, съ его женой есть что-то такое.

— Говорять! — отвѣчалъ съ прежнею улыбкою Марьеновскій.

— Я какъ-то его съ ней встрѣтилъ въ Павловскѣ. Это чортъ знаетъ что такое — она старуха совсѣмъ!

— Да, не молода ужъ!

— Но чтожь ему за охота?

— Старая, вѣроятно, какая-нибудь привязанность, которую не хочетъ да, можетъ быть, и не можетъ нарушить: вѣдь онъ — романтикъ, а не практикъ, какъ вы! — заключилъ немного ядовито Марьеновскій.

— Чортъ знаетъ, все-таки не понимаю! — произнесъ Виссаріонъ, и черезъ нѣсколько времени уѣхалъ въ своемъ щегольскомъ экипажѣ съ братомъ по Невскому.

Прочіе тоже вскорѣ за тѣмъ разошлись.

КОНЕЦЪ СЕМНАДЦАТАГО ТОМА.

ОГЛАВЛЕНІЕ XVII-ГО ТОМА.

ЛЮДИ Сороковыхъ годовъ.

	СТР.
Часть четвертая	1
Часть пятая.	273

INSTYTUT
BADAŃ LITERACKICH PAN
BIBLIOTEKA
00-330 Warszawa, ul. Nowy Świat 72
Tel. 26-68-63

F

24.1861
117